

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ РОССИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ РОССИИ

**ПАРЛАМЕНТАРИЗМ
В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2006

ББК 66.69(2)

П18

Редакционная коллегия: *Е.Г.Артёмов, И. Б. Артемьев, А.Ю.Дворниченко, А. Я. Колесников, А. М. Кулегин, Е.А.Тарасова, М. В. Ходяков (отв. ред.)*

Рецензенты: д-р ист. наук *Н. В. Левина* (С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов), канд. ист. наук *И. С. Ратъковский* (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Парламентаризм в России: проблемы и перспективы: Сб. статей / Под ред. М. В. Ходякова. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. — 448 с.

ISBN 5-288-04166-0

Издание представляет собой сборник научных статей, подготовленных специалистами вузов, музеев, архивов, исследовательских организаций, а также студентами, аспирантами и молодыми политиками по итогам работы Всероссийской научно-практической конференции, организованной и проведенной 20—21 марта 2006 г. Центром по изучению истории политических партий и общественных движений России СПбГУ и Государственным музеем политической истории России.

Предназначено для преподавателей, студентов, научных работников, всех интересующихся политической историей России XX века.

ББК 66.69(2)

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга.

© Коллектив авторов, 2006
© Государственный музей политической истории России, 2006

ISBN 5-288-04166-0

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

*Е. Г. Артёмов,
генеральный директор Государственного музея
политической истории России,
заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)*

В апреле 1906 г. начался отсчет времени практического осуществления в России парламентской деятельности. 100-летие Государственной думы — это 100-летний юбилей борьбы за демократизацию страны и политические свободы, за конституционные права и народовластие, борьбы с переменным успехом, с остановками на десятилетия.

Именно в силу этих причин внимание ученых, историков, политологов, действующих политиков и политических партий, средств массовой информации приковано сейчас ко всем мероприятиям, сниженным с этой датой. Чем же интересен для современного российского общества опыт деятельности первых Государственных дум, что можно почерпнуть из документов, хранящихся в архивах, музеях, представляемых на выставках, экспозициях, в музейных каталогах? Какое практическое значение он имеет для ныне действующего парламента РФ, для интересующихся политической историей России и для общества в целом?

Анализ истории функционирования парламента Российской империи и парламента Российской Федерации необходим для научного осмысления общих проблем политической истории Отечества XX и XXI вв., он жизненно важен при выборе дальнейшего пути демократического развития России, для исключения повторения роковых для страны ошибок и остановок в развитии российского народовластия.

Важнейший урок мировой истории, в том числе и российской,

пн'тоит и том, что парламентаризм способен обеспечить мирную, знолюциоииую модернизацию государства и общества. Исторический опыт показал: без органа государственной власти, в котором представлены выборные представители от всех социальных групп населения страны, невозможно подлинное развитие гражданского общества.

Еще современники дореволюционной Государственной думы и сами депутаты предпринимали первые попытки оценить содержание и значение парламентского опыта законодательной деятельности в России, анализировали различные аспекты становления конституционализма в России, место и роль парламента в системе высших органов власти, избирательную систему, отношения думы с правительством и Государственным советом.

Бурно обсуждались проблемы выбора путей общественного развития России и возможностей демократизации государственного устройства страны. Эти дискуссии продолжаются и по сей день.

Вот почему для российского общества в целом, а для музейного посетителя в частности, важно политическое осознание исторического контекста и сути перемен, происходивших в государственном устройстве в эпоху трех российских революций и происходящих в настоящее время.

Современная Государственная дума Российской Федерации сохранила многие традиции своей исторической предшественницы: партийные фракции и депутатские комиссии, думский регламент и депутатские запросы, избирательные и законодательные процедуры. Этот ценный опыт становления демократических институтов, политических партий, несомненно, актуален и заслуживает самого глубокого изучения.

В советский период нашей истории властью не поощрялись объективный анализ уроков первого опыта парламентаризма в России и исследование причин его неудач. Проблемы, стоявшие перед верховной властью Российской империи и Советского Союза, были слишком схожи и опасны возможностью повторения сценариев их преодоления. В то время отсутствовали конституционные гарантии политических прав и свобод граждан, проявлялись нежелание и неспособность власти осуществлять правительственные реформы и уж тем более трансформировать политическую систему.

Радикальное изменение политической системы и государственного устройства страны в ходе перестройки и кардинальные перемены в общественно-политической жизни современной России про-

будили повышенный интерес к проблемам функционирования государственного механизма России как у политиков, политологов, историков, так и у обычного посетителя музея. Изучение исторических корней и опыта российского парламентаризма, а также музейная интерпретация этой темы на протяжении последних 15 лет являются для коллектива музея одним из важнейших направлений научной и экспозиционной деятельности.

Обладея уникальной коллекцией материалов по истории парламентаризма и многопартийности в России, музей за эти годы осуществил не только целый ряд выставочных проектов, но и создал несколько редакций экспозиции об истории Государственных дум. Коллектив музея серьезно исследовал эту проблему в научном аспекте, ввел в научный оборот ряд уникальных документов о деятельности первых Государственных дум.

Еще до начала работы Государственной думы в 1993 г. музей создал экспозицию «Государственная дума вчера. А сегодня?», приглашая будущих депутатов к размышлению над опытом своих предшественников. После первых выборов современной Государственной думы Российской Федерации музей создал масштабные выставки в Таврическом дворце (к 90- и 95-летию Государственной думы) и стационарную музейную экспозицию «Думы о Думе», и, наконец, выставки, посвященные 100-летию юбилею Думы: «Российский парламентаризм. Исторические параллели» — в залах музея и «Государственная дума России. 1906-2006 гг.» — в Таврическом дворце, где представлены материалы уже всех восьми Государственных дум России.

Многолетняя работа с различными категориями посетителей показала актуальность этой проблематики и позволила сделать некоторые выводы.

Во-первых, в обществе за эти годы произошла перемена во взгляде на парламент. Он уже не представляется россиянам как чуждая российскому менталитету и историческим традициям форма государственного управления, и, будем надеяться, наши соотечественники больше не видят в нем угрозы национальному единству.

Во-вторых, несмотря на продолжающийся в обществе извечный спор между сторонниками специфически «русского» и «западного» пути развития государства, налицо тенденция осознания того, что источником власти является народ. Очевидно, что именно в силу этого все больший интерес у молодежной аудитории проявляется к выставкам, освещающим вопросы государственного устройства.

Этот повышенный интерес требует от историков и музейных сотрудников глубокого и объективного изучения проблемы, широкого привлечения новых источников, проведения на их базе научных исследований.

В-третьих, в круг интересов посетителей теперь входят и такие проблемы, как причины возникновения кризисов власти, выборное законодательство, роль политических партий в жизни современного общества. Поскольку миссия нашего музея заключается в том, чтобы способствовать формированию политической культуры общества, проблемы развития парламентаризма в современной России остаются для научного коллектива не просто профильными темами, но и предметом музейного исследования.

Повышенное внимание широкой научной и политической общественности к 100-летию Государственной думы, несомненно, способствует укреплению системы демократических институтов народовластия современной России.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ И ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Ю.В. Тот (Санкт-Петербург)

ПЕРВЫЕ ДНИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА (Открытие и начало деятельности первой Государственной Думы)

Первое заседание I Государственной Думы было назначено на 27 апреля 1906 г. В окружении Николая II высказывались различные мнения относительно места проведения церемонии по случаю начала работы Думы. В итоге был выбран Зимний дворец. Кульминацией торжеств должна была стать тронная речь императора перед высшими чиновниками государства и депутатами Думы. Такой сценарий, несомненно, имел политический подтекст: царь принимал депутатов в своей официальной резиденции, а не выступал перед ними в стенах представительного учреждения. Тем самым изначально устанавливалась политическая дистанция между монархом, а значит, и правительством, и выборными депутатами.

При посредничестве дворцового коменданта Д. Ф. Трепова проект тронной речи, подготовленный лидерами кадетской партии, был представлен Николаю II. В проекте излагались основные программные положения кадетской партии, реализовать которые она намеревалась в думе: амнистия для лиц, подвергшихся «административным взысканиям» за политические действия; подготовка законопроектов о гражданских свободах; введение всеобщего избирательного права; расширение полномочий Думы в бюджетной сфере посредством предоставления ей права рассматривать государственную роспись доходов и расходов, за исключением утверждения чрезвычайных кредитов на нужды армии в годы войны¹.

Таким образом, по замыслу составителей этого документа, император в тронной речи должен был огласить главные законодательные приоритеты в деятельности Думы — ее политическую программу.

Все участники церемонии открытия Думы, оставившие воспоминания об этом событии, отмечали, что это был весенний солнечный день — под стать важности и торжественности совершаемого действия. Накануне Николай II отправился в Петропавловскую крепость, где долго молился у гробницы своего отца Александра III.

В Георгиевском зале Зимнего дворца стоял трон. Вдоль стен были отведены места для членов Государственного совета, высших сановников государства и депутатов Государственной Думы. Члены законодательных палат расположились по обеим сторонам трона. Под звуки государственного гимна высшие сановники внесли государственные регалии: знамя, меч, скипетр, державу и царскую корону. За ними следовали Николай II, члены императорской фамилии, фрейлины и военная свита императора. После молебна царь подошел к трону, повернулся лицом к присутствовавшим и, «подчеркивая медлительностью движения значение совершающегося», сел на трон.

После некоторой паузы министр императорского двора барон В.Б. Фредерике подал царю лист бумаги. Николай II, облаченный в императорскую горностаевую порфиру, поднялся с трона и произнес приветственное слово. «С пламенной верой в светлое будущее России, — сказал император, обращаясь к депутатам Думы, — Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя... Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к Родине и горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас». Николай II особо подчеркнул, что он будет «охранять непоколебимыми» основы нового государственного устройства. Далее царь изложил свое видение основных проблем, стоявших перед правительством и думой в эпоху «обновления нравственного облика русской земли». Он призвал присутствовавших отдать «все свои силы на самоотверженное служение отечеству, для выяснения нужд... крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода — необходим порядок на основе права». После окончания речи в зале прозвучало «ура», менее выразительным оно было в рядах депутатов Думы².

Выступление царя основывалось на положениях Манифеста

17 октября 1905 г. и произвело впечатление на присутствовавших. П. А. Столыпин полагал, что Николай II сам подготовил текст речи. Великий князь Константин Константинович писал в дневнике, что «слова речи... звучали так искренне, что ничего нельзя было добавить или убрать». Высоко оценили не только ораторские способности Николая II, но и текст выступления будущие лидеры I Государственной Думы. Один из видных деятелей кадетской партии Ф.И. Родичев отмечал, что речь была произнесена «с правильными ударениями, с полным пониманием каждой фразы, ясно и искренне... Речь безусловно понравилась». По мнению (!. А. Муромцева, избранного председателем Думы, Николай II был «настоящим оратором», у которого был «отлично поставлен голос». Однако в целом «общественность» восприняла речь царя прохладно, не увидев в ней никакой политической программы для Думы. П.Н.Милюков, анализируя «по горячим следам» текст выступления монарха, констатировал, что правительство «ни шагу не решилось ступить навстречу общественному мнению... тронная речь с большим искусством обошла все щекотливые темы»³.

После того как улеглись политические страсти и Россия пережила трагические революционные потрясения, речь Николая II стала иначе трактоваться бывшими участниками событий и представителями русской эмиграции. «Можно уверенно сказать, — писал В. В. Леонтович, — что общественность проглядела либеральное содержание речи. Почему? Была ли она принципиально глуха ко всему, исходившему от государственной власти, или просто не было уже трибуны для традиционной речи российского монарха? Родичев сказал однажды: "Нельзя объясняться в любви по церковно-славянски, точно так же развивать прогрессивные идеи на архаическом языке императорских манифестов". Соглашаясь с Ф. И. Родичевым, В. В. Леонтович подчеркивал, что «прогрессивная программа, объявленная на традиционном языке российских монархов, просто не могла быть понята интеллигенцией, поскольку последняя разучилась этот язык понимать»⁴. П. Н. Милюков также отмечал, что «слишком были различны интересы и идеи», связанные с думой⁵.

Чтобы убедиться в справедливости наблюдения одного из лидеров кадетской партии, достаточно обратиться к воспоминаниям участников торжеств в Зимнем дворце по случаю начала работы Государственной Думы. «Странное впечатление производила тронная Георгиевская зала, — вспоминал министр финансов

В.Н.Коковцов, — и думалось мне, что не видели еще ее стены такого зрелища, которое представляла собой толпа собравшихся. Вся правая половина от трона заполнена мундирной публикой, членами Государственного совета и — далее — Сенатом и государевой свитой. По левой стороне, в буквальном смысле слова, толпились члены Государственной думы и среди них — ничтожное количество людей во фраках и сюртуках, подавляющее же количество их, как будто нарочно, демонстративно занявших первые места, ближайшие к трону, — было составлено из членов Думы в рабочих блузах, рубашках-косоворотках, а за ними толпа крестьян в самых разнообразных костюмах, некоторые в национальных уборах, и масса членов Думы от духовенства». Но самое сильное впечатление на министра из «этой категории народных представителей» произвел человек в рабочей блузе и смазанных сапогах, который «с насмешливым и наглым видом» рассматривал трон и всех, окружавших его. «Я просто не мог отвести моих глаз от него во время чтения Государем его речи, — продолжал далее В. Н. Коковцов, — таким презрением и злобой дышало это наглое лицо». Аналогичные чувства испытывал и министр внутренних дел П.А.Столыпин, стоявший рядом с В. Н. Коковцовым. Обернувшись к нему, П. А. Столыпин сказал: «Мы с вами, видимо, поглощены одним и тем же впечатлением, меня не оставляет даже все время мысль о том, что нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастья». Но не это, как нам представляется, было главным в словах нового министра внутренних дел, который только начинал восхождение по иерархической лестнице. Не бомбы опасался он в этот момент. «Это было бы слишком невыгодно для этих господ, — закончил он обмен мнениями с В. Н. Коковцовым о депутатском корпусе, — и слишком было бы ясно, что нам делать в создавшейся обстановке»⁶. По-видимому, П. А. Столыпин еще полностью не представлял, что необходимо предпринять в «создавшейся обстановке».

Человеком, который привлек внимание двух высших сановников государства и который представлял, по их мнению, общий тип депутата от «народа», был Ф.М. Оникко. Его избрали в Думу по крестьянской курии Ставропольской губернии. В думе он принимал самое деятельное участие в организационном оформлении фракции трудовиков. За участие в Кронштадтском восстании 1906 г. Ф. М. Оникко был приговорен к смертной казни. В связи с выступлениями крестьян Ставропольской губернии в его защиту смертная казнь была заменена ссылкой, из которой он бежал. До Февраль-

(ской революции жил в Париже, где получил юридическое образование. По распоряжению Временного правительства Ф.М.Оникко был назначен генеральным комиссаром Балтийского флота. После Октябрьской революции работал в советских учреждениях, а в 1938 г. был репрессирован.

Некомфортно чувствовала себя и вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая, со слов В. Н. Коковцова, «с трудом сдерживала слезы» во время чтения Николаем II тронной речи. Она переводила «глаза с Государя на толпу, почти подступавшую к трону, как будто она искала среди толпы знакомых лиц, которые успокоили бы ее и рассеяли ее тяжелые Думы». Позднее, во время аудиенции, она так передаст В.Н.Коковцову свои впечатления о депутатах Думы: «Они смотрели на нас, как на своих врагов, и я не могла отвести глаз от некоторых типов — настолько их лица дышали какой-то непонятной мне ненавистью против нас всех»⁷.

Однако напряженность, возникшая в Георгиевском зале, во многом стала следствием помпезного характера церемонии. «Исходя из наивной мысли, что народных представителей, среди коих было много крестьян, надо поразить великолепием двора, члены царствующего дома женского пола надели на себя едва ли не все имеющиеся у них драгоценности. Они буквально были покрыты жемчугами и бриллиантами, — вспоминал товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко. — Но результат получился обратный... Получилось как бы противоположение народной нищеты и безграничной царской роскоши»⁸.

Подобно В. И. Гурко во время первой встречи монарха и двора с Думой, размышлял о выборах в Государственную думу заведующий особым делопроизводством и автор избирательного закона 11 декабря 1905 г. С. Е. Крыжановский. Пышность и торжественность дворцовой церемонии, отмечал он, резко контрастировала с «толпой депутатов в пиджаках и косоворотках, в поддевках, нестриженных и даже немытых». В итоге чиновник вынужден был констатировать: «Между старой и новой Россией перебросить мост едва ли удастся»⁹.

После окончания церемонии, когда народные представители вышли из Дворца, большинство из них оказалось в более знакомой и близкой им обстановке. Многие из депутатов сели на пароход и по Неве отправились к Таврическому дворцу. Многочисленные толпы народа кричали депутатам с мостов и набережных: «Амнистия! Амнистия!». Из окон всех камер тюрьмы «Кресты» им махали плат-

ками арестанты. Во время следования депутатов от пристани к Таврическому дворцу собравшийся народ, образовавший живые шпалеры, также приветствовал их криками об амнистии. Такая встреча и требования народа не могли не оказать эмоционального воздействия на депутатов. «Обычно спокойные, люди бегали, размахивали руками, — вспоминал депутат Думы кадет М. М. Винавер. — Поэтому на молебне в Таврическом дворце присутствовали не все депутаты, многие из которых тут же начали обсуждать, как им следует выразить "требования народа"»¹⁰.

В 5 часов вечера 27 апреля товарищ председателя Государственного совета Э. В. Фриш по поручению императора открыл первое в истории России заседание I Государственной думы. Затем были проведены выборы председателя. Почти единогласно (426 — за, 9 — против) им был избран московский депутат — профессор римского права Московского университета, один из лидеров кадетской партии С. А. Муромцев. Другие руководящие посты в думе заняли также представители кадетов: товарищами председателя были избраны князь П. Д. Долгоруков и Н. А. Гредескул, а секретарем — князь Д. И. Шаховской.

«Муромцев — идеальный председатель. Он поставил себе целью завести в нашей первой думе дисциплину старейшего из парламентов — английского. Порядок он блюдет в совершенстве, — характеризовал первого председателя Государственной думы России представитель левой прессы А. Цитрон. — Правда, он... частенько делает замечания депутатам и обрывает их за резкие выражения, но на мысль он никогда не покушается. Он прекрасно формулирует предложения, выхватывает из них самое существенное и ставит их на баллотировку... Муромцев — аналитик: его мысль, индуктивно построенная, ясна; речь отчетлива, не блещет истасканными выражениями ораторского искусства... Муромцев очень сдержан в беседах и своего партийного мнения не выражает. Он помнит, что состоит председателем всей палаты, среди которой находятся представители разных партий»¹¹.

Несколько иным предстает председатель Государственной Думы в воспоминаниях одного из лидеров кадетской партии В. А. Маклакова: «Муромцев приобрел репутацию Председателя "Божией милостью". Эта репутация преувеличена. У Муромцева не хватало для этого живости и находчивости. Он был слишком важен. «Он председательствует, как обедню служит», — метко сказал о нем один крестьянский депутат. Эта манера годится в храме,

когда благолепия никто не нарушает. Она на «толкучем рынке» ооооильна... Для "усмирения" страстей там нужны другие приемы, находчивое слово, способное разрядить атмосферу. Муромцев не имел этого дара... Несомненное преимущество Муромцева было и том, что он был прекрасным "техником" дела. Оно его интересовало выше всего. Любовь к форме как к основе "порядка" и "личной свободы" было сущностью его политического понимания»¹².

Первым с думской трибуны выступил не председатель, а старейший деятель земского движения И. И. Петрункевич. Его краткая речь касалась проблемы политической амнистии. «Долг чести, долг совести требует, — взволнованно говорил он, — чтобы первое свободное слово, сказанное с этой трибуны, было посвящено тем, кто свою жизнь и свободу пожертвовал делу завоевания русских политических свобод... Свободная Россия требует освобождения всех, кто пострадал за свободу»¹³. Он призвал депутатов не приступать к обсуждению вопроса об амнистии до того, как Дума примет ответный адрес на тронную речь императора.

После этого слово взял С. А. Муромцев. Он выразил благодарность за оказанное ему доверие и призвал депутатов трудиться на «благо... народа и на благо Родины». Председатель подчеркнул, что свою работу дума должна строить на «основах подобающего уважения к прерогативам конституционного Монарха и на почве совершенного существования прав Государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства»¹⁴.

В речи председателя Думы примечательны два положения: во-первых, один из авторитетных юристов-правоведов начала века определил политическое устройство России как конституционную монархию; во-вторых, призыв «уважать прерогативы конституционного Монарха и права Государственной думы» можно было расценить как важный шаг на пути к конструктивному сотрудничеству исполнительной и законодательной власти.

Возможность осуществить на практике последнее положение, в свете первых часов работы Думы, не могла не вызывать у председателя вполне обоснованное сомнение в реальности такого сотрудничества. Первое выступление с думской трибуны явно не располагало к компромиссу между законодательной и исполнительной ветвями власти, а, напротив, провоцировало конфронтацию между ними. Именно так было воспринято исполнительной властью требование политической амнистии в условиях, когда в стране совершались террористические акты, а в отдельных регионах шла на-

стоящая партизанская война. Тем не менее, депутаты на первом заседании приняли торжественное обязательство «хранить верность Государю императору, Самодержцу всероссийскому».

На следующем заседании, 29 апреля, вопрос об амнистии опять оказался в центре внимания думцев. В ходе развернувшихся прений было принято предложение кадетов Ф. И. Родичева и трудовика И. К. Заболотного включить в текст ответного адреса Государственной думы на тронную речь императора положение об амнистии по религиозным, аграрным и политическим делам и отмене смертных приговоров, вынесенных по всем политическим и уголовным делам гражданскими и военными судами.

Подготовка ответного адреса на тронную речь Николая II — особая страница в истории I Думы. Инициатива подготовки этого документа исходила от кадетов. 26 апреля фракция приняла решение об образовании межфракционной комиссии. В ее состав вошли четыре представителя кадетов (среди них был П. Н. Милюков) и два трудовика. Комиссия, в основном силами кадетских депутатов, подготовила два проекта. Один из них был одобрен и направлен в думскую комиссию, которая 1 мая, после незначительной редакционной правки, внесла его на рассмотрение в Думу.

Основная проблема политической жизни страны, подчеркивалось в адресе, заключалась в «самовласти» чиновников, которые «покрыли страну позором бессудных казней, погромов, расстрелов и заточений». Поэтому путь обновления страны лежал через ответственность министров перед народными представителями и упразднение Государственного совета, в котором заседали те же чиновники и выборные от «высших классов населения». Адрес уведомлял императора о необходимости введения закона «о народном представительстве, основанного на началах всеобщего избирательного права».

В адресе были обозначены главные направления законодательной работы Думы: установление всеобщего избирательного права и гражданских свобод; отмена смертной казни, всех социальных и сословных ограничений и привилегий; независимость судебной власти; обеспечение земель безземельных и малоземельных крестьян за счет казенных, кабинетских, удельных, монастырских, церковных, а также принудительно отчуждаемых частновладельческих земель; принятие мер по охране наемного труда и «обеспечение наемным рабочим во всех отраслях труда свободы организации и

самодетельности для поднятия своего материального и духовного благосостояния»; широкое удовлетворение «справедливых нужд отдельных племен и народностей»; введение всеобщего бесплатного обучения; преобразование местного управления и самоуправления на основе всеобщего избирательного права; «укрепление в армии и на флоте справедливости и права»; равномерное распределение налогов; объявление амнистии по «политическим, аграрным и религиозным делам»¹⁵.

Основные положения адреса воспроизвели программные положения кадетской партии с незначительными поправками трудовиков по аграрному, а октябристов по национальному вопросам. Не довольствуясь законодательной ролью, отведенной думе основными законами, адрес требовал, чтобы «никакие особые узаконения не полагали предела законодательной компетенции народного представительства и уничтожения Государственного совета», «ответственного перед Думой министерства, обновления администрации на всех ступенях Государственной службы». Кадетская партия желала не конституционной, а парламентской монархии, т. е. полного подчинения монарха и правительства большинству народного представительства — на английский образец¹⁶.

К обсуждению доклада комиссии по составлению адреса дума приступила 2 мая. За «слабость» и «смирение» радикально настроенные члены фракции трудовиков и левые депутаты подвергли критике положения адреса о всеобщем избирательном праве и роли Государственного совета в законодательном процессе. Против несвоевременности требований «ответственного перед думой министерства» и «обновления администрации» выступил октябрист М. А. Стахович. Прения развернулись по аграрному и рабочему вопросам. Центральным моментом дискуссии стала проблема отчуждения частновладельческих земель. Несколько успокоило страсти заявление кадетов о том, что в самое ближайшее время в думу будет внесен аграрный законопроект. Выступавшие по рабочему вопросу, в том числе кадеты и октябристы, высказались за более четкую формулировку предложений в сфере рабочего законодательства. Представители правого крыла Думы — М. А. Стахович, епископ Ропп и граф П. А. Гейден («чемпион» Думы, выступивший 190 раз), — обсуждая вопрос об амнистии, предложили осудить любые формы террора и защитить «жизнь и собственность всех граждан».

Вечером 5 мая адрес был принят почти единогласно. Ду-

ма постановила, что адрес передаст Николаю II специально избранная депутация. Однако 8 мая председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин уведомил руководство Думы, что император не примет депутацию. Адрес для передачи императору должен быть представлен председателю Совета Министров. Первый политический шаг Думы вызвал недовольство монарха. По мнению В. Н. Коковцова, «с этого дня нужно считать, что конфликт между думой и правительством и даже самим государем принял уже окончательную форму, и каждый следующий день только углублял и расширял его»¹⁷.

Совет Министров расценил думский адрес как «неприемлемый», ответом на который должна была стать правительственная декларация. Она, как полагали в правительстве, должна была основываться на двух положениях: неизменности существовавшего политического порядка, неприкосновенности права собственности и готовности правительства идти навстречу «пожеланиям народного представительства в области усовершенствования законодательства». В. Н. Коковцов вспоминал, что самое активное участие в работе над текстом декларации принимали «по существу — Столыпин, а по редакционной отделке ее — Щегловитов»¹⁸. Николай II не возражал против основных положений декларации, но высказался за то, чтобы ее текст «был еще более резок и внушитель». Выступление председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина с правительственной декларацией в думе состоялось 13 мая 1906 г.

Правительство выражало готовность оказать думе «полное содействие в разработке законов», но только в том случае, если они не выходили за пределы «законодательного почина», предоставленного Государственной думе законом. Правительство не поддержало думу по вопросу о пересмотре избирательного законодательства и высказалось против основных принципов аграрной реформы, сформулированных в думском адресе, думе было отказано и в обсуждении вопроса о расширении ее законодательных прав, включая упразднение Государственного совета, и в образовании «ответственного» перед думой правительства. Свое решение правительство мотивировало тем, что все эти вопросы затрагивают Основные законы и поэтому не входят в компетенцию Думы. Относительно предложения об укреплении в армии и на флоте «начал справедливости и права» ответ правительства сводился к тому, что дума должна «озаботиться» изысканием средств для улучшения материального положения военнослужащих. В декларации заявлялось, что

правительство продолжит борьбу со «смутой». Из осужденных в административном порядке будут освобождены только те, кто не представляет опасности для общества. Помилование осужденных по суду, напоминая думским депутатам правительство, являлось прерогативой монарха¹⁹.

Таким образом, первые дни работы Думы выявили принципиальное разногласие между правительством и думой. Декларация вызвала взрыв негодования депутатов. Член кадетской фракции И. Д. Набоков, буквально вбежавший на трибуну, заявил: «Мы рассматриваем в этом вызов и мы этот вызов принимаем». В конце краткого выступления он произнес ставшие знаменитыми слова: «Исполнительная власть да покорится законодательной!». Следующие ораторы также резко критиковали правительственную декларацию. Во время перерыва министры покинули Думу.

По итогам обсуждения декларации Дума приняла формулу перехода к обсуждению других вопросов, предложенную трудовиками. Она констатировала «полное недоверие к безответственному перед народным представительством министерству» и признала «основным условием умиротворения государства и плодотворной работы народного представительства немедленный выход в отставку настоящего министерства и замену его министерством, пользующимся доверием Государственной думы»²⁰. Против этой формулы проголосовала небольшая группа правых депутатов во главе с графом П. А. Гейденем.

Суть конфликта правительства с думой состояла в том, что правительство строило свою деятельность, в том числе и отношения с думой, с учетом норм Основных законов. Дума же стремилась к полному контролю над законодательной властью, т.е. к изменению Основных законов. «Среди членов Думы господствовало такое представление о значении этого учреждения, которое противоречило Основным законам, — отмечал В. И. Герье. — Большинство депутатов не признавало эти законы, благодаря которым они сами стали депутатами Думы»²¹.

В связи с этим примечательный эпизод произошел в Московской городской думе. По поводу открытия Государственной думы управа выступила с предложением направить думе приветствие. Против того решительно выступили гласные от кадетской партии. Их лидер профессор А. А. Мануйлов в частной беседе с городским головой Н. И. Гучковым заявил: «Вы ей желаете плодотворной работы. Нам нужно свалить правительство»²².

16 мая Совет Министров рассмотрел тактику правительства по отношению к думе. Обсуждение этой проблемы, вспоминал В.Н. Коковцов, «вращалось только около вопроса о том, следует ли теперь же готовиться к роспуску Думы или же проявить известную сдержанность и посмотреть, какой оборот примут заседания Думы и не послужит ли принятая резолюция до некоторой степени отдушиной в разгоряченной атмосфере думского настроения».²³

Фактически правительство объявило думе бойкот: министры не посещали думских заседаний, в думу не вносились законопроекты, члены правительства демонстрировали свое негативное отношение к думе. Первый законопроект «Об устройстве оранжереи и прачечной при Юрьевском университете» был внесен в думу только 28 мая. Название законопроекта, если его соотнести с программой законодательной деятельности Думы, изложенной в адресе, могло быть расценено, по крайней мере, как демонстрация пренебрежения к думе. «Предложение министра народного просвещения ассигновать из бюджета будущего года сорок тысяч с чем-то рублей да еще с сорока девятью копейками (все копейки!) на оранжерею при Юрьевском университете, — отмечал А. Цитрон, — это в такое время — произвели впечатление какого-то курьеза»⁹⁴.

Пессимистический прогноз С. Е. Крыжановского о перспективах взаимоотношений между «старой и новой Россией», который он дал в день открытия парламента, стал сбываться. Между Николаем II, В. Н. Коковцовым, П. А. Столыпиным, с одной стороны, и такими депутатами от «народа», как Ф. М. Оникко, да и кадетами — с другой, навести мост конструктивного сотрудничества ни тогда, ни после не удалось.

¹ Красный архив. 1925. № 11-12. С. 143.

² Цит. по: *Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II*. СПб., 1991. С. 349-350.

³ Там же. С. 350.

⁴ *Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762-1914*. М., 1995. С. 493-494.

⁵ *Милюков П. Н. Воспоминания*. М., 1990. Т. I. (1859-1917). С. 404.

⁶ *Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг.* М., 1992. Кн. I. С. 155-156.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ *Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого*. М., 2000. С. 551-552.

⁹ См.: *Милюков П. Н. Указ. соч.* Т. I. С. 405.

М. Ф. Флоринский (Санкт-Петербург)

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЕТВЯМИ ВЛАСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

Среди государственных преобразований, проведенных самодержавием на рубеже 1905-1906 гг. и заметно изменивших природу политического строя Российской империи, наиболее важным явилось создание двухпалатного парламента в лице Государственной думы и реформированного Государственного совета. В России совершился переход к представительной системе правления, хотя в чистом виде идею представительства воплощала только Дума. Процесс ее «врастания» в государственный механизм шел очень просто. Однако после неудачного для самодержавия эксперимента с двумя первыми Думами и с созывом собранной на основании третьиюньского избирательного закона III Думы народное представительство постепенно начало превращаться в необходимый элемент имперской политико-правовой конструкции.

Как известно, способность Думы влиять на деятельность правительства (Совета Министров, отдельных ведомств) была невелика. И все же депутаты имели в своем распоряжении рычаги, с помощью которых могли оказывать определенный нажим на исполнительную власть. Особое значение в этом отношении приобретали полномочия, предоставленные Думе в финансовой сфере, — право рассмотрения бюджета (государственной росписи доходов и расходов), ведомственных смет, отчета об исполнении бюджета и т.п.¹ Именно в финансовой области зависимость правительства от Думы была наиболее ощутима.

© М. Ф. Флоринский, 2006

Дума всегда это осознавала и своими полномочиями в финансовой сфере особенно дорожила. Депутаты разделяли присущую российской общественности в целом убежденность в неспособности бюрократии, якобы помышляющей только о собственном благополучии, эффективно распоряжаться ресурсами государственного казначейства. Они были уверены в том, что ситуация изменится к лучшему лишь тогда, когда данными вопросами займется Дума. Последняя, однако, при реализации предоставленных ей финансовых полномочий остро нуждалась в помощи Государственного контроля — ведомства, призванного наблюдать за законностью и правильностью финансово-хозяйственных операций различных звеньев бюрократического механизма. Без такой помощи депутатам было нелегко следить за использованием администрацией денежных и вообще материальных ресурсов государства и, прежде всего, разбираться в сложнейших проблемах, связанных с подготовкой и исполнением бюджета. Естественно, Дума оказалась кровно заинтересована в том, чтобы Государственный контроль мог осуществлять возложенные на него ревизионные функции свободно, без оглядки на правительство.

Реальный статус Государственного контроля не обеспечивал, однако, его независимости от исполнительной власти. Он, в сущности сам, являлся элементом этой власти как ведомство, принадлежащее «к общему министерскому устройству». Глава Государственного контроля — государственный контролер — был членом Совета Министров, а потому оказывался в зависимости от последнего и от его председателя, или, иначе говоря, от той самой администрации, работу которой должен был проверять. Правда, рассмотрение вопросов, касавшихся ревизионной деятельности Государственного контроля, не входило в компетенцию кабинета. Однако как его член государственный контролер оказывался связан известного рода обязательствами по отношению к своим коллегам (и это не могло не влиять соответствующим образом, в частности, на его контакты с парламентариями), нес наряду с прочими представителями исполнительной власти ответственность за принимаемые правительством решения и, следовательно, не был вполне свободен в оценке финансово-хозяйственных аспектов деятельности правительственных учреждений².

В этой связи не случайно уже во время работы I Государственной думы один из ее депутатов известный земский деятель П.Д.Кузьмин-Караваев заявил о необходимости «выделения Го-

сударственного контроля из общей системы министерств и установления органической связи между контролем и Государственной думой»³. Не случайно, очевидно, и то, что становление российского парламентаризма сопровождалось публикацией целого ряда работ, посвященных вопросу организации контрольной службы России. Их авторы (И. Р. Василевский, З. Евзлин, И. Х. Озеров, Ю. О. Танский и др.)⁴, принадлежавшие к либеральному флангу российского политического спектра, сетовали на то, что «ревизионная деятельность современного Контроля лишена той продуктивности, беспристрастности и гласности, которые составляют отличительную черту бюджетных контролей стран с парламентским режимом»⁵, в связи с чем, помимо прочего, указывалось на недопустимость включения государственного контролера в число членов Совета Министров (Ю. О. Танский, например, считал идеальным вариантом решения проблемы независимость главы контрольного ведомства от обеих «величин» — Думы и кабинета)⁶.

Видя в независимости контрольной службы от административных институтов необходимое условие эффективности ее деятельности, либеральная общественность полагала, что эта независимость может быть достигнута лишь в условиях конституционного строя. Иную точку зрения (еще до преобразований 1905-1906 гг.) высказывали оппоненты из стана приверженцев самодержавия, по мнению которых «образ правления не играет в данном случае такой решающей роли»⁷. При этом, в частности, обращалось внимание на изменения, прозвучавшие в ходе развернувшейся в бюрократических верхах в конце 50-х годов XIX в. полемики вокруг готовившейся тогда реформы контрольного ведомства (ее результатом явилось наделение последнего большей самостоятельностью) и сводившиеся к тому, что именно в условиях неограниченной монархии независимая контрольная служба особенно нужна, поскольку должна заменять собой в данном случае общественное мнение, не имеющее возможности при абсолютистских порядках оказывать более или менее ощутимое влияние на работу государственного механизма⁸. Справедливость этих соображений в принципе очевидна. Дело, однако, заключалось в том, что всевластие верховного правителя, помимо прочего, неизбежно порождало всевластие бюрократии, отнюдь не заинтересованной в существовании надежно защищенной от посторонних влияний контрольной службы. В данных условиях, о чем свидетельствовала и история российского контрольного ведомства, создать такую было просто невозможно. Правда, сторонники ино-

го мнения противопоставляли, в духе вообще консервативной политической традиции, самодержца бюрократии, игнорируя явную апеллировали к опыту первой империи во Франции. «Французская Счетная палата, — писал в предисловии к переведенной им на русский язык и вышедшей в России в 1901 г. книге французского ученого Э. Бессона «Бюджетный контроль во Франции и за границей» один из старших чинов контрольного ведомства С. Л. Халютин, — получила свое значение самостоятельного и независимого трибунала» именно при Наполеоне I, хотя тогда «ни мнение общественное, ни мнение камер (представительных учреждений. — М. Ф.) не имело особого простора»⁹. Сам Э. Бессон, однако, признавая, что «создание нашего (французского. — М. Ф.) счетного трибунала делает честь гению Наполеона», вместе с тем констатировал: «Но счастливые результаты, которые, казалось, сулили эти реформы, были, так сказать, заглушены в зародыше рукою диктатора (Наполеона I. — М. Ф.). Деспот не замечал, что, упраздняя нашу общественную свободу, противопоставляя свой личный произвол воле нации, он делал бессильною контрольную систему, созданную законом 1807 года»¹⁰. Зависимость статуса контрольной службы (и зависимость весьма ощутимая) от «образа правления», очевидно, все же существовала, и, признавая это, либеральная общественность была ближе к истине, чем ее оппоненты.

В упомянутых работах представителей либерального лагеря помимо пожеланий принципиального плана относительно реорганизации контрольной службы империи высказывались на этот счет и конкретные предложения, опиравшиеся на опыт европейских государств. Так, З. Евзлин предлагал образовать на базе Государственного контроля две самостоятельные структуры — Центральную бухгалтерию с генеральным бухгалтером во главе и Счетную палату¹¹. Генеральный бухгалтер и подчиненный ему аппарат должны были заниматься сведением «счетов по исполнению бюджета и по управлению движимыми и недвижимыми имуществами государства и государственными предприятиями», готовить «о том по истечении финансового года отчет», направляемый через председателя Совета Министров в Государственную думу, а также составлять «на основании предположений и данных, сообщаемых каждым министром, проект бюджета...»¹². В работе Совета Министров генеральный бухгалтер мог участвовать лишь с правом совещательного голоса и только при рассмотрении там дел, касавшихся

сбора государственных доходов или увеличения расходов. Счетная палата должна была являться органом, никак с правительством не связанным и призванным осуществлять предварительный и последующий контроль за всеми финансово-хозяйственными операциями казны. Она должна была представлять в Государственную думу заключения по ежегодным ведомственным отчетам.

Иной, весьма тщательно разработанный, вариант реорганизации контрольной службы предлагал в своей опубликованной в 1906 г. работе «Государственная Дума и бюджетный контроль наших финансов» И. Р. Василевский, озабочившийся, прежде всего, установлением «органической связи» между Государственной думой и Государственным контролем. Последний, как считал И. Р. Василевский, должен был содействовать Думе в осуществлении «ее бюджетной политики», наблюдая «за законностью и правильностью распорядительных действий по приходу, расходу и хранению капиталов отчетных перед ним лиц и учреждений», а также занимаясь подготовкой соображений «о выгодности или невыгодности исполненных хозяйственных операций независимо от законности их исполнения»¹³. В состав Совета Государственного контроля (совещательного органа при государственном контроле) помимо старших чинов ведомства и шести членов, специально назначенных царем, включались шесть членов по избранию Думы «из наиболее выдающихся деятелей...». На обсуждение депутатов И. Р. Василевский предлагал направлять из Государственного контроля «отчеты распорядителей (министров. — *М. Ф.*) и исполнителей с заключениями о законности их действий...»¹⁴. О последствиях обсуждения такого рода вопросов парламентариями в проекте ничего не говорилось. Однако И.Р.Василевский отмечал, что реализация его предложений установит «как бы... ответственность министров перед Думой...»¹⁵. Таким образом, речь, в сущности, шла о пересмотре Основных законов, согласно которым министры, как известно, несли ответственность только перед монархом. Свой проект И. Р. Василевский расценивал как программу-максимум и не рассчитывал на ее осуществление в полном объеме в ближайшем будущем.

Значительное внимание в проекте И. Р. Василевского уделялось вопросам, касавшимся обеспечения независимости контрольной службы. Государственный контролер, согласно одной из статей проекта, не должен был участвовать в работе Совета Министров. Назначение на должность государственного контролера оставалось

прерогативой монарха, однако для увольнения главы контрольного ведомства требовалось утвержденное царем постановление Государственной думы¹⁶. Таким образом, монарх лишался права смещать государственного контролера по своему усмотрению. Равным образом не получала этой возможности и Государственная Дума. Аналогичная процедура предусматривалась И. Р. Василевским и для увольнения вообще старших чинов контрольного ведомства, аппарат которого тем самым обретал защиту от произвола как верховной власти, так и парламентариев. В этом отношении предложения И. Р. Василевского перекликались с предложениями по реорганизации контрольной службы, подготовленными к осени 1906 г. в недрах самого Государственного контроля¹⁷.

Среди работ представителей либерального лагеря, характеризовавших положение и перспективы развития контрольного ведомства, своей оценкой ситуации выделялась брошюра И. Х. Озерова «Как расходуются в России народные деньги? Критика расходного бюджета и Государственный контроль», вышедшая двумя изданиями в 1907 г. Правда, свойственное либеральной публицистике в целом критическое отношение к существующим порядкам нашло отражение и в работе И. Х. Озерова. Имевший возможность использовать при ее подготовке материалы архива Государственного контроля, И. Х. Озеров приводил в тексте немало примеров небескорыстного или, во всяком случае, неразумного использования казенных средств бюрократией. Так, строительство Гинекологического института в Петербурге обошлось казне в 3,4 млн руб., хотя первоначально планировалось затратить на его сооружение 2,5 млн руб. Мебель для института приобреталась по существенно завышенным ценам. За каждую кровать платили (строительство курировало Ведомство учреждений императрицы Марии) 17 тыс. руб., хотя она стоила не более 3 тыс. руб., за стул — 20 руб. при рыночной цене от 2 до 12 руб.¹⁸ Признавая во многом справедливыми обвинения бюрократии в, мягко говоря, легкомысленном отношении к «казенному сундуку», И.Х.Озеров задавался вопросом о том, лучше ли будет вести себя в соответствующих ситуациях российская общественность. Его ответ был весьма пессимистичен. «Наша жизнь, — писал И. Х. Озеров, — не развивает в населении чувства ответственности... все просят субсидии, все обращаются за снисхождениями к государственной казне». В этой связи он поведал читателям историю, приключившуюся с известным певцом С, «который приехал па Нижегородскую выставку, надеясь на материальный успех, но

потерпел убытки и также обращается к правительству с просьбой о вознаграждении его», хотя отправился в поездку исключительно по собственной инициативе¹⁹. По мнению И. Х. Озерова, «создалось слишком легкое отношение к казенным средствам даже в прогрессивных кругах нашего общества». Участие представительства в распоряжении ресурсами казначейства, создание независимой контрольной службы казались ему вещами важными, но недостаточными для коренного улучшения ситуации в области финансов, ибо нужно воспитывать все население, а не одно только чиновничество, в духе ответственного к ним отношения («подчистить самого нового человека», т.е. общественного деятеля)²⁰. «Старый режим, — подчеркивал И. Х. Озеров, — создал неблагоприятную атмосферу и в вопросах материальных, и мы (общественность. — М. Ф.), расходуя средства, нередко склонны забывать, откуда идут деньги... Мы протестуем против непроизводительных и чрезмерных расходов государственного бюджета, но можно опасаться..., не будем ли мы чересчур мягко смотреть на расходование народных сумм, не будем ли создавать также излишнего чиновничества просто потому, что нужно пристроить того или другого человека... Возьмите, как иногда люди, почтенные в общественном мнении, испрашивают себе усиленные пенсии или казенные квартиры громадных размеров... И, в конце концов, все это на счет того же мужика»²¹. Дальнейшие события показали, что приведенные суждения И. Х. Озерова являлись небезосновательными и что прав был он и тогда, когда, выступая как бы от имени общественности, самокритично констатировал: «Мы склонны затушевывать это (всякого рода недочеты и злоупотребления. — М. Ф.), если язвы вскрываются на стороне лиц, принадлежащих к симпатичным нам группам. И, наоборот, быть может, иногда раздуваем, если они зияют на другой стороне»²².

Как уже отмечалось, призывы «отделить» Государственный контроль от исполнительной власти прозвучали еще в I Государственной думе. Заняться этим вопросом вплотную она, однако, не успела. Впоследствии к нему неоднократно возвращались III и IV Думы, указывая правительству на необходимость учреждения «самостоятельно поставленного и независимого в своей деятельности Контроля, стоящего вне Совета Министров», а также на целесообразность проведения в жизнь «принципа несменяемости чинов Государственного контроля»²³. Однако независимая от кабинета, а тем более находящаяся в «органической связке» с Государственной думой контрольная служба была правительству не

нужна. Лишь в самый канун Первой мировой войны исполнительная власть пошла в известном отношении навстречу пожеланиям парламентариев. В июне 1914 г. тогдашний государственный контролер П. А. Харитонов направил на предварительное рассмотрение в Совет Министров законопроект, согласно которому старшим чином возглавляемого им ведомства предполагалось даровать привилегию несменяемости (об «отделении» же государственного контролера от правительства речи не было). Обсуждению предложений П. А. Харитонova в Совете Министров помешала начавшаяся Первая мировая война. Впоследствии, в конце 1916 г., преемник П. А. Харитонova на посту государственного контролера Н. Н. Покровский снова внес в Совет Министров, соответствующий законопроект, откуда последний решено было направить в Государственную думу. Обсуждению предложений Н. Н. Покровского парламентариями помешала Февральская революция²⁴.

Государственная Дума неоднократно выражала пожелания о подчинении надзору Государственного контроля деятельности таких структур, как, например, Ведомство учреждений императрицы Марии, Синод, имевших собственные контрольные службы. В принципе эти пожелания были вполне логичны, ибо практиковавшаяся в данных структурах система самоконтроля оказывалась не слишком эффективной²⁵. Однако позиция Думы (т.е. ее большинства) в данном случае отличалась непоследовательностью. Так, депутаты никогда не поднимали вопрос о распространении в какой-либо форме ревизионной деятельности Государственного контроля на финансово-хозяйственные операции органов местного самоуправления, т.е. земских и городских учреждений. Между тем они равным образом, в сущности, контролировали сами себя. Конечно, земские и городские органы функционировали преимущественно не за счет ресурсов государственного казначейства, а за счет собственных средств. Однако и получаемые земствами казенные дотации превышали к 1913 г. 40 млн руб.²⁶ Вместе с тем «специальные средства» Синода, наблюдать за расходованием которых должен был, по мнению Думского большинства, Государственный контроль, складывались не только из казенных пособий, но и из поступлений от церковных имуществ, пожертвований верующих и пр. Конечно, проверки земских и городских учреждений проходили в условиях гораздо большей гласности, нежели ревизии соответствующих операций бюрократических структур.

Однако и привлечение в той или иной форме к надзору за ра-

ботой органов местного самоуправления аппарата Государственного контроля, несмотря на все недостатки в его организации и деятельности, также, вероятно, было бы мерой небесполезной. В своем подходе к вопросу о расширении сферы компетенции контрольного ведомства Дума явно придерживалась двойного стандарта, руководствуясь, с одной стороны, «презумпцией виновности» чиновничества, как в случае с Синодом (он, учитывая подчиненность православной церкви светской власти, в целом справедливо рассматривался большинством депутатов как чисто бюрократический институт), а с другой — «презумпцией невиновности» работавших в земских и городских учреждениях общественных деятелей. В последних депутаты видели «своих», а в чиновниках — представителей чуждого, а то и прямо враждебного мира. Участие их как сотрудников контрольного ведомства в проверках деятельности органов местного самоуправления было для парламентариев, питавших (и не без оснований) недоверие к бюрократии, вещью неприемлемой.

Показательно, что после начала Первой мировой войны и образования Всероссийских земского и городского Союзов, превратившихся в опорные пункты оппозиционной общественности, Дума не выдвигала требований о распространении на их деятельность ревизий контрольного ведомства. Правда, против такого шага был и П. А. Харитонов²⁷, однако суть от этого не менялась. Ведь оба Союза получали щедрую финансовую помощь от государственного казначейства. К сентябрю 1916 г. она равнялась приблизительно 550 млн руб., тогда как сами земства и города выделяли Союзам 10 млн руб.²⁸ При этом, по замечанию осведомленного современника, «не было на Руси от века такого учреждения, где бы бездумные траты и... расточительность приняли такие размеры, как общеземской организации... Кн. Львову (председателю земского Союза. — *М. Ф.*) была лишь одна вещь — пускать пыль в глаза общественности и быть носимым на руках всеми своими сотрудниками... Предела при этом его попустительству, безусловно, не было. Его подчиненные ничтоже сумняшеся подписывали за него не только бумаги, но даже ассигновки».²⁹ Ревизионная комиссия земского Союза, которую возглавил В. Д. Кузьмин-Караваев, работавший, как отмечалось, в бытность свою депутатом I Думы (разумеется, в целях борьбы с разбазариванием бюрократией народных денег) за независимость контрольного ведомства от Совета Министров, существовала больше для вида. Проведенная этой ко-

миссией ревизия ограничилась «весьма поверхностным осмотром не месте в прифронтовой полосе некоторых учреждений (Союза. — *М. Ф.*). Собственно ревизии произведенных расходов не только не было, но к ней и не приступали. Все свелось к тому, что ... Кузьмин-Караваев на одном из собраний земских уполномоченных сделал устный доклад, разумеется, не о произведенных расходах и степени правильности их — отчет не заключал ни единой цифры, — а лишь литературное описание деятельности различных земских отрядов, работавших на фронте. Сводился же этот отчет по существу к сплошному восхвалению этих отрядов... Закончил он, разумеется, общими аплодисментами, и к вопросу о ревизии и контроле уже ни разу больше не обращались»³⁰. Эта явно ненормальная ситуация не привлекала к себе внимания Думского большинства, объединившегося летом 1915 г. в Прогрессивный блок и вступившего в союз с земскими и городскими деятелями в жесткую конфронтацию с правительством и самим монархом.

Ратуя за коренную реорганизацию контрольной службы, Дума стремилась к сотрудничеству и со службой реально существующей. Однако перспектива установления слишком тесных контактов между Думой и контрольным ведомством вызывала тревогу в бюрократических кругах. Еще в начале 1907 г., накануне созыва II Государственной думы, тогдашний государственный контролер П. Х. Шванебах в записке, адресованной Совету Министров, признал недопустимым назначение постоянных представителей Контроля в Думские комиссии (финансовую, бюджетную и по исполнению государственной росписи доходов и расходов). Соответствующее поручение, по его мнению, должно было «всегда иметь характер вполне точный и ограниченный», а «командированному лицу» следовало запретить «давать какие-либо объяснения и сообщать сведения вне пределов непосредственно возложенной на него миссии». При этом саму «командировку» надлежало приурочивать к «определенному заседанию Думы или комиссии», не придавая ей («командировке») «длящегося характера»³¹. П. Х. Шванебах, очевидно, опасался, что постоянные представители Контроля в Думе смогут найти общий язык с парламентариями и во время своих выступлений или в процессе неформальных контактов снабдят депутатов такой информацией, которая будет использована последними для критики правительства.

Предложения П. Х. Шванебаха в феврале 1907 г. были одобрены Советом Министров. Со своей стороны, Дума добивалась как

можно более активного участия в ее деятельности чинов контрольного ведомства. Так, 26 июня 1908 г. совещание представителей фракций III Думы, на котором присутствовал и министр финансов В.Н.Коковцов, выразило пожелание об участии представителей Государственного контроля в работах Бюджетной комисс³², ибо, по принятому порядку, при обсуждении проектов ведомственных смет на заседании присутствовали от правительства помимо одного из старших чинов заинтересованного ведомства только представители Министерства финансов. Сознвая, что высказанные совещанием пожелания имеют «несомненную связь с общим вопросом о положении Государственного контроля в строе государственного управления и об отношении его к Совету Министров и законодательным учреждениям», В.Н.Коковцов сообщил о просьбе депутатов П. А. Столыпину как главе правительства. При этом сам В. Н. Коковцов полагал, что в данном вопросе кабинет мог бы пойти навстречу парламентариям при «непременном, конечно, условии, чтобы представители Государственного контроля строго оставались в пределах технических объяснений и отнюдь не являлись как бы изблечителями ведомств по обсуждаемым в Бюджетной комиссии вопросам»³². Позиция В. Н. Коковцова получила одобрение Совета Министров.

По понятным причинам парламентарии проявляли большой интерес к документам, отражавшим ревизионную деятельность Государственного контроля. Так, в апреле 1907 г. секретарь Государственной думы второго созыва обратился к П. Х. Шванебаху с просьбой «допустить председателя подкомиссии гражданской отчетности (Думы. — М. Ф.)... к обсуждению и извлечению справок из контрольных материалов, относящихся к отчетности и ревизии доходов и расходов учреждений гражданского ведомства»³³. Знакомить парламентариев с «тайнами» Государственного контроля П. Х. Шванебах, однако, не пожелал. С санкции Совета Министров просьба секретаря Думы была отвергнута на том основании, что в «законе не содержится никаких указаний на то, чтобы Думе предоставлялось поручать членам ее производить обзор и извлечение справок из делопроизводственных материалов правительственных учреждений»⁴⁴.

Препятствия, с которыми сталкивались депутаты Думы в своих попытках проникнуть в «тайны» Государственного контроля, вызывали протесты парламентариев, считавших действия контрольного ведомства незаконными. Весной 1908 г. П.А.Харитонов от-

клонил просьбу Думской Комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов о присылке «отчетов местных железнодорожных контролей по всем железным дорогам». Санкционированные кабинетом действия П. А. Харитонova вызвали возражения председателя Думы Н. А. Хомякова, который, ссылаясь на ст. 40 и 41 Учреждения Государственной думы (там шла речь о праве Думы обращаться к начальникам ведомств «за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел»), указал П. А. Харитонову, что правительство может не сообщать депутатам запрашиваемые ими сведения лишь тогда, когда эти сведения носят секретный характер. Отчеты же железнодорожных контролей, по мнению Н. А. Хомякова, никак не относились «к таким предметам, которые по соображениям государственного порядка не подлежат оглашению»³⁵. Доводы председателя Думы, однако, не возымели никакого эффекта. В своем ответе ему П.А.Харитонов отметил, что «в означенных статьях предусматривается право Государственной думы обращаться к ведомствам за надлежащими разъяснениями», тогда как в данном случае речь идет «о доставлении не разъяснений ведомства, а бумаг, касающихся его внутреннего делопроизводства». Поскольку же в законе «не содержится указаний на обязанность ведомств» доставлять таковые бумаги, он (государственный контролер) не считает себя «вправе сообщить упомянутые отчеты»³⁶. Сделав такой весьма оригинальный вывод (не обязан, а значит, и не вправе), П. А. Харитонов доказал, что коллеги по кабинету не зря называли его «мудрецом» и видели в нем человека, способного найти выход «из самых затруднительных положений»³⁷.

Дискуссии между правительством, с одной стороны, и членами Думы — с другой, по вопросу о том, на каком основании контрольное ведомство не всегда делится с парламентариями имевшейся у него и отнюдь не секретной информацией, продолжались и впоследствии³⁸. Более или менее свободного доступа к ней депутаты, однако, так и не получили. Например, в начале 1911 г. председатель думской Комиссии по исполнению государственной росписи И. В. Годнев обратился «в департамент Государственного контроля с просьбой доставить ряд сведений по отчетам различных ведомств за 1907, 1908 и 1909 годы, в том числе ... о тех чинах» ряда министерств, «коим в означенные годы выдавали наградные деньги, пособия и путевые довольствия (каждому в сумме свыше 500 руб.), а также о лицах, коим в те же годы выданы были аренды из кредитов по сметам канцелярии Главного управления землеустройства

и земледелия с указанием размера каждой аренды, времени назначения и срока окончания». Совет Министров отклонил просьбу И. В. Годнева, решив, в частности, не давать Комиссии информации «о разного рода входящих в область управления выдачах, произведенных в пределах предоставленных ведомствам полномочий».

И всё же попытки парламентариев получить интересовавшие их сведения о финансово-хозяйственных операциях казны не всегда были безрезультатными. П. А. Харитонов в бытность свою государственным контролером (а он занимал этот пост с 1907 по 1916 г.) умел ладить с Думой и пользовался там большим уважением. Правительство часто не давало депутатам необходимой им информации, но нередко, стремясь избежать ненужных коллизий, шло навстречу Думским пожеланиям. Так, «с развитием работ» в III Государственной думе Комиссии по исполнению росписи доходов и расходов она, в итоге, смогла получить ответ на большинство интересовавших депутатов вопросов, в сообщении сведений по которым правительством было первоначально отказано. В результате Комиссия смогла «войти в существо большинства привлекавших ее внимание распорядительных действий ведомств»⁴⁰.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что рассмотренному аспекту отношений между правительством и Государственной думой обе стороны придавали большое значение. Фактически речь идет о степени их участия в решении вопросов, касавшихся использования финансовых и материальных ресурсов страны. Возникшие в этой связи разнообразные коллизии, отражая сложный и противоречивый процесс трансформации самодержавия в конституционную монархию дуалистического типа, несли на себе сильнейший отпечаток характерного для всей истории России второй половины XIX — начала XX в. противостояния «исторической власти» и общественности, завершившегося в итоге гибелью обеих участников конфликта.

¹ Учреждение Государственной думы. Ст. 31 // Государственный строй Российской империи накануне крушения. М., 1995.

² Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* Совет Министров, Государственная Дума и вопрос о статусе Государственного контроля в России в 1905-1917 гг. // Вестник. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 1997. Вып. 2. С. 3-5, 9-11.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 3. Д. 209. Л. 8.

⁴ *Василевский И. Р.* 1) Государственная Дума и бюджетный контроль наших финансов. СПб., 1906; 2) Государственный контроль как охранитель народных интересов за границей и в России. СПб., 1907; *Евзлин З.* Бюджетный контроль. Система государственной отчетности при конституционном образе правления. СПб., 1907; *Озеров И. Х.* Как расходуются в России народные деньги? Критика расходного бюджета и Государственный контроль (По неизданным документам). М., 1907; *Танский Ю. О.* О преобразовании Государственного контроля. СПб., 1906.

⁵ *Василевский И. Р.* Государственная Дума... С. 4.

⁶ *Танский Ю. О.* Указ. соч. С. 1.

⁷ *Боклевский Ф.* Организация Государственного контроля в России сравнительно с государствами Западной Европы. СПб., 1895. С. 32.

⁸ Там же.

⁹ *Бессон Э.* Бюджетный контроль во Франции и за границей. СПб., 1901. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 228.

¹¹ *Евзлин З.* Указ. соч. С. 120.

¹² Там же. С. 121.

¹³ *Василевский И. Р.* Государственная дума... С. 15.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Там же. С. 16.

¹⁷ Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* Указ. соч. С. 6-7.

¹⁸ *Озеров И. Х.* Указ. соч. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 188.

²⁰ Там же. С. 171.

²¹ Там же. С. 172.

²² Там же.

²³ Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* Указ. соч. С. 9.

²⁴ Подробнее см.: Там же. С. 12-15.

²⁵ Впрочем, относительно Синода необходимо отметить, что утвержденные царем 1 апреля 1911 г. специальные правила способствовали совершенствованию организации и деятельности контрольной службы Ведомства православного исповедания и отчасти удовлетворяли Думу. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 198. 11 отд. 1 стол. Д. 784. Л. 6 об.

²⁶ *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 35.

²⁷ Подробнее см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань, 2004. С. 60-61.

²⁸ *Яхонтов А.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета Министров // Русское прошлое. 1996. Кн. 7. С. 299. Подробнее см.: *Айрипетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907-1917). М., 2003. С. 156-158; *Куликов С. В.* Указ. соч. С. 57-62.

²⁹ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование императора Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 646-647.

³⁰ Там же. С. 648.

³¹ РГИА. Ф. 1276. Оп.3. Д. 209. Л. 12 об.

³² Там же. Оп. 4. Д. 252. Л. 12. 33

³³ Там же. Оп. 3. Д. 957. Л. 3.

- ³⁴ Там же.
³⁵ Там же. Л. 36-36 об.
³⁶ Там же. Л. 37 об.
³⁷ *Тимашев С. И.* Кабинет Столыпина: Из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. 1996. Кн. 6. С. 111.
³⁸ Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* Указ соч. С. 10-11.
³⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 957. Л. 159 об.-160.
⁴⁰ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. III. Приложение 3-е. С. 8.

Е. Д. Твердюкова (Санкт-Петербург)

РСДРП И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Вопрос о бойкоте избирательной кампании в I Государственную думу освещался в отечественной исторической науке, главным образом, в свете тактики большевиков и идейного наследия В. И. Ленина. Советские исследователи отстаивали тезис, что проведение в жизнь идеи активного бойкота самым ярким образом выявило последовательные революционные принципы партии, позволив поддержать лозунг созыва всенародного Учредительного собрания, возложить всю ответственность за представительное учреждение на кадетов и предостеречь народные массы от конституционных иллюзий¹.

Однако в РСДРП не было единства по вопросу о тактике партии. 12 декабря 1906 г. конференция в Таммерфорсе, в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, вынесла резолюцию: «Закон 11 декабря ... заранее стремится обеспечить при помощи всяких уловок и полицейских ограничений преобладание в Думе черносотенных элементов...», поэтому задача пролетариата — решительная борьба против этой, как и всякой другой, «подделки народного представительства»². Ф.Дан, выражавший мнение меньшинства партии, говорил, что «только революционное использование "уступок" превращает пряничный подарок в разящий стальной меч»³. Он предлагал широко использовать избирательную кампанию для «наглядного политического обучения», разбив тем самым худшего врага революции — политическую пассивность, ибо «избирательная забастовка», опиравшаяся не на страстный протест массы населения против Госдумы, а на равнодушные обывателя к политическим судьбам страны», означала бы не

силу, а слабость революции. Единственный практический результат бойкота ему виделся в самоустранении от участия в избирательной кампании наиболее передовых элементов пролетариата (или крестьян и мещан) и в сплочении рядовых масс под знаменами либеральных и даже реакционных партий⁴. П. Аксельрод предложенную большевиками тактику назвал «с шумом и треском провозглашенным лозунгом показывания правительству кукиша в кармане под названием "бойкот"».⁵

18-20 января 1906 г. на Васильевском острове Санкт-Петербурга на частных квартирах прошел ряд собраний рабочих, где выяснилось, что вопрос о Государственной думе их очень мало интересовал; с гораздо большим вниманием они отнеслись к аграрной проблеме. Снизилось также число «сознательных» рабочих, высказывавшихся за отказ от выборов. Так, на проводившейся в Василеостровском районе дискуссии с участием членов районного комитета РСДРП и представителей заводских комитетов по вопросам тактики 10 человек проголосовали за участие в выборах, 13 — против. В феврале 1906 г. в нелегальных собраниях (числом около 120) по всему городу участвовали 2094 человека, высказавшихся относительно бойкота следующим образом⁶:

	За бойкот	Против бойкота
Васильевский остров	158	148
Петербургская сторона	153	126
Выборгский р-н	90	285
Городские заводы	78	113
Городские ремесленники	125	91
Нарвский р-н	72	64
Московский р-н	32	30
Невский р-н	154	50
Окружной (Жолпино, Обухово, Сестрорецк)	306	19
Итого	1168	926

Видно, что отнюдь не все оказались готовы поступиться своим избирательным правом (некоторые собрания к тому же прошли без сторонников антибойкотистской тактики). На основании подсчета были проведены пропорциональные выборы на конференцию для окончательного решения вопроса об участии в избирательной кампании. После нового обсуждения бойкот одобрили 36 голосами

против 29 и признали официальной тактикой социал-демократической организации Петербурга⁷. Но это не означало еще безусловной поддержки ее пролетариатом. Современники писали, что «великая страна на время вся ушла в себя, едва обнаруживая признаки жизни»⁸. Газетная хроника фиксировала настроение общей массы рабочих словами: «равнодушное», «индифферентное», «неопределенное», «серая масса», «выбирать боятся». Корреспондент «Нашей жизни» поинтересовался у одного из рабочих завода Сименса и Гальске, сочувствовавшего освободительному движению и сдававшего комнаты передовым курсисткам и студентам:

- Как у вас готовятся к выборам?
- К каким выборам?
- Да к выборам уполномоченных в Думу?
- В первый раз слышу, ей-Богу, и забыл... Никак не готовятся, у нас и разговора нет.
- Принимает ли какие-нибудь меры к выборам администрация?
- Незаметно, чтобы принимала. На других заводах уже давно приняла.
- Какие?
- Уволила, кого ей не нужно.⁹

Рабочий Трубочного завода с 30-летним стажем свидетельствовал о том же: «У нас, знаете, о выборах равным счетом ничего не говорят. Некоторые из нас думают, что начальство в последний день выберет из нас, кого хочет, и пошлет. Не для нас эта дума, и говорить об ней не стоит!»¹⁰.

В конечном итоге корреспондент пришел к выводу, что равнодушные пролетариата к выборам полное, недоверие к их организаторам тоже: «Большинство стоит ни за бойкот, ни против бойкота, а просто говорит: "Черт с вами совсем! Надоели!"»¹¹.

На Путиловском заводе в первые дни 1906 г. числилось всего 149 человек, остальные 12 тыс. были рассчитаны. При найме рабочие получали отпечатанные типографским способом цеховые списки с указанием сделать отметки напротив фамилий неблагонадежных товарищей. Объявление о производстве выборов появилось на заводе только накануне избирательного дня. Предвыборные собрания в мастерских напоминали бурные митинги. По свидетельству советских историков, «почтительно проведенные на завод» кадетские профессора повсюду терпели поражение. Между тем, после большевистской агитации им вообще не давали говорить: «Кто-нибудь заводил мотор, и профессор, не привыкший к такой обстанов-

ке, сбивался и замолкал»¹². Однако маловероятно, что конституционных демократов «почтительно» провели на собрание рабочих-путиловцев, ибо правительством на тот момент обе партии расценивались как способные «захватить власть и использовать ее для своих спекулятивных целей», а именно для «ниспровержения государственного строя с заменой его новым, по образцу западного конституционализма»¹³. К избирательным урнам на заводе пришли 500-600 рабочих из 11400, другие под хохот и свистки поставили на телегу соломенное чучело с надписью «Наш депутат» и покатали к конторе — вешать и отпевать¹⁴. Только в котельной мастерской проголосовали спокойно: уполномоченным стал член Общества активной борьбы с революцией и анархией. Результаты выборов («прошли только черносотенцы») были расценены большевиками как доказательство того, что бойкот состоялся, но с одной значимой оговоркой: «Сознательные путиловцы не использовали выборных собраний и, в силу ли недостаточной организованности или благодаря внешним препятствиям, предпочли форму пассивного бойкота»¹⁵. И все равно листовка Нарвского районного комитета РСДРП призывала требовать от уполномоченных Путиловского завода отказа от своего звания.

7 марта газета «Наша жизнь» писала, что главным агитатором за бойкот явились правительственные власти, которые «своим назойливым, не знающим границ бесцеремонным вмешательством в выборы, своим диким произволом и насилиями в предвыборный период создали атмосферу такого отвращения к выборам, такого искренно озлобленного, негодующего недоверия, они напустили столько страха, что и без всякой сторонней агитации если не деятельный бойкот, то пассивный бездеятельный абсентеизм по отношению к выборам был бы громадный»¹⁶. В подавляющем большинстве случаев начальство не разрешало рабочим устраивать предвыборных собраний, лишив их возможности сознательно сделать выбор и тем самым превратив избирательное право в избирательную обязанность, повинность. Там, где собрания проводились, рабочие не могли открыто обсуждать современную политическую ситуацию. «Что мы, дети, что ли, что нам запрещают слушать?» — такой зачастую была непосредственная реакция в ответ на требования приставов закрыть собрание, и это добавило немало сторонников бойкотистам.

Большевики отмечали, что наибольший успех бойкот имел в Царстве Польском: в Варшаве из 114 фабрик участвовали в вы-

борах лишь 4, в Лодзи выбирало 5 фабрик из 143, в Петроковском уезде—12 из 70, и т.д. Но почему так произошло? На территории Польши действовало военное положение, предвыборные собрания проходили под охраной войск (после нескольких инцидентов со стрельбой, спровоцированных представителями левых партий), по городу разъезжали конные полицейские. Военные патрули вели себя с жителями пролетарских кварталов достаточно бесцеремонно; рабочие варшавского предместья Прага даже отправили жалобу генерал-губернатору Г. А. Скалону на то, что в результате немотивированной расправы были убиты двое и тяжело ранены четверо рабочих¹⁷. В ночь на 15 марта аресту подверглись более 200 человек, имевших шансы быть избранными в уполномоченные от фабрично-заводских предприятий. По свидетельству современников, солдаты, получившие указание препятствовать агитации против выборов и не знавшие польского языка, придирались к каждому слову участников предвыборных собраний, пуская в ход приклады. В результате в день выборов к 12 часам дня на всех заводах работа была остановлена, и даже сторонники национал-демократической партии заявили, что вынуждены солидаризироваться с социал-демократами и отказаться от участия в выборах. Решившиеся проголосовать фабрики сделали это лишь после того, как с их территории вывели войска. В итоге всего 18 уполномоченных от рабочей курии губернии дали четырех выборщиков — национал-демократов¹⁸.

На многих предприятиях отказ от выборов стал реакцией на попытки администрации оказать прямое давление на ход кампании. Так, на телефонной фабрике Эриксона в расчетные книжки рабочих были вложены бюллетени с именами удобных для руководства уполномоченных. На Охтинских пороховых заводах мастера, по распоряжению начальства, также предлагали голосовать за угодных начальству кандидатов, а потому рабочие указали фамилии несовершеннолетних, не имевших права баллотироваться. Администрация настаивала на избрании своего кандидата, в ответ на это возмущенные рабочие решили выборы бойкотировать.

Одной из самых распространенных причин абсентеизма на предприятиях являлась боязнь ареста. Даже на заводе Экспедиции изготовления государственных бумаг, рабочие которого были склонны поддержать выборы, кандидаты в уполномоченные из передовых рабочих просили их не баллотировать. На одном из заводов за Невской заставой во время выступления оратора-бойкотиста слышались

лись крики: «Выбирать, чего там!». Оратор хладнокровно заметил: «А вот мы возьмем и выберем тебя самого»¹⁹. На Александровском чугунном заводе в уполномоченные «избрали» дымовую заводскую трубу, под предлогом, что такому депутату обеспечена неприкосновенность.

Уклонению от выборов способствовала и коллективистская психология вчерашних крестьян. Так, один из рабочих Семянниковского завода (на котором из 6 тыс. человек в выборах участвовало всего лишь около сотни) объяснял, что бойкотирует эту думу из солидарности с сознательными рабочими, хотя сам лично и многие его товарищи против бойкота. Мотив таких абсентеистов был: «Лучше промолчать». Лишь около 1 тыс. заводчан подписали заявление о нежелании участвовать в выборах полицейской фальшивой Думы. Известие, что выбрали все-таки 5 человек уполномоченных, вызвало скептическую реакцию: «Ну, слава Богу! У нас в думе не будут спать: будет правовой порядок, попы и черносотенники с медалями. Будут молебны служить, акафисты читать и гимны петь... К заседаниям будут звонить, как к обедне. Будет не дума, а государственная лавра... Таврический собор!»²⁰.

Рабочий Александро-Невского вагоностроительного завода общал, что из 3 тыс. человек на предварительном собрании присутствовали около 2 тыс. А на вопрос, сознательно ли все бойкотировали, с простонародной непосредственностью отвечал: «Какое все сознательно! Сказано: бойкот, рассуждать некогда; в пятницу появилось объявление о выборах, в субботу в 12 часов начали хлопотать о предвыборном собрании, то да се, да пока приехал пристав—время идет... Нужно и в баню сходить... Ну, передовые, ясное дело, сразу произнесли речи за бойкот. Бойкот, так бойкот, поднимай руку—некогда. Тем более что и на воскресенье целый день свободен»²¹.

В Москве на фабрике Чепелевского выборы не состоялись из солидарности с женщинами-работницами, не допущенными в избирательное собрание. На других заводах рабочие решили подождать, пока не выяснится ситуация на других предприятиях, а затем, бывало, обращались с просьбой о разрешении избрать уполномоченных. Московский градоначальник таким образом дозволил провести выборы на мануфактуре Цинделя, в Уваровском парке городских трамваев и др., хотя в дальнейшем подобная практика была запрещена предписанием министра внутренних дел.

Результаты участия в выборах предприятий фабрично-заводской промышленности подвели М. Балабанов и Ф. Дан²²:

Губерния	Предприятий, участвовавших в выборах	Предприятий, не участвовавших в выборах	Не уч. от общего числа предприятий в %
Петербургская	193	127	39
Московская	492	141	22
Харьковская	53	54	50
Костромская	53	30	36
Ярославская	63	16	20
Херсонская	89	45	33
Владимирская	134	24	15
Тверская	46	7	13
Екатеринославская	171	35	17
Тульская	47	3	6
Киевская	120	53	30

Однако эти данные не свидетельствуют о победной тактике большевиков в ходе избирательной кампании. Провести четкую черту между простым абсентеизмом и сознательным бойкотированием достаточно сложно. Социал-демократы выступали против пассивного бойкота, сводившегося к простому уклонению от участия в избирательных собраниях, справедливо полагая, что это не имеет значения демонстрации, так как никому не известно, почему в момент выборов обыватели сидят по домам. Но по результатам выборов они признавали, что «эта форма бойкота у нас очень распространена, и как раз в такой среде, которая не имеет ничего общего с крайними партиями». Она опирается на «самую рабочую, обывательскую привычку быть безгласной овцой, вверяющей свою судьбу благосклонному попечению начальства, на неумение связать свои личные интересы с ходом общественной и государственной жизни»²³. В одних местах выборы проигнорировали более крупные заводы, в других — мелкие предприятия; в одних — рабочие промышленных центров, в других — городской округи. Но тенденция все же была: там, где позиции бойкотистов были сильны, рабочие малым числом выбирали приверженцев крайне правых партий; там, где бойкот был частичным и коснулся так называемых «сознательных» рабочих, там в уполномоченные выбирали людей толковых и, во всяком случае, не голосовали за правых кандидатов; там, где выборы не бойкотировали, уполномоченными стано-

вились передовые рабочие и кандидаты социал-демократических организаций (если они выставались). Так, на Невском судостроительном заводе из 5812 рабочих участвовали в выборах 150, которые, пропев «Царю небесный» и «Спаси, Господи», приступили к баллотировке²⁴. На заводе Сан-Гали избирательные настроения характеризовались как равнодушные: из 650 рабочих явились около 200. После длительных переговоров о кандидатуре решили избрать по 2 человека от каждой мастерской, они и наметили кандидата в уполномоченные; свой выбор объяснили тем, что это солидный, опытный человек, побывал во Владивостоке, семейный²⁵. На Ижорском заводе на предвыборное собрание проник агитатор за бойкот, но говорил недолго, рабочие стащили его со станка, вывели из мастерской и передали полиции; при выборах кандидаты становились около урны, и каждый избиратель видел их в лицо; избранники называли себя «дикими», но рабочие говорили, что выбрали лучших, передовых товарищей²⁶. Эта же тенденция проявилась на собраниях выборщиков. Так, на предвыборном совещании уполномоченных Санкт-Петербурга верх взяли реакционные элементы, отказавшиеся даже выслушать политические убеждения кандидатов. В Москве выборщиками оказались 8 сторонников социал-демократов, 6 — кадетов, 1 — торгово-промышленной партии, 2 — внепартийных. В Баку уполномоченные выбрали трех выборщиков — социал-демократов.

По данным А. В. Костылева, множество обладавших цензом рабочих проигнорировали выборы уполномоченных от предприятий, участвуя в избрании городских выборщиков²⁷. Но в целом по стране вряд ли их число было значительным. У нас имеются лишь косвенные данные: в ходе второй избирательной кампании рабочим, имевшим право голоса в рабочей курии и притом обладавшим квартирным или иным цензом, запретили одновременно участвовать в других избирательных собраниях. Под соответствующие Сенатские разъяснения попали: 1457 рабочих в г. Вильно, 1564 — в Елизаветграде, около 1 тыс. — в Белостоке, около 10 тыс. — в Санкт-Петербурге²⁸. Существовали препоны и чисто административного характера: накануне выборов четверо рабочих Путиловского завода в свободный день решили пойти записаться в избирательные списки, так как каждый из них занимал отдельную квартиру в продолжение нескольких лет. Сначала они направились в уездную земскую управу (ибо завод был отнесен к территории уезда), но им ответили, что здесь запись только для домовладельцев и лавочников

и посоветовали обратиться в городскую управу. В городской управе объяснили, что пригородные жители должны записываться в уездной управе. В уездной управе их направили к мировому судье Нарвского участка, который, узнав о цели прихода рабочих, заявил, что не желает терять с ними время. Так и не добились рабочие ничего, и в избирательные списки не попали.²⁹ Однако известно, что в день выборов в городское избирательное собрание Санкт-Петербурга по Нарвской части в 7 часов вечера явилась группа рабочих (около 300), почти поголовно проголосовавших за кадетов.

В листовке Выборгского районного комитета РСДРП предрекалось: «Кто же выберет представителя рабочих? Помещики, капиталисты? Всякому своя рубашка ближе к телу. Ни один рабочий не пройдет в Государственную думу»³⁰. Эти предсказания не оправдались. В ходе первой избирательной кампании, несмотря на ничтожное число выборщиков, депутатские мандаты получили 17 представителей от рабочих: это больше, чем священников или профессоров (от которых прошло в I Думу по 16 человек), больше, чем торговцев и подрядчиков (14 человек) и владельцев и управляющих фабриками (5 человек)³¹. Ставший депутатом И. Рамишвили отмечал, что «принципиальный теоретический бойкот, навязанный сверху, бледнел и исчезал перед... живой жизнью»: рабочие встречали своих представителей с восторгом³².

Тактику РСДРП в новых условиях выработал IV (Объединительный) съезд в Стокгольме 23 апреля — 8 мая 1906 г., названный в отечественной историографии меньшевистским из-за своего состава: 46 большевиков, 62 меньшевика. Численный перевес мандатов последних, по мнению одного из делегатов, объяснялся изменением позиции товарищей, поддержавших отказ от выборов, но убедившихся, что «бойкот был пагубен для партии, и они голосовали против бойкотистов»³³. В вопросе об отношении к Государственной думе проявились две принципиальные точки зрения на судьбу российской социал-демократии. По мнению П. Б. Аксельрода, пропагандируя тактику бойкота, большевики демонстрировали свое старое отношение к рабочим массам «как к общественному элементу, способному служить революции, главным образом, только как физическая боевая сила»³⁴. Большевики же выступили в поддержку ряда принципов, воплотившихся в практике западноевропейских социалистов: «легальной оппозиции, компромисса и сотрудничества с другими парламентскими партиями, экономической агитации через профсоюзы»³⁵. Все это должно было способствовать полити-

ческому воспитанию пролетариата, о чем вожди большевиков «мало заботились», и рабочие оказались вынуждены «на своих плечах выносить ошибки интеллигентов»³⁶. Подытоживая дискуссию, Аксельрод подчеркнул, что имел место пассивный бойкот, а не активный (проповедовавшийся лишь на словах), а «бойкотная тактика» ярко отразила «примитивность наших политических воззрений»³⁷. Делегаты кавказских организаций РСДРП (лидерство во многих из которых в 1905 г. приобрели меньшевики) выдвинули к резолюции поправку, позволяющую партии участвовать в выборах там, где это еще возможно.

Лидер большевиков В. И. Ленин, по мнению американского исследователя А. Улама, испытал сильное искушение использовать конституционный орган, как только стало известно о выборах в Думу, но его соратники хотели немедленно приступить к революционным действиям, а не к парламентским выступлениям; в Стокгольме (когда стали уже известны первые итоги избирательной кампании) он стал поддерживать меньшевиков, считая, что социал-демократы могут сформировать свою думскую фракцию³⁸. Между тем В. И. Ленин голосовал за поправку, разрешающую участие в выборах, с оговоркой, что голосует «за», осуждая блоки с другими партиями, а «вопросу же о выборах в думу, еще не состоявшихся до сих пор, не придает практического значения, отнюдь не сочувствуя таковым выборам»³⁹. В проекте ленинской резолюции говорилось об отсутствии условий для вступления партии на парламентский путь и создания фракции в Госдуме, грозящей скорее скомпрометировать РСДРП⁴⁰. Большинство голосов съезд высказался за желательность фракции и участие партии в выборах там, где они еще предстоят.

Уже в конце мая 1906 г. Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку, в которой Государственная дума называлась центром общественного внимания и политических группировок. Был брошен клич — привлечь широкое внимание рабочих и мелкой буржуазии, *самым энергичным образом борясь с индифферентизмом пролетарских масс* (курсив мой. — Е. Г.), в связи с чем ПК предложил вести агитацию, попутно разъясняя, что бойкот отнюдь не обусловил игнорирования Думы, а, наоборот, поставил перед пролетариатом задачу особенно чутко реагировать на все ее шаги⁴¹.

Вторая конференция РСДРП (Первая Всероссийская), проходившая в Таммерфорсе в ноябре 1906 г., высказалась за самое энергичное участие во второй думской кампании. Мотивы были следу-

ющими: бойкот способствовал разоблачению конституционных иллюзий в народе, но раз уж Дума оказалась всенародной трибуной, надо ее использовать. Рядом делегатов было высказано особое мнение, подчеркивающее, что «контрреволюционное поведение буржуазии и соглашательская тактика российского либерализма воспрепятствовали непосредственному успеху бойкота и заставили пролетариат вести борьбу с контрреволюцией также и на почве думской кампании»⁴². Партийные лидеры понуждали рабочих активнее записываться в избирательные списки: «Но не нужно при этом называть себя рабочим! Квартиронаниматель, и всё тут»⁴³. Меньшевики призывали: «Пойдите в пролетарские кварталы, будьте и поднимайте активность масс, покажите, что пролетариат не молчит, когда Столыпин, Крыжановский и другие рыцари большой дороги, . . . , лишают его одного права за другим»⁴⁴.

Отказ большевиков от бойкота не только не смягчил, а даже усилил межфракционные разногласия в РСДРП. Меньшевики обвиняли Ленина и его сторонников в нежелании признать ошибочным устранение от избирательной кампании и в попытке свалить вину за это на «либеральную буржуазию». Они справедливо полагали, что «нельзя увлечь рабочих убеждениями в необходимости принять активное участие в выборах, не сказав ясно и определенно, что бойкот не мобилизовал, а, наоборот, демобилизовал, расстроил ряды пролетарских организаций»⁴⁵. Большевики, в свою очередь, старались «держать лицо» и утверждали, что бойкот выборов весны 1906 г. оказал небывалое воздействие на народные массы. Обычно в литературе приводится ленинский вывод об ошибочности тактики партии в первой избирательной кампании, сделанный им в работе «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» (1920). Но уже в декабре 1906 г. Ленин признавал: бойкот I Думы был предложением народу бороться за настоящую власть — в этом смысле, конечно, он не удался.

«Второй избирательной кампанией руководил В. И. Ленин, живший в финской деревне Куоккала... В день выборов большинство рабочих явилось с твердым намерением выбрать уполномоченных. . . Меньшевики потерпели на выборах поражение... По всей рабочей курии Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии победили большевики»⁴⁶, — такова оценка отечественной историографии. В действительности результаты этих выборов опровергли миф о широком и безусловном влиянии большевиков на рабочие массы. Крупнейшие столичные заводы, славившиеся сво-

ей революционностью и сознательностью, проголосовали за эсеров: Семянниковский, Балтийский, Трубочный, Обуховский. По мнению Л. Мартова, основной причиной послужило недавнее аграрное прошлое рабочих. Так, на Обуховском заводе большинство составляли обладавшие клочками земли крестьяне Рыбацкой и Александровской волостей, на территории которых стоял завод; та же ситуация была на крупнейшей фабрике Москвы — Прохоровской мануфактуре (кстати, в ходе первой думской кампании агитатора за бойкот на ней даже избил). Поэтому апеллировавшие к крестьянскому сознанию эсеры побеждали, а социал-демократы терпели поражения. Мартов считал также, что бездействие рабочих в связи с бойкотом привело к сильному снижению политической самостоятельности масс: «Всякий, наблюдавший вблизи избирательную кампанию в рабочей курии, отметил беспартийное, а отчасти антипартийное отношение немалой части рабочих»⁴⁷. Второй тур выборов социал-демократам удалось выиграть за счет их преобладания на мелких заводах и благодаря партийной дисциплине. Аналогичное положение было и в целом по России, например, и в Баку, и в Брянске. Но сам факт победы эсеров свидетельствует, что значительное влияние большевиков на рабочих промышленных центров — это преувеличение. Иначе нельзя объяснить, почему в ходе первой выборной кампании пролетариат, как утверждала партийная пропаганда, сознательно и активно поддержал большевистский лозунг отказа от выборов, а спустя всего полгода с небольшим не только легко отверг бойкот, но и отдал предпочтение эсерам. Кроме того, и в ходе этой думской кампании был значителен процент уклонившихся от выборов: при избрании уполномоченных правом голоса воспользовались всего от 24 до 33% рабочих⁴⁸.

Вопрос об участии в выборах вновь был поставлен на повестку дня после роспуска II Государственной думы и издания нового избирательного закона. В Гельсингфорсе в ноябре 1907 г. собралась IV конференция РСДРП для обсуждения тактики партии. Почти все участвовавшие на конференции большевики (Богданов, Красин и др.) выступали за бойкот, Ленин — против. Он отстаивал свою позицию, но бойкотисты оговорили особое мнение: высказываясь за бойкот выборов в III Думу при энергичном участии партии в избирательной кампании, но, не желая допустить победы оппортунистического крыла партии, голосуем за антибойкотистскую резолюцию, представляющую меньшее зло⁴⁹. В сентябре 1907 г. выборы не состоялись или закончились безрезультатно на 997 предприятиях из

1935, в голосовании приняли участие всего 157 879 рабочих (что составило 21,2% от их общего числа)⁵⁰.

В ходе четвертой избирательной кампании, как указывал И. В. Сталин, «в атмосфере подымающейся революции рабочие с большим интересом шли на выборы, отбросив прочь дряблое политическое равнодушие»⁵¹. Но вот другое свидетельство. Московский губернатор В. Ф. Джунковский доносил министру внутренних дел: по Московскому уезду из 143 предприятий рабочие не провели выборов на 64 фабриках и заводах, вместо 351 уполномоченного было избрано только 210 человек⁵². Даже советские исследователи признавали, что с учетом возросшей активности рабочих на Путиловском заводе на выборы уполномоченных из 9 тыс. рабочих явилось чуть больше половины (избрали 7 большевиков и 2 сочувствующих), сходная картина была на Тульском, Мотовилихинском, Сортовском оружейных заводах. В Туле выборы состоялись «на 14 из 26 предприятий при ничтожном количестве избирателей», на Коломенском заводе (Московской области) из 9 тыс. рабочих на выборы явились 400 человек, на Раменской мануфактуре из 3 тыс. рабочих — 97 человек. В среднем по России в выборах участвовали 10% рабочих, так как не все «прониклись сознанием значения думы, как трибуны для проповеди социализма и революционной борьбы»⁵³. И это при деятельной агитации большевиков за выборы!

Мы не видим оснований утверждать, что уклонение рабочих от участия в первых выборах — это следствие революционной тактики большевиков, тогда как во всех последующих — «дряблое политическое равнодушие». Выступая на II (экстренном) съезде партии социалистов-революционеров в феврале 1907 г. Г. Гершуни отмечал, что у «работников на местах, вследствие неизбежной конспирации, замкнутости и ограниченности круга сношений, создается психологически неизбежный... обман зрения. Все время вращаясь среди распропагандированных или, во всяком случае, близких к этому крестьян и рабочих, работники постепенно начинают принимать мнение и настроение этих сравнительно узких кругов за мнение и настроение широких масс», в результате чего желаемое представляется действительным. Он восклицал: «Господа, вы сводите счеты без хозяев!»⁵⁴. По видимости, то же было присуще и лидерам РСДРП, и бойкот выборов в I Государственную думу вызывался именно такой романтической оценкой состояния народных сил: свою революционную психологию представители левых партий приписывали всему народу.

Власть тоже не всегда адекватно оценивала ситуацию. Уже когда выборы шли полным ходом, 8 марта 1906 г., правительство, видя в бойкоте угрозу намечавшейся стабильности, издало подготовленный в экстренном порядке указ об уголовно-правовой охране избирательного права, предусматривавший, в частности, тюремное заключение на срок от 4 до 8 месяцев за возбуждение к массовому воздержанию от участия в выборах. Тем самым он имел целью нейтрализовать деструктивное для власти влияние крайне левых партий. По мнению либеральной печати, указ являлся типичным продуктом торопливого бюрократического творчества, подготовленным на злобу дня: «Рука юриста так же мало поработала над этою материей, как природа — над фигурой Собакевича»⁵⁵. Согласно российскому уголовному праву, подстрекать (возбуждать) можно было только к тому, что воспрещалось законодательством под страхом наказания, а невка на выборы сама по себе ничего противозаконного не представляла. Несостоятельный юридически, способ борьбы против бойкота не имел значимости и с практической точки зрения. Указ появился, когда выборы уполномоченных от рабочих во многих местностях были окончены (в Казанской губернии—2 марта, в Санкт-Петербурге, Ярославской губернии—5 марта, в Херсонской, Екатеринославской губерниях—7 марта, и т.д.). Что касается других слоев населения, показателен такой пример: 31 августа 1906 г. в г. Золотоноше выездной сессией губернского окружного суда слушалось дело по обвинению трех крестьян и восьми казаков, обвиняемых в том, что 12 марта 1906 г. в с. Прохоровке, участвуя в волостном сходе с целью избрания уполномоченных, они призывали к бойкоту выборов, агитируя за Учредительное собрание. Присяжный поверенный И. Л. Скловский отметил, что указ 8 марта 1906 г., на основании которого выдвигалось обвинение, полтавские «Губернские ведомости» опубликовали лишь 18 марта, и просил прекратить дело. Все 11 человек обвиняемых были оправданы⁵⁶. Во всяком случае, ни одно из подобных дел не получило широкого общественного резонанса.

В последующем эта мера вообще стала анахронизмом. И связано это было не только с тем, что многие радикальные партии отказались от тактики бойкота в избирательных кампаниях. В отечественной историографии традиционно отмечались репрессии в отношении социал-демократов в ходе думских кампаний. Но современники отмечали и другую очень важную тенденцию: про рабочих как-то все, и справа и слева, забыли; в каждой из губерний, где положено

было рабочее представительство, проходил один социал-демократ: «Это факт несомненный: для одних — неизбежное зло, которого нельзя устранить, для других — бесспорная и заранее обеспеченная победа, но строго замкнутая в численные рамки»⁵⁷. О том же говорил А. Смирнов в работе «Как прошли выборы во вторую Государственную думу»: на собрания рабочих-уполномоченных правительство совсем махнуло рукой, задействовав все административные пружины на стадии съездов мелких землевладельцев⁵⁸. Первые выборы оказались своеобразной пробой сил и, оценив результат, в последующем правительство стало воспринимать левый фронт как данность, которую проще контролировать, чем подвергать бессмысленным репрессиям, а в пассивном абсентеизме рабочих-избирателей (который преимущественно и имел место в ходе всех думских кампаний) власть не видела для себя никакой опасности.

¹ См., например: *Аверьев В.* Партия пролетариата и выборы в Государственную думу // Советское государство. 1937. № 6; *Михайлова В. В.* В.И. Ленин о первой Государственной думе // Некоторые проблемы социально-экономического развития УССР: Тематич. сб. ст. Днепропетровск, 1971. № 2; *Сахаров Г. В.* Борьба большевиков против партий крупной буржуазии в ходе избирательной кампании в первую и вторую Государственную думу // Некоторые вопросы истории Коммунистической партии Советского Союза. 1976. Вып. 2.

² В КП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 6-е изд. М.; Л., 1941. Ч. 1: 1898-1925. С. 59.

³ *Дан Ф.* Государственная дума и пролетариат // Государственная дума и социал-демократия. СПб., 1906. С. 9.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Протоколы Объединительного съезда РСДРП, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г. М.; Л., 1926. С. 189.

⁶ Наша жизнь. 1906. 18 февр.

⁷ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 14. Л. 64.

⁸ *Кроль М. А.* Как прошли выборы в Государственную Думу. СПб., 1906. С. 17.

⁹ Наша жизнь. 1906. 4 марта.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. 7 марта.

¹² *Глебов Б., Мительман М., Ульяновский А.* Выборы на Путиловском заводе // Как выбирали в Государственную думу. Л., 1938. С. 43.

¹³ Московские ведомости. 1906. 5 января.

¹⁴ *Глебов Б., Мительман М., Ульяновский А.* Указ. соч. С. 44.

¹⁵ Современная жизнь. 1906. 10 марта.

¹⁶ Наша жизнь. 1906. 7 марта.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. Н. Л. 5 об.

¹⁸ Там же. Л. 15.

- ¹⁹ Там же. Л. 116.
- ²⁰ Наша жизнь. 1906. 7 марта.
- ²¹ Там же.
- ²² *Б-ов М., Дан Ф.* Рабочие депутаты в первой Государственной думе. СПб., б.г. С. 32-33.
- ²³ Современная жизнь. 1906. 10 марта.
- ²⁴ Русская газета. 1906. 6 марта.
- ²⁵ Речь. 1906. 21 марта.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 7. Л. 329.
- ²⁷ *Костылев А.В.* Выборы в первую Государственную думу в Санкт-Петербурге // История парламентаризма в России. СПб., 1996. 4. 2. С. 54.
- ²⁸ *Б-ов М., Дан Ф.* Указ. соч. С. 25.
- ²⁹ РО РНБ. Ф. 1702. Т. 14. Л. 77об.
- ³⁰ Листовки петербургских большевиков, 1902-1917. Л., 1939. Т. 1. С. 340.
- ³¹ *Кроль М.А.* Указ. соч. С. 8, 10.
- ³² *Рапишвили И.* Из тюрьмы в Государственную думу // К десятилетию первой Государственной думы: Сб. ст. переводимцев. Пг., 1916. С. 171, 176.
- ³³ Протоколы... С. 242.
- ³⁴ Там же. С. 182.
- ³⁵ *Шерстянников Н. А.* Меншевицкая альтернатива в Российской социал-демократической рабочей партии (1903 г. — февраль 1917 г.). М., 1999. С. 26.
- ³⁶ Протоколы... С. 217. — Подтверждением могут служить тезисы тактической платформы к съезду, подготовленные группой бывших сотрудников газеты «Пролетарий»: «Наше участие в выборах не может помочь социал-демократическому воспитанию наиболее темных слоев массы, идущих в думу, притом исключительно законным путем, на который не может стать теперь РСДРП». См.: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 12. С. 237.
- ³⁷ Протоколы... С. 222.
- ³⁸ *Улам А.* Большевики: причины и последствия переворота 1917 г. М., 2004. С. 203.
- ³⁹ Протоколы... С. 246.
- ⁴⁰ *Ленин В. И.* Т. 12. С. 377-378.
- ⁴¹ Листовки... Л., 1939. Т. 1. С. 386.
- ⁴² ВКП (б) в резолюциях... С. 86.
- ⁴³ Листовки... С. 465. — Это было сделано в связи с вышеупомянутыми Сенатскими разъяснениями о праве рабочих участвовать в выборах.
- ⁴⁴ *Кольцов Д.* Перед выборами // Отклики. 1907. Сб. 2. С. 40.
- ⁴⁵ Там же. С. 38.
- ⁴⁶ *Глебов Б., Мительман М., Ульяновский А.* Указ. соч. С. 44, 46.
- ⁴⁷ *Мартов Л.* Среди тактических противоречий // Отклики. 1907. Сб. 3. С. 42, 46, 49.
- ⁴⁸ *Кириянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты. Пермь, 1995. С. 67.
- ⁴⁹ ВКП (б) в резолюциях... С. 112-113.
- ⁵⁰ *Кириянов И. К., Лукьянов М. Н.* Указ. соч. С. 67.
- ⁵¹ Цит. по: *Бычков Л.* Из истории выборов в Государственные думы царской России // Как выбирали в Государственную думу. Л., 1938. С. 32.
- ⁵² *Рачков Л. И.* Избирательная кампания в четвертую Государственную думу в Московской губернии // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. М., 1964. С. 53.

- ⁵³ *Черменский Е.* Выборы в IV Государственную думу // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 28.
- ⁶⁴ Протоколы второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1907. С. 82-83.
- ⁶⁵ *Штильман Г.* Уголовно-правовая охрана выборов // Вестник Европы. 1912. № 10. С. 257.
- ⁵⁶ Право. 1906. 17 сентября. С. 288.
- ⁵⁷ Хроника общественной жизни // Вестник Европы. 1912. № 10. С. 428.
- ⁵⁸ *Смирнов А.* Как прошли выборы во вторую Государственную думу. СПб., 1907. С. 19.

С. В. Беспалов (Москва)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУМСКИХ ЛИБЕРАЛОВ (1906-1910 гг.)

После событий 1905 г. необходимость проведения полномасштабных аграрных преобразований как важнейшего условия осуществления экономической и политической модернизации страны стала очевидной. Однако по ключевым вопросам (и о том, какую проблему прежде всего призвана решить реформа — крайне низкой эффективности общинного крестьянского землепользования или же малоземелья крестьян, и о том, какими средствами эта реформа должна осуществляться) существовали принципиальные разногласия, в том числе между представленными в Государственной думе правыми и левыми либералами.

Последовательными сторонниками столыпинской аграрной политики были октябристы. Как отмечал в своем докладе на III Всероссийском съезде «Союза 17 октября» в 1909 г. С. И. Шидловский, причинами весьма распространенного в России отождествления аграрного вопроса с малоземельем и, соответственно, убеждения «в возможности разрешения его посредством проведенного в законодательном порядке отчуждения не принадлежащих крестьянам земель в их пользу» являлось не только достаточно широкое распространение в стране социалистических идей, но и совершенно неправильная политика правительства в крестьянском вопросе, пытавшегося бороться, главным образом, не с причинами кризиса, а лишь с его следствиями. Мерами же, имеющими «непосредственное значение для устранения явлений, вызвавших аграрный вопрос», Шидловский считал: признание за крестьянами права собственности на участки наделной земли (т. е. последовательную реализацию основных положений Указа 9 ноября 1906 г.); устройство бывших

© С. В. Беспалов, 2006

наделных земель в хозяйственном отношении (при помощи размежевания, устранения чересполосицы, организации отрубов, хуторов и т. д.); содействие увеличению масштабов мелкого землевладения (через организацию государственного кредитования сельского хозяйства, главным образом, при помощи Крестьянского банка и ускорение переселенческого процесса); «насаждение на прочных основаниях промышленности»; и, наконец, «распространение образования и знаний путем правильно поставленной народной школы и воспитание народа в духе законности и уважения к чужим правам и собственным обязанностям, достигаемое исключительно подобным же отношением к себе учреждений и лиц, представляющих в глазах народа преобладающую власть, и соответственным государственным строем»¹. Все эти позиции, а также требования широкой организации государственного ипотечного кредита под залог земли в целях скорейшего внедрения всевозможных сельскохозяйственных улучшений были отражены в принятой Экономической секцией съезда «Союза 17 октября» резолюции по земельному вопросу и землеустройству. В этом документе отмечалось также, что действие Указа 9 ноября 1906 г. «не может проявиться в полной мере, если в ближайшем будущем не последует ряд узаконений и преобразований в целях создания благоприятных условий для развития мелкого хозяйства»².

В обращении к избирателям депутатов Государственной думы от Тамбова — членов *Союза 17 октября* — отмечалось, что принципиальной позицией октябристов является требование неприкосновенности частной собственности: «Ни у кого, никогда, иначе как по суду, не может быть отобрано то, что им нажито, получено по наследству или приобретено другим законным способом; будь то земля, или дом, или фабрика, или деньги, или какое-либо другое имущество. Ибо право собственности есть природное и священное право человека, такое же, как право жизни; только при неприкосновенности собственности возможно сохранение и улучшение благосостояния отдельных людей и всего государства»³. Заявляя о необходимости заставить «зажиточных людей справедливо поступиться своими выгодами и удобствами в пользу бедных», депутаты-октябристы считали необходимым в этой связи прежде всего полное уравнение крестьян в правах с другими сословиями, а также предоставление им возможности на льготных условиях *приобретения в собственность* помещичьих земель, наделение крестьян государственными и удельными землями, а также

законодательное облегчение условий аренды частновладельческих земель⁴.

Октябрист В. Бартечев отмечал, что, во-первых, любые проекты масштабного перераспределения земли всегда крайне опасны, и, во-вторых, добиться каких-либо улучшений в крестьянском хозяйстве, не сделав крестьян действительными собственниками их земель, абсолютно невозможно⁵. По мнению Бартечева, необходимо было осуществить «обязательный выкуп обрестов [т. е. отрезков] по справедливой оценке, реформирование арендных отношений, расширение деятельности Крестьянского банка»; но в то же время ни эти, ни другие мероприятия не способны кардинально улучшить положение крестьян до тех пор, пока сохраняется общинное землевладение с присущими ему переделами, принудительным севооборотом, трёхпольем, чересполосицей, длинноземельем и прочими общеизвестными пороками⁶.

Переходя к характеристике воззрений представителей российской либеральной оппозиции, представленной в Государственной думе конституционно-демократической партией, следует отметить, что ее платформа в значительной степени предопределялась позицией местных комитетов партии кадетов. Делая обзор их предложений, Л. К. Брейер отмечает, что «основания аграрной реформы на местах разработаны очень недостаточно»; однако одно положение выдвигается на первое место всеми — необходимость принудительного отчуждения частновладельческих земель с целью удовлетворения в том или ином размере земельной нужды крестьян. Только при этом условии, по мнению местных комитетов, возможно успокоение крестьян, развитие их благосостояния и проведение иных мероприятий, необходимых для оздоровления ситуации в аграрном секторе российской экономики⁷.

Эту позицию разделяли и лидеры Партии народной свободы. Так, по мнению М. Я. Герценштейна, не может быть никаких сомнений в том, что площадь крестьянских земель должна быть увеличена, «притом преимущественно за счет частновладельческих земель»⁸. Правда, реформа эта должна быть проведена «не путем конфискации, а путем экспроприации, при которой вознаграждение владельцев земли является неизбежным», хотя и не по рыночной цене, а исходя из «справедливой оценки». (Отметим, что, обосновывая данное положение кадетской программы, Герценштейн заявил в Государственной думе, что вопрос разрешился бы без всяких затруднений в случае «одновременной замен [ы] частной собствен-

ности на землю и капитал государственною», т. е. перехода к социалистическому строю; однако поскольку «объективных данных» для такого перехода в России пока явно не достаточно и «экономическая структура не подготовлена еще настолько, чтобы частная инициатива могла быть заменена государственною или общественною», то за экспроприруемую землю лучше все-таки заплатить⁹. Показательно, что именно человек со столь радикальными взглядами являлся в I Думе основным оратором кадетской партии по аграрному вопросу.)

Основным препятствием для развития сельского хозяйства России являлись, согласно Герценштейну, отнюдь не уравнилельные общинные порядки, а, напротив, «неравномерное увеличение богатых», которое «приняло такие размеры, при которых всей нашей культуре грозит опасность»¹⁰. Партия народной свободы, от имени большинства членов (и депутатов) которой выступал Герценштейн, не могла, по его словам, согласиться с тем, что «никогда не достигнуть культуры, пока не выделится зажиточный элемент крестьян», поскольку наряду с этим неизбежен рост сельского пролетариата, — его Герценштейн именовал батрачеством; «не крестьянин должен опуститься до батрака, а батрак должен подняться до крестьянина»¹¹. Наконец, даже неизбежность существенного снижения товарности сельскохозяйственного производства, сужения рынка и — вследствие этого — тяжелого промышленного кризиса не казались Герценштейну серьезным аргументом против предлагаемой его партией программы, поскольку хотя «против роста промышленности возражать не приходится, но искусственно создавать ее мы не можем»¹².

Другой видный деятель кадетской партии, Г. Ф. Шершеневич, также считал несостоятельными доводы тех, кто выступал за неприкосновенность частной собственности на землю. «Свято то право, которое охраняет справедливость», — утверждал он в рассчитанной на массового читателя брошюре, разъясняющей основные положения партийной программы; а «где же правда в том праве, которое позволяет богатым помещикам, не обрабатывающим землю, брать с земледельцев плату в свою пользу?»¹³.

Кроме того, по утверждению Шершеневича, многочисленные случаи отчуждения частных земель, необходимых при строительстве железных дорог, военных объектов и т. д., вполне могли служить прецедентом для дела, безусловно, «общепользующего» — обеспечения землей остро нуждающихся в ней крестьян. Кроме того,

раз «у крестьян давно сидит мысль, что земля Божья и что она должна быть в руках тех, кто сам на ней работает», то с мнением народа нельзя не считаться¹⁴. Земли, выкупленные у владельцев государством «по справедливой оценке», вместе со всеми существующими категориями государственных земель должны составить единый государственный земельный фонд, из которого земельные участки должны передаваться нуждающимся крестьянам в пользование, а не в собственность — во-первых, потому что, раз земля выкуплена на государственные средства, то она должна и оставаться собственностью государства, во-вторых, «крестьянину нужна земля для добывания хлеба, а не все ли ему равно, чья она, государства, или общины, или его лично?»¹⁵. Более того, в дальнейшем за государством должно быть признано преимущественное право приобретения всех выставляемых на продажу частных земель. В результате, по словам Шершеневича, «шаг за шагом будем подвигаться к тому, чтобы вся земля стала народным достоянием. Это то, что называется национализацией земли», — такова должна быть конечная цель аграрной реформы¹⁶.

Впрочем, принципиальные решения по аграрному вопросу, предлагал Шершеневич, вправе принимать лишь Государственная дума, и если крестьяне «потребуют непременно передачи им во владение — придется голосу их уступить»; однако подобный вариант развития событий он справедливо считал маловероятным¹⁷.

С несколько иных позиций подвергал критике аграрную политику правительства другой видный деятель кадетской партии — А.И. Шингарев. По его мнению, если какая-либо собственность и должна считаться неприкосновенной, то, прежде всего, — общинная. Будет ли она превращаться в частную собственность или нет, решать должны сами крестьяне; в любом случае «вглубь народной хозяйственной жизни, в его земельные отношения не вправе вмешиваться законодатель ... дело пользования землею, ее разверстка — дело самого народа, народного общества, а не организующих его»¹⁸. По мнению Шингарева, правительство, ничего не делавшее на протяжении десятилетий для поднятия земледелия, повышения культурного уровня народа, тормозившее развитие просвещения, сваливало на общину собственные грехи¹⁹.

Во многом сходной с взглядами Шингарева была и позиция П.Н. Милюкова. Не желая выглядеть убежденным сторонником русской общины, Милюков утверждал в то же время, что «идеал мелкой земельной собственности — это не русский идеал и тем

более не русская действительность»²⁰. Масштабный социально-экономический переворот, происходивший на Западе на протяжении нескольких веков, не может быть совершен по воле правительства в считанные годы. Поэтому правительственный проект аграрной реформы, «гораздо меньше имеющий связи с русским прошлым и гораздо более утопичный», нежели кадетская программа, основанная на принудительном отчуждении, обречен на провал, — правда, опять же «если его иметь в виду как проект, подлежащий немедленному осуществлению». Кроме того, столыпинская программа, по мнению Милюкова, предусматривала, по сути, принудительное отчуждение надельных земель, притом по оценке явно несправедливой «и в интересах не государственных, а частных», — т. е. в интересах небольшого слоя многоземельных крестьян, а также заинтересованных в успокоении деревни помещиков. Исходя из этого, Милюков утверждал, что правительственная политика более революционна, нежели то, что предлагалось кадетами²¹ (и в известном смысле он, несомненно, был прав).

Лидер Партии народной свободы настаивал на том, что ввиду исключительной важности вопроса и в отсутствие согласия в обществе по поводу путей его решения никакие меры не должны предприниматься без учета позиции народных представителей²².

Наконец, совершенно несостоятельной представлялась Милюкову идея Столыпина о том, что только возникновение слоя мелких земельных собственников может создать предпосылки для успешного завершения политических реформ, создания эффективного местного самоуправления и т. д., поскольку быстрых результатов от аграрной реформы ожидать не приходится, не следует «на ней основывать и ею даже обуславливать возможность всякого рода других преобразований»²³. Политические и экономические реформы должны осуществляться параллельно и потому еще, что в любой стране форма землепользования, по словам Милюкова, неразрывно связана со всем общественным строем и, следовательно, «может эволюционировать лишь на почве эволюции всего этого строя»²⁴.

Впрочем, многие представители либеральной оппозиции занимали по этому вопросу достаточно умеренную позицию. Известный деятель либерального движения граф Гейден утверждал, что, принимая меры по решению аграрного вопроса, дума не должна «сходить с правовой точки зрения»: «Нам необходимо не удовлетворять то или другое желание, а решить, что следует сделать ради государственной пользы для населения, прилагающего свой труд к

земле». А потому, хотя «права частных лиц должны подчиниться этой главной цели», ошибочно полагать, «что вся цель — взять у одних и отдать другим»²⁵. Депутат Ефремов, так же, как и Гейден, являвшийся сторонником принудительного отчуждения, тоже полагал, что рассматривать аграрный вопрос только с точки зрения расширения землепользования недопустимо, надо изыскивать и другие средства, поскольку хотя безземельным и малоземельным крестьянам действительно, по его мнению, недоступна никакая интенсификация хозяйства, но в целом ряде регионов — Донской области, Самарской губернии и др. — «можно говорить только о малоземелье относительно, и... интенсификация вполне возможна» без всякого перераспределения земель²⁶. Князь Волконский предостерегал от опасности разрушения культурных хозяйств, поскольку уничтожить их — «это все равно что уничтожить фабрики и заменить их ремесленными заведениями»²⁷.

Неоднозначно оценивал столыпинскую политику П.Б.Струве. По его убеждению, П.А.Столыпин «именно своей аграрной программой является могильщиком старопомещичьей России, сам того вовсе не желая... Его аграрная политика со всеми ее следствиями стоит в кричащем противоречии с его остальной политикой». Струве проводил вполне справедливую аналогию между политикой Столыпина и деятельностью С.Ю.Витте в 1890-х — начало 1900-х гг. В политике Витте «наряду с казовой консервативностью объективно заключался глубоко революционный элемент», поскольку, стимулируя развитие в стране промышленности, она тем самым «подготавливала элементы новой России». Точно так же столыпинский курс, хотя и кажется многим консервативным или даже реакционным, по существу, является попыткой «перестроить Россию в самых ее глубинах»²⁸. Еще более выразительно сформулировал Струве ту же мысль после гибели премьера: «Как бы ни относиться к аграрной политике Столыпина..., этой политикой он совершил огромный сдвиг в русской жизни. И — сдвиг поистине революционный и по существу, и формально. Ибо не может быть никакого сомнения, что с аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России в один ряд могут быть поставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог».

В то же время, по мнению Струве, стремление Столыпина сделать свою аграрную политику основой для «поддержания убудочной политической формы конституционного самодержавия» свиде-

тельствовало о непонимании главой правительства основополагающих законов исторического развития³⁰.

Однако, по-видимому, на самом деле именно Струве не понимал (во всяком случае, поначалу) замысла Столыпина. Гораздо ближе к истине был В.А.Маклаков, писавший (к сожалению, только в 1942 г. в воспоминаниях), что хотя идеи либерализма и «не были исконным credo Столыпина», но «он необходимость их понял», однако, желая предотвратить всевозможные идеологические возражения как справа, так и слева, «настоящего государственного смысла... реформ Столыпин... не высказывал»³¹.

Мы можем констатировать, что и идеологи, и сторонники осуществлявшейся российским правительством политики, и их либеральные оппоненты исходили из того, что без кардинального решения аграрного вопроса невозможно обеспечение устойчивого развития страны. Но если первые в большинстве своем считали проведение аграрной реформы необходимым условием осуществления всех дальнейших, в том числе и политических, преобразований, то вторые, как правило, полагали, что аграрная реформа в принципе не может быть успешно реализована без предварительного (или, во всяком случае, одновременного с ней) изменения государственного строя.

Основным элементом праволиберальных (и умеренно-консервативных) концепций аграрных преобразований являлась ставка на утверждение частнособственнических отношений в крестьянском хозяйстве как важнейшее условие выхода из кризиса, решения проблемы аграрного перенаселения, повышения производительности труда и т. д. Консерваторы и правые либералы в большинстве своем отрицали существование проблемы малоземелья, признавая лишь относительное малоземелье вследствие разбросанности принадлежащих каждому домохозяйству участков и крайне низкого уровня ведения хозяйства. Большинство же представителей либеральной оппозиции не считали вопрос о собственности первоочередным, провозглашая в качестве основной задачи необходимой аграрной реформы увеличение размеров крестьянского землевладения, причем, не в последнюю очередь, за счет отчуждения частновладельческих земель. По существу, их программа предполагала развитие аграрного сектора российской экономики по экстенсивному пути еще в течение неопределенно долгого времени. Наряду с этим налицо была недооценка опасности создания прецедента нарушения права собственности.

Весьма показательным в связи с этим представляется выступление П. Н. Милюкова на конференции кадетской партии в ноябре 1909 г. Характеризуя политическую позицию своей партии как демократический конституционализм, сущность которого заключается в «соединении радикальной политической и радикальной социальной программы», Милюков заявлял, что одним из приоритетов должна стать защита интересов трудящихся масс от «покушений со стороны "крепких и сильных" в жизни и в законодательстве. В этом смысле, при конкретных обстоятельствах русского быта, демократическому конституционализму приходится иногда поддерживать и те формы охраны, которые содержатся в обломках старого социального строя». Поэтому лидер кадетов готов был и далее мириться с тем, что программа либеральной оппозиции останется весьма сходной «с социальными стремлениями монархистов»³² (а в еще большей степени, по нашему мнению, — социалистов и неонародников).

Такая позиция придавала аграрной программе левого крыла российских либералов, по сути, антилиберальный характер, и потому попытка ее реализации, безусловно, лишь затормозила бы процесс развития капитализма в сельском хозяйстве России. Как отмечал в своем приветствии III съезду «Союза 17 октября» член Государственного совета проф. В. И. Герье, важнейшей задачей, от решения которой зависит будущее России, является «завершение великого дела раскрепощения русского земледельца и предоставление ему права быть независимым землевладельцем. Было бы роковым заблуждением воображать, что можно вводить в страну политическую свободу, когда народная масса лишена самого элементарного гражданского права, права личной собственности на свою землю..., когда большинство сельского люда обречено составлять особую касту, касту людей, прикрепленных землею к общине»³³. К сожалению, в России начала XX столетия представители либерального лагеря, понимавшие это, оставались в явном меньшинстве.

¹ ГАРФ.Ф. 115. Оп.2. Д. 16. ЯЛ-Лоб.

² Там же. Л. 39-39 об.

³ Там же. Д. 11. Л. 90 об.

⁴ Там же. Л. 91.

⁵ Там же. Л. 7-8.

⁶ Там же. Л. 8-8 об.

⁷ Брейер Л. К. Мнения местных к.-д. комитетов и местных деятелей об основах аграрной реформы // Аграрный вопрос: Сб. ст. М., 1907. Т. I. С. 241.

⁸ Герценштейн М. Я. Конфискация или выкуп? (К аграрному вопросу). М., 1906. С. 2.

⁹ Там же. С. 16-17.

¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹ Там же. С. 182-183.

¹² Там же. С. 182.

¹³ Шершеневич Г. Ф. Программа партии народной свободы (конституционно-демократической). М., 1906. С. 35.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 39.

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Там же. С. 39-40.

¹⁸ Государственная дума. Второй созыв. СПб., б/г. Стб. 1356.

¹⁹ Там же. Стб. 1356-1357.

²⁰ Государственная дума. Третий созыв. Сессия I. СПб., б/г. 4. 1. Стб. 361.

²¹ Там же. Стб. 361-362.

²² Там же. Стб. 363-364.

²³ Там же. Стб. 362.

²⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. Ч. 1. С. 285.

²⁵ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 42. Л. 32.

²⁶ Там же. Л. 33.

²⁷ Там же. Л. 34.

²⁸ Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 264.

²⁹ Струве П. Б. Преступление и наказание // Убийство Столыпина: Свидетельства и документы. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 320.

³⁰ Там же.

³¹ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника // Убийство Столыпина: Свидетельства и документы. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 49.

³² Милюков П. Н. Речь на конференции конституционно-демократической партии в ноябре 1909 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 155-157.

³³ ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 18. Л. 62.

О. А. Патрикеева (Санкт-Петербург)

**РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ПЕЧАТЬ
О ПОБЕДЕ КАДЕТОВ НА ВЫБОРАХ
В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

**Какою шли они тропой,
Попав в народные трибуны?
Их выбор был — игра Фортуны,
Плод агитации слепой?**

«Новое время». 1906. 23 марта.

Каковы же были причины ошеломляющего успеха кадетов на выборах в I Государственную думу? Уже современники пытались разобраться в этом важном вопросе. Противники конституционных демократов справа и слева, их сторонники и, наконец, сами кадеты предлагали свои оценки итогов первой думской избирательной кампании.

Одним из первых осмыслить результаты парламентских выборов в России постаралось Министерство внутренних дел, ответственное за их организацию и проведение. 28 марта 1906 г. встревоженный П.Н.Дурново, которому итоги выборов стоили вскоре министерского кресла, направил в регионы, где выборы уже состоялись, шифрованную телеграмму. Местным губернаторам предлагалось проанализировать причины победы оппозиционных сил на подведомственной им территории и объяснить, «лежат ли эти причины в условиях самой системы выборов, и каких именно, или в равнодушии умеренных классов общества и энергической пропаганде крайних партий, или в иных обстоятельствах». Помимо этого

местную власть просили дать заключение о степени добросовестности предвыборной агитации и сообщить о случаях злоупотреблений, подкупа и угроз в период выборов¹.

Ответы губернаторов отличались поразительным единодушием. Практически все они считали, что к победе оппозиции на выборах привели, с одной стороны, разрозненность и пассивность правых политических партий, отсутствие в их рядах ярких ораторов и публицистов и, с другой — энергичная деятельность кадетских организаций. «Предвыборные собрания, зажигательные речи, широкое распространение программ и боевых газет, масса интеллигентных агентов, широковещательные плакаты и зеленые ленты — все это поражало воображение неопытного в выборном деле обывателя»², — отмечал московский губернатор В.Ф.Джунковский. Утверждалось также, что кадеты обеспечили себе победу, напечатав огромное количество экземпляров готовых списков своих кандидатов в Думу, чем «предупредительно» облегчили работу обывателям, удачно сделав ставку «на славянскую лень и беспечность единоплеменников», а также на малограмотность значительного большинства последних³.

Все как один отметили, что успеху кадетов на выборах в значительной степени способствовала «эластичная», «зазывающая» и «пестрая» партийная программа. «Кадеты обещали рабочим — 8-часовой рабочий день, инородцам — автономию окраин, крестьянам — дополнительный надел»⁴, — писал олонекский губернатор. Ему вторил глава исполнительной власти Симбирской губернии: «К.-д. программа так широка, что члены партии могли во время выборов обещать все, что хотели избиратели»⁵. Все губернаторы единодушно отметили усиление репрессий на местах как возможную причину победы оппозиции. (Это и понятно, поскольку местная исполнительная власть как раз и проводила эти репрессии.) Так же единодушно губернаторы вынуждены были признать отсутствие злоупотреблений и давления на избирателей со стороны партий, участвовавших в выборах.

Разобраться в причинах триумфа кадетов пытались и их политические соперники слева. Сотрудники журнала «Русское богатство», так называемая «небольшевистская левая», считали, что своим успехом на выборах конституционные демократы обязаны прежде всего благоприятной обстановке, сложившейся на избирательном поле вследствие отказа левых от участия в выборах. По мнению политического обозревателя журнала А. В. Пешехонова, социалисты

оказали кадетам двойную услугу. Они не только выдержали на себе всю тяжесть давления властей, но и своим отказом от участия в выборах «произвели такую диверсию», которая поставила Партию народной свободы «вне правительственных выстрелов». Преследовать одновременно и тех, кто стоял за выборы, и тех, кто был против выборов, — задача столь трудная, что удовлетворительно решить ее не было в силах даже «более умное» правительство⁶.

Противники кадетов слева считали важнейшей причиной успеха этой партии свой собственный отказ от предвыборной борьбы. Как известно, В. И. Ленин писал, что кадетам победа досталась в значительной степени лишь потому, что они оказались самой левой партией на думских выборах⁷. Подобного же мнения придерживались редакция журнала «Мир божий» (с октября 1906 г. — «Современный мир»), стоявшая на позициях, близких к меньшевикам⁸, а также авторы знаменитого меньшевистского пятитомника «Общественное движение в России в начале XX века»⁹ и ряда других изданий этой партии.

Среди важнейших причин победы кадетов в избирательной кампании часто указывалась репрессивная политика правительства. Главным архитектором кадетского триумфа многие считали лично П.Н.Дурново. Октябристы даже язвительно предлагали кадетам поднести благодарственный адрес министру внутренних дел. Репрессии правительства, прежде всего казнь лейтенанта П. П. Шмидта и избиение в тюрьме М. Спиридоновой, обросшие чудовищными домыслами и слухами, «толкнули избирателей в объятия оппозиционных партий»¹⁰, — утверждала октябристская пресса. «Итоги выборов — это выражение недоверия правительству, и совсем не выражение доверия конституционным демократам»¹¹, — заявлял член ЦК «Союза 17 октября» Н.Н.Перцов. «Выборы явились своего рода противоправительственной демонстрацией»¹², — вторил ему А. И. Гучков. Как отмечали сами «триумфаторы», подобное объяснение вполне устраивало их политических соперников, поскольку было «не столь щекотливым для партийного самолюбия»¹³ последних.

Одновременно лидеры «Союза» сожалели о том, что октябристам так и не удалось громко заявить о себе, как о партии, резко осуждающей репрессивную политику властей. «Чем реагировал блок на печальную деятельность правительства? — Одной воркотней своего московского съезда»¹⁴, — с горечью писала октябристская печать. Да и резолюция I съезда «Союза», осуждавшая ка-

рительные действия кабинета Витте-Дурново, принятая 9 февраля 1906 г., так и не получила широкого распространения, в основном, из-за противодействия Петербургского ЦК партии. «Союз 17 октября» «не оттенил достаточно ясно и определенно» своей оппозиции политике властей, и значительная часть избирателей «пошла туда, где постоянно говорили об угнетении, насилии, подавлении гражданской свободы и необходимости расследования и суда»¹⁵, — отмечал А. И. Гучков. Октябристы же в глазах большинства населения по-прежнему оставались проправительственной партией. «Избиратель "прокатил" "Союз 17 октября", видя в нем бывшего и будущего приспешника и наперсника правительства»¹⁶, — констатировала левая пресса.

Анализируя причины успеха кадетов, их политические оппоненты, явно недооценивая программные лозунги этой партии, сходились в том, что случившееся — «победа не программ, а настроений». По мнению лидера октябристов, избирательная программа кадетов вообще не имела большого значения в предвыборной агитации, поскольку внешне очень напоминала избирательную платформу «Союза». «Стоило закрыть заглавную строку и подпись — и никто не сумел бы определенно сказать, какая из двух партий выпустила этот листок»¹⁷, — заявлял А.И.Гучков в своих интервью. С ним соглашалось подавляющее большинство октябристских аналитиков. Правда, обнаруживая схожесть программных документов обеих партий, они отмечали, что кадеты «порезче да побойчее будут»¹⁸. Сторонники кадетской партии высказывались более конкретно. Так, А. С. Изгоев считал, что программа октябристов имеет много общего с кадетской, но лишена ее точности, определенности, «ее красок и силы»¹⁹. М. М. Ковалевский отмечал, что при чтении кадетской программы избиратель «ощущал дыхание свободы», в то время как от воззваний «Союза 17 октября» веяло «холодом расчета и осмотрительной дипломатии», отдавало «духом сытости и барства»²⁰.

Среди причин провала умеренных партий на выборах указывали и на травлю их со стороны ультраправых. «Сильно подрезали нас господа монархисты, — жаловался учредитель Торгово-промышленной партии Г. А. Крестовников. — Их главарь Грингмут положительно не ведал, что творил. Можно было даже подумать, что он играет в руку кадетской партии: так нелепы были его выходки против блока»²¹. С Крестовниковым соглашались и сами правые, отмечая, что подобная тактика привела к оттоку избирателей из

«Союза» и Торгово-промышленной партии, правда, не к Грингмуту, как ожидалось, а к кадетам .

Предпринимались попытки исследовать тактику аутсайдеров и победителей предвыборной борьбы. Ультраправые, не утруждая себя анализом собственных промахов и ошибок, ограничились разбором предвыборной тактики конституционных демократов. Правомонархические издания пестрели обвинениями последних во лжи и лицемерии, применении недостойных агитационных приемов, использовании еврейских денег на выборах и т. п. О себе же они скромно заявляли, что «лучшим и достойнейшим людям, конечно, нет надобности ... вообще вязываться в предвыборную агитацию»²³ и что победить их на выборах никто не мог, поскольку они «ни с кем не боролись, а только исполняли свой долг перед Государем и Родиной — несли свои бюллетени»²⁴. Своей серьезной тактической ошибкой они считали лишь разрозненность и разобщенность. «На выборах столкнулись дезорганизованный монархизм с организованным конституционализмом» , — метко заметил идеолог правых Л. А. Тихомиров.

Мнение октябристов о тактике кадетов на выборах во многом совпадало с выводами ультраправых. «Это не партия, а какая-то лавочка, рассчитанная на широкий круг потребителей»²⁶, — писала о кадетях октябристская пресса. Октябристы же, по их собственному мнению, в отличие от кадетов, не гнушавшихся никакими предвыборными приемами и средствами, проявили излишнюю деликатность и корректность в избирательной борьбе²⁷. В то же время октябристские аналитики, в отличие от политических деятелей крайне правого крыла, пытались более детально разобраться в собственном провале на выборах. Так, на страницах «Нового времени» талантливый журналист А. А. Пиленко, блестящими парламентскими репортажами которого через месяц зачитывалась вся страна, открыто обвинял членов Петербургского ЦК «Союза 17 октября» в провале избирательной кампании в столице, всецело объясняя результаты выборов лишь тактикой участвовавших в них партий. Не ограничиваясь голословными обвинениями, «радикальный октябрист из нововременцев» подверг детальному анализу предвыборную деятельность руководства «Союза», указав на ряд серьезных тактических ошибок. Важнейшая из них, на взгляд А. А. Пиленко, — недооценка значения партийных списков кандидатов в выборщики и депутаты Госдумы. Уже в начале избирательной кампании А. А. Пиленко и ряд его единомышленников постоянно

настаивали на заблаговременном опубликовании списков партийных кандидатов по примеру кадетской партии: «Избирательный список партии — это та же партийная программа, только за подписью лиц, которые взяли на себя обязательства проводить ее в жизнь!»²⁸. Однако руководство Петербургского ЦК решило огласить партийный список в самый последний момент, объясняя этот шаг мерами предосторожности («иначе газетчики такого понапишут о кандидатах!»²⁹). В итоге список кандидатов в выборщики по Петербургу от «Союза 17 октября» и входивших с ним в избирательный блок партий был опубликован в печати лишь 16 марта 1906 г., т.е. за 4 дня до выборов (за 3 дня до выборов появились в печати и имена московских выборщиков от умеренных партий³⁰). По убеждению А. А. Пиленко, избиратель попросту не заметил этого списка. Своего молодого сотрудника поддержал редактор газеты А. С. Суворин: «... имена — великое дело. Бранят ли их или хвалят — все равно, это шаги к известности, к популярности. Союзники «17 октября» этого в такой степени не понимали, что прятали имена своих излюбленных под густыми политическими ресницами»³¹. А кадетская пресса, отмечая «черносотенный» состав большинства октябристских выборщиков, ехидно соглашалась, что публиковать подобный список можно лишь в самый последний момент, «авось избиратели не спохватились бы»³².

Крайне неудовлетворительно, на взгляд А. А. Пиленко, проводилась и предвыборная агитация «Союза». Напомнив, что агитация «распадается» на устную и письменную, а та, в свою очередь, — на газетную и брошюрную, журналист требовал у лидеров «Союза» подробного отчета: сколько митингов было устроено, какие статьи и где помещены, какие даны ответы на волнующие избирателей вопросы? Особенно возмущало А. А. Пиленко полное отсутствие у октябристских агитаторов специальной справочной литературы с нужными цифрами, фактами и аргументами³³. «Эта партия мне с самого начала казалась малодетальной» , — вновь соглашался с ним А. С. Суворин. Столь же неслестно отзывался о предвыборной тактике «Союза» их коллега по газете В. В. Розанов³⁵.

И октябристы, и их политические соперники слева были единыдушны в оценке блоков и соглашений, заключенных умеренными партиями в ходе выборов в Государственную думу. И те и другие считали фатальной ошибкой «Союза» предвыборный блок с Партией правового порядка, не скрывавшей своих черносотенных симпатий³⁶. По мнению отдельных аналитиков, немало на-

вредило «Союзу» и соглашение с Торгово-промышленной партией, давшее повод заподозрить октябристов в намерении прежде всего отстаивать интересы промышленников и предпринимателей³⁷.

Между тем политические противники «Союза 17 октября» отнюдь не считали поражение этой партии на выборах лишь результатом ошибочности ее тактики. Так, по мнению лидеров Партии демократических реформ, причины провала октябристов лежали гораздо глубже, они коренились в самой сущности «Союза», в той ложной «межеумочной» позиции, которую он занимал. «Вместо того чтобы смотреть вниз и оттуда черпать поддержку, он обратил взоры кверху и оттуда ждал указа, — писала "Страна". — Вместо того чтобы повернуться к народу всем лицом, он стал к нему в пол-оборота. Боком нельзя говорить с народом: у него свои амбиции»³⁸. В основе Манифеста 17 октября 1905 г., напоминал М.М. Ковалевский, лежит идея свободы. Но знамя «Союза 17 октября» — не просто свобода, а свобода с оговорками. Центр тяжести программы «Союза», утверждал знаменитый ученый, — это принцип господства. «Господствует монархизм, господствует собственность, господствует православие, господствует русское племя — вот, что подчеркивается с особой старательностью программой "Союза 17 октября". Среди всех этих господствующих "устоев" бедная свобода должна чувствовать себя очень неловко, как мужицкая сермяга, затерявшаяся среди плеяды мундиров».

Ультраправые, в свою очередь, объясняли провал октябристов более глубинными причинами, чем просто тактические промахи, и прежде всего — отступничеством от «чистых начал» монархизма. Победу же кадетов на выборах приписывали их удачному названию — Партия народной свободы, сыгравшему, по мнению проправительственной прессы, «роль гениального полководца» для тысяч избирателей. «Масса не может ориентироваться в программах, платформах разных партий, понять их содержание, а нужду в свободе чувствует каждый, а потому и идет туда, где ее обещают»⁴¹, — отмечали правые. Соответственно, неудачным партийным наименованием объясняли и поражения на выборах умеренных партий, в частности «Союза 17 октября». «Надпись для знамени выбрали календарную, сухую. Что она говорила массе, "простецам"?»⁴², — негодовал М. О. Меньшиков. Вопрос о перемене партийного названия обсуждался на одном из заседаний бюро ЦК «Союза» 29 марта 1906 г.⁴³ Выступая на нем, известный философ, редактор жур-

нала «Вопросы философии и психологии» Л. М. Лопатин предлагал переименовать «Союз 17 октября» в «Русскую либеральную партию», связывая успех кадетов на выборах в I Государственную думу со своевременной заменой неясного иностранного термина «конституционно-демократическая» на понятное русскому избирателю словосочетание «Партия народной свободы». (Известный кадетский деятель А. А. Кизеветтер тут же насмешливо прокомментировал это предложение октябристского профессора, назвав его «философским хождением в народ»: «Кадеты в целях общепонятности заменили *иностранное* название партии *русским*, представляющим перевод иностранного термина. Октябристы для большего распространения партии хотят заменить *русское* название *иностранном*»⁴⁴.) Однако против переименования партии решительно высказался А. И. Гучков. Во-первых, по его мнению, звание «октябрист» уже получило «определенный контур», а новому наименованию, как бы ни было оно удачно, придется вновь «завоевывать себе репутацию»⁴⁵. Во-вторых, название партии по уставу «Союза» мог изменить лишь Всероссийский партийный съезд, созыв которого в ближайшее время не намечался. В итоге октябристы отказались от идеи переименования, и 7 апреля 1906 г. на объединенном заседании столичного ЦК и участковых комитетов было постановлено «решительно потушить» все разговоры на эту тему⁴⁶.

Недостаточно «ярким» названием объясняла свой провал на выборах и Партия правового порядка, на II партийном съезде которой обсуждался вопрос о переименовании ее в «Партию народной силы»⁴⁷. Приблизиться к народу, хотя бы по названию, пожелала и Торгово-промышленная партия, лидеры которой подумывали переименоваться в «Партию народного труда»⁴⁸.

В своих неудачах на выборах в I Государственную думу все проигравшие дружно винили существующую избирательную систему⁴⁹. «Выборы основаны на нелепейшей теории большинства и меньшинства, по которой сто дураков имеют больше значения, чем один мудрец», — негодовал В. А. Грингмут. («Горечь этого заявления, — с сарказмом отмечала кадетская пресса, — усиливается тем, что один из мудрецов Монархической партии, а именно сам Г. Грингмут, баллотировавшийся в Тверском участке, получил только один голос, — и добавляла, — вероятно, свой собственный»⁵⁰.)

Кое-кто пытался объяснить головокружительный успех кадетов исключительно финансовыми затратами на избирательную кампа-

нию. Так, по сообщению московского градоначальника, в Москве, где победа Партии народной свободы была наиболее впечатляющей, монархисты израсходовали на выборы чуть больше 1 тыс. руб., октябристы—около 335 тыс. руб., кадеты же лишь в одном из банков получили кредит на проведение предвыборной кампании в сумме более 700 тыс. руб.⁵¹ (Конституционалисты-демократы оценивали свои расходы значительно скромнее. По подсчетам партийной финансовой комиссии, на первую думскую избирательную кампанию в целом по стране кадетами было истрчено 60 тыс. руб.⁵²)

Обилие поверхностных оценок кадетского успеха в проправительственной прессе вызвало резкое негодование талантливых публицистов, не замеченных в симпатиях к конституционным демократам. «Я далеко не согласен с теми, — заявлял редактор популярнейшей в стране газеты А. С. Суворин, — кто с каким-то необыкновенным самодовольством приписывают успех кадетов только тактике и, главное, правительственным репрессиям. Я думаю, что в самой программе и в составе партии было нечто такое, что давало ей перевес»⁵³.

¹ РГИА. Ф. 1327. Оп.2. Д. 40. Л. 1.

² Там же. Л. 33 об.

³ Россия. 1906. 8 сентября.

⁴ РГИА. Ф. 1327. Оп.2. Д.40. Л.42.

⁵ Там же. Л. 56 об.

⁶ [*Пешехонов А. В.*] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1906. № 7. С. 172.

⁷ *Ленин В.И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 285.

⁸ [*Иорданский Н.*] Политическое обозрение: Предварительные итоги избирательной кампании // Мир божий. 1906. № 4. С. 4-5, 7.

⁹ *Дан Ф., Череванин Н.* Союз 17 октября // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. С. 208.

¹⁰ Новый путь. 1906. 23 марта.

¹¹ Там же. 26 марта.

¹² Там же. 29 марта.

¹³ Речь. 1906. 23 марта.

¹⁴ Слово. 1906. 5 апреля.

¹⁵ Там же. 29 марта.

¹⁶ Наша жизнь. 1906. 22 марта.

¹⁷ Слово. 1906. 29 марта.

¹⁸ Новый путь. 1906. 25 марта.

¹⁹ *Изгоев А. С.* На перевале (Октябристы) // Русская мысль. 1914. Кн. 1.

С. 141.

²⁰ Страна. 1906. 6 апреля.

²¹ Русская земля. 1906. 28 марта.

²² Там же. 30 марта.

²³ Московские ведомости. 1906. 6 апреля.

²⁴ Русское знамя. 1906. 2 апреля.

²⁵ Московские ведомости. 1906. 12 апреля.

²⁶ Слово. 1906. 19 марта.

²⁷ Голос правды. 1906. 25 марта; Новое время. 1906. 30 марта; Слово. 1906. 19, 28 марта, 8 апреля.

²⁸ Новое время. 1906. 20 марта.

²⁹ Там же. 23 марта.

³⁰ Русское слово. 1906. 23 марта.

³¹ Новое время. 1906. 2 апреля.

³² Речь. 1906. 17 марта.

³³ Там же. 23 марта.

³⁴ Там же. 22 марта.

³⁵ *Розанов В. В.* Русская государственность и общество: Статьи 1906–1907 гг. М., 2003. С. 50.

³⁶ См., напр.: Новое время. 1906. 25, 26 марта; Слово. 1906. 19, 23, 24, 26 марта.

³⁷ *Шилов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 426.

³⁸ Страна. 1906. 6 апреля.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Московские ведомости. 1906. 26 апреля.

⁴¹ *Г-ский П.* В чем сила кадетской партии? // Мирный труд. 1907. № 6-7. С. 292.

⁴² Новое время. 1906. 23 марта.

⁴³ Маленькая газета. 1906. 30 марта; Новое время. 1906. 30 марта; Русская земля. 1906. 30 марта.

⁴⁴ Русские ведомости. 1906. 2 апреля.

⁴⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф.285. Оп. 1. Д. 119. Л.3.

⁴⁶ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1 1905-1907 гг. С. 183.

⁴⁷ Речь. 1906. 26 апреля.

⁴⁸ Страна. 1906. 31 марта.

⁴⁹ См., напр.: Московский голос. 1906. 20 апреля; Русский голос. 1906. 30 марта; Слово. 1906. 26 марта.

⁵⁰ Страна. 1906. 1 апреля.

⁵¹ РГИА. Ф. 1327. Оп.2. Д.40. Л.37.

⁵² Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. 1905-1907 гг. М., 1994. Т. 1. С. 95.

⁵³ Новое время. 1906. 2 апреля.

С. Г. Петров (Великие Луки)

ГРАФ П. А. ГЕЙДЕН: ПУТЬ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

В настоящее время жизни выдающегося деятеля России конца XIX — начала XX в. графа Петра Александровича Гейдена (1840–1907 гг.) посвящена целая серия публикаций¹. В настоящей статье отметим, что после выхода в отставку в 1890 г. граф значительное время проводил в имении своей супруги — усадьбе Глубокое — в Опочечком уезде Псковской губернии (в этом уезде графине Софье Михайловне Гейден принадлежало 9123^{1/2} десятины земли)². Начиная с 1889 г. Петр Александрович постоянно избирался в гласные Псковского губернского земства, в котором преобладали сторонники умеренно-консервативных взглядов, где он пользовался огромным авторитетом³. В 1895 г. П. А. Гейден стал уездным предводителем дворянства Опочечского уезда и занимал эту должность до самой смерти⁴.

Князь Б. А. Васильчиков, ставший псковским губернатором в 1900 г., вспоминал: «...Опочечкий уезд ходил у него (графа Гейдена. — *С. П.*) по струнке, и он был там в полном смысле слова "хозяином", и все дела решались так, как хотел "Граф". Надо отдать ему справедливость, что это он достигал не только своим бесспорным авторитетом, но и примерной служебной добросовестностью»⁵. «Либеральный консерватор» П. А. Гейден принимал активное участие в общественно-политическом движении страны конца XIX — начала XX в. и заслуженно завоевал этим всероссийскую известность⁶.

Став одним из основателей «Союза 17 октября», членом его ЦК (до июля 1906 г.)⁷, граф принял непосредственное и активное участие в организации Псковского губернского и Опочечского

© С. Г. Петров, 2006

уездного отделов «Союза», которая проходила в нелегких условиях: здешним губернатором было запрещено государственным служащим членство в «Союзе», а представляемые октябристами заявки на проведение в уездных городах предвыборных собраний постоянно отклонялись⁸. (Очень ярко и живо описал в своих воспоминаниях деятельность П. А. Гейдена по организации отдела «Союза» в Опочке В. В. Бартнев⁹.)

По инициативе графа октябристами на Псковщине были проведены сходки в волостях в честь Манифеста 17 октября, пропагандировалась мысль (в том числе и через свои газеты — сначала «Псковский телеграф», затем «Псковскую газету») о единстве интересов крупных землевладельцев и крестьян в условиях внутреннего разлада в стране и внешних опасностей, о необходимости «достойного представительства» в думе. Другим мотивом октябристской пропаганды был призыв к крестьянам защищать «не узкоклассовые, а общегосударственные интересы»¹⁰, под девизом «Не республика, а конституционная монархия» добиваться созыва народного представительства вместе с «Союзом 17 октября» и против кадетов (ибо крайне правые хотят сохранить в неизменности самодержавие, а крайне левые добиваются путем вооруженного восстания республики)¹¹.

Как известно, Петр Александрович принял решение баллотироваться в выборщики губернского избирательного собрания от съезда городских избирателей г. Опочки (участие в котором имели право принять 867 лиц)¹². Необходимо подчеркнуть, что из-за участия графа в предвыборной борьбе к Опочке было приковано внимание и властей, и прессы, и общественности. К тому же здесь развернулась острая борьба между октябристами и левыми на собраниях избирателей. Первое из них, после возвращения П. А. Гейдена в Опочку, было назначено на 4 февраля 1906 г., но администрация его запретила. Только после жалобы графа губернатору 17 февраля состоялось собрание, на котором «ряд ораторов заговорил о том, что выборы в думу будут происходить под штыками...». Тщетно граф убеждал, что «надо стоять на легальной почве, надо пользоваться хоть существующей свободой, надо что-нибудь делать», тщетно он говорил о конституционности программы «Союза 17 октября», которая притом достаточно широка и для России смогла бы дать очень много весьма существенного. Но ему возражали, что «эта программа неопределенна и слишком узка, что не того хочет народ и не октябристам бороться...»¹³.

Последнее предвыборное собрание состоялось 12 марта 1906 г. Согласно рапорту исполняющего дела опочецкого исправника В. Холостова псковскому губернатору, оно «было бурное ввиду разногласия между членами "Союза 17 октября", стремящимися провести своего кандидата графа Гейдена, и левой партией, преимущественно служащих в земстве, стоящих за врача Ладыгина. Обе партии перед собранием вели усиленную агитацию, но цель собрания—наметить основательно кандидата—достигнута не была, так как каждая партия стойко стояла за своего. Предварительной баллотировки вследствие несогласия левой партии, боящейся подавления большинством голосов своего кандидата членами "Союза 17 октября", устроено не было, и собрание разошлось, не наметив кандидата.

Определить в настоящее время, кто из вышеупомянутых кандидатов получит большинство голосов, вследствие неучастия на предвыборных собраниях многих выборщиков из уезда затруднительно»¹⁴.

На съезде городских избирателей, в котором приняли участие 390 лиц из 867 имеющих на это право, победил граф П. А. Гейден. Он получил 233 голоса, его оппонент Н. А. Ладыгин—144. «Выборы происходили весь день, — свидетельствует исполняющий дела исправника В. Холостов, — при весьма усиленной предвыборной агитации, и закончились совершенно благополучно в 9 часов вечера»¹⁵.

Оппоненты графа подали жалобу в Опочецкую уездную комиссию по выборам в Государственную думу по поводу «неправильностей» при избрании П. А. Гейдена выборщиком. Комиссия оставила ее без последствий¹⁶. Это не помешало псковским кадетам утверждать, что граф избран в Опочке как известное лицо, а не как октябрист¹⁷.

«Выборное производство по Псковской губернии» свидетельствует о том, что 26 марта 1906 г. на губернском избирательном собрании, где присутствовали все выборщики (61 человек), шла довольно ожесточенная борьба, и победа графу далась нелегко.

Так, на общем собрании, где происходили выборы трех членов Государственной думы, в первом туре, когда баллотировались 38 кандидатов, П. А. Гейден получил лишь 25 голосов «за» (при 35 «против»), и был избран один депутат — крестьянин Опочецкого уезда Федот Максимов. Только второй тур (при четырех кандидатах) принес графу победу (38 голосов «за» и 21 «против») ¹⁸.

Впрочем, на наш взгляд, результаты данного голосования были вполне прогнозируемыми и ожидаемыми. Несмотря на то что в Псковском губернском избирательном собрании крестьянские выборщики составляли 68,85% (42 из 61), «партия власти» (правые и октябристы) располагала 35 голосами, а оппозиция — 26¹⁹.

Левая оппозиция объясняла успех графа случайными факторами: мол, председательствовавший на избирательном собрании губернский предводитель дворянства В. В. Философов произнес перед выборщиками из крестьян пламенную речь в поддержку П. А. Гейдена. Мол, «не доверяя "барам", они (крестьяне-выборщики. — С. П.) сговорились избрать в думу крестьян, но для "языка" выбрали и одного барина. Выбор пал на графа Гейдена как человека солидных лет, умеющего хорошо говорить, а главное, способного постоять за крестьян при решении вопроса о земле. Успеху Гейдена способствовал его провал на земском собрании, где его забаллотировали в члены Государственного совета. Благодаря этому, среди крестьян составилось мнение, что против графа настроены помещики за склонность его к решению земельного вопроса в пользу крестьян, и успех его был обеспечен»²⁰.

Думается, что поддержка большинством выборщиков умеренных кандидатов — графа П. А. Гейдена и трех крестьян — объясняется следующим: 1) политической аморфностью псковского крестьянства; 2) традиционной консервативностью большинства уездных земств губернии; 3) слабостью левой (и, прежде всего, кадетской) агитации среди крестьянства; 4) охранительными мерами властей на местах. Однако подчеркнем: крестьянские голоса в пользу умеренных кандидатов (и П. А. Гейдена в их числе) на выборах в думу в действительности абсолютно не означали хоть какого-нибудь отказа от аграрных притязаний.

¹ См.: Дедков Н. Гейден П. А. // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 146-147; Барышников М. Н. Петр Гейден: драма консерватора и либерала // Личность и власть в истории России XIX-XX вв.: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С. 25-28; Груздева Т. Н. 1) Граф П. А. Гейден и усадьба Глубокое // Псков. 2001. № 14. С. 86-90; 2) Владельцы имения Глубокое // Псков. 2004. № 21. С. 81-87.

² Государственный архив в г. Великие Луки. Ф. 154. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

³ Дедков Н. Гейден П. А. С. 146; Королева Н. Г. Земство на переломе (1905—1907 гг.). М., 1995. С. 85.

⁴ Дедков Н. Указ. соч. С. 146.

⁵ Васильчиков Б. А. Воспоминания. М., 2003. С. 146.

⁶ Барышников М. Н. Указ. соч. С. 25.

⁷ Дедков Н. Указ. соч. С. 146.

⁸ Emmons T. The formation of political parties and the first elections in Russia. Cambridge (Mas.). London, 1983. P. 223.

⁹ Бартенева В. В. Опочечские воспоминания о графе П.А.Гейдене // Русская мысль. 1907. № 11. С. 73-74; № 12. С. 46-47; См. также: Псковский голос. 1906. 19 февраля.

¹⁰ Кузнецов А. А. Крестьяне Новгородской и Псковской губерний на выборах в I Государственную думу // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1984. С. 95; Петров С. Г. В борьбе за избирателей (Власть и политические партии Псковской губернии перед выборами в I Государственную думу). СПб., 2005. С. 15-18.

¹¹ Псковский телеграф. 1906. 1 января, 5 января.

¹² Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. 79. Оп. 2. Д. 741. Л. 28.

¹³ Бартенева В. В. Указ. соч. // Русская мысль. 1907. № 12. С. 46-47; Псковский голос. 1906. 5 марта.

¹⁴ ГАПО. Ф.79. Оп.2. Д. 741. Л.31.

¹⁵ Там же. Л. 29, 32-32 об.

¹⁶ Псковский голос. 1906. 26 марта.

¹⁷ Там же. 30 марта.

¹⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 69. Л. 9-14 об.; см. также: Петров С. Г. Выборы депутатов в I Государственную думу в Псковской губернии (Псковское губернское избирательное собрание. Оценка выборов властями и партиями). СПб., 2005. С. 4-5.

¹⁹ Петров С.Г. Указ. соч. С. 5.

²⁰ Пчела. 1906. 4 мая.

Е.Г. Самойлова (Санкт-Петербург)

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТОВ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СТОЛИЧНЫХ КРУГАХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ- КОНСЕРВАТОРОВ

В советской историографии утвердилось мнение, что основными борцами за Думу были либералы, а консерваторы, отвергнув саму идею народного представительства, всячески противодействовали его появлению. Между тем это не совсем так, и основной целью данной статьи является исследование деятельности интеллигентно-консерваторов Петербурга весной 1905 г., связанной с разработкой проектов организации государственного высшего представительного органа и выборов в него. Но прежде необходимо дать некоторые пояснения методологического характера. 1. К интеллигентам-консерваторам мы относим представителей умственного творческого труда, отстаивавших сохранение основ существующего общественного порядка и выступавших на стороне власти. 2. Необходимо учитывать существование разных идейных течений внутри консервативного лагеря — правого и умеренного (либерального).

Высочайшими указами 18 февраля 1905 г. населению было разрешено подавать в высшие инстанции предложения по общегосударственным вопросам. Создание особого совещания под председательством А. Г. Булыгина стало сигналом для начала разработки проектов высшего представительного органа и избирательных схем. Консервативная интеллигенция активно включилась в эту работу. Главной ареной ее деятельности стали общественные объединения разного толка, учреждения местного самоуправления и, конечно, печать.

С ее страниц широким потоком лились рассуждения разных авторов на эти темы. Авторами публикаций в «Новом времени», «Слове» и др. на тему народного представительства были не только штатные сотрудники газет (А. С. Суворин, С. А. Сыромятников, В. В. Розанов, А. Н. Брянчанинов, А. А. Столыпин), но также университетские профессора (В. Н. Латкин, П. П. Мигулин, В. М. Грибовский), дворянские и земские деятели (Ник. Энгельгардт, граф Алексей Уваров), литераторы, юристы (В. И. Герье, А. Ф. Кони) и даже чиновники (Н. А. Демчинский, С. Романовский-Романько). В этих статьях затрагивались, как правило, лишь узкие аспекты готовящейся реформы. В марте появились и первые цельные проекты — гласного городской думы П. Л. Корфа¹ и профессора права С.-Петербургского университета, публициста В. Д. Кузьмина-Караваева². Позднее, в апреле-мае, в газетно-журнальную дискуссию вступили многие столичные интеллигенты. Не ограничиваясь возможностями повременной печати, они издавали свои труды в виде брошюр. При этом вторую, обновленную, жизнь обрели проекты, составленные в предыдущие годы³.

Основная доля проектов и предложений, рассмотренных здесь, принадлежит представителям умеренной части интеллигенции. Правые консерваторы, еще в начале 1905 г. отвергнувшие саму идею народного представительства, в своем большинстве участвовали в этой дискуссии в качестве критиков чужих проектов. Так, например, редактор газеты «Гражданин» В. П. Мещерский предлагал сначала осуществить программу социально-экономических мер, разработанную еще при В. К. Плеве, а уже затем подумать о политических реформах. На царский рескрипт 18 февраля «Гражданин» откликнулся большой статьей, в которой было выражено опасение, как бы рескрипт «не обратился в начало большой и опасной смуты». Издатель газеты «Заря», гласный городской думы В. В. Ярмонкин, выдвинул другой способ «единения царя с народом» — посредством ходоков, избираемых на три года от крестьян («земледелие»), купцов («торговля»), дворян («культура»), а также от фабрикантов («капитал») и рабочих («труд»), которые один месяц в год совершенно свободно, «без всякой ответственности», рассказывают царю обо всех нуждах их местности⁴.

Однако в правоконсервативных кругах Петербурга произошло идейное размежевание, яркой иллюстрацией которого стал проект представительного органа, разработанный в конце мая госслужащим, бывшим гласным городской думы В. И. Гурко, и появивший-

ся в печати от имени политического объединения правого толка «Отечественный союз»⁵.

Характеризуя комплекс материалов в целом, следует сказать, что проекты существенно отличались друг от друга не только принципиальной позицией авторов, но и степенью разработанности поднимаемых в них вопросов. Трудность систематизации и анализа этих документов связана с тем, что авторы зачастую не различают между собой такие понятия, как «избирательное право», «избирательная система», «норма представительства» и т. д. Термин «сословность» в одних случаях используется в смысле «выборы от сословий» (кто участвует в выборах), в других — «выборы по сословиям» (какова процедура выборов). Все это указывает на достаточно низкую степень политико-юридической грамотности авторов. Многие из них осознавали это и излагали лишь «общие основания» реформы.

Царский рескрипт на имя А. Г. Булыгина не содержал наименования создаваемого органа, и общественность предлагала свои варианты. Главное, считали консерваторы, чтобы в названии отражались русские, а не европейские (типа «парламент» или «учредительное собрание») традиции. Большинство авторов склонялись к «Земскому собору», хотя указывалось на «археологическую внешность» этого названия. Предлагались такие варианты, как «Земский совет», «Земская дума»; лишь в проекте П. Л. Корфа фигурировала «Государственная дума».

Многие в консервативных кругах считали, что первые выборные соберутся на короткое время, лишь для разработки окончательного варианта представительства. Сотрудник «Слова» отмечал, что «в нервной атмосфере, в которой мечется теперь все наше общество», нельзя навязывать стране скороспелый избирательный закон и нельзя также поручать «этим нервно выбранным представителям» окончательную выработку жизненно важных законов. На этом представлении был основан, в частности, проект П. Л. Корфа; за это активно выступала редакция «Вестника Европы»⁶. В целом же консерваторы сошлись во мнении, что Дума должна функционировать постоянно, а опыт подскажет необходимые изменения.

Вопрос о характере представительства консервативными идеологами не обсуждался, так как царский рескрипт 18 февраля ясно определил его как совещательный орган. Уже одно допущение выборных к обсуждению государственных вопросов воспринималось авторами как участие в законотворчестве. Распростране-

но было мнение о необходимости дать Думе права запросов министрам, контроля над бюджетом, законодательной инициативы. Лишь В. Д. Кузьмин-Караваев выразил мнение о необходимости расширения этих полномочий в будущем вплоть до придания Думе законодательных прав. Такая позиция сближала умеренных консерваторов с правым крылом либерального лагеря.

Обсуждались в столичных кругах интеллигентов-консерваторов также структура будущего представительного органа, формы его взаимодействия с Государственным советом и судьба самого Госсовета. Одни высказывались против сохранения Госсовета, опасаясь возможных конфликтов между ним и Думой. Другая группа авторов откровенно заявляла о желании сохранить Госсовет в качестве «противовеса» народным представителям. Большинство выступали за двухпалатный орган, частью которого видели реформированный Госсовет. Они предполагали таким образом избежать больших финансовых расходов на устройство нового, а также использовать богатый опыт законотворческой работы его членов. Наиболее полно эта мысль была развита в проектах К. Ф. Головина и В. И. Гурко.

Важно, что интеллигенты не трактовали Думу как простую «сумму земств», но адресовали право представительства непосредственно населению. В этой связи логично вставал вопрос о том, какие социальные группы и слои могут быть представлены в Думе. Изучение материалов позволяет увидеть динамику мнений и позиций. Если в январе — марте предпочтение отдавалось сословному принципу, то позднее победила идея представительства на основе избирательных курий. Лишь члены «Отечественного союза» сохраняют верность принципу сословности и будут отстаивать его на Петергофских совещаниях в июле 1905 г.

Труднее всего шла дискуссия по поводу привлечения в Думу крестьян. Явно обозначились две позиции: за крестьянскую думу выступали сотрудники «Нового времени», Г. П. Сазонов, «Отечественный союз»; другие считали необходимым уравновесить крестьянские голоса в Думе дворянскими (П. Л. Корф) или интеллигентно-предпринимательскими (публицисты «Слова», Г. А. Евреинов, Н. А. Демчинский, В. Д. Кузьмин-Караваев). Но большинство консервативных идеологов отдали свои политические предпочтения российскому крестьянству, надеясь на прочность его традиционной веры в царя.

Проблема представительства инородческих окраин и нерусских народов Центра в проектах решалась так, чтобы обеспечить преоб-

ладание в составе Думы русских над инородцами и представителей Центра — над окраинами. Авторы расходились лишь в определении степени этого преобладания.

Задумывались консерваторы и над избирательной системой. Самой популярной была либеральная идея всеобщих, равных, прямых и тайных выборов, так называемой «четырёххвостки». Консерваторы в первой половине 1905 г. развернули против нее настоящую войну. Однако интеллектуальные поиски консерваторов, отвергнувших и всеобщее избирательное право, и сословные выборы, завершились созданием ряда теоретических конструкций, которые рассыпались под критикой современников. Так, по проекту П. Л. Корфа, основную массу избирателей составляют те, кто имеет право избрания представителей в органы земского и городского самоуправления либо причислен к дворянским собраниям. В обособленное положение автор поставил лишь главные биржевые комитеты, Академию наук и Русское Техническое общество. В результате выборов по такой схеме получилась бы «дума не столько государственная, сколько сословно-дворянская»⁷. В. Д. Кузьмин-Караваев ставил в особое положение только рабочих и, напротив, подчеркивал необходимость лишения таких исключительных прав каких-либо обществ и корпораций, в том числе и конфессиональных. Наделение избирательными правами осуществлялось бы по признаку принадлежности к какому-либо «земскому или городскому общению». Г. А. Евреинов предлагал имущественный ценз для выборщиков, но отсутствие такового для избираемых.

Интересно, что осенью 1905 г. большинство консервативных объединений включили в свои предвыборные программы лозунг всеобщего избирательного права. Метаморфозу можно объяснить: в течение лета эта идея ими (например, Н. А. Демчинским, сотрудниками «Нового времени» и «Слова») была переосмыслена. Оказалось, что всеобщее избирательное право на деле таковым не является. Предполагавшиеся исключения (по половозрастному и некоторым другим признакам) в сочетании с другими, ограничительными, условиями выборов вполне устраивали консерваторов.

Представители консервативного мира были единодушны в отрицании идеи прямых выборов. Авторы большинства проектов обращались к существующему уездно-губернскому делению страны, т. е. предлагали трехстепенную избирательную систему. При этом крупные города обычно выделялись в самостоятельные избирательные единицы.

Деятельность интеллигентов-консерваторов на политическом поприще встретила определенные трудности. Изначально не способствовал политической активности менталитет консерватора: непросто было даже в узком кругу «благонамеренных» людей вести разговоры на «запрещенные» темы, а тем более, побудить их к публичной деятельности; каждый дорожил своим «незапятнанным» именем и устоявшимся положением. Ситуация усугублялась метаморфозами правительственной политики после 18 февраля⁸. Стремясь максимально ограничить возможности оппозиционеров, власть, однако, сковала действия и проправительственно настроенных слоев населения. Циркуляр А. Г. Булыгина 12 апреля предписывал местным властям не препятствовать обсуждению вопросов общегосударственного значения в земских и городских учреждениях, научно-просветительских и иных обществах, но вместе с тем предупреждать и пресекать «всякие возможные во время такого обсуждения уклонения собрания от законами установленных границ», что вынуждало законопослушных консерваторов при разработке политических проектов следовать властным указаниям, а при их обсуждении в заседаниях и собраниях — оглядываться на присутствующих здесь полицейских.

По случаю опубликования актов 18 февраля 1905 г. петербургская городская дума в заседании 21 февраля приняла благодарственный адрес на имя Николая И. Позднее в рамках городского и губернского самоуправлений возникли комиссии: одна, от городской управы, под председательством К. К. Арсеньева, занималась рассмотрением проблем местного характера, в частности народного образования, для подачи соответствующих ходатайств в Совет Министров; другая, при городской думе — преимущественно для подачи предложений по организации государственного высшего представительного органа (ее первоначально возглавлял П. Л. Корф, позднее — В. О. Люстих). Аналогичная комиссия (под руководством П. Л. Корфа) начала действовать при петербургском губернском земстве. Идейными ориентирами для комиссий стали личные проекты К. К. Арсеньева и П. Л. Корфа. Работа гласных шла очень активно, и к середине мая ими были представлены соответствующие постановления. Петербургское губернское земское собрание на своем заключительном заседании 20 мая, посвященном в основном предстоящей политической реформе, большинством голосов приняло предложения комиссии П. Л. Корфа⁹.

В течение весны 1905 г. проходили заседания разных столичных общественных и профессиональных объединений, на которых подводились итоги деятельности обществ за прошедший год и обсуждались организационные вопросы. В повестках дня подавляющего большинства этих заседаний не содержалось пунктов политического характера. Немногие, например «Общество деятелей печатного дела», осмелились связать меры по улучшению условий своего труда с общегосударственным законодательством, но никаких специальных решений по этому поводу принято не было. В заседании «Общества горных инженеров» 3 марта стало известно о том, что горный департамент отказал «Обществу» в субсидии, так как «в последнее время на очередных заседаниях его обсуждались вопросы, не предусмотренные уставом». «Общество» проявило известную строптивость, продолжая высказываться по общеполитическим вопросам, например, критикуя деятельность комиссий Шидловского и Коковцова. Протоколы заседаний свидетельствуют о быстром «полевлении» большинства членов общества, все еще опасавшихся административных кар (имена авторов особенно резких выступлений в протоколах не названы)¹⁰. Инженеры-технологи пошли другим путем: они представили на утверждение в Министерство внутренних дел новый устав своего «Общества», в котором обозначено было также право ходатайствовать перед правительством о принятии мер, «могущих иметь полезное влияние на развитие техники и промышленности в России». В пределах закона оставалась деятельность «Общества гражданских инженеров», которое после спровоцированного действиями членов «Союза инженеров» в клубном помещении «Общества гражданских инженеров» инцидента с полицией тщательно оберегало свою политически-благопристойную репутацию¹¹. Материалы печатного органа «Общества инженеров путей сообщения» не содержат указаний на какую-либо политическую деятельность «Общества»; весной 1905 г. его члены были, в основном, озабочены реформой в ведомственной системе образования.

Открыто обсуждались вопросы политического реформирования страны петербургскими юристами. Так, 6 марта в общем собрании присяжных поверенных возобладала точка зрения либерала Ф. И. Родичева, который заявил о желательности разработки проектов политических реформ силами всего общества, а не отдельных объединений, и участники заседания ограничились решением направить А. Г. Булыгину ходатайство о включении представителей

общества в состав его совещания¹². Не менее активно действовало «Юридическое общество Императорского Санкт-петербургского университета»: его административное отделение 7 марта провело открытое, с приглашением публики (около 500 человек), заседание, на котором был заслушан и обсужден доклад члена «Общества» В.Д.Кузьмина-Караваева «Основы всенародного избрания представителей в России»¹³. Мероприятие имело огромный успех: на следующий день около 2 тыс. человек изъявили желание присутствовать на заседании в надежде повторно прослушать доклад, но организаторы могли выдать гостям лишь 500 повесток.

В шумном многоголосии столичной интеллигенции прозвучали и голоса тех, кто занимал более правые позиции. В начале февраля 1905 г. в петербургском «Славянском благотворительном обществе» сделал доклад «О Земском соборе по славянофильскому учению» виднейший представитель неославянофильства, сын одного из основателей этого учения А. А. Киреев¹⁴. Указывая на предостережения В. А. Грингмута в «Московских ведомостях» по поводу опасности созыва Земского собора, он говорил: «Еще опаснее ничего не делать...». По инициативе ряда членов этого кружка в конце мая 1905 г. было образовано политическое объединение «Отечественный союз», который на первом своем заседании обсудил проект организации народного представительства и проведения выборов, разработанный В. И. Гурко. Согласившись с проектом в целом, члены "Союза" подчеркнули необходимость сохранения при производстве выборов принципа сословности (кандидаты в Думу должны избираться членами сословий «из своей среды»). Образовательный ценз, предусмотренный в проекте, было предложено заменить служебным, поскольку, читаем в документе, «продолжительную государственную и общественную службу надо признать более достоверным показателем политической зрелости, нежели выдержание испытания по курсу наших средних учебных заведений»¹⁵.

Итак, интеллигенты-консерваторы Петербурга уже к маю 1905 г. предложили множество вариантов организации представительного органа и проведения выборов. Но ни один из этих проектов не был воспринят консервативной общественностью столицы как полностью правильный; на их основе продолжали создаваться компиляции, и шли бесконечные дискуссии. В процессе обсуждения таких предложений на заседаниях общественных объединений проправительственного толка обозначилась высокая популярность либеральных лозунгов; интеллигенты-консерваторы вынуж-

дены были соотносить свою деятельность с этими веяниями, во многом уступая идейным противникам. В целом же проекты, обсуждаемые консервативной общественностью весной 1905 г., могли бы стать неплохой основой для нормотворческой деятельности комиссии Булыгина, ибо в наибольшей степени защищали существующий режим от радикальных перемен и позволяли осуществить умеренную реформу в самом ближайшем времени. Однако во властных кругах работы над проектом Государственной думы шли практически без учета общественного мнения, но с ориентацией преимущественно на бюрократические интересы¹⁶. Схема организации высшего представительного органа и избирательной системы, объявленная Манифестом 6 августа 1905 г., не соответствовала ожиданиям большинства населения страны и была раскритикована не только оппозицией, но и сторонниками правительства. Вместе с тем работа над проектами представительства стала для интеллигентов-консерваторов столицы первым опытом серьезной политической деятельности, положившим начало консолидации сил правительственного лагеря.

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 54.

² Русь. 1905. № 59. — В.Д.Кузьмин-Караваев являлся сотрудником «Вестника Европы», журнала, который, на наш взгляд, никогда, а тем более в условиях революции, не был оппозиционным правительству, что позволяет отнести это издание к числу умеренно-консервативных.

³ Например, брошюра Г. А. Евреинова «Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство» являлась переработанным вариантом записки, поданной Г. А. Евреиновым министру юстиции в 1881 г. (автор тогда занимал пост обер-прокурора первого департамента Правительствующего Сената); книга литератора К.Ф.Головина «Вне партий. Опыт политической психологии» представляла собой обновленную редакцию статьи на эту же тему, отпечатанной еще в ноябре 1904 г.; в основе сочинения «Народное представительство без народа» Г.П.Сазонова, бывшего редактора газеты «Русская земля», лежали статьи, опубликованные еще в начале января 1904 г., в которых предлагалась программа необходимых реформ, в том числе немедленный созыв Земского собора; публикации Н. А. Демчинского в газете «Слово», в основном, повторяли положения его записок, направленных Николаю II в 1902-1903 гг.

⁴ Заря. 1905. 1 февраля.

⁵ Гурко В. И. Земский собор и земская дума. СПб.: Издание «Отечественного союза», 1905.

⁶ Вестник Европы. 1905. № 5. С. 356.

⁷ Там же. 1905. № 4. С. 800.

⁸ Подробнее об этом см.: Ганелин Р. III. Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика // ВИД. Т. XV. Л., 1983.

⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 123. 21 мая.

¹⁰ Известия Общества горных инженеров. 1905. № 12.

¹¹ Там же. 1905. № 5.

¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 56. 7 марта.

¹³ Протоколы заседаний административного отдела от 7 и 11 марта 1905 г.

// Вестник права. 1905. № 8.

¹⁴ Позже этот доклад был издан отдельной брошюрой под названием «О злобах настоящего дня с точки зрения славянофильского учения». [СПб.], 1905.

¹⁵ Гурко В. И. Указ. соч. С. VII.

¹⁶ В мемуарах некоторых видных государственных деятелей того времени мы не нашли прямых свидетельств обращения власти к общественным проектам. Попытки активистов «Отечественного союза» провести свои идеи на июльских 1905 г. совещаниях в Петергофе, как известно, успехом не увенчались. — Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2; Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905-1906 гг. Пг., 1919.

Е. С. Кравцова (Курск)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ О РЕФОРМИРОВАНИИ ФИСКАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА*

Налоговая система любого государства находится в спектре постоянного внимания различных слоев общества, потому что все они являются налогоплательщиками. В России ситуация сложилась несколько иная, потому что здесь основной социальной группой, платящей как государственные, так и местные налоги, были крестьяне.

Государственные платежи включали в себя несколько составляющих. Во-первых, выкупные платежи — исключительный налог, которым облагалось только одно крестьянское сословие. Он должен был выплачиваться в течение 49 лет на погашение той суммы, которая была выдана правительством бывшим владельцам за отчужденные от них земли, перешедшие в надел крестьян. Во-вторых, поземельный налог с любого землевладения и для всех сословий. Обложением земли занималось губернское земское собрание, а сумма устанавливалась в соответствии с плодородностью почвы, причем в середине 1880-х гг. для Курской губернии был назначен самый высокий в России оклад — 7 коп. с десятины, тогда как в соседних: Воронежской губ. — всего 12 коп., в Орловской — 14 коп., Харьковской — 9,5 коп¹. По манифесту 14 мая 1896 г. налог был снижен до 5 коп. В-третьих, с 1863 г. население было обязано платить сборы с городских недвижимых имуществ, находящихся

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История налоговой системы Центральной России: 1885-1917 гг.», проект № 06-01-72104 А/Ц.

© Е. С. Кравцова, 2006

в черте города. Сумма ежегодно устанавливалась Минфином для каждой губернии. Так, в конце XIX столетия в Курской губернии она равнялась почти 90 тыс.руб., в Харьковской—165 тыс.руб.² В-четвертых, лица, занимавшиеся доходной неземледельческой деятельностью (промышленной, промысловой, торговой, транспортной и т.д.) облагались особым Государственным промысловым налогом, который состоял из двух частей: 1) обязательного (взимается непосредственно при покупке промыслового свидетельства); 2) дополнительного (для предприятий с обязательной публичной отчетностью) или раскладочного (в случае, если для предприятий такие отчеты необязательны). Данный налог зависел от разряда предприятия, их рентабельности и от класса местности. В-пятых, в 1893 г. был введен в качестве общегосударственного —квартирный налог. В связи с этим вся территория России была разделена на 5 классов. Новый налог обязаны были платить лица, снимающие жилье в городах и поселениях, и его сумма зависела от цены снимаемой квартиры и класса местности. Однако необходимый России более справедливый подоходный налог так и не был введен, хотя говорили о нем с 1812 г. Поэтому неудивительно, что возникающие политические партии в своих программах активно обсуждали и эту проблему страны.

Начало XX в. было ознаменовано бурными событиями и в политической, и в экономической жизни Российской империи. Особенно активными действиями отличались политические партии, которые выдвигали свои предложения по изменению существовавшего порядка в государстве, в том числе и в фискальной сфере.

Существовавшие в 1870-1880-е гг. политические организации, такие как «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля», в своих программных документах не останавливались на вопросах налогообложения, хотя стоило бы: существовало сословное обложение, неравенство в распределении налогового бремени, тяжелые выкупные платежи и т.д. Члены этих объединений свое внимание, в основном, акцентировали либо на вопросе перераспределения земли, либо на свержении существующего несправедливого строя. Лишь в программе организации «Северный союз русских рабочих» содержались пункты, затрагивающие проблему налогов: «...прав сельской общины, касающихся ее, как-то: размер податей...», «Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству».

Более конкретные требования по изменению фискальной поли-

тики стали выдвигаться сложившимися политическими партиями. Утопичными кажутся требования по реформированию налоговой системы, выдвигаемые левыми. В программе Российской социал-демократической рабочей партии отмечается «в качестве основного условия демократизации нашего государственного хозяйства» такое требование, как «отмена всех казенных налогов и установление прогрессивного налога на доходы и наследство». Похожее предложение выдвигались и в программном документе партии эсеров, которая отражала интересы крестьянства: «В вопросах государственного хозяйства и финансовой политики партия будет агитировать за введение прогрессивного налога на доходы и наследства при совершенном освобождении от него мелких доходов ниже известной нормы; за уничтожение косвенных налогов (исключая обложение предметов роскоши), покровительственных пошлин и всех вообще налогов, падающих на труд». С этими требованиями сложно согласиться, поскольку ни одно государство не могло бы существовать лишь на доход, получаемый от прогрессивного налога и налога на доходы, при том что колоссальная часть доходных статей бюджета в царской России приходилась на счет поступлений от косвенных налогов.

Более грамотный и реальный подход к решению проблемы предлагали члены Конституционно-демократической партии России (кадеты), в которую входили представители интеллигенции, средней буржуазии и т. д. Своей первоочередной задачей они ставили «пересмотр государственного расходного бюджета в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или своим размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа», что действительно было важным для страны и ее граждан. В интересах большинства населения, а не только ее состоятельной части, предлагались и такие меры, как «отмена выкупных платежей», «развитие прямого обложения за счет косвенного; общее положение косвенного обложения и постепенная отмена косвенных налогов на предметы потребления народных масс»; «реформа прямых налогов на основе прогрессивного подоходного и поимущественного обложения; введение прогрессивного налога на наследство».

В программном документе «Союза 17 октября» содержатся более скромные требования: «... развитие прямых налогов, на основе прогрессивного подоходного обложения, с постепенным понижением косвенного обложения предметов первой необходимости». Выше-

изложенные меры должны были «осуществлять более рациональную и справедливую налоговую систему и переложить податную тягость с более слабых плеч на плечи более сильные». Указывалось при этом и на то, что какого-либо уменьшения налогового бремени с большей части населения Российской империи в ближайшее время не предвидится: «Ввиду громадных расходов, предстоящих в ближайшие годы государственному казначейству для осуществления неотложных и важных культурных задач, а также в интересах государственной обороны в деле пересоздания наших сухопутных и морских сил, нельзя рассчитывать на сокращение государственной сметы и расходов и на облегчение общего податного бремени».

Монархические партии России не выдвигали конкретных требований по изменению фискальной системы в государстве. К примеру, Русская монархическая партия в своей программе на предполагаемые налоговые изменения указывает весьма размыто: «За последнее десятилетие, предшествующее злосчастной войне с Японией, в России наблюдался необычайный быстрый рост государственного бюджета. За это время государственные расходы удвоились, и надо было изыскать средства для их покрытия путем введения новых и увеличения существующих налогов, что легло тяжким бременем на скудные достатки массы населения... Монархическая партия считает своей обязанностью заботиться об устранении подобных производственных затрат, не отвечающих потребностям места и времени, и о введении возможной экономии в расходы бюджета в интересах благоустройства как государственного, так и частного хозяйства России». Монархические партии признавали необходимость снижения косвенных налогов, «стремясь к применению в государственном бюджете принципа сообразования налогов со средствами плательщиков».

В целом стоит отметить, что основной спор среди политических партий вызывал вопрос о введении в российском государстве подоходного налога. Идея о подоходном налоге стала разрабатываться в 1906 г. Специально созданная комиссия не увидела предпосылок в России для такой реформы. В своих заключениях она отмечала, что «не было в наличии необходимых условий, а именно ... торгово-промышленный класс состоял в значительной степени из лиц малограмотных и неграмотных...»³.

Вопрос о подоходном налоге не раз возникал и на заседаниях Государственной думы. К примеру, при рассмотрении росписи бюд-

жета за 1907 г. депутат Н. Н. Кутлер указывал, что главным источником средств в казну являются косвенные налоги. При этом он указывал на их вредное влияние на рост народного благосостояния. Вместе с тем он соглашался, что сразу изменить налоговую систему нельзя, что придется косвенные налоги сохранить и постепенно переходить к справедливому прямому налогообложению. Осуществляя подсчеты налоговых поступлений, оратор пришел к выводу, что только 350 млн руб. из них падают на имущие классы, остальные 1,150 млн руб. — на неимущие⁴.

Еще дальше в своих высказываниях пошел депутат от социал-демократов Алексинский. В ответ на пример, приведенный министром финансов о бельгийском налоговом законодательстве, он заявил: «Ст. 3 бельгийской конституции гласит, что "не может быть установлено никаких привилегий, никакого освобождения от налогов или уменьшения его иначе, как по закону". В противовес этой статье у нас в России очень много привилегий: для дворян, нефтяных королей, сахарозаводчиков и прочих паразитов; привилегии эти далеко не основаны на законе»⁵.

Таким образом, большинство политических партий России в начале XX в. не оставили в стороне налоговые проблемы государства, однако, самые конкретные и разнообразные предложения по реформированию системы содержались в программном документе партии кадетов, в то время как остальные политические силы выдвигали более умеренные требования. Лишь после прихода к власти большевиков новая власть четко сформулировала свои взгляды на финансовую политику государства, в том числе и на ее фискальную составляющую.

¹ Устав о прямых налогах. СПб., 1914. С. 178-179.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. СПб., 1893. Т. 10. Ч. 1. С. 773.

³ Лебедев В. Е. Налогообложение предпринимательской деятельности в Российской Федерации (история становления налогового регулирования в до-революционной России). М., 1999. С. 17.

⁴ Торгово-промышленная газета. 1907. 22 марта.

⁵ Новое время. 1907. 23 марта.

С. А. Зоць (Орел)

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

Одним из выдающихся представителей российской либеральной интеллигенции, внесшим значительный вклад в становление зарождающегося российского парламентаризма, являлся Максим Максимович Ковалевский—ученый, историк, юрист и социолог, чье имя было широко известно в научных, общественных и политических кругах как Российской империи, так и государств Европы и Америки.

К сожалению, в настоящее время имя М.М.Ковалевского несколько забыто. Это объясняется отсутствием интереса к его личности в советское время, что обуславливалось негативным отношением к нему со стороны представителей революционного движения. Такое отношение было вызвано мнением, что ученый отошел от собственных позиций. Так, Б. Г. Сафронов и Н. Я. Куприц в своих трудах, посвященных творчеству ученого, отмечали, что если до начала первой русской революции Ковалевский придерживался прогрессивных воззрений, выступал против самодержавия, то затем он перешел к отрицанию революции, к защите монархии¹.

Имея сферой научных интересов государственное право европейских держав, занимая активную жизненную позицию, стремясь содействовать дальнейшему прогрессу общества, участвуя в научной, общественной и государственной жизни, М.М.Ковалевский, естественно, не мог оставаться равнодушным к судьбе своего государства. Поэтому как только в России политическая обстановка начала меняться в сторону расширения свободы, становления конституционного государственного строя, М.М.Ковалевский направил свои силы на активное участие в политической жизни страны.

© С. А. Зоць, 2006

Прежде всего это было участие в работе I Государственной думы. Несмотря на все недостатки Государственной думы как только что созданного органа государственной власти, отсутствие у нее многих необходимых подлинному парламенту полномочий, особенно заметное ученому, занимавшемуся изучением аналогичных государственных учреждений в других странах, Максим Максимович не мог проигнорировать возможность своей в ней работы. Он отмечал, что история представительных учреждений в других государствах наглядно показывает, как из незначительных по объему своих полномочий образований с течением времени возникали органы, обладающие подлинной государственной властью².

В I Государственной думе Ковалевский председательствовал в Комиссии по составлению закона о личной свободе, был членом Комиссии по законопроекту о гражданском равенстве и Комиссии о наказе. Работая над проектом закона о личной свободе, он опирался на английскую систему Habeas corpus. Но, опираясь на опыт зарубежной и отечественной истории и исходя из конкретной политической ситуации, комиссии не успели до роспуска Думы представить результаты своей работы. Единственный законопроект, полностью доработанный и прошедший в Государственной думе, — законопроект об отмене смертной казни — не успел получить одобрения в Государственном совете.

Говоря о I Государственной думе, М. М. Ковалевский отмечал, что, несмотря на столь недолгий период ее существования, несмотря на то что она не успела совершить никаких законодательных перемен, ее деятельность определила общее направление всей последующей политики государства. Значение I Государственной думы, с точки зрения Ковалевского, заключается в постановке ею вопросов, требующих неременного решения. Такими вопросами являлись: улучшение материального положения крестьян; предоставление автономии национальным окраинам; равенство всех перед законом, особенно в смысле политических прав; равноправие национальностей; свобода совести, печати, передвижения, союзов и собраний; свобода от административного задержания. Уже в I Думе был поднят вопрос не только о расширении ее прав, но и о верховенстве законодательной власти над властью исполнительной³.

В Государственную думу второго созыва М. М. Ковалевский избран не был. Этому помешали, по свидетельству самого ученого, два обстоятельства: смена политической обстановки, из-за чего прежние, довольно умеренные взгляды Ковалевского, скажем, по

вопросу о принудительном выкупе только латифундий, признавались теперь крайне революционными; и стремление дворянства не только исполнить решение Выборгского процесса, лишившего лиц, подписавших Выборгское воззвание, права быть избранными, но и вообще не пропустить в новую Думу никого из ее прежних членов⁴.

Не имея возможности пройти в Государственную думу, М. М. Ковалевский согласился на избрание его в Государственный совет, в котором проработал в течение девяти лет.

Как ученый, Ковалевский имел собственные взгляды на вопросы организации государства и власти, применение которым он и пытался найти во время своей работы в юном русском парламенте. Это были как взгляды на преобразование российской действительности, так и собственные предпочтения, касающиеся дальнейшего развития государства вообще. Анализируя особенности государственного устройства отдельных стран, М. М. Ковалевский выделял те, которые, с его точки зрения, в наибольшей степени отвечали прогрессу общества, — представительство интересов народа на высшем государственном уровне и расширение свободы личности. Однако он понимал, что мгновенное претворение в жизнь даже лучших в теории моделей может привести к печальным последствиям. Любой сложившейся действительности необходимо такое государственное устройство, которое отвечало бы реалиям ситуации и потребностям развития.

М. М. Ковалевский отдавал предпочтение парламентарному устройству государства независимо от формы правления — монархии или республики. Основой построения государства он считал не факт наследственности или избираемости высшего лица, а принцип, согласно которому строится система государственных органов и, как следствие, система взаимоотношений между отдельными ее составляющими. Таким принципом, позволяющим максимально отразить интересы народа на высшем государственном уровне, реально проводить в жизнь политику большинства, был, по мнению М. М. Ковалевского, принцип парламентаризма.

Основой правового развития государства Ковалевский считал самоуправление народа посредством представительства своих интересов на высшем государственном уровне. Первым признаком такого представительства, а соответственно и принципа парламентаризма, является существование представительного органа государственной власти, формируемого непосредственно народом путем всеобщего равного избирательного права. Функции предста-

вительного органа, прежде всего, заключаются в законодательной деятельности, первоисточником которой является выражение перед монархом нужд и желаний народа⁵. При полной реализации принадлежащих в идеале парламенту полномочий он является единственным органом, имеющим право на принятие законов.

Отдельной составляющей законодательной функции является право «законодательного почина», т.е. не только рассмотрение представленных законопроектов, но и инициатива регламентации тех или иных общественных отношений⁶. Исторический опыт, в том числе и Российской империи, показывает, что далеко не всегда представительный орган обладает правом законодательной инициативы. Довольно часто данный орган выступает лишь как средство утверждения законопроектов, выносимых на его рассмотрение правительством и монархом. Те же, в свою очередь, могут и не представлять в парламент законопроект, принятие которого в тот момент времени является весьма актуальным для населения.

В качестве отдельного вида деятельности парламента Ковалевский выделял его исключительное право на утверждение новых налогов и отмену старых, считая, что только сами налогоплательщики, из которых и состоит данный орган, могут решать поставленный вопрос. С течением времени настоящее право переросло и в более конкретную форму — утверждение государственного бюджета. Таким образом, постепенно под контроль парламента ставится политика исполнительной власти. При этом Ковалевский подчеркивал, что в случае если представительный орган не утвердит проект бюджета на следующий год, взимание налогов по схеме, определенной прошлогодней бюджетной росписью, недопустимо⁷.

Именно парламент, по представлениям Ковалевского, как выразитель народного мнения должен решать вопросы внутренней и внешней политики государства⁸. Анализируя взгляды ученого, можно определить механизм такого решения: не только посредством влияния, оказываемого представительным органом на исполнительную власть, но и через непосредственное рассмотрение парламентом особо значимых вопросов государственной политики⁹.

В целях более правильного и полного решения задач законодательной власти Ковалевский наделял ее правом обращаться с запросами к органам исполнительной власти, на которые возложена обязанность предоставлять парламенту необходимые сведения¹⁰. Если в настоящее время указанное право не вызывает сомнений

и не подлежит широкому обсуждению, то в период зарождения российского парламентаризма это положение вызывало множество споров среди представителей государственной власти. По мнению М. М. Ковалевского, право запроса выполняет еще одну важную функцию — функцию противодействия «произволу, насилию и нерадению властей»¹¹.

В то же время ученый допускал, что полноценное обладание властными функциями может привести парламент к присвоению гораздо больших, нежели это необходимо, полномочий, а следовательно, и к всевластию одной составляющей государственного механизма. Ковалевский писал: «Полновластие народного представительства, не ограниченного в своей продолжительности даже при расхождении с общественным мнением и не связанного обязательством согласовать свои меры с конституцией и принятыми ею под свою защиту публичными правами граждан, равносильно было бы созданию нового многоголового самодержавия, не менее опасного для свободы, чем единоголовое»¹².

Любая неограниченность власти представляла, с точки зрения Ковалевского, огромную общественную опасность, независимо от ее субъекта, поэтому в своих работах он не забывал о необходимости существования института гарантий против полновластия конкретного лица или органа.

Одной из таких гарантий относительно представительного органа власти выступает наличие наряду с нижней палатой парламента—палатой, непосредственно формирующейся населением и выражающей его интересы, верхней палаты. Таким образом, согласно Ковалевскому, двухпалатный парламент позволяет в большей мере гарантировать отражение народного мнения и препятствует возникновению всевластия одной из палат¹³.

Немаловажное значение, с его точки зрения, имеет определение роли верхней палаты парламента. Вышеприведенные функции представительного органа в случае существования двухпалатного парламента ученый относил к прерогативе нижней палаты—палаты народных представителей. Подчеркнем, что именно нижняя палата, с точки зрения Ковалевского, играет действительную роль в механизме государственной власти.

Надо сказать, что ученый, исходя из изучения конституционных основ демократических стран Европы, не предлагал единственного, жестко фиксированного способа формирования верхней палаты парламента. В Европе это зачастую была палата, со-

стоящая из представителей аристократических сословий, в России — из назначенных и выборных представителей от определенных категорий граждан. Однако проектируемую российскую верхнюю палату в защищаемой им программе Партии демократических реформ он предлагал формировать из представителей местных органов власти, точнее «избираемых органами местного самоуправления»¹⁴.

Контроль за исполнением нижней палатой возложенных на нее функций и надлежащим представлением ею народных интересов достигается, с точки зрения М. М. Ковалевского, путем рассмотрения верхней палатой законопроектов, принятых нижней, в том числе касающихся бюджета. Но в этой ситуации верхняя палата не может изменять конкретные положения, а вправе лишь принимать или отменять документ в целом¹⁵.

Функции противовеса возможному всевластию представительного органа призван осуществлять и институт роспуска главой государства законодательного собрания. При этом поводом к принятию решения о роспуске парламента может послужить непринятие им предложения правительства либо выраженный парламентом правительству вотум недоверия.

В работах Ковалевского мы находим четкое суждение о том, что наряду с позицией парламента, представляющего интересы общества в целом, при рассмотрении определенных специфических вопросов можно и нужно учитывать взгляды других общественных учреждений, таких как Академия наук (у Ковалевского—Ученая академия), медицинский съезд и др., т. е. учитывать мнение людей, компетентных в данной проблематике. Существование таких структур и представление их мнений при обсуждении государственных вопросов нисколько не умаляет необходимости и значения представительного органа как такового. В то же время представительство знания и практического опыта позволяет более компетентно решать те или иные вопросы. Ковалевский подчеркивал, что «действительные интересы нации» в его глазах «будут гарантированы в гораздо большей степени, если поручить заботу о них разным по своей природе учреждениям»¹⁶.

Принцип парламентаризма заключается не только в наличии представительного органа государственной власти и перечне его основных задач. Немаловажное значение представляет его влияние на непосредственную реализацию принимаемых им норм, его положение по отношению к исполнительной власти.

Способы формирования правительства имели для Ковалевского весьма существенное значение, так как именно из данного начала ученый выводил все последующие характеристики исполнительной власти: ответственность, подконтрольность и целесообразность его деятельности. Так, по его мнению, правительство, при надлежащем претворении в жизнь принципа парламентаризма, должно формироваться из состава парламента как органа, выражающего господствующее среди населения государства мнение, сообразно которому и должна строиться вся политика государства.

М. М. Ковалевский выделял несколько вариантов такого формирования в зависимости от разнообразия представленных в парламенте взглядов. При представительстве только двух позиций носитель верховной власти назначает представителя одной из них — лидера парламентской группировки большинства — премьер-министром. В дальнейшем вопрос о назначении остальных министров переходит в ведение самого председателя, так как у монарха остается уверенность в том, что он определит их из состава своих единомышленников. Второй вариант возникает при представительстве в парламенте более чем двух отличных друг от друга убеждений. В таком случае верховная власть сама при непосредственном участии представительного органа назначает всех членов кабинета министров¹⁷.

Представленные способы формирования правительства отвечают взглядам Ковалевского на возможность для парламента руководить внутренней и внешней политикой государства. Созданное непосредственно из коалиции большинства, такое правительство будет осуществлять свою деятельность в едином ключе с представительным органом, что позволит государственной власти проводить целостную политику, направленную на благо населения. Правительство в данном случае не подчиняется напрямую представительному органу, но осуществляет принадлежащие ему функции самостоятельно и может «само оказывать на парламента прямое и действительное влияние»¹⁸.

Огромное значение в устройстве исполнительного органа Ковалевский придавал политической ответственности правительства. Ее суть заключается в возможности представительного органа отслеживать не только закономерность действий кабинета министров, но и их целесообразность. Таким образом, наличие политической ответственности позволяет парламента отстранить от выполнения возложенных на него функций правительство в полном его составе

на основании факта проведения политики, не отвечающей мнению представительного органа. Подчеркнем, что министры при рассматриваемом способе формирования правительства ответственны именно перед парламентам. Одновременно только указанный способ позволяет построить систему взаимоотношений органов государственной власти таким образом, чтобы высший исполнительный орган был ответственен перед законодательным. Простого провозглашения такой ответственности при назначении членов правительства высшим должностным лицом государства по своему усмотрению недостаточно.

Преимущества данной системы состоят, согласно Ковалевскому, в следующем. Во-первых, министр, ответственный не только перед монархом и судом, но и перед парламентам, ставится в более независимое положение по отношению к монарху. Так, он имеет возможность не совершать действий, требуемых высшим лицом государства, но не отвечающих принципам целесообразности либо соответствующих лишь букве, но не духу закона. Во-вторых, такой министр не будет скреплять и акт, противоречащий законодательным положениям. Третье преимущество политической ответственности, по Ковалевскому, возникает у самого парламента — он не будет тратить все свое время на запросы у исполнительной власти с целью привести ее деятельность в соответствие с требованиями закона¹⁹.

Отметим, что при рассматриваемых особенностях построения взаимоотношений между законодательной и исполнительной ветвями власти депутаты представительного органа приобретают дополнительную ответственность за собственные решения и высказывания. При формировании кабинета министров из их числа они получают реальную возможность в тот или иной момент стать во главе власти исполнительной.

Завершая рассмотрение взглядов М. М. Ковалевского о парламентаризме вообще, и российском в частности, следует отметить его мнение о руководящей роли парламента при реализации принципа разделения властей. Ученый считал, что в парламентарном государстве принцип разделения властей действует не в том виде, в каком его предлагал Монтескье, — равновесия властей, а в виде подчинения исполнительной власти законодательной²¹. Одновременно при парламентаризме не существует строгого разделения исполнительной и законодательной власти²². Именно парламента как орган, непосредственно выражающий интересы народа, призван играть решающую роль в организации государства, сохра-

няя при этом свое положение одной из трех самостоятельных ветвей единой государственной власти.

- ¹ Куприц И. Я. Ковалевский. М., 1978. С. 18-19; Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960. С. 173.
- ² Моя жизнь // История СССР. 1969. № 4. С. 66.
- ³ Ковалевский М. М. Первая Дума и ее заветы // К десятилетию первой Государственной думы. Пг., 1916. С. 89-94.
- ⁴ Ковалевский М. М. Моя жизнь // История СССР. 1969. № 5. С. 82-83.
- ⁵ Ковалевский М. М. Общее конституционное право.: В 2 Ч. СПб., 1908. Ч. I. С. 347.
- ⁶ Сборник речей депутатов Государственной думы I и II созыва: В 3 кн. СПб., 1908. Кн. I. С. 52.
- ⁷ Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия I: В 2 т. СПб., 1906. Т. I. С. 172.
- ⁸ Ковалевский М. М. Государственное право Англии. СПб., 1906. С. 22-23.
- ⁹ Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Ч. I. С. 84.
- ¹⁰ Государственная дума. С. 771.
- ¹¹ Там же. С. 106.
- ¹² Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Ч. II. С. 120.
- ¹³ Там же. С. 115-120.
- ¹⁴ Ковалевский М. М. Политическая программа нового союза народного благоденствия. СПб., 1906. С. 14.
- ¹⁵ Государственная Дума. С. 105.
- ¹⁶ Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях // Вестник Европы. 1886. № 5. С. 189-191.
- ¹⁷ Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. II. С. 453.
- ¹⁸ Ковалевский М. М. Спор о конституционном праве // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 95-96.
- ¹⁹ Ковалевский М. М. Государственное право Англии. С. 249-252.
- ²⁰ Государственная Дума. С. 159.
- ²¹ Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Ч. I. С. 358.
- ²¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. Т. I. С. 159.
- ²² Ковалевский М. М. Спор о конституционном праве. С. 97-98.

А. Ю. Пиджаков, А. В. Овчинникова (Санкт-Петербург)

Л. И. ПЕТРАЖИЦКИЙ — ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ, ДЕПУТАТ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, УЧЕНЫЙ

Лев Иосифович Петражицкий (1867-1931) родился 13 (25) апреля 1867 г. в родовом поместье Коллонтаево Витебской губернии. Свою учебу в Киевском университете Л. И. Петражицкий начинал на медицинском факультете, но затем перешел на юридический факультет. После окончания университета он стажировался в Германии, где в 1892 г. защитил магистерскую диссертацию¹. Затем занимал кафедру философии права в Петербургском университете.

Параллельно с интенсивной научной деятельностью Л. И. Петражицкий активно участвовал в политической жизни в период революции 1905-1907 гг. В октябре 1905 г. была создана наиболее массовая партия в России — Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы). Л. И. Петражицкий был одним из создателей и лидеров партии кадетов и депутатом от этой партии в I Государственной думе. Газеты того времени писали: «Члены Государственной думы от Петербурга: Н. И. Кареев, В.Д. Набоков, Л.И.Петражицкий, Е.И.Кедрин, М.И.Петрункевич и М. М.Винавер — все из партии конституционных демократов»².

Л. И. Петражицкий участвовал в подготовке законопроектов о земельной реформе, правах личности, женском и национальном равноправии. С.Ю.Витте — один из немногих по-настоящему оригинальных русских государственных деятелей начала XX в. — считал Л. И. Петражицкого «выдающимся ученым, замечательно талантливым и умным человеком» и потому неоднократно обращался к нему за советами по поводу некоторых правительственных указов 1904-1905 гг.

© А. Ю. Пиджаков, А. В. Овчинникова, 2006

В 1906 г. Л. И. Петражицкий был избран депутатом Государственной думы, поэтому вынужден оставить пост декана и должность профессора юридического факультета университета. Выполняя свои обязанности уже как депутат, принимал активное участие в попытке провести новые законодательные реформы в I Государственной думе. Был докладчиком по целому ряду различных законопроектов.

Будучи одним из инициаторов, а затем членом Комиссии по разработке таких законопроектов, как «Законопроект об обеспечении действительной неприкосновенности личности», «Аграрный законопроект»³, отвечая вслед за основным докладчиком по законопроекту П. И. Новгородцевым на замечания, Л. И. Петражицкий так обрисовал законотворческие перспективы деятельности Государственной думы: «... нельзя задерживать столь важный, сколь и необходимый акт, как закон о неприкосновенности личности, связывая с ним весьма обширную законодательную работу как пересмотр судебных уставов. Это дело особого законодательного проекта, которое мы тоже надеемся взять в свои руки»⁴.

Но, разумеется, наиболее важным был закон о земле. Выступая по земельному вопросу, который с 15 мая 1906 г. начал дебатироваться в Думе, Л. И. Петражицкий на основе программы своей партии сформулировал следующий тезис: «Приобретение земли в государственный фонд с сохранением права собственности за государством и с предоставлением крестьянам только временного пользования»⁵. Земельную общину он предлагал трактовать как юридическую ассоциацию с правом на членство, а не на землю⁶. Л. И. Петражицкий подчеркнул невозможность прикрепления пользователя к земле, указал на связь аграрного вопроса с вопросом развития капиталистического предпринимательства и торговли.

«Налицо не только требование общественной пользы, но и нечто гораздо большее — крайняя необходимость устранения ужасного народного бедствия ... не буду касаться той психологии, которая получилась у населения, доведенного до отчаяния своим положением, да еще в такое время, когда к этому присоединяется революционное течение, разные надежды, ожидания и прочее»⁷, — говорит юрист с думской трибуны. Решение земельного вопроса Л. И. Петражицкий видел лишь на путях легального конституционализма, т.е. посредством думской реформы. Кроме того, на практике предполагалась длительная работа над законопро-

ектом по существу. Как признал в думском выступлении сам Л. И. Петражицкий, законопроект не имел финансового обоснования.

Нерешительность, проявленная Думой в наделении крестьянства землей, явилась одним из серьезнейших просчетов в ее деятельности.

Общественный авторитет Л. И. Петражицкого был высок. Именно к нему как депутату Думы обратились с петицией от Русского женского взаимоблаготворительного общества женщины с требованием внести законопроект о равноправии женщин в сфере политических свобод. Л. И. Петражицкий доложил об этой петиции на заседании Государственной думы и высказался за женское равноправие⁸.

«Предоставление женщинам политических прав и возложение на них политических обязанностей и ответственности — это могучее средство насаждения общественности, в высоком смысле слова, высшей психики и культуры»⁹.

Дело в том, что Л. И. Петражицкий последовательно занимал позицию гражданского равноправия наций, указывая на гражданское равноправие всех лиц (в том числе женщин и «инородцев»). В период спровоцированного черносотенцами «дела Бейлиса» этот юрист издал специальную брошюру, разоблачающую примитивный прием разжигания национальной травли¹⁰. В результате 151 депутат поддержал его инициативу о необходимости принятия основных законов о гражданском равенстве, однако результатов на практике получено не было.

Тем не менее, через 72 дня последовал роспуск Государственной думы, трехмесячное тюремное заключение с последующим лишением политических прав, которое закрыло для Л. И. Петражицкого возможность политической деятельности вплоть до Февральской революции 1917 г.

После разгона Государственной думы Л. И. Петражицкий вернулся к преподавательской деятельности. Несмотря на то что непосредственным законотворчеством Л. И. Петражицкий больше не занимался, его голос продолжал звучать в обсуждении процесса реформирования общественных отношений в России. В сфере экономики он выдвинул идею широкой поддержки акционерных форм хозяйствования как наиболее перспективных.

По его мнению, развитию акционерного законодательства и предпринимательства следовало отдать предпочтение перед таки-

ми формами, как товарищества и индивидуальные капиталовложения с введением страхования этих компаний¹¹. «Для России, богатой и обильной, главным образом, дремлющими и потенциальными производительными силами, нужна реформа акционерного права», — утверждал этот юрист¹².

Судьба надолго связала Л. И. Петражицкого с Петербургским университетом, в котором он работал в качестве профессора юридического факультета и руководил популярным студенческим научным кружком, воспитавшим крупнейших русских обществоведов — П. Сорокина, Г. Гурвича, Н. Тимашева, Н. Кондратьева и др. С 1898 по 1918 г. он возглавлял кафедру энциклопедии и философии права юридического факультета.

Молодой правовед пришел на смену самому Н. М. Коркунову, чей курс «Лекции по общей теории права» считался одним из лучших в Европе. Л. И. Петражицкий последующей своей деятельностью в правоведении обеспечил преемственность талантов в Санкт-Петербургском университете. Созданием своей школы он доказал, что является достойным преемником известного юриста, но с собственным теоретическим учением. Л. И. Петражицкий стал позднее первым свободно избранным деканом юридического факультета¹³, членом Дисциплинарного суда Петербургского университета. Он был также ординарным профессором Императорского училища правоведения. В 1897 г. был причислен к Министерству юстиции с откомандированием в редакционную Комиссию по составлению проекта Гражданского уложения.

Профессор П. В. Гуревич вспоминал: «Лекции профессора Л. И. Петражицкого пользовались большим успехом, причем не только у студентов первого курса... Мы, студенты, с нетерпением ждали появления профессора на кафедре, так как имя Петражицкого нам было хорошо знакомо еще до того, как мы стали слушать лекции. Мы знали, что он был одним из авторов "Выборгского воззвания", опубликованного группой членов Государственной думы, закрытой царским правительством за проявленную оппозицию»¹⁴. А. А. Амбарцумян в своих «Воспоминаниях» пишет: «Первой прослушанной мною в стенах этого университета лекцией была лекция проф. Петражицкого по теории права. О нем как о выдающемся ученом, который пользуется европейской известностью и считается крупнейшей величиной в области юридических и вообще гуманитарных наук, я слышал и раньше, до приезда в Петербург»¹⁵.

Занимаясь преподавательским трудом, Л. И. Петражицкий был активным поборником необходимости существенных реформ в университетском преподавании. Poleмика в этой сфере велась им крайне резко¹⁶.

Наряду с преподавательской деятельностью Л. И. Петражицкий активно занимался наукой. Формирование его теории прошло три этапа. Первый из них — с 1897 по 1900 г. — творчески очень интенсивный. Сочинение «Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права» сопровождалось двумя приложениями. В первом из них — «Модные лозунги юриспруденции» — Л. И. Петражицкий заявил о необходимости борьбы с юридическим позитивизмом, а также с теорией Р. Иеринга. Во втором, указывая на задачи правоведения в России, он призывает научную мысль к деятельности по созданию в России правового государства¹⁷.

В 1897 г. он начал чтение теоретических лекций в университете. В 1898 г. выступает с рефератом в Юридическом обществе в Петербурге, где изложил основы своего учения о праве. В 1898 г. журнал «Юридический вестник» открывался его статьей «Что такое право?»¹⁸. (Л. И. Петражицкий до 1915 г. был членом редакции этого журнала.) В 1900 г. идеи данной статьи находят свое выражение в книге «Очерки философии права». Здесь в концентрированном виде уже даны основные положения его теории, и идея естественного права использована, пожалуй, наиболее очевидно.

Для построения своей психологической теории, или, как выражается Л. И. Петражицкий, просто «научной теории права», необходимо произвести реформу традиционной психологии, суть которой Л. И. Петражицкий подробно излагает в работе «Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология».

Второй этап творчества (1900-1905) посвящен более детальной разработке собственно методологических основ. В 1904 г. он публикует серию статей в журнале «Научное обозрение»¹⁹. Третий этап (1905-1909) отмечен построением целостной системы юридических понятий на основе методологии, разработанной в предшествующие годы, и изданием двухтомного труда «Теория права и государства в связи с теорией нравственности»⁹⁰.

Опубликованная в 1913 г. Л. И. Петражицким полемическая статья начала новый этап в дискуссии, что такое «естественное право»²¹.

Активной была издательская деятельность Л. И. Петражицкого в Санкт-Петербурге. С 1901 по 1915 г. он входил в редакционную коллегию еженедельной газеты «Право». На ее страницах в 1902 г. развернул дискуссию с В. М. Гессеном и П. И. Новгородцевым по вопросу о том, какой должна быть методология естественного права в XX в.²² Как редактор активно содействовал выходу журнала «Юридический вестник» (с 1900 по 1917 г.).

Им было организовано издание сборника «Новые идеи в правоведении» в 1914-1916 гг., на страницах которого излагали свои идеи не только его последователи (П. А. Сорокин²³, П. Е. Михайлов²⁴, Г. А. Иванов²⁵), но и сторонники социологической концепции права (Ю. С. Гамбаров²⁶), юридического позитивизма (П. И. Люблинский), печатались молодые авторы²⁷.

Общественно-политические идеалы Л. И. Петражицкого были близки к этическому социализму, получившему распространение в России на рубеже XIX-XX вв. Он отмечал, что для современной эпохи характерны процессы «социализации производства», замены «деспотического режима системой государственного и общинного самоуправления». В будущем, по его мнению, право изживет себя и уступит место нормам нравственного поведения, поскольку «вообще право существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным»²⁸.

Указом Временного правительства Л. И. Петражицкий был назначен сенатором I Департамента Правительствующего Сената.

После Октябрьской революции Л. И. Петражицкий эмигрировал в Польшу. В 1921 г. принял польское гражданство на основе Рижского договора 1921 г. об оптации. Университеты Германии и Чехословакии предлагали ему кафедру, однако он предпочел Варшавский университет, где для него специально была создана кафедра социологии, на которой он и проработал вплоть до своей кончины в 1931 г.

В современной Польше Л. И. Петражицкий считается профессором Варшавского университета. О его преподавании в Санкт-Петербургском Императорском университете, где он был деканом юридического факультета и заведующим кафедрой энциклопедии права, там предпочитают не вспоминать²⁹. Данная биографическая несправедливость, безусловно, должна быть устранена.

¹ См.: *Марченко М.Н., Мачин И.Ф.* История политических и правовых учений: Учебник. М., 2005. С. 438-439.

² Цит. по: *Каковы доверенные, таковы и избранники* // Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 31 марта.

³ Речь проф. Л. И. Петражицкого, депутата I Государственной думы: Стеногр. отчет. СПб., 1907. С. 7; См. также С. 6-7, 9, 15.

⁴ Государственная дума: Стеногр. отчеты. СПб., 1906. С. 306-307.

⁵ Там же. С. 455.

⁶ Извлечение из речи проф. Петражицкого по вопросу об общине. СПб., 1905. С. 1-2.

⁷ Государственная дума. С. 452.

⁸ *Петражицкий Л. И.* Речь от 06.06. 1906 г. о женском равноправии // Выступления Л. И. Петражицкого в I Государственной думе. СПб., 1909. С. 20.

⁹ *Петражицкий Л. И.* О пользе политических прав женщин. СПб., 1907. С. 7.

¹⁰ См.: *Петражицкий Л. И.* О ритуальных убийствах и деле Бейлиса. СПб., 1913.

¹¹ *Петражицкий Л. И.* Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов. СПб., 1911. С. 218-220.

¹² Там же. С. 225.

¹³ *Пяткина С. А. Л. И. Петражицкий и его эмоционалистская школа в системе правовых идей отечественной юриспруденции.* М., 2000. С. 42.

¹⁴ Цит. по: *Правоведение.* 1971. № 5. С. 130.

¹⁵ Цит. по: Санкт-Петербургский университет. 2000. № 1. 17 января.

¹⁶ *Казанский П. Е.* Ответ профессору Петражицкому. СПб., 1901.

¹⁷ См.: *Петражицкий Л. И.* Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. СПб., 1902.

¹⁸ См.: *Петражицкий Л. И.* Что такое право? // *Юридический вестник.* 1898. № 1.

¹⁹ См.: *Петражицкий Л. И.* 1) Природа этических явлений и правосознание как мотив человеческих поступков // *Научное обозрение.* 1904. № 4; 2) Об изучении правовых явлений // Там же. № 6.

²⁰ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1-й. 1-е изд. СПб., 1906-1907.

²¹ *Петражицкий Л. И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // *Юридический вестник.* 1913. Кн. 2.

²² *Петражицкий Л. И.* К вопросу о возрождении естественного права и нашей программе. По поводу диссертации П. И. Новгородцева «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» // *Право.* 1902. № 41. С. 1798-1804; № 42. С. 1841-1854.

²³ См.: *Сорокин П. А.* Категория «должного» и ее применимость в изучении социальных явлений // *Юридический вестник.* 1917. Вып. 1.

²⁴ См.: *Михайлов П. Е.* О реальности права // *Юридический вестник.* 1914. Кн. 5.

²⁵ См.: *Иванов Г. А.* Методологические и психологические предпосылки изучения права // *Новые идеи в правоведении. Сб. второй: Философия права и нравственности.* СПб., 1914.

- ²⁶ См.: Гамбаров Ю. С. Право в его основных моментах // Правоведение. 1995. №4-5.
- ²⁷ Пяткина С. А. Указ. соч. С. 46-47.
- ²⁸ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале... С. 48-50.
- ²⁹ См.: Scholl of Slavonic and East European Studies. Petrazycki Collection. Warsawa, 2004.

В. К. Романовский (Нижний Новгород)

Н. В. УСТРЯЛОВ О ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Первое парламентское десятилетие в постсоветской России завершилось выборами в IV Государственную думу, на которых правые партии (СПС и «Яблоко»), как известно, потерпели сокрушительное поражение. Либеральная идея, констатируют отечественные аналитики, оказалась «не по вкусу большинству российских избирателей»¹. В отношении антилиберальных установок в стране вызревает, по мнению некоторых исследователей современного политического процесса, «почти национальный консенсус»².

Политики и политологи ищут истоки провала современных российских либералов-западников на выборах и причины тех трудностей, с которыми связано становление либеральной идеологии и демократических ценностей в современной России, где власть представительная, как и сто лет спустя, не может в полной мере контролировать власть исполнительную. На наш взгляд, этот поиск будет более плодотворным, если обратиться к творческому наследию отечественных мыслителей, в котором можно найти ответы, в том числе, и на современные проблемы развития России. В этой связи не только научный интерес, но и общественную актуальность представляют размышления Н. В. Устрялова о трудностях становления и уроках отечественного парламентаризма.

Публицист и мыслитель Н. В. Устрялов, пережив серьезную политическую эволюцию своих взглядов, приобрел широкую известность в эмиграции как жесткий критик либеральных ценностей и автор национал-большевистской доктрины, основанной, по его собственным словам, на примирении русских патриотов с большевиками и «использовании большевизма в национальных

интересах»³. Но свой политический и творческий путь он начинал сторонником демократии и конституционализма. В предреволюционные годы Н. В. Устрялов—один из наиболее ярких представителей молодого поколения российской интеллектуальной элиты; вместе с Е. Н. Трубецким, Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым и другими видными деятелями отечественной мысли занимался поиском и разработкой новой идеологической доктрины для российского общества, активно сотрудничал с праволиберальными периодическими изданиями, входил в состав ведущих публицистов газеты «Утро России» — печатного органа российских национал-либералов. Как политику ему были свойственны умеренно либеральные воззрения с яркой государственно-патриотической окраской. Он разделял основные положения национального (консервативного) либерализма П. Б. Струве и тяготел к правому крылу кадетской партии⁴.

В конце апреля 1916 г., будучи ведущим публицистом праволиберальной газеты «Утро России», Н. В. Устрялов опубликовал на ее страницах статью «Первая любовь России», посвященную 10-летию начала работы Государственной думы в России. В ней автор, искренне мечтавший, вслед за Струве, о «Великой либеральной России», беспристрастно анализировал прошедшее «конституционное десятилетие», искал ответы на главный вопрос русского образованного общества: в чем причина того, что в эти годы надежды на утверждение в стране конституционных, демократических порядков так и не осуществились? Почему за это десятилетие Россия, имея свой парламент, так и не приблизилась к европейским демократиям?

Н. В. Устрялов возвращался к тем недавним временам, когда страна переживала эйфорию от начавшейся весной 1906 г. работы Государственной думы. Русская интеллигенция возлагала на нее огромные надежды, и они, казалось, были вполне оправданными. В парламенте был представлен «цвет русской нации, русской культуры», «лучшие люди» страны. Слова, поступки их казались необычными и удивительно смелыми. Общественно-политическая жизнь России была пронизана знаменательными событиями. Звучали первые речи И. И. Петрункевича, С. А. Муромцева, провозглашавшие начало новой эпохи — эпохи строительства демократической России. Прогремела знаменитая фраза В. Д. Набокова о том, что «исполнительная власть да подчинится власти законодательной!». Во всех образованных кругах обсуждались прежде немислимые для политической жизни страны формулы «недоверия прави-

тельству» и лозунг «в отставку!». Думские комиссии лихорадочно вырабатывали «незыблемые основы правопорядка» с учетом новейших теорий и новейшей практики передовых западно-европейских демократий. Молодая российская демократия широко использовала опыт европейских народов и результаты «их исторического творчества». Столь непривычные для российской действительности процессы, по мнению Н. В. Устрялова, способствовали утверждению мнения в интеллигентских кругах, что Россия пришла, наконец, к «английскому парламенту» и что отныне ее история совершает крутой поворот к долгожданной демократии. Он утверждал, что конституционный строй в России может и должен «стать наилучшим, ибо ему, как позднему по времени, нетрудно впитать в себя наиболее ценные и жизнеспособные элементы иностранных конституций». Российский парламент благодаря самоотверженной работе думцев приобрел в образованных кругах России колоссальный авторитет. В него верили, с ним связывали будущее свое и страны⁵.

Но прошло 10 лет, а в России, констатировал Н. В. Устрялов, мало что изменилось. Власть исполнительная по-прежнему господствует в стране и неподконтрольна обществу. Российский парламент максимально ограничен в своих возможностях. Мечты и надежды образованных кругов российского общества остались неосуществленными. Оптимизм, основанный на вере, «обнаружил свою [^состоятельность».

Что же помешало стране за прошедшие десять лет создать основы парламентаризма и приблизиться к западноевропейским демократиям? Главный просчет, как полагал публицист, заключался в том, что «строители» демократии, усвоив ее основы на теоретическом уровне, оказались никудышными практиками. Они старались воплотить в жизнь теоретические знания о демократии и парламентаризме, не учитывая и игнорируя российскую действительность. Реальная же обстановка, подчеркивал автор статьи, «никогда не прощает того, кто ее игнорирует». Россия вряд ли достигнет английских образцов демократии через одну лишь «теорию», через одну лишь идеологию отдельных слоев общества. «Требуется, по-видимому, глубокое органическое изменение всего внутреннего состава народной стихии, нужен жизненный сдвиг национального организма. Пока народ плотью и кровью конкретно не воспримет определенных новых качеств, не может быть и речи о прочности новых форм его исторической жизни. И в этом смысле нельзя не

признать некоторой справедливости известного изречения, что всякий народ достоин того правительства, которое им управляет... »⁶.

Автор статьи цитировал слова одного английского деятеля: беда России в том, что она имеет интеллигенцию, живущую в XXI в., в то время как народ еще не вышел из XIV века. Весь корень проблемы строительства новой демократической России, считал Н. В. Устрялов, заключается в способности (или неспособности), а также желании (или нежелании) народа участвовать в этом процессе. Судя по весьма ограниченным результатам строительства парламентской демократии в России, народные массы никак не проявили себя участниками этого процесса. «Тот "народ", — отмечал Н. В. Устрялов с сожалением, — который безмолвствовал при самозванце и Шуйском, безмолвствует и поныне. Возможно, что этот народ скрывает в себе великие потенции, огромные творческие силы. .. — ведь не даром же носит Россия имя "святой Руси". Но тяжело и больно сознавать, что время идет, а потенции остаются потенциями и задания — заданиями. В действительности же "в плане реальной исторической жизни" Россия представлена не тем "народом-богоносцем", который является оправданием ее бытия перед престолом Божиим, а чем-то и кем-то другим... »⁷.

Препятствия на пути строительства демократии английского образца в стране, по его мнению, «оказались могущественнее, чем предполагалось». Российский парламент от одного думского состава к другому становился все менее похожим на силу, способную изменить Россию. I Дума, по словам автора, «умерла также трагически и красиво, как жила». II Дума, лишенная «окрыленности», «духовной мощи» и «светлого ореола первой», была явно хуже и совершала одну ошибку за другой. III Государственная дума характеризовалась «унылым равнодушием», «серенькой жизнью» и «тихим концом». В ней уже совсем перестали мечтать об «английском парламенте» и лишь «громко звучал командный голос Столыпина». Законодательная власть фактически подчинилась исполнительной. «Практика» посмеялась над «теорией». IV Дума работала в условиях противоречивых процессов: с одной стороны, наблюдался «новый национальный подъем», вызванный войной, с другой — народ «по-прежнему продолжает безмолвствовать». Юбилейный день, пишет автор, вновь застаёт родину накануне «вечных мучительных ожиданий»⁸.

Таким образом, проблемы и трудности строительства российского парламентаризма начала XX в. Н. В. Устрялов видел, преж-

до всего, в том, что этот процесс охватил лишь «отдельные слои общества», но не затронул широкие массы населения. В ценностных ориентирах между образованной, «европеизированной» частью российского общества и «безмолвствующей» народной массой наблюдался существенный разрыв. Для народа парламентаризм, демократия не стали теми ценностями, за которые он готов бороться, а по необходимости — и защищать. Пока народ, по мнению Н. В. Устрялова, «плотью и кровью» не примет «новых форм исторической жизни», пока не произойдет «жизненный сдвиг национального организма», т.е. глубинные изменения на уровне общественного сознания, мечты и надежды образованных кругов об утверждении народовластия, демократических институтов в России останутся неосуществленными.

Проблемы и трудности строительства парламентаризма и демократии в России начала XX в., обозначенные Н. В. Устряловым незадолго до революции, на наш взгляд, остаются актуальными и для современного российского общества. В России начала XXI в., как и сто лет назад, значительная часть граждан все еще не приняла «новых форм исторической жизни», не считает для себя важными и необходимыми демократические ценности и не готова их отстаивать и защищать. Это показали парламентские и президентские выборы 2003-2004 гг. Они прошли в условиях резкого падения интереса к партиям и лидерам либеральной ориентации, сужения интереса к политической жизни со стороны широких слоев населения, наметившейся тенденции среди потенциальных избирателей верить свою судьбу «одной партии» и одному правителю. Россия, отмечается в ряде исследований, «возвращается к привычному для нее способу государственного устройства», «народ добровольно веряет себя единоличному правителю, "самодержавной" власти без всяких "затей" и ветвей»⁹. Поэтому вывод Н. В. Устрялова о том, что народ «по-прежнему продолжает безмолвствовать».

¹ Известия. 2003. 10 декабря.

² Седов Л. А. О чем вещают голоса избирателей? // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5. С. 65.

³ ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 143. Л. 237.

⁴ См: *Романовский В. К.* 1) Николай Васильевич Устрялов // *Отечественная история*. 2002. № 4. С. 79-84; 2) *Формирование политических взглядов Н. В. Устрялова и его либеральный проект преобразования России* // *Калужский сборник*. Калуга, 2004. С. 46-57.

⁵ Устрялов Н. «Первая любовь» России // Утро России. 1916. 27 апреля.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Седов Л. А. Указ. соч. С. 65-74; Движение по спирали: превращения российского парламента // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 43-52.

Г. А. Салтык (Курск)

ДЕПУТАТЫ-КУРЯНЕ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В истории революционного движения Курской губернии М. А. Меркулов и И. Е. Пьяных сыграли немалую роль. Они являлись членами комитета «крестьянского союза» партии социалистов-революционеров (ПСР), действующего на территории Щигровского уезда. Этот «Союз» был одним из самых многочисленных (в конце 1906 г. он насчитывал 946 человек) и активных среди крестьянских союзов, созданных в Черноземном центре России в годы первой российской революции. В селах и деревнях Щигровского уезда было организовано 37 комитетов, двумя из которых руководили М. А. Меркулов и И. Е. Пьяных. В 1906-1907 гг. они являлись депутатами I и II Государственных дум. Позже представляли Курскую губернию в Учредительном собрании. В 30-е гг. оба были членами Курского отделения Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Изучив материалы центральных и региональных архивов, нам удалось восстановить их биографии.

Михаил Александрович Меркулов родился в 1875 г. в с. Стаканово (по другим сведениям — в с. Нижнее Ольховатое) Щигровского уезда Курской губернии в зажиточной крестьянской семье (имела 60 десятин земли). В 1887 г. окончил курс Стакановской земской школы, затем учился в Щигровском уездном училище (1887-1890) казенной сельскохозяйственной школе (1894). В 1896 г. его призвали на действительную службу в армию и зачислили в 11-й стрелковый полк 3-й стрелковой бригады. Здесь он прослужил два года и восемь месяцев. После увольнения в запас в 1899 г. Меркулов работал делопроизводителем в волостном суде с. Стаканово, в марте 1900 г. поступил на службу в Курское губернское земство. С апреля по

сентябрь 1902 г. работал письмоводителем Щигровского сельскохозяйственного общества, а также помощником агронома в уездном земстве. В 1904 г., во время русско-японской войны, его зачислили в 272-й Корочанский полк, в котором он служил до 7 декабря 1905 г. По возвращении домой занялся революционной деятельностью, примкнул к партии социалистов-революционеров.

Был избран в I Государственную думу, входил во фракцию Трудовой группы. Как член думской аграрной комиссии выступал в прениях по аграрному вопросу, поддерживал идею национализации земли и бесплатной передачи ее крестьянам на уравнильных началах. При обсуждении аграрного вопроса Меркулов внес поправку, в которой, в частности, отмечалось: «Первая русская Государственная дума считается единственным средством удовлетворить эти нужды, когда в основу землевладения теперь же был заложен принцип принадлежности всей земли всему народу, и пользование ею — неотъемлемое право всякого гражданина, при условии включительно личного труда».¹ Его подпись стоит под аграрным «Проектом 33-х», под заявлениями о запросах, об образовании местных аграрных комитетов, о продаже и рассылке стенографического отчета и т. д.

В мае 1906 г. Меркулов совершил поездку по родной губернии, во время которой встречался с избирателями. После возвращения в Петербург выступил с отчетом о поездке на одном из заседаний Трудовой группы. Являлся также членом редколлегии газет «Известия крестьянских депутатов», «Трудовая Россия» (1906), редактором газеты «Голос» (1906).

Роспуск I Государственной думы вызвал бурю негодования среди эсеровского руководства. Оно призвало местные организации немедленно начать вооруженную борьбу с правительством, при этом главная ставка делалась на крестьянство и войско. Депутатское «Выборгское воззвание» с призывом к акции гражданского неповиновения подписали семь представителей Курской губернии. Среди них был и М.А.Меркулов. Вскоре власти стали проводить репрессивные действия по отношению к депутатам, подписавшим воззвание. 31 июля 1906 г. курский губернатор В. М. Борзенко обратился в МВД с ходатайством о разрешении «препровождать их немедленно в московскую тюрьму, так как содержание их под стражей в местных тюрьмах грозит серьезными осложнениями».² Почти все перводумцы (в том числе и Меркулов) были лишены возможности принять участие в выборах во II Го-

сударственную думу из-за лишения «выборжцев» избирательных прав.

Во II Государственную думу эсерам удалось провести 37 депутатов. Был среди них и курянин Иван Емельянович Пьяных. Он родился в 1865 г. в д. Васютино Средне-Расховской волости Щигровского уезда Курской губернии, рано остался сиротой. «Но средства у меня были, — вспоминал И. Е. Пьяных. — Стряпка была и работник, а я при них. Имел два надела — 20 десятин земли». В период революции 1905-1907 гг. у него уже 38 десятин, и жил он «зажиточно, трудами своими». Женился И. Е. Пьяных в 18 лет. В то время, когда главе семьи исполнилось 42 года, его старшему сыну уже было 24. Вместе с отцом он занимался революционной деятельностью. Всего же у И. Е. Пьяных было четверо детей.

Почему же «зажиточный мужик» пришел в революцию, стал социалистом-революционером? Эти вопросы задал И. Е. Пьяных известный журналист Богораз-Тан. «Зовусь беспартийным, но сочувствую эсерам; террор отрицаю, не признаю, ибо по взглядам своим исповедую учение Христа. Бог дал человеку жизнь, ее нельзя отнять», — ответил Иван Емельянович на вопрос о партийной принадлежности. Интересны размышления И. Е. Пьяных о всеобщем равенстве. «Одобряю эсеров насчет земли. Пусть у меня меньше будет, только бы у всех поровну. И соседи с этим все согласны. У нас село малое, дружное, 22 двора. И жена так же думает. Она у меня благотворительница. Наша семья существует для того, чтобы бедных оделять. Кому хлеба, кому сена... Как же не стоять за социализацию, когда кругом такая беднота», — восклицал И. Е. Пьяных.

На страницах «Русского богатства» Богораз-Тан восхищался крестьянским думцем: «Рептильная печать называла курского депутата опасным революционером. На деле же он человек весьма кроткий, с приятным лицом и тихим голосом. "Мухи не обидит", — по выражению знающих его людей. Он среднего роста, с маленькой русой бородкой и добрыми глазами, с виду очень скромный и очень аккуратный. В лице Пьяных передо мной был богатый крестьянин, представитель зажиточного села. Эти крестьяне выражали готовность отречься не от привилегий, а от того, что люди всегда отдадут последним — от трудового имения, от лишней земли. И по этому одному можно видеть, что порыв, охвативший русское крестьянство, действительно глубок и стихийен».

«У нас эсерство, как море, разлилось, весь народ сочувствует. Признают справедливым», — приводит журналист слова своего со-

беседника. Многие его рассуждения произвели сильное впечатление на Богораз-Тана: «Я посмотрел на курского депутата и подумал: быть может, II Дума обойдется смирно и просто. Но жизнь будет идти и после думы. Кажется, эта душа, наивная и упорная, не усидит под смоковницей и скоро отыщет свою историческую страницу».³

В работе Госдумы И. Е. Пьяных не сидел сложа руки. На думском заседании 7 марта 1907 г. он внес предложение об организации комиссии для оказания помощи голодающим, выступал по аграрному вопросу, высказываясь за принудительное отчуждение помещичьих земель и передачу земель крестьянам бесплатно на уравнительных началах. Его подпись стоит под Основными положениями проекта образования местных земельных комитетов (всего подписали проект 31 человек).

После 3 июня думская группа эсеров не захотела выполнять обещания, вырванные у нее ЦК. Она не осталась в Петербурге и не провозгласила себя временным правительством, понимая неразумность и безнадежность такого рода действий. Большинство ее членов разъехались по домам. Остальные 15 человек собрались в Финляндии и после недолгого обмена мнениями пришли к выводу, что издание подготовленного ЦК воззвания с призывом к восстанию будет актом бесцельным, а потому и «решили нарушить данное Центральному комитету обещание». В подписанном 3 июня воззвании «От думской группы социалистов-революционеров» осуждались разгон думы и нарушение «Основных законов», содержалось пожелание общего порядка — противопоставить организованному насилию эксплуататоров и «дворцовой дворни» организованную силу трудового народа. Среди подписавших воззвание был и И. Е. Пьяных.

Во второй половине 1907 г. И. Е. Пьяных и М. А. Меркулов продолжали революционную деятельность в щигровском «Крестьянском союзе» ПСР. Под их руководством активизировали работу первичные организации Союза. К примеру, об активной деятельности комитета в с.Крестищах Тимского уезда свидетельствуют показания местного полицейского пристава Михайлова, который отмечал, что с 27 сентября 1907 г. в селе стали систематически поджигать дома зажиточных обывателей. По его показаниям, только в течение одного лишь месяца было совершено 28 поджогов. Непосредственно М. А. Меркулов организовал подкомитет щигровского «Союза» на Липовских дворах. В целях активизации его деятель-

ности он рекомендовал членам комитета «расширять деятельность добычей денежных средств путем грабежей и разбоев». Большое значение он придавал изготовлению взрывчатых веществ и оружия. Под влиянием М. А. Меркулова на одном из заседаний комитета было принято постановление, в котором шла речь о подготовке «одновременных массовых поджогов во всем Щигровском уезде».

Однако деятельность щигровского «Союза» была нарушена внезапными арестами, начавшимися в Курской губернии в январе-декабре 1909 г. В Курске в это время были задержаны 73 эсера, в Старом Осколе — 86. По делу о щигровском «Крестьянском союзе» партии социалистов-революционеров перед военным судом предстало около 200 человек. Сведения о деятельности многих из них были даны провокатором Т. Морозовым и сотрудником Курского губернского жандармского управления (ГЖУ) «Андреевым». Суд установил виновность 96 лиц, в числе которых оказались И. Е. Пьяных и М.А.Меркулов⁴. В июле 1909 г. упомянутое дело было рассмотрено в Курском временном отделении Киевского военно-окружного суда. По его приговору 20 обвиняемых были оправданы, 34 — присуждены к ссылке на поселение, 25 — к каторжным работам на разные сроки, 9 человек приговорены к смертной казни через повешение. В эту девятку входили М.А.Меркулов и И.Е.Пьяных. Однако в отношении них приговор был изменен: смертную казнь заменили каторгой — М. А. Меркулову — 10-летней, И. Е. Пьяных — пожизненной.

Находясь в курской тюрьме, уже после объявления приговора Военного Суда, несколько эсеров, арестованных по делу о щигровском «Крестьянском союзе» партии социалистов-революционеров во главе с М.А.Меркуловым, провели в камере совещание, на котором было принято постановление от имени щигровского «Союза». В нем шла речь о подготовке покушения на курского губернатора (члена Государственной думы, основателя монархической партии в Курске) Н. Е. Маркова-2-го, урядника Извекова, товарища прокурора курского окружного суда Гирченко, судебного следователя Иванова, исправника Спасского, его помощника Абрамова — «наиболее способствующих раскрытию деятельности щигровского "Крестьянского союза" социалистов-революционеров». Это постановление было передано «на свободу» через освобожденного из-под стражи эсера И. Е. Черемисинова. Непосредственное участие в совершении террористических актов должен был принять И. И. Голощапов, один из руководителей боевой дружины,

действующей при комитете. Однако вскоре полиции стало известно о готовящемся покушении, и его удалось предотвратить. Через несколько дней М. А. Меркулов был отправлен сначала в Тобольскую, а затем Александровскую каторжную тюрьму. Там он работал библиотекарем (в Тобольской тюрьме), был членом ревизионной комиссии и членом товарищеского суда (в Александровском центре)⁵.

И. Е. Пьяных отбывал наказание в Тобольске (1909-1914 гг.) и Шлиссельбурге (1914-1917). В 1916 — начале 1917 г. В.Л.Бурцев начал кампанию в демократической прессе за освобождение И. Е. Пьяных, доказывая его непричастность к убийству провокатора, В. Н. Тихонова тайного агента Курского ГЖУ.

После Февральской революции 1917 г. И. Е. Пьяных и М. А. Меркулов вернулись в родной Шигровский уезд и сразу же окунулись в революционную работу. Их избрали депутатами местных советов, а затем и кандидатами в депутаты Учредительного собрания. Оба принимали участие в работе Демократического совещания (сентябрь 1917 г.; от Советов крестьянских депутатов были избраны во Временный совет Российской Республики — предпарламент).

Вечером 28 ноября большевики нарушили неприкосновенность Учредительного собрания, начав с ареста депутатов-кадетов. 30 ноября, перед концом очередного заседания частного совещания депутатов, в зал Таврического дворца ворвались матросы. Они приказали депутатам разойтись. После отказа депутатов подчиниться приказу матросы силой выдворили их из зала.

После пережитого унижения депутаты приняли «Обращение к народу». В нем, в частности, говорилось следующее: «Как в прежние времена вели себя царские слуги и враги народа — городовые, стражники и жандармы, так и новые самодержавцы относятся к избранникам народа, так они встречают их. Насильникам мы не уступим. Одни мы, однако, победить не в силах, нужна поддержка всего народа, и мы ждем ее. Будьте готовы все по зову Учредительного собрания дружно встать на его защиту». В числе подписавших обращение был и М. А. Меркулов⁶.

Именно в эти дни в Петрограде был создан «Союз защиты Учредительного собрания». Такие же союзы появились во многих городах России, в том числе и в Курской губернии. И. Е. Пьяных и М. А. Меркулов отнеслись крайне отрицательно к разгону Учредительного собрания в январе 1918 г. Сначала они примкнули к «пра-

вым» эсерам-учредителям. После того как репрессии в отношении членов Учредительного собрания продолжили белогвардейцы, оба бывших политкаторжанина поддержали группу «Народ» (позднее — меньшинство ПСР).

Сторонникам МПСР Курской губернии приходилось действовать в тяжелейших условиях белогвардейской оккупации. В момент наступления Деникина, не имея возможности созвать собрание, инициативная группа курской организации ПСР, в которую входил и И. Е. Пьяных, обратилась к товарищам с открытым письмом. В нем были изложены основные задачи партии. Они сводились к «решению вопроса о том, какая из двух диктатур наименее вредна интересам народа и революции», а также «к отысканию путей совместной борьбы всех сил революции против наиболее злостной формы контрреволюции». Курские эсеры, два месяца жившие во власти диких шкуровских банд, «познавших» анархическое проявление спекулирующего офицерства, вымогающей контрреволюции, немощной буржуазии и хапающего лабазничества — сделали свой выбор: «Нам не по пути с контрреволюционной диктатурой авантюристов, генералов и бандитов. Диктатура справа — это последняя дикая судорога дворянско-татарского быта, изжитого еще при самодержавии. Лишенная опоры не только в народе, но и в широких рядах буржуазии, эта диктатура приняла всероссийский размер исключительно благодаря ошибкам Советской власти и иностранной поддержке... Но вместе с тем эта контрреволюция, проходя по стране кошмарной полосой насилия, грабежа и разрушения, отнимая у трудового населения и у Советской власти массу средств, энергии и сил, необходимых для творческой работы, затягивая гибельную для страны и революции гражданскую войну, является смертельным врагом народа, и задача сегодняшнего дня — уничтожить, стереть с лица земли этот контрреволюционный гнойник. И уничтожить надо не только его внешнее проявление — Добровольческую армию, но, что гораздо важнее (и, признаем, труднее), внутренние, вызывающие его причины. Оторванные от центра политической жизни, мы не решаемся указать формы единого революционного фронта». И далее они указали на то, что «все силы партии социалистической и революционной должны быть направлены на поддержку Советской власти в ее борьбе с контрреволюцией как работой в рядах Красной Армии, так и творческой созидательной работой в тылу, в органах Советской власти... Спешите же туда, где вас ждет долг Социалиста и Революционера, — на сме-

ну уставшим бойцам Красной Армии, к творческой дружной работе в тылу»⁷.

Нужно отметить, что в период, предшествующий занятию войсками генерала Деникина Курской губернии, большевики подвергли гонениям многих членов ПСР. Так, среди объявленных вне закона были и члены Учредительного собрания И. Е. Пьяных и М. А. Меркулов. Гонения на них продолжались и в последующие годы. И. Е. Пьяных умер в 1929 г., не дожив до политических репрессий 30-х гг. Присутствовавшие на его похоронах члены Курского отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а также многие крестьяне поклялись «продолжить начатое Иваном Емельяновичем дело по борьбе за раскрепощение крестьянства и довести его до конца»⁸. Разве могли они тогда предположить, что не пройдет и десяти лет, как практически все бывшие эсеры будут уничтожены правящей партией?

8 1937 г. среди 15 арестованных бывших членов партии социалистов-революционеров оказался и М. А. Меркулов. Его обвинили в причастности к подпольной эсеровской организации, которая якобы действовала на базе садово-полеводческой артели бывших политкаторжан «Вторая пятилетка», в артели инвалидов «Печатное дело» (Курск), в селах Лебяжье, Михайловское, Расховец. В обвинительном заключении указывалось, что «с 1936 г. контрреволюционная организация установила связь с контрреволюционными формированиями эсеров на территории Московской области и информировала последних о политическом положении колхозов Курской области». При этом работники ОГПУ использовали тот факт, что семья Меркуловых в 1932 г. переехала в Москву и поселилась в Больдево в доме Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Персональный пенсионер и член общества политкаторжан М. А. Меркулов работал в Москве в производственных артелях общества «Багет»⁹.

9 декабря 1937 г. на заседании «тройки» при Управлении НКВД по Курской области было принято постановление: «За участие в контрреволюционной эсеровской организации, проведении антисоветской деятельности по ст. 58.10.11. УК РСФСР М.А.Меркулова в числе 15 человек расстрелять». Постановление было приведено в исполнение в этот же день. В 1989 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР М. А. Меркулов был реабилитирован посмертно¹⁰.

¹ Государственная дума: Стеногр. отчеты. Созыв I. Сессия I. СПб., 1906.

Т. 1-2. С. 933

² ГАРФ. Ф. 102. Оп.236. Д. 716. Л. 221.

³ *Богораз (Тан) В. Г.* Депутаты 2-й Государственной думы: Очерки и наброски: Пьяных // Русское богатство. 1907. № 4. С. 84-86.

⁴ ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1642. Оп.2. Д. 232. Л. 111; Ф.Р-2968. Оп.4. Д. 11. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 287. Л. 257; Д. 795. Л. 876; Д. 426. Л. 2; Курская жизнь. 1917. № 79.

⁶ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 42. Л. 202.

⁷ Народ. 1920. №4-5. С. 43-45.

⁸ ГАКО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 101.

⁹ Архивное управление Федеральной службы безопасности по Курской области (АУФСБ РФ по КО). Ф. 10. Д. П. 12850. Л. 241.

¹⁰ Там же. Л. 75, 256, 275.

И. С. Тарасова (Рязань)

**РЯЗАНСКИЙ ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ I и II СОЗЫВОВ
В 1906-1907 гг.**

Государственная дума Российской империи создавалась в обстановке широкомасштабных социально-политических потрясений, радикально изменивших весь складывавшийся столетиями облик державы и направление ее дальнейшего развития. Было очевидно, что российская государственность нуждается в модернизации, в приспособлении к новым жизненным реалиям. Первостепенное значение приобретал вопрос об организации представительных структур общегосударственного масштаба.

6 августа 1905 г. царем был издан Манифест об учреждении Государственной думы, которой отводилась только законосовещательная роль. Однако этому проекту не суждено было осуществиться. Обострение политического кризиса осенью 1905 г. вынудило правительство пойти на дальнейшие шаги по решению вопроса о статусе народного представительного учреждения. Царским Манифестом 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании основ государственного управления» Государственной думе предоставлялись уже законодательные права.

Исследование истории этого учреждения имеет особую актуальность с точки зрения понимания процесса формирования российских парламентских традиций как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Опыт деятельности депутатского корпуса, в частности представителей Рязанской губернии, также представляет необычайный интерес. Он учит современных парламентариев твердости характера, умению отстаивать народные интересы в

условиях жесткого давления исполнительной власти, острой борьбе, изобретательности в формах деятельности депутатского корпуса, высокому профессионализму и активности.

От Рязанской губернии в каждую Государственную думу избирались 8 депутатов. Согласно Положению о выборах, они определялись губернским собранием выборщиков, избранных на уездных съездах по куриям землевладельцев, горожан, уполномоченных от крестьян и на губернском съезде уполномоченных от рабочих, причем количественный состав рязанским выборщикам по куриям был установлен следующий: в I и II Государственные думы — 123, в том числе землевладельцев — 40, горожан — 27, крестьян — 54, рабочих — 2¹.

Предвыборная борьба в Рязанской губернии в 1906 г. продемонстрировала активность избирателей и позволила выявить широкий спектр политических организаций. Особенно активно организовали свою предвыборную кампанию кадеты. Как известно, исход выборов в целом по стране был успешным для партии. Иначе обстояло дело в Рязанской губернии. Здесь кадеты потерпели поражение, в отличие от рязанских октябристов, которым удалось провести в думу трех кандидатов: Н.С.Волконского, А.В.Еропкина и Н. И. Ярцева.

Одним из крупнейших земских деятелей Рязанской губернии был князь, землевладелец Раненбургского уезда Николай Сергеевич Волконский. Он родился в 1848 г., после окончания историко-филологического факультета Московского университета служил чиновником в хозяйственном департаменте, был откомандирован в Рязанскую губернию, но скоро уволился. Еще в конце XIX в. Волконский являлся членом, а затем председателем губернской управы, занимался публицистикой и научными исследованиями в области археологии. Он принял участие во всех земских съездах, проводившихся в губернии, но разошелся с большинством участников съезда во взглядах на деятельность правительства.

Убежденным сторонником «Союза 17 октября» был также и другой рязанский депутат, землевладелец Аполлон Васильевич Еропкин, родившийся в 1865 г. в с. Кораблино Ряжского уезда. По окончании юридического факультета Московского университета он занимал различные административные должности в Москве, Рязани, в том числе являлся начальником отделения Рязанской казенной палаты, гласным земства (Ряжского и губернского) и рязанской городской думы, занимался адвокатурой. А. В. Еропкин

регулярно помещал в либеральных печатных изданиях статьи по экономическим вопросам, в частности по вопросу о выкупных платежах и круговой поруке. В 1906 г. А.В.Еропкин представил в Министерство земледелия записку об отмене выкупных платежей.

К партии «Союз 17 октября» примыкал купец, почетный гражданин Николай Иванович Ярцев. Он родился в 1854 г., учился в Зарайском уездном училище. Во время работы I Государственной думы был городским головой Зарайска. Известно, что Ярцев пользовался заслуженным уважением среди местных жителей. Так, при его содействии зарайская женская прогимназия была преобразована в гимназию. Также он уделял особое внимание благоустройству города, всячески содействовал развитию местной фабричной промышленности, привлекая иностранные капиталы.

От Рязанской губернии в Государственную думу I созыва были избраны три трудовика: Г. М. Ворсобин, Д. Гостев, Б. И. Черников. Такой результат избирательной кампании продемонстрировал прогрессивные и в чем-то даже радикальные настроения выборщиков, а также высокий уровень их политической активности.

Крестьянин и торговец из с. Старые Кельцы Скопинского уезда Георгий Михайлович Ворсобин родился в 1872 г., по окончании сельской школы поступил в епархиальное училище, но был отчислен за хранение недозволенной литературы. С 1891 по 1892 г. Г. М. Ворсобин заведовал продовольственным складом при Скопинской уездной земской управе, затем он перешел на должность конторщика и десятника на Рязанско-Уральской железной дороге, был волостным старшиной. Во время работы думы Ворсобин являлся членом Экономического совета и попечителем земской школы в родном селе. По аграрному вопросу придерживался убеждений левее программы Партии народной свободы.

Дмитрий Григорьевич Гостев, крестьянин из деревни Огрызково Егорьевского уезда, придерживался взглядов партии трудовиков, но по польскому, еврейскому и аграрному вопросам был не согласен с ее программой. Он родился в 1867 г., учился в народном училище, работал на фабрике Хлудовых прядильщиком и ткачом. Д. Г. Гостев отстаивал независимость инспекций труда и выступал за участие выборных от рабочих в инспекторском надзоре.

Крестьянин Борис Иванович Черников, родом из Раненбургского уезда, пользовался доверием крестьян «как человек, сочувственно относящийся к их нуждам». Он родился в 1868 г., служил во-

лостным писарем в Крючковской волости Раненбургского уезда.

По политическим воззрениям был близок к Партии народной свободы беспартийный крестьянин Иван Владимирович Арсенов, но расходился с ней во взглядах на еврейский и польский вопросы. Арсенов родился в 1879 г. в с. Федоровское Михайловского уезда, учился в сельской школе, в армии был военным писарем. В дни работы Думы он служил извозчиком в Петербурге. С «Союзом 17 октября» И.В.Арсенов имел разногласия в аграрном вопросе. Выступил сторонником образования в думе самостоятельной крестьянской группы.

В числе рязанских депутатов был также представитель Партии демократических реформ Владимир Капитонович Федоровский, родившийся в 1871 г. Он окончил реальное и военное училища, затем служил артиллерийским офицером, поступил в Военно-юридическую академию. По окончании поступил в Московский сельскохозяйственный институт, но не окончил его, так как был избран председателем Егорьевской уездной земской управы. В этой должности Федоровский находился и во время работы I Государственной думы. Отрицал автономию Польши и национализацию земли².

Во время работы I Государственной думы все рязанские депутаты показали особую активность в обсуждении политических, социально-экономических проблем. Особенно остро проявили себя рязанские депутаты в аграрном вопросе.

Как известно, в I Думе октябристы оказались немногочисленной и самой правой фракцией. При обсуждении аграрного вопроса они выступили против принудительного отчуждения помещичьих земель. 13 апреля 1906 г. в газете «Рязанский листок» была опубликована большая статья А. В. Еропкина «Земельный вопрос в I Государственной думе». В ней, охарактеризовав эсеровскую программу социализации земли как фантастическую и с ходу отвергнув ее, автор, главным образом, пытался доказать предпочтительность октябристского подхода к решению аграрного вопроса по сравнению с кадетским. В отличие от кадетов, ставивших принудительное отчуждение владельческих земель во главу аграрной реформы, октябристы, считал Еропкин, придавали этому второстепенное значение, подчиненное другим, «более существенным», мерам по подпитию плодородия земли и совершенствованию самих способов и порядков землепользования. Будучи опытным полемистом, Еропкин не стал разъяснять это положение. Оговорившись, что разли-

чие носит «довольно отвлеченный характер», он сосредоточился на критике позиции аграрного теоретика кадетов М. Я. Герценштейна о выкупе отчуждаемой земли за счет крестьян. Подходу Герценштейна Еропкин противопоставлял свой подход, подчеркивая, что передача земли крестьянам должна быть за счет государства, задолжавшего крестьянам в связи с последствиями реформы 1861 г.³

В большой программной речи по аграрному вопросу Н. С. Волконский пытался доказать, что основной причиной аграрного движения в стране является не крестьянское малоземелье, а агитация революционных партий. Решение аграрного вопроса он видел, прежде всего, в ликвидации чересполосицы, длинноземелья, архаичных общинных отношений и т. п. Понимая, однако, недостаточность этих мер для успокоения крестьянства, Волконский говорил, что помещики могут и должны «поступиться своей землей, но не безгранично»⁴. Он также призывал помещиков, передавших крестьянам землю в собственность, не вмешиваться в их дела и предоставить крестьянину полную свободу⁵. Однако взгляды Волконского на решение аграрного вопроса не вызывали поддержки у крестьян, которые полагали, что он «в думе интересы крестьян отстаивает ... поэтому и мы его взглядам и направлению тоже не сочувствуем»⁶.

Другой точки зрения на решение аграрного вопроса придерживалась Трудовая группа и ее представитель от Рязанской губернии Б.И.Черников. 23 мая 1906 г. «Проект основных положений земельного закона», известный под названием «Проект 104-х», был внесен Трудовой группой на обсуждение Думы и получил широкую поддержку крестьянских депутатов. Из выступлений думских деятелей, поддерживавших в той или иной степени проект, видно, что их привлекали, прежде всего, требования перехода всех земель в руки крестьян и ликвидации помещичьего землевладения. Остальные существенные пункты проекта—национализация земель, трудовое пользование землей, ограничение свободы распоряжения землями и выкуп — встретили у крестьян различное отношение.

Так, часть крестьян-депутатов выступила против положения «Проекта 104-х» о национализации земли. Среди них были выступавшие против национализации земли, как в самой группе, так и в Думе, и не подписавшие проект трудовики и беспартийные крестьяне. Против национализации земли, с защитой права частной собственности на нее, выступали трудовики Т. В. Локоть, Т. И. Седельников, Б. И. Черников. При этом возражения против

национализации являлись у них своеобразной формой выражения недовольства любыми попытками так или иначе ограничить свободу пользования землей и превратить «трудовую норму» в препятствие для расширения крестьянского землевладения⁷.

Помимо аграрного вопроса в I Думе обсуждался и ряд других насущных проблем. Представители партии «Союза 17 октября» выступили против немедленной ликвидации сословных ограничений. Рязанские октябристы Волконский и Ярцев высказались против реформы местного самоуправления на началах всеобщего избирательного права. В одном из своих выступлений Н. С. Волконский возражал против введения прямого голосования при выборах в думу. Лидеры октябристской фракции в думе, одним из которых был Н. С. Волконский, получили известность как инициаторы не состоявшегося осуждения думой «политических убийств» (т. е. действий революционеров)⁸.

После роспуска думы 8 июля 1906 г. около 200 депутатов, главным образом кадеты, провели в Выборге совещание и приняли воззвание, в котором народу предлагалось оказать «пассивное сопротивление» правительству. Местные кадеты болезненно восприняли роспуск I Думы. Губернский комитет поддержал Выборгское воззвание думских депутатов, хотя признал невыполненным такой его пункт, как недоставка солдат в армию. Депутат от Рязанской губернии В. К. Федоровский был одним из тех, кто подписал Выборгское воззвание. О роспуске Государственной думы в рязанской прессе написали лишь 14 июля 1906 г.

Выборы во II Государственную думу состоялись в январе-феврале 1907 г. на основе того же избирательного закона от 11 декабря 1905 г. Они проходили в обстановке «левения» избирательных масс.

Восьмерых депутатов выбирали из 115 кандидатов. Изменение настроений избирателей, возрастание надежд крестьян на думу, соглашение с левыми партиями (социал-демократами и социалистами-революционерами) и крестьянскими выборщиками помогли рязанским кадетам взять реванш в следующей избирательной кампании. Их депутатами во II Думе стали А. С. Салазкин, Н. Н. Богданов, А. З. Смагин. К кадетской фракции примкнули также В. Г. Губанов и Н. П. Рябов. Это был крупный успех кадетов, занявших 5 мест из 8 возможных.

Одним из лидеров партии кадетов в Рязанской губернии был Аркадий Сергеевич Салазкин. Он родился в 1870 г., являлся канди-

датом естественных наук Киевского университета, занимал должность потомственного почетного гражданина, почетного мирового судьи и гласного уездного и губернского земств, касимовской городской думы. А. С. Салазкин состоял председателем попечительского совета Касимовской женской гимназии и ряда многочисленных комиссий и комитетов.

Дворянин, землевладелец Раненбургского уезда, Николай Иванович Богданов родился в 1875 г., образование получил в Рижском политехническом институте, но не окончил его, так как за неблагонадежность был выслан под надзор полиции на родину, в Раненбургский уезд, где был выбран сначала членом уездной, а затем губернской земской управы, состоял в должности почетного мирового судьи Раненбургского уезда.

Смагин Антон Зиновьевич, крестьянин, родился в 1860 г. в с. Григорьевское Зарайского уезда. Будучи сторонником просвещения, он добился открытия в селе библиотеки-читальни на средства земства. До выборов во II Государственную думу Смагин занимался земледелием, торговлей, продавал книги. Крестьянин Василий Герасимович Губанов родился в 1869 г. в с. Петровское Михайловского уезда. Служил в Петербурге приказчиком и дворником. Был выбран в земские гласные и волостные судьи. Крестьянин, торговец родом из деревни Малышкино Касимовского уезда, Никита Петрович Рябов служил 8 лет урядником и приказчиком в имении, занимался земледелием.

В состав Государственной думы II созыва от Рязанской губернии входили также представители других партий. Трудовик крестьянин Сорокин Ефим Иванович, 1866 г. р. был уроженцем с. Зимарово Раненбургского уезда. Его выбрали от крестьянской курии. В 1905 г. по поручению крестьян двух волостей Сорокин составил их «приговор» о присоединении к «Крестьянскому союзу». В январе 1906 г. был арестован и выслан в Архангельскую губернию. Волей случая ему удалось вернуться на родину, где он был выбран уполномоченным от волостей. Получив сведения о намерениях администрации удалить его из пределов губернии, скрывался в Рязани. Рязанец Виктор Петрович Успенский в думе примкнул к партии социалистов-революционеров, являлся товарищем секретаря Государственной думы. Он родился в 1869 г., окончил медицинский факультет Московского университета. В 1894 г., еще студентом, Успенский заведовал столовой для рабочих, затем — медико-санитарной частью на переселенческом пункте в г. Тюмени. Был

врачом в Воронежской и Рязанской губерниях. Депутат от рабочих, сторонник социал-демократов Федоров Александр Григорьевич родился в 1882 г. С юных лет работал на фабрике Бельгийского общества⁹.

В работе II Государственной думы наиболее активно участвовали рязанские депутаты Е. И. Сорокин, В. П. Успенский, А. З. Смагин. Так, Сорокин, являясь членом аграрной комиссии, неоднократно принимал делегации крестьян Рязанской губернии с теми или иными прошениями. Все обсуждаемые в думе вопросы выносились посредством его статей на обозрение массового читателя в петербургских, московских и рязанских газетах. Успенский произнес более 30 речей с думской трибуны. Большой интерес в Думе вызывали многочисленные споры В. П. Успенского с депутатом В. М. Пуришкевичем по вопросам обращения с заключенными в тюрьмах. А. З. Смагин на одном из думских заседаний обратился с речью к крестьянам в поддержку амнистии политическим заключенным¹⁰.

3 июня 1907 г. был объявлен указ о роспуске II Думы и о назначении дня созыва новой думы. Манифест этого указа был напечатан в «Рязанском вестнике» 5 июня 1907 г.

Политические предпочтения рязанских избирателей прослеживаются в ходе изучения сословной принадлежности, уровня образования, возраста и профессиональной деятельности депутатов Думы от Рязанской губернии. Средний возраст рязанцев в I и II Государственных думах составлял 40 лет. В составе парламента были, в основном, грамотные люди. К 1906 г. в целом по стране 70,7% населения были неграмотны, а среди членов I Думы — всего 0,4%. В процентном соотношении люди с высшим образованием в целом по стране составляли сотые доли процента, а в Думе I созыва с высшим образованием было 42,1% депутатов (из 8 депутатов Рязанской губернии высшее образование имели 3)¹¹.

В партийном отношении среди депутатов от Рязанской губернии преобладали представители консервативных и либеральных партий. Представителей и сторонников радикальных партий и группировок (трудовиков, эсеров, социал-демократов) оказалось гораздо меньше. Это определялось существующей системой выборов.

Партийный состав рязанских депутатов представлен в таблице.

В Государственной думе I и II созывов преобладающее положение среди депутатов, в том числе и от Рязанской губернии, занимали представители поместного дворянства, торгово-промышленной

Партийная принадлежность	Государственные думы	
	I	II
Октябристы	3	—
Партия демократических реформ	1	—
Трудовики	3	1
Кадеты	—	5
Партия социалистов-революционеров	—	1
Социал-демократы	—	1
Беспартийные	1	—

А. С. Соколов (Рязань)

буржуазии, городской интеллигенции и крестьянства. Они принесли в это учреждение свои представления о путях развития России и навыки общественных дискуссий. Особенно показательным было то, что в думе интеллигенция использовала навыки, приобретенные в университетских аудиториях и судебных прениях, а крестьяне несли с собой в думу многие демократические традиции общинного самоуправления. В целом работа российской Государственной думы в 1906-1907 гг. являлась важным фактором политического развития в Рязанской губернии.

**УЧЕНЫЕ-ФИНАНСИСТЫ —
ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
(Страницы биографии Н. Н. Кутлера и А. Г. Хрушова)**

В современных условиях хозяйственных реформ особый интерес представляет не только накопленный опыт перехода к рыночным отношениям до 1917 г., но и судьба конкретных людей, осознавших необходимость этих преобразований, приложивших усилия для их осуществления. При изучении отечественной исторической литературы выясняется, что эта сторона вопроса наименее исследована.

Николай Николаевич Кутлер и Александр Григорьевич Хрушов принадлежат к числу неординарных личностей. В их биографиях, отражающих драматизм эпохи, в которой им пришлось жить и работать, есть много общего. Они были выдающимися государственными и общественными деятелями России, являлись министрами царского и Временного правительств. По своим политическим убеждениям Н. Н. Кутлер и А. Г. Хрушов были буржуазными либералами, видными деятелями партии кадетов, депутатами Государственной думы. В начале 1920-х гг. они оказались не на знаменитом пароходе, который увез из России часть деятелей науки и искусства, а в ряду тех, кто участвовал в проведении **финансовой** реформы. Тем не менее, Н. Н. Кутлер и А. Г. Хрушов оказались неустрашимыми властью, их не сумели по достоинству оценить, несмотря на желание вывести советскую Россию на путь индустриального развития.

К сожалению, не отдали им должного внимания и современные историки. В последнее время появился ряд работ, посвященных деятельности Н. Н. Кутлера¹, но биография А. Г. Хрушова исследователям практически неизвестна. В то же время сохранилось большое

¹ Государственная дума в России: Сб. док. и материалов / Сост. Ф. И. Калинычев М., 1957. С. 51.

² Государственная дума первого призыва: Портреты, краткие биографии, характеристики депутатов. М., 1906. С. 65-66; Члены I Государственной думы: Биографии, характеристики, политические взгляды, общественная деятельность, выборы и проч. М., 1906. С. 52-53.

³ Рязанский листок. 1906. 13 апреля.

⁴ Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 105-106.

⁵ Собрание речей депутатов Государственной думы I и II созыва. СПб., 1908. С. 153.

⁶ Государственный архив Рязанской области. Ф. 641. Оп. 41. Д. 9. Л. 213.

⁷ Трудовики в период первой российской революции. М., 1985. С. 63-64.

⁸ Шелохаев В. В. Указ. соч. С. 100-101.

⁹ Боиович М. М. Члены Государственной думы: Портреты и биографии. Второй созыв 1907-1912 гг. М., 1907. С. 69-72.

¹⁰ Собрание речей ... С. 334.

¹¹ Государственная дума в России. С. 244.

количество источников, освещающих сложный жизненный путь этих уникальных личностей. В настоящей статье ставится задача не только рассмотреть деятельность Н. Н. Кутлера и А. Г. Хрушова в качестве депутатов дореволюционной Государственной думы, но и показать отношение власти к их желанию участвовать в практической жизни страны.

Александр Григорьевич Хрушов родился в 1872 г. в семье товарища прокурора Самарского окружного суда. В 1892 г. он окончил физико-математический факультет Московского университета. До 1906 г. А. Г. Хрушов работал председателем Землянской уездной земской управы Воронежской губернии. В 1905 г. вошел в Центральный комитет Конституционно-демократической партии и от нее был избран депутатом I Государственной думы от Воронежской губернии. Определяя свою позицию в составе думской фракции кадетов, А. Г. Хрушов указывал: «Тактика партии в думе для меня глубоко симпатична — не лезть на рожон, не создавать ненужных конфликтов, но и твердо стоять на своих прогрессивных позициях». В июне 1906 г. Александр Григорьевич был избран в члены бюджетной комиссии. Он так писал об этом: «Я очень доволен моим избранием думой в члены бюджетной комиссии. Эта комиссия, сама по себе не видная с трибуны, а с карандашом в руках будет направлять главный жизненный нерв России — все жизненные ассигнования и предложения всех министерств»². Известно, что центральное место в думских дискуссиях занимал крестьянский вопрос. Особое беспокойство в правительственных кругах вызвало обсуждение аграрного законопроекта фракции трудовиков, который предусматривал введение уравнительно-трудового землепользования. Между правительством и думой произошел разрыв. В одном из писем А. Г. Хрушов так характеризовал обстановку, сложившуюся в думе: «Мы шли сюда, обещая избирателям мирным путем добиться им права на землю и свободу, я не хочу революции и всеми мерами буду удерживать, насколько в моих силах, от революционных решений думу, но правительство как бы намеренно толкает нас на этот путь в дружном единении с крайними. Поистине, не ведают, что творят»³. После разгона I Госдумы А. Г. Хрушов подписал Выборгское воззвание «Народу от народных представителей», в котором народ призывали к отказу от выплаты налогов и от воинской обязанности вплоть до созыва нового народного представительства. В связи с этим А. Г. Хрушов был арестован и отбывал трехмесячное заключение.

По-иному сложилась политическая карьера Николая Николаевича Кутлера. Он родился в 1859 г. в семье председателя Орловской губернии земской управы. В 1882 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1892 по 1904 г. состоял в Министерстве финансов вице-директором, а позднее директором Департамента окладных сборов. После событий 9 января 1905 г. Н. Н. Кутлер получил назначение на должность товарища министра финансов, а позднее вошел в состав Совета Министров С. Ю. Витте в качестве главноуправляющего землеустройством и земледелием. Однако в марте 1906 г. по требованию консервативной дворянской оппозиции он вышел в отставку из-за предложенного им проекта отчуждения помещичьих земель в пользу малоземельных крестьян. В том же году примкнул к либеральной оппозиции, став членом партии кадетов. Позднее опальный министр вошел в состав ЦК Партии народной свободы и являлся одним из авторов ее аграрной программы.

В 1907 г. по спискам кадетской партии Н. Н. Кутлер был избран депутатом II Государственной думы от Санкт-Петербурга. Он входил в состав ряда думских комиссий, выступал по аграрному вопросу, бюджету, по вопросу помощи безработным. Центральное место в работе II Госдумы занимал земельный вопрос. Имелись два аграрных проекта трудовиков и партии кадетов. Этому предшествовала большая подготовительная работа. «Центральный комитет собрал лучших своих специалистов (включая Н. Н. Кутлера), устраивал областные совещания для выяснения местных условий крестьянского землеустройства. Отпечатал ряд докладов их», — писал в «Воспоминаниях» П. Н. Милюков⁴.

19 марта 1907 г. Н. Н. Кутлер выступил в Госдуме с проектом кадетской программы по аграрному вопросу. Он утверждал, что «если аграрная реформа будет осуществлена, то это будет знаменовать переход к другому лучшему будущему, при котором о прежнем отношении к крестьянам не может быть и речи»⁵. Таким образом, кадеты высказывались за необходимость осуществления принудительного отчуждения помещичьей земли за выкуп по справедливой оценке. Расходы по выкупу сельскохозяйственных угодий у помещиков вместе с государством в равной доле должны были взять на себя крестьяне.

Выступление Н. Н. Кутлера по земельному вопросу вызвало широкие дискуссии в думских фракциях. В. И. Ленин назвал его аграрно-реакционной программой бюрократа, переодетого либералом⁶.

Критикуя принцип справедливой оценки земли, депутат социал-демократической фракции Серов замечал, что это «есть ничто иное, как резиновый принцип, и его можно растягивать и гнуть по сторонам, по произволу, и легче всего он растягивается в сторону капиталистических интересов»⁷. Аграрная программа кадетов подверглась критике и со стороны премьер-министра П. А. Столыпина. Выступая с думской трибуны, он утверждал, что предложения Партии народной свободы, полунационализация, в конечном итоге, приведут к тем же результатам, что и предложения левых партий⁸. Н. Н. Кутлер подверг критике аргументы премьер-министра, направленные против предложений кадетской фракции. Апеллируя к реформе 1861 г., он заявил, что, «отрекаясь ныне от принципа отчуждения земель, правительство в лице председателя Совета Министров отрекается от русской истории, от лучших и самых светлых ее страниц»⁹. Было выражено и отношение кадетов к закону о праве выхода из общины. Выступая в думе, Н. Н. Кутлер указывал, что этот указ дает преобладание интересам отдельных лиц, когда, по существу, они вовсе не заслуживают признания¹⁰.

Сильный общественный резонанс имели прения по бюджету, развернувшиеся 20 марта 1907 г. Об этом свидетельствует инцидент в думе, произошедший между министром финансов В. Н. Коковцовым и Н. Н. Кутлером, который считался признанным экспертом от фракции кадетов по вопросам бюджета и финансов. В своем выступлении Николай Николаевич отметил преобладание в общем объеме налоговых поступлений косвенных налогов — «насоса, при помощи которого чрезвычайно легко и удобно извлекается последняя копейка из кармана бедняка». Была подвергнута критике таможенная система с ее высокими пошлинами на заграничные товары массового потребления, позволяющими отечественным предпринимателям не опасаться конкуренции, поддерживать высокий уровень цен на промышленные изделия. Н. Н. Кутлер отметил и негативные последствия тяжелого налогового бремени для населения: постоянное увеличение числа безлошадных крестьян, неурожай и голодовки.

Касаясь вопроса о расходах по уплате долгов, Н. Н. Кутлер подчеркнул, что кредиты, потраченные на производственные цели, — безусловное благо, те же, что пошли на покрытие непроизводственных расходов, — «мертвая петля на шее». «Эта часть расходов возросла за последнее время наиболее значительно», — отметил докладчик¹¹. Анализируя расходную часть бюджета, Н. Н. Кутлер

заявил, что «это не тот аппарат, которым извлекают из народа средства для того, чтобы употребить их для этого самого народа; это тот аппарат, при помощи которого из тощих карманов набираются средства, которые идут, главным образом, в карманы все более полные, иногда туго набитые»¹². Под гром аплодисментов оратор упрекнул правительство в том, что оно «не постеснялось из сумм, предназначенных по старым законам на нужды народного образования, куда-то спрятать, а может быть, и поступить хуже с суммой 96 000 руб., которая где-то запуталась и попала неизвестно в чьи карманы»¹³. Н. Н. Кутлер отметил, что вся правительственная машина полна пороков и злоупотреблений и годится только для того, чтобы смести ее с лица земли.

Выступление Н. Н. Кутлера произвело впечатление не только на оппозиционную часть думы, но и на премьер-министра. Так, П. А. Столыпин заявил: «Здесь был нанесен вверенному мне ведомству удар сильный и смелый, но пришелся он, поистине, не по коню, а по оглоблям»¹⁴. Правые обрушились на Н. Н. Кутлера с резкими нападениями, отмечая, что если бы действительно голосу Госдумы придавалось серьезное значение в Западной Европе, то результатом его речи должно было быть падение российских ценных бумаг и ценностей на международном рынке¹⁵. Отвечая на эти обвинения, Николай Николаевич заявил: «Пуришкевич и гр. Бобринский выступили в подмогу министру, но я, господа, отвечу им только одной русской пословицей: куда конь с копытом, туда и рак с клешнею»¹⁶. По мнению Н. Н. Кутлера, в целях исправления бюджета необходимо было установить новые источники государственных ресурсов в виде подоходного и иных прямых налогов, используя полученные суммы для уменьшения налогового бремени. Он считал, что оздоровление финансовой системы зависит от установления правильного соотношения между властью и народным представительством. Взгляды Н. Н. Кутлера на вопросы бюджетной политики свидетельствовали о его активной гражданской позиции.

Роспуск II Государственной думы рассеял у Н. Н. Кутлера надежды на осуществление либеральных реформ. Николай Николаевич отошел от политической жизни, отказавшись баллотироваться в III Госдуму, ограничившись участием в работе земельной и финансовой комиссий Партии народной свободы. Однако в 1909 г., после выхода из состава думы депутата А. М. Колюбакина, Н. Н. Кутлер выставил свою кандидатуру и был избран. В фонде Конституционно-демократической партии, находящемся в ГАРФ,

сохранились предвыборные листовки, которые призывали жителей столицы оказать доверие кандидатуре Н.Н. Кутлера. В одной из них указывалось, что, проголосовав на выборах в думу за Н. Н. Кутлера, избиратели поддержат центральную часть оппозиции в ее неустанной борьбе за свободу и право¹⁷.

В III Госдуме Н. Н. Кутлер консультировал фракцию по вопросам экономики и финансов. Причину несбалансированности бюджета он видел в несовершенстве налоговой системы и, прежде всего, в отсутствии подоходного налога. По мнению Н. Н. Кутлера, введение налога могло бы устранить различные привилегии, поднять продуктивность прямых налогов¹⁸. Аналогичные суждения Н.Н.Кутлер отстаивал и в «Обществе финансовых реформ», в задачи которого входило реформирование бюджета и кредитной системы России. В состав «Общества» входил также А. Г. Хрущов.

По окончании депутатских полномочий в III Госдуме Н. Н. Кутлер отошел от партийных дел. После свержения самодержавия он стал председателем Совета съездов представителей промышленности и торговли. Напротив, А. Г. Хрущов принял активное участие в политической жизни страны, войдя в состав Временного правительства. Он занимал посты товарища министра земледелия, а затем министра финансов. После событий октября 1917 г. отношения с новой властью у бывших депутатов Госдумы складывались непросто. В 1918 г. А. Г. Хрущов был арестован как член Временного правительства, но через пять месяцев его освободили. В том же году ВЧК в очередной раз арестовала Н. Н. Кутлера по обвинению в банковском саботаже.

В начале 1920-х гг. в условиях нэпа Н. Н. Кутлер и А. Г. Хрущов были привлечены для проведения финансовой реформы. Они вошли в состав Правления Госбанка. Их подписи стоят на червонцах образца 1922 г. Н. Н. Кутлера и А. Г. Хрущова можно по праву отнести к числу создателей устойчивой советской валюты. В 1924 г. денежная реформа была успешно завершена, но Н. Н. Кутлеру не удалось увидеть ее результаты. Он скончался 10 мая 1924 г. в своем кабинете от разрыва сердца. А. Г. Хрущов пережил своего коллегу на восемь лет. Тюремное заключение подорвало здоровье Александра Григорьевича, поэтому он был вынужден сменить род деятельности. Последние годы своей жизни он занимался разведением эфирноносных растений на специально купленной для этого даче под Батуми и впервые в советской России начал изготавливать эфирные лечебные масла.

Н. Н. Кутлер и А. Г. Хрущов были известными общественными и политическими деятелями первой четверти XX в. Они являлись крупными специалистами в финансовой сфере, обладали такими качествами реформаторов, как служение высшим интересам Отечества, профессионализм и компетентность, умение проводить в жизнь собственную позицию. Не случайно, что и у наших современников эти имена вызывают уважение.

¹ *Муравьева Л. А. Жизнь и деятельность Н. Н. Кутлера // Деньги и кредит. 2004. № 8; Николаев М. Г. Царский министр делает советские деньги: Страницы биографии Н. Н. Кутлера — одного из творцов денежной реформы 1922-1924 гг. М., 1999.*

² *Все министры финансов России и СССР. 1802-2004. М., 2004. С. 207.*

³ *Там же. С. 209.*

⁴ *Милоков П.Н. Воспоминания (1859-1917). М., 1990. Т. 1. С. 415-416.*

⁵ *Речь Н. Н. Кутлера и земельный законопроект Партии народной свободы. СПб., 1908. С. 5.*

⁶ *Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 260.*

⁷ *Государственная дума: Стеногр. отчеты. Созыв второй. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 1. С. 1495.*

⁸ *Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Поли. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. М., 1991. С. 93.*

⁹ *Государственная дума. С. 1109.*

¹⁰ *Там же. С. 1205.*

¹¹ *Николаев М.Г. Указ. соч. С. 27-28.*

¹² *Там же. С. 28.*

¹³ *Кокорцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903-1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 221.*

¹⁴ *Николаев М. Г. Указ. соч. С. 29.*

¹⁵ *Государственная дума С. 1003.*

¹⁶ *Там же. С. 1006.*

¹⁷ *ГАРФ. Ф.523. Оп.3. Д. 351. Л. 38.*

¹⁸ *Государственная дума: Стеногр. отчеты. Созыв второй. Сессия пятая. СПб., 1912. С. 1738.*

Д. И. Стогов (Санкт-Петербург)

«ПРОБЛЕМА РОСПУСКА I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМ И ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ САЛОНЫ»

Вопрос, связанный с роспуском I и II Государственных дум, давно привлекает пристальное внимание историков. Как принято было считать в историографии, император Николай II был подвержен влиянию различных политических сил — прежде всего, так называемой камарильи¹. В это понятие обычно включают также и так называемые правомонархические салоны, активно действовавшие в первые годы XX в. Прежде всего необходимо пояснить, что мы понимаем под определением правомонархические.

В науке принято деление политического спектра на правый и левый фланги, к которым относят разнообразные общественно-политические движения, партии, группы, кружки и т. д. По мнению современного исследователя правых партий России Ю. И. Кирьянова, которое мы полностью разделяем, в исторической и политологической литературе под правыми традиционно понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные — политический, социальный, экономический, религиозный, бытовой — уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя»². Как полагает Ю. И. Кирьянов, «правый лагерь в дореволюционной России представлял собой своеобразную пирамиду, состоящую из двух "структурных" этажей — высшего и низшего. К первому относились царь, камарилья и официальное правительство. Ко второму, по крайней мере до начала Первой мировой войны, — многочисленные, имевшие весьма различные названия правые партии и организации, Союз националистов, а также, с определёнными оговорками, Совет объединенного дворянства»³.

© Д. И. Стогов, 2006

В России конца XIX — начала XX в. правые традиционно выступали за сохранение неограниченного самодержавия, за первенство русской народности и православной религии на территории традиционного проживания русских, малороссов и белорусов; таким образом, они являлись «естественной опорой царизма»⁴. Они стояли правее Партии правового порядка, признававшей необходимость народного представительства и гарантий личной свободы.

Правое консервативное движение конца XIX — начала XX в. по своей сути не являлось однородным. В нём переплетается множество достаточно разнородных течений — от умеренно правых монархических, возглавляемых В. П. Мещерским, А. С. Сувориным, супругами Е. В. и А. В. Богдановичами и др. (они, в основном, поддерживали принципы и идеи третьей и юнковой монархии), до крайне правых. В свою очередь, черносотенное движение также не было идеологически однородным. Более радикальными по своему содержанию оказываются воззрения дубровинского «Союза русского народа» по сравнению с идеями «обновленцев» Н. Е. Маркова-2-го и «Союза Михаила Архангела» В. М. Пуришкевича. В стане «дубровинцев» были также свои крайне правые радикалы — экстремисты вроде Н. Н. Жеденова, редактора-издателя газеты «Гроза».

Раскроем также и понятие *салона*. Оно французского происхождения и берет свое начало со второй половины XVIII столетия. В. И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка определяет единственное значение слова «салон» как «зала, зал; гостиная, комната для приема»⁵. В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона содержится обширный материал на эту тему, в котором указано и второе значение слова «салон». В статье дается следующее определение: «Салон (франц. Salon, от итальянского) *salone* — большая зала). (...) Салоны — во Франции играли в прежнее время видную роль в истории литературы и политики. Это — кружки, группировавшиеся вокруг какой-либо выдающейся женщины, царицы салона, блестящей остроумием, талантливостью или красотой. В С[алонах] собирались выдающиеся представители науки, искусства и политики и вели, в изящной форме, беседы по вопросам политики и литературы. До известной степени, таким образом, С[алоны]⁶ заменяли нынешнюю печать в выражении общественного мнения»⁶.

В словаре С. И. Ожегова понятие «салон» определяется так: «Салон: (3). Политический, литературно-художественный кружок из людей избранного круга, собирающийся обычно в доме какого-

нибудь частного лица (устар.)»⁷. Таким образом, понятие «кружок» фактически является более широким синонимом понятия «салон»⁸. Исследователи литературных салонов первой половины XIX в. М. Аронсон и С. Рейсер, не давая четкого определения салонам, использовали равнозначные, с их точки зрения, понятия «кружки», «салоны», «вечера»⁹.

Согласно второму изданию Большой Советской Энциклопедии, салон — «светский политический, литературно-художественный кружок, состоящий из избранных лиц дворянско-буржуазного круга, интеллигенции, собирающихся у какого-либо привилегированного лица, политического деятеля, мецената»¹⁰. В третьем издании Большой Советской Энциклопедии и в Малой Советской Энциклопедии определение салона в общих чертах сходное: «Литературно-художественный или политический кружок избранных лиц, собирающихся в частном доме»¹¹. Авторы Литературной энциклопедии терминов и понятий также не видят разницы в употреблении понятий «салон» и «кружок»: «Салон (...), кружок — общность, возникающая на основе сходства социокультурных интересов и позиций участников»¹². Итак, подводя итог, мы можем сказать, что фактически не существует разницы в употреблении понятий «салон», «кружок», «гостиная», «вечера», «беседы».

Отметим, что салон, в традиционном понимании этого слова является организацией неформальной, неофициальной, не обладающей статусом юридического лица (в отличие от общественных организаций типа «Русского собрания»). На наш взгляд, политический салон — это собрание людей со сходными политическими взглядами, но не связанными какими-либо организационными обязательствами, функционирующее помимо официально существующих государственных структур; при этом вся его деятельность направлена на формирование внутренней и внешней политики царствующего монарха.

Крупнейшими из правомонархических салонов Петербурга начала XX в. являлись кружки князя В. П. Мещерского, генерала Е. В. Богдановича, графини С. С. Игнатьевой.

Владимир Петрович Мещерский (1839-1914) — редактор-издатель одной из крупнейших правомонархических газет Петербурга «Гражданин». Он родился в Санкт-Петербурге 14 января 1839 г. в семье обер-прокурора Св. Синода, отставного подполковника гвардии П. С. Мещерского, и приходился по материнской линии внуком (от старшей дочери) писателя и историка Н. М. Карамзина,

культ которого господствовал в семье Мещерских. По словам современников, образ великого историографа способствовал формированию патриотического мировоззрения В. П. Мещерского и склонности последнего к писательской деятельности¹³. В 1857 г. он окончил курс в Императорском училище правоведения, получив чин 9-го класса. После этого князь шесть лет состоял по судебному ведомству — сначала полицейским стряпчим, потом уездным судьей (1857-1863); позже некоторое время служил в Министерстве внутренних дел, являлся чиновником особых поручений при этом ведомстве, а с 1876 г. до самой смерти состоял при Министерстве народного просвещения¹⁴. В молодости князь Мещерский писал стихи.

В начале 1870-х гг. В. П. Мещерский организовал у себя в особняке, по адресу: Гродненский переулок, д. 6, салон, являвшийся поначалу литературно-политическим (его посещали, среди прочих, выдающиеся литераторы — Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. Н. Майков, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев и др.), а затем собственно политическим. Участники салона вырабатывали свою точку зрения по различным вопросам внутренней и внешней политики Российской империи, в том числе и по проблеме роспуска Думы.

Неоднократно высказывалось мнение о том, что на решение императора о расформировании I Государственной думы летом 1906 г. оказал существенное влияние салон князя В. П. Мещерского. Вместе с тем эта точка зрения нуждается в некоторой корректировке. К примеру, известно, что на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 25 августа 1917 г. В. Н. Коковцов фактически пытался выразить мнение о второстепенном влиянии В. П. Мещерского на государственную политику, в частности на роспуск I Государственной думы: «Если проследить за проявлением тех влияний, которые были очень сильны (я разумею влияние "гражданина" Мещерского, потому что Мещерский в ту пору произносил даже слово "конституция" и писал либеральные Дневники), то я не думаю, чтобы какие-нибудь посторонние силы влияли на образование мысли и решение о роспуске»¹⁵. Дума, по его словам, была распущена вследствие непосредственного влияния правительства. Полностью разделяя утверждение В. Н. Коковцова, добавим, что, согласно выводам С. С. Ольденбурга и С. В. Тютюкина, император принимал решение о роспуске думы после долгой беседы с И. Л. Горемыкиным и П. А. Столыпиным¹⁶. С. В. Тютюкин справедливо утверждает, что большинство членов правительства, а также публицисты (М. О. Меньшиков и др.;

В. П. Мещерский не упомянут) выступали против деятельности I Государственной думы¹⁷. А. Н. Боханов, солидаризируясь с выводами С. В. Тютюкина, заметил, что «царь был категорическим противником всех форм отчуждения собственности», чем и объясняется его резкая неприязнь по отношению к аграрным проектам I Государственной думы¹⁸.

Относительно деятельности II Государственной думы следует отметить, что в имеющихся в нашем распоряжении источниках не прослеживается прямой взаимосвязи между желанием В. П. Мещерского распустить Думу и окончательным решением императора. Мало того, согласно камер-фурьерским журналам, в этот период времени Николай II вообще не принимал у себя князя¹⁹.

Отрицательное отношение В. П. Мещерского к деятельности I и II Государственных дум впоследствии сохранилось в целом и к работе других Дум. Так, когда первая русская революция была разгромлена, оценка В. П. Мещерским законодательных актов, принятых под давлением событий 1905 г., изменилась. Если в конце 1905 г. он позволял себе выражать практически полное одобрение принятию Манифеста 17 октября 1905 г., то в 1907 г. он уже говорил совершенно другое: «Я считаю царя самодержавным, невзирая на то, что многие вследствие Манифестов 17 октября 1905 г. и 20 февраля 1906 г. считают Русского Царя конституционным. ... Так как Царем Самодержавным изданы вышеуказанные манифесты и народное представительство на них основано и действует, то я считаю Самодержавие Русского Царя согласованным с этими манифестами, а не ограниченным ими»²⁰. Понятно, что даже самые робкие предложения расширить компетенцию законодательного органа (например, путем участия в формировании правительства) в то время отменялись В. П. Мещерским без какого бы то ни было обсуждения и критиковались в фельетонах на страницах «Гражданина».

Мало того, в период работы III Государственной думы монархист Л. А. Тихомиров, подобно самому князю, предложил правительству срочно пересмотреть Основные законы в пользу усиления самодержавия и написал соответствующее письмо премьер-министру. П. А. Столыпин наложил резолюцию о том, что это невозможно, ибо поведет к новой революции. После чего «Гражданин» выступил с «огорчением»²¹. Заметим, что по прошествии нескольких лет В. П. Мещерский, по малопонятным нам сегодня причинам, решил несколько изменить свою точку зрения относительно вопроса о

ропуске I и II Государственных дум. Так, к примеру, на страницах своего журнала он заявил в 1912 г., что выступал против роспуска I и II Дум, хотя никогда не был доволен думской политикой. Однако «неудобно отнимать дарованное царем народу учреждение представительства». По мнению В. П. Мещерского, во всем «виновато право» (недостатки Манифеста 17 октября, «разочарование и обманутые иллюзии» от Манифеста у царя и народа), а не Дума, хотя она и отклонялась от своего дела, но «из-за правительства»²². Тем не менее, князь очень часто жестко критиковал деятельность Думы на страницах «Гражданина». Он считал, что «немошная духом» IV Дума хочет привести Россию к революции против существующего строя²³. В. П. Мещерский и его политические сторонники обвиняли думу в том, что она вмешивается во все дела управления, «не щадит и самого трона всевозможными намеками», расшатывая тем самым верховную власть; премьер также не принял никаких мер к «обузданию» печати — одним словом, показал «слабость власти»²⁴.

Коснувшись проблемы отношения салона В. П. Мещерского к деятельности Государственных дум, обратимся к работе кружка генерала Е. В. Богдановича, известного издателя патриотических и монархических книг и брошюр.

Евгений Васильевич Богданович родился 26 февраля 1829 г. в г. Николаеве, в семье потомственного дворянина — полковника, участника Отечественной войны 1812 г.; был племянником героя Кавказа — генерала Льва Альбранта, георгиевского кавалера, потерявшего в боях руку²⁵. Евгений Васильевич был братом убитых под Севастополем Ореста и Виктора Богдановичей и павшего героем в Малой Чечне Льва Богдановича, за храбрость прозванного абреками «чертом»²⁶. Свою службу Е. В. Богданович начал в качестве гардемарина (1843), а затем мичмана (1846) на Черноморском флоте. Вследствие морской болезни (Евгения Васильевича укачивало при малейшей волне)²⁷ он был вынужден в 1850-е гг. оставить службу на флоте и стал прапорщиком — адъютантом при новороссийском генерал-губернаторе (с 1851 г.)²⁸.

Е. В. Богданович внес значительный вклад в организацию пожарных команд по всей России, «взаимного от огня страхования», водопроводов и т. д.²⁹ С 1861 г. будущий генерал по предложению министра внутренних дел П. А. Валуева исследовал положение пожарной и страховой частей в 15 губерниях, организовал общественные пожарные команды, первым провел в России принцип взаимного от огня страхования, обеспечил устройство водопроводов

на частные средства (в отдельных местах), основал школу брандмейстеров, «Общество Голубого Креста», которое работало с Императорским Российским пожарным обществом³⁰. Будучи уже в преклонном возрасте, Богданович являлся почетным членом «Общества Голубого Креста», председателем Всероссийского общества взаимопомощи пожарным деятелям, дававшего страховые премии при несчастных случаях³¹. До конца жизни Е. В. Богданович оставался почетным членом лейб-гвардии стрелкового Императорской фамилии полка³².

Кроме того, ему принадлежала идея строительства ряда железных дорог³³. При содействии Е. В. Богдановича была сооружена Екатерининская железная дорога, построен мост через реку Днепр в Екатеринославе³⁴, а в 1866 г. он предложил министру внутренних дел П. А. Валуеву начать строительство Транссибирской железной дороги³⁵. Многие жители городов, через которые прошла затем железная дорога, избрали его своим почетным гражданином, а имя генерала было увековечено в названии одной из узловых станций — «Богданович»³⁶.

Убеждения Е. В. Богдановича всегда, невзирая на текущую политическую ситуацию, оставались православно-монархическими и консервативными. По словам Л. А. Тихомирова, «вообще в политике он был очень прост: нужен Царь, заботящийся о народе; народ честный, трудолюбивый, религиозный, любящий Царя; нужен порядок, нужно уважать власть; но нужно также заботиться о благе народа»³⁷. По случаю празднования трехсотлетия дома Романовых Е. В. Богданович написал манифест, краткое содержание которого он изложил в письме к императору следующими словами: «Зачем тут дума, амнистия, патриаршество, конституция? Царь призывает на Свой народ Божие благословение, и в дом каждого верноподданного — радость и веселие: и довольно — и подпись — и ура, всенародное ура за нашего Государя»³⁸. Поддерживая чистоту православной веры, Е. В. Богданович решительно выступал против всевозможных ересей, в частности против «пашковцев».

Многие источники приводят факты, связанные с искренним почитанием Е. В. Богдановичем императора. По словам С. Ю. Витте, однажды (в январе 1904 г.), когда мимо генерала прошел Николай II, возвращавшийся из церкви после молебна, Е. В. Богданович в порыве экстаза закричал «ура»; правда, это «ура» поддержало только несколько голосов⁴⁰. А. В. Богданович в дневнике рассказывает о другом аналогичном случае, когда 27 апреля 1906 г. в Зимнем

дворце устраивался «высочайший выход» по случаю открытия Государственной думы. Престарелый генерал был так растроган приемом, что прослезился⁴¹. А вот что пишет о преданности Е. В. Богдановича императору Л. А. Тихомиров: «Богданович любил царей той преданной, безграничной любовью, какую уже перестали понимать новые поколения моего времени. Но это не было холопство. В царя он любил свой идеал, и когда носитель идеала начинал его позорить, это причиняло жестокие муки старому генералу, он с этим не мирился и шел на протест и борьбу»⁴². Этим обстоятельством, видимо, и объясняется резкая критика Е. В. Богдановичем отдельных действий последнего императора.

Консерватизм и общее недоверие парламентским формам правления — главная особенность политических воззрений генерала. Поддержав формально Манифест 17 октября 1905 г., создатель салона, тем не менее, в своих посланиях вышестоящим чиновникам и императору указывал на «неблагоприятные настроения» в I Думе. Генерал, в частности, писал неизвестному адресату, очевидно какому-то деятелю правой партии, что в парламенте есть «выборные помощники или заместители председателя — кадеты — готовые идти навстречу всем препятствиям государственной власти». Богданович, судя по письму, колебался: одобрить политику бойкота правыми партиями Государственной думы, или порекомендовать составить в ней оппозицию «кадетам»⁴³.

Приведем содержание некоторых писем. В специальном послании он раскрывал свой проект тронной речи императора к первому заседанию Государственной думы⁴⁴ (правда, в итоге был принят другой текст речи)⁴⁵. Во время работы I Думы, в мае 1906 г., Богданович послал письмо лично императору. В нем он сообщал о том, что дума «делом своим не занята» и что ее следует распустить⁴⁶. Чуть ранее, 22 марта того же года, Богданович пытался убедить и П. А. Столыпина в необходимости роспуска: «Необходимо действовать, необходимо проявить власть. Неизбежность роспуска думы очевидна для всех и каждого, а при этих условиях выжидание может быть истолковано и понято только как нерешительность и слабость. (...) Теперь нужны не слова, а действия»⁴⁷. В другом, не датированном, письме Столыпину генерал также аргументировал свою точку зрения о неизбежности роспуска Думы: «К чему выжидать срока и повода?» — восклицал Богданович⁴⁸. По мнению генерала, установление в стране военной диктатуры заменить думу не могло. Ее роспуск, как считал Е. В. Богданович, должен был

совпасть с «немедленным назначением новых выборов»⁹. По признанию генерала, его советы часто вызывали недовольство в Царском Селе. 12 мая (судя по контексту сообщения, 1907 г.) Богданович прочел заметку «несомненно официального характера» о том, что в Царском Селе высказались, «что отсутствие левых в заседании, посвященном заговору, не может и не должно служить предлогом к роспуску Думы»⁵⁰. Дело в том, что за два дня до этого, 10 мая, Богданович писал царю о необходимости распустить Государственную думу⁵¹. В период думских кризисов Богданович писал царю по нескольку раз в месяц. Как известно, и I, и II Государственные думы были распущены. А. В. Богданович считала, что Петергофское совещание в июле 1906 г., на котором обсуждалась поданная царю записка Совета Министров «об увольнении Думы», было созвано под непосредственным влиянием писем Е. В. Богдановича Николаю II⁵². Б. В. Штюмер, со слов той же А. В. Богданович, считал: «Евгению Васильевичу обязаны, что дума перестала существовать, что это воздействие его писем к царю, где Евгений Васильевич так верно, талантливо говорит про вред, приносимый Думой»⁵³. Письма могли доставляться от Е. В. Богдановича в Царское Село со специальными курьерами (Ткачев⁵⁴, Рогачев⁵⁵ и др.), которые возили также статьи и брошюры генерала⁵⁶. Заметим, однако, что ни в других источниках, ни в литературе мы не находим подтверждения сообщениям дневника А. В. Богданович о том, что именно деятельность ее мужа оказала решающее влияние на роспуск I Государственной думы. Скорее всего, стремления Е. В. Богдановича совпали с желанием царя.

На приеме у императора в марте 1907 г. Е. В. Богданович высказал свои соображения по политическим вопросам (в том числе и по отношению ко II Государственной думе) и подавал разные советы. Посетив императрицу Александру Федоровну, генерал сказал ей, что положение очень серьезное, что Дума никуда не годна, что надо крепкую власть, иначе все пропало, что Думе конституции мало, что она идет на разгром России⁵⁷. С Николаем II Богданович во время этой же встречи беседовал о прошлых царствованиях, об Александре II, поучал императора, что следует вести себя спокойно и не падать духом в чрезвычайных ситуациях⁵⁸.

Вместе с тем остается открытым вопрос, действительно ли оказали большое влияние беседы Е. В. Богдановича с царствующими особами на ситуацию с роспуском II Думы, ибо прямых взаимосвя-

зей между этими событиями в источниках не прослеживается (как, впрочем, и с роспуском I Государственной думы).

Изучение архивных материалов и опубликованных источников разнообразного характера приводит к мысли об отсутствии какого бы то ни было влияния прочих крупных политических салонов (салона графини С. С. Игнатъевой, графа С. Д. Шереметева и других) на политику последнего российского императора по вопросу о роспуске I и II Государственных дум. Каких бы то ни было конкретных источников по этой проблеме нами пока не найдено. Подводя некоторые итоги всему вышесказанному, можно сделать вывод о крайне незначительной степени влияния правомонархических салонов на решение Николая II о роспуске Государственных дум.

¹ *Лукоянов И. В.* 1) Камарилья // *Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloквиума.* СПб., 1999. С. 230; 2) *Тайный корреспондент Николая II Клопов А. А.* // *Из глубины времен.* СПб., 1996. Т. 6. С. 64–85.

² *Правые партии: Документы и материалы. 1905–1917 гг.* Т. 1–2 / Публ. и предисл. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 5.

³ Там же. С. 5; См. также: *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981. С. 224.

⁴ *Правые партии.* Т. 1. С. 6.

⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Репринт 1903–1909 гг. М., 1994. Т. 4. С. 13.

⁶ *Брокгауз Ф., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1900. ТXXXVIII-а. С. 146.

⁷ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 20-е изд., стереотип. М., 1988. С. 565.

⁸ По С. И. Ожегову, второе значение слова «кружок» — это «группа лиц с общими интересами, объединившихся для совместных занятий чем-либо». — Там же. С. 250.

⁹ *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны / Предисл. М. Эйхенбаума. СПб., 2001.

¹⁰ БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 37. С. 625.

¹¹ БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 22. С. 514; См. также: *Малая Советская Энциклопедия.* 3-е изд. М., 1960. Т. 8. С. 140.

¹² *Крупчанов Л. М.* Салон // *Литературная энциклопедия терминов и понятий.* М., 2001. Стб. 922.

¹³ *В. П. Мещерский* // *Русское слово.* 1914. № 158. С. 2.

¹⁴ *Князь В. П. Мещерский (Некролог)* // *Исторический вестник.* 1914. № 8 (Т. 137). С. 587; *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60-е–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 145.

¹⁵ *Допрос графа В. Н. Кокковцова 25 августа 1917 г.* // *Падение царского режима.* М.; Л., 1927. Т. 7. С. 99.

¹⁶ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 360; *Тютюкин С. В.* Июльский политический кризис 1906 года в России. М.,

1991. С. 50. — Камер-фурьерские журналы зафиксировали время приемов Николаем П. И. Л. Горемыкина и П. А. Столыпина 8 июля 1906 г. — РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 206. Л. 27 об. - 28.

¹⁷ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 41, 47.

¹⁸ Боханов А. И. Николай И. М., 1997. С. 249.

¹⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Сд. оп. 219/2728. Д. 24.

²⁰ От издателя журнала «Гражданин» (XXXVII год издания) // Московские ведомости. 1907. № 269. С. 1.

²¹ Тайновед // Гражданин. 1911. № 38. С. 2.

²² Мецкерский В. П. Дневники // Гражданин. 1912. № 46. С. 16.

²³ Там же. // Гражданин. 1913. № 21. С. 13.

²⁴ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 83.

²⁵ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 443. Л. 18 об.

²⁶ Там же. Л. 32 об.

²⁷ Тихомиров Л. А. Тени прошлого: Воспоминания / Сост. М. Б. Смолин. М., 2000. С. 679.

²⁸ 60-летний юбилей службы генерала-лейтенанта Е. В. Богдановича // Русский инвалид. 1907. 6 февраля.

²⁹ «Москвич». 60-летие службы генерала Е. Богдановича // Московские ведомости. 1907. 30 января.

³⁰ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 335. Л. 23 об.; Ф. 1282. Оп. 3. Д. 836. Л. 48, 49.

³¹ Там же. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 299. Л. 3.

³² Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга... С. 63 // Весь Петербург: Адресная и справочная книга на 1914 г.

³³ «Москвич»... РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 836. Л. 32; ОР РГБ. Ф. 664. К. 1. Д. 13. Л. 8 (О поддержке Е. В. Богдановичем строительства в Крыму ряда железных дорог, которые в итоге не были построены.)

³⁴ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 335. Л. 24.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 24 об. — Станция находится на территории нынешней Свердловской обл., Свердловской ж/д. — Атлас железных дорог СССР. Пассажирское сообщение. М., 1985. С. 97.

³⁷ Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 682.

³⁸ ор РГБ ф. 664. к. 1. Д. 13. Л. 68 об.

³⁹ Н. С. Лесков — Л. Н. Толстому. 26 февраля 1891 г. // Лесков Н. С. Собр. соч. / Подг., вступит. ст. и послесловие Л. Аннинского. М., 1993. Т. 3. С. 356. — Е. В. Богданович обвинял баптистов (евангельских христиан) — последователей учения В. А. Пашкова в отказе служить христианские панихиды над усопшими.

⁴⁰ Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания: Рассказы в стеногр. зап.: Рукописные заметки / Публ. и примеч. Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова и др. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 644.

⁴¹ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 301. Л. 7. — Аналогичный случай имел место 6 декабря 1910 г. — Там же. Д. 452. Л. 24.

⁴² Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 688.

⁴³ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Д. 301. Л. 3 об.

⁴⁵ Там же. Л. 7 об.

⁴⁶ Там же. Д. 306. Л. 15.

⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 664. К. 1. Д. 17. Л. 4.

⁴⁸ Там же. Л. 13.

Там же. Д. 11. Л. 58 об.

РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

Там же. См. также: ОР РГБ. Ф. 664. К. 1. Д. 11. Л. 40, 42 об.

РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 310. Л. 1 об.

Там же. Д. 367. Л. 35 об.

Там же. Д. 442. Л. 6; Д. 452. Л. 144.

Там же. Д. 455. Л. 22.

Там же. Д. 437. Л. 14.

Там же. Д. 341. Л. 2 об.

Там же. Л. 2-2 об.

Л. Б. Остапчук (Санкт-Петербург)

П. А. СТОЛЫПИН И РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Петр Аркадьевич Столыпин, являвшийся Председателем Совета Министров, министром внутренних дел Российской империи начала XX в. (1906-1911), остался в истории как выдающийся государственный деятель, влиятельнейший политик европейского и мирового масштаба. В тяжелую годину поражения России в Русско-Японской войне, смуты и террора ему было суждено сделать неизмеримо много для возрождения Российского государства. Принцип единства и неделимости империи П. А. Столыпин отстаивал жестко и последовательно¹.

Сегодня немалое количество людей имя Петра Столыпина все еще связывают с полузабытыми штампами советских учебников: «столыпинские галстуки», «столыпинские вагоны», вспоминают и об аграрной реформе, суть которой известна немногим². В этом отношении представляется интересным высказывание историка А.П.Бородин: «...советская историография, следуя в фарватере политических противников П. А. Столыпина, так искажила его облик и деятельность, а эти искажения настолько врезались в общественное сознание, что рассчитывать в восстановлении исторической правды только на слово историков не приходится»³. При этом А. Бородин дает возможность взглянуть на П. Столыпина глазами близко знавших его современников.

Автор настоящей публикации предпринимает попытку охарактеризовать фигуру Столыпина, привлекая сведения, полученные в своей семье Остапчуков-Петровских. На протяжении 12 лет (с 1900 по 1912 г.) жизнь семьи Остапчуков прошла рядом с семьей Столыпиных, что на долгие годы оставило глубокий нравственный след в

© Л. Б. Остапчук, 2006

их биографии⁴. Макарий Иванович Остапчук — младший военный чин, из крестьян — был прикомандирован по службе к премьеру как армейский шеф-повар для организации официальных приемов и сопровождения в командировках. 9 сентября 1911 г. в Киеве он и проводил Петра Аркадьевича в последний путь⁵.

В дворянской семье Петровских бабушка Екатерина Федоровна была дружна с женой киевского губернатора А. Ф. Гирса и находилась в зале Киевской оперы в момент смертельного ранения П. А. Столыпина⁶.

Свою бюрократическую карьеру Столыпин проделал не в центре, как большинство министров того времени, а на местах (в 1899-1902 гг. — ковенский губернский предводитель дворянства; в 1902 г. назначен гродненским губернатором; в феврале 1903 — апреле 1906 г. — саратовский губернатор)⁷. Он хорошо знал, что узел всех русских вопросов был там, где были земля и крестьянство.

К моменту назначения П. Столыпина на вершину власти русское общество было разделено на три части: «власть», «общественность» и «народ». Внутри общественности были непреодолимые разногласия; власть, которая со стороны казалась единой, в сущности принадлежала бюрократии, возглавленной монархом. Больше всего бюрократия боялась новых идей. Но среди нее встречались те, кто понимал, что сложившийся строй отходит в прошлое и требует обновления на путях реформ. К числу таких просвещенных бюрократов принадлежал П. А. Столыпин. Третья сила страны — народ — был погружен в борьбу за существование, оставлявшую мало времени для раздумья, а для выбора путей к лучшему будущему ему не хватало ни знаний, ни опыта. Именно в такое время П. Столыпин был вызван в Петербург и назначен министром внутренних дел. Он отказывался от предложения вступить в должность, но Николай II произнес: «Тогда я вам это приказываю».

В своих воспоминаниях еще относительно саратовского периода Мария Бок писала: «Начиналась новая эра — эра открытой борьбы против императорской фамилии».

Наступило тяжелое время, когда мы узнали, что значит беспокоиться день и ночь о жизни папа. Чувство это не покидало нас уже больше до его кончины⁸. Дома никто не радовался новому назначению. В своем письме к жене Ольге Борисовне Петр Аркадьевич напишет: «... вчера судьба моя решилась! Я Министр Внутренних Дел в стране окровавленной, потрепанной, представляющей из себя

шестую часть мира, и это в одну из самых трудных исторических минут...»⁹.

27 апреля 1906 г., на следующий день после назначения Петра Столыпина министром внутренних дел, состоялось открытие I Государственной думы, на которой он присутствовал.

17 октября 1905 г. под давлением революции был издан Манифест, по которому Государственная дума получила существенные законодательные права. Совершенно очевидно, что назначение П. А. Столыпина было продиктовано, в том числе, и тем, что при слабом премьер-консерваторе Горемыкине нужен был сильный министр внутренних дел — роль этого ведомства была ключевой.

Впоследствии современники прямо говорили, что «Столыпин выдвинулся и определился в думе. Но в то же время он в значительной степени определил собой Государственную думу». Эти слова были опубликованы в газете «Новое Время» 6 сентября 1911 г. в связи со смертью П. Столыпина.

Отношения с думой складывались непросто. С. Е. Крыжановский вспоминал, что дума не успела ни в чем разобраться, а правительство не знало, как к думе подступиться. И только Столыпину удалось взять верный, примирительный, но господствующий над толпой тон. Он, как считал А. П. Извольский, импонировал думе своим спокойствием, мужеством и искренностью своих ответов.

В I Думе Столыпин выступал 8, 12 и 22 июня. Это были ответы министра внутренних дел на запросы депутатов. Было все: крики, свистки, хлопанье пюпитрами. Тем не менее, П. А. Столыпин, не роняя достоинства, отнесся к Думе, как к партнеру. Это обстоятельство хорошо подметил А. В. Еропкин: «... я нисколько не впаду в парадокс, если скажу, что первым конституционным министром в I-й думе был именно П. А. Столыпин. До Столыпина в думе выступали министры старого, дореформенного порядка..., они не могли постичь всего значения нового государственного уклада, что в думу призваны народные представители»¹⁰.

Ключевым вопросом текущей политики был вопрос аграрной реформы, и здесь сразу появились непреодолимые разногласия. Во второй половине июня отношения правительства с думой резко обострились. 19 июня после бурного обсуждения и вопреки всем доводам правительства дума приняла законопроект об отмене смертной казни. Было решено распустить Думу в расчете на то, что новые выборы дадут более благоприятный состав: «Среди бюрократии

пошли разговоры о том, что конституционный опыт не удался и что нужно вернуться к самодержавию»¹¹.

П. А. Столыпин предполагал, что роспуск думы пройдет спокойно, но при этом считал, что сделать это должно обновленное правительство, имеющее во главе деятеля, пользующегося доверием в широких кругах общественности. Таковым он видел Д. Н. Шипова. Но развитие событий пошло по иному сценарию. На их ход оказало влияние убийство адмирала Чухнина в Севастополе и свиты Е. В. генерал-майора Козлова в Петергофе, а главное — возбуждение в Госдуме вопроса об опубликовании обращения к населению (в ответ на правительственное сообщение по аграрному вопросу).

Документы о роспуске I думы готовил Горемыкин. 8 июля 1906 г. одновременно с роспуском думы Николай II назначил П. Столыпина Председателем Совета Министров с оставлением в должности министра внутренних дел.

Но расплата за роспуск думы не заставила себя ждать. 12 августа 1906 г. «Союз социалистов-революционеров максималистов» осуществил теракт на казенной даче Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге. Пострадали около 100 человек: 27 были убиты на месте, 33 — тяжело ранены, многие из них вскоре умерли. Пострадали дети П. А. Столыпина: у дочери Натальи были раздроблены обе ноги, у сына — перелом правого бедра и рваная поверхностная рана на голове.

В этой обстановке П. А. Столыпин выказал большое мужество и высокую степень самообладания. Покушение вызвало волну сочувствия к его горю и его мужеству. Престиж П. А. Столыпина поднялся очень высоко. Никто не услышал от него жалоб. Вместе с тем в нем надолго поселился страх за жизнь дочери и здоровье сына и навсегда — чувство вины за смерть и муки невинно пострадавших. Всем людям, жившим и работавшим в его доме, он выдавал аттестат с личной подписью на случай, если они захотят уйти. Такой аттестат хранится в семье Остапчуков. Они оставались с ним до конца.

В междумский период П. Столыпин усиленно работал над программой правительства, пакетами законопроектов, подготавливая их к рассмотрению во II Государственной думе. В своих планах он отводил думе большую роль, отмечая, что его надежда и намерения — с помощью думы устранить бюрократический строй. По мысли П. А. Столыпина, именно бюрократический строй лишил власть

доверия общества. Государственная дума существенно расширяла возможности правительства в случае конструктивной работы.

Через несколько дней после взрыва на Аптекарском острове Николай II издал указ о военно-полевых судах. Сделано это было вопреки настроениям и планам П. А. Столыпина. Об этом свидетельствуют В. И. Гурко, В. А. Маклаков, П. Н. Зырянов, А. Ф. Смирнов. Последний напишет: «П. А. Столыпин не был инициатором введения военно-полевого суда и как премьер и министр внутренних дел сделал все, чтобы эта временная мера не стала постоянно действующей русской гильотиной»¹².

К открытию II Думы Столыпин подготовил декларацию, в которой была предпринята попытка охватить многие стороны русской жизни. 6 марта 1907 г. он выступил с нею перед II Государственной думой. Но Дума встретила этот документ неприязненно. По своему составу она оказалась еще более левой, нежели I Дума, и желание расшатать страну было в ней еще более явным. Слова П. Столыпина: «Не запугаете!» и «Им нужны великие потрясения,—нам нужна великая Россия!»—были ответом премьера и социал-демократам, и крайне правым представителям думы одновременно.

Тем не менее, П. А. Столыпин защищал II Думу даже тогда, когда этим компрометировал себя в глазах царя. Ради сохранения думы П. А. Столыпин должен был ее сдерживать, разоблачая ложь ряда депутатов и требуя от ее председателя точного соблюдения законов, касающихся думы. Но в приближенных к Николаю II «сферах» уже говорили о необходимости ее роспуска.

С роспуском парламента П. Столыпин не спешил. У него до последнего момента теплилась надежда сохранить II Думу. Однако в конечном итоге 3 июня 1907 г. Государственная дума была распущена. Третьеиюньский государственный переворот не только спас думу — он существенно укрепил систему. Новый избирательный закон, который готовил П. Столыпин, вполне достиг своей цели. Он создал предпосылки для формирования земской думы, приближенной по составу к земским собраниям. Вместе с тем неимущие, интеллигенция и рабочие не были лишены возможности заявить о себе.

Выборы в III Думу проходили в сентябре-октябре 1907 г. и отличались активным вмешательством в их ход администрации, поскольку, как отмечал С. Е. Крыжановский, приходилось буквально «вылавливать» из современного общества «чуть ли не по крупин-

цам» тех немногих лиц, которые были способны к законодательной деятельности.

Сам Столыпин называл III Думу «серенькой» по представительскому составу. Но именно с ней ему удалось наладить совместную работу. Но и здесь думу подстерегали опасности. Премьер в меру своих сил помогал их предотвращать, вызывая раздражение «сфер» и Николая П. Серьезно осложнил положение П. А. Столыпина конфликт III Думы с Госсоветом по законопроекту о Морском генеральном штабе. Премьер принял сторону думы, что весьма убедительно характеризует его как последовательного и стойкого сторонника и защитника «нового строя».

Примечательна в этом отношении оценка А. А. Киреева III Думы: «...хоть и не приобрела ни авторитета, сочувствия в народном уме, но из этого отнюдь не следовало, что эту Думу можно просто прогнать... Теперь без Думы управлять уже нельзя. Не будет этой Думы, будет 4-, 5-, 6-я».

Роль П. А. Столыпина как прогрессивного, здравого, целеустремленного политика в защите и сохранении российского парламентаризма была понятна еще его современникам. Уже в эмиграции А. В. Тыркова-Вильямс, член ЦК партии кадетов, напишет: «Годы идут, и Столыпину в смутном переходном думском отрезке русской истории отводится все больше места»¹³. Действительно, сегодня в библиографических изданиях уже свыше 200 работ, посвященных П.А.Столыпину¹⁴. По мнению Г.П.Сидоровнина, одних только версий убийства Столыпина насчитывается не менее 8. Но эта «тайна XX века» не раскрыта до сих пор¹⁵. Исследователь В. Джанибекян свою книгу «Тайна гибели Столыпина» завершает словами: «В тот сентябрьский вечер 1911 года они убивали не только его, они убивали свое государство, свое будущее, и пули из браунинга, направленные в Петра Аркадьевича Столыпина, сразив его, сразили в последующем и Россию»¹⁶.

¹ См.: *Останчук Л. Б., Флоринский М. Ф. П.А.Столыпин // Знаменитые универсанты: Очерки о потомках Санкт-Петербургского университета. СПб., 2005. Т. III. С. 203.*

² См.: *Федоров Б. Г. Я верю в Россию. Биография П.А.Столыпина: В 2 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 5.*

³ См.: *Бок М. П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Л., 1990. С. 5.*

⁴ *Останчук Л. Б. Служение // Диалог: Украина и Россия. 2004. №4. С. 101.*

⁵ *Остпапчук Л. Б.* Двенадцать лет с семьей Столыпиных // История Петербурга. №1 (11). 2003. С. 19.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ *Федорченко В. И.* Императорский Дом: Выдающиеся сановники // Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск; М., 2000. Т. 2. С. 397.

⁸ *Бок М. П.* Указ. соч. С. 14.

⁹ Цит. по: *Сидоровни Г. П.* П.А.Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862-1911). Саратов, 2003. С. 119.

¹⁰ *Бородин А. П.* Столыпин. Реформы во имя России (Досье без ретуши). М., 2004. С. 75.

¹¹ *Бок М. П.* Указ. соч. С. 9.

¹² Цит. по: *Бородин А. П.* Указ. соч. С. 68.

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений в период 1802-1917 гг.: Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 689-694.

¹⁵ *Сидоровни Г. П.* Указ. соч. С. 492.

¹⁶ *Джапиебян В.* Тайна гибели Столыпина. М., 2001. С. 456.

М.В. Федоров (Санкт-Петербург)

«ИЗВЕСТИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ» И ЗАКРЫТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В 1917 г.

Проблема взаимоотношений между двумя ветвями власти явилась одним из ярких аспектов политической жизни России, широко обсуждавшихся на страницах периодической печати. Как известно, Государственная дума была распущена царем накануне Февральской революции, в ночь на 27 февраля 1917 г.¹ На следующий день на частном совещании членов распущенной думы был создан «Временный комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями»². Эта организация, не имея официальных полномочий, попыталась стать правопреемницей рухнувшей власти. Временный комитет стал центром формирования Временного правительства. Петроградский Совет рабочих, а затем и солдатских депутатов явился органом революционной инициативы масс. В буржуазных политических кругах отношение к Петроградскому Совету было негативным, считалось, что он мешает правильной работе Временного правительства, вместе с тем признавалась его роль в упорядочении революционной стихии.

В конце февраля — марте 1917 г. политическая линия Петроградского Совета еще только складывалась, сказывалось отсутствие в столице лидеров политических партий, находившихся к этому моменту в эмиграции или в тюрьмах и ссылках. Один из наиболее авторитетных лидеров Петроградского Совета и партии меньшевиков И.Г.Церетели, вернувшийся в Петроград 19 марта³, отмечал отсутствие четкой политической линии у этой организации. По этой причине и орган Петроградского Совета не мог иметь

четкой политической позиции⁴. Мнение И.Г.Церетели разделял и В. С. Войтинский, вошедший впоследствии в состав редакции и считавший, что общее состояние Исполнительного комитета руководящего органа Совета отражалось на позиции «Известий». По поводу газеты он писал: «Орган, конечно, был никуда не годный. Но недостатки его проистекали не из "неумелости" его руководителей, а из того, что "Известия" неслись по жизненному морю без руля и ветрил, как плыл в то время по волнам революции и сам Исполнительный комитет Петроградского Совета»⁵.

Еще одной особенностью этого периода явилось определенное расхождение между Исполкомом Петроградского Совета и редакцией газеты. Руководство Совета в тот момент состояло из социалистов центристского направления, в редакции «Известий» работали, в основном, социалисты левого крыла во главе с будущим большевиком Ю.Стекловым (Нахамкесом), а заведующим типографией стал большевик В. Д. Бонч-Бруевич. Он на свой страх и риск регулярно публиковал материалы, идущие в разрез с политической линией руководства Петроградского Совета.

Содержание публикаций «Известий» в первые дни после свержения самодержавия свидетельствует о том, что между органом революционного пролетариата и Временным комитетом Государственной думы существовали нормальные рабочие отношения. Так, в первом номере газеты было опубликовано обращение Председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко, призывавшего восставший народ щадить государственное и городское имущество, не участвовать в погромах и поджогах, поскольку это несет бедствия всему населению города. Следует отметить, что в этот момент Родзянко мог опубликовать свое обращение только в «Известиях», поскольку остальные газеты Петрограда не выходили из-за забастовки печатников⁶.

Следующая публикация «Известий», касающаяся Государственной думы, вызывает недоумение. Известно, что М. В. Родзянко и Б. А. Энгельгардт, возглавивший Военную комиссию⁷, были сторонниками быстрейшего возвращения солдат в казармы под командование офицерского корпуса. Приказ Родзянко с требованием всем солдатам вернуться в казармы привел к первому серьезному конфликту между Советом и думой. По утверждению Н. Н. Суханова, члена Исполкома Петроградского Совета, признанного летописца революции 1917 г., эта инициатива и форма, в которой она была выполнена, вызвали взрыв недовольства солдат. Агитация против

офицерства мешала разрешению проблем гарнизона, нужно было собрать солдат, вернуть прежнюю организацию (за неимением иных) и начать преобразования в гарнизоне⁸. И в этот момент «Известия», как о положительном примере, публикуют «Сообщение из Гос. Думы», в котором рассказывается о встрече солдат конвойной команды с членом Государственной Думы Карауловым, — случай и те дни заурядный, такие встречи проходили десятками в день. Интересна суть произошедшего: депутат объяснил пришедшим в Таврический дворец солдатам современное положение дел в стране и столице и призвал их присоединиться к народу. Его разъяснения были восприняты как призыв к борьбе с офицерами. В результате этой встречи, по утверждению газеты, войска отправились в казармы снимать офицеров⁹.

В марте газета публикует несколько корреспонденции о Думе явно апологетического характера. Так, 5 марта была помещена подборка приветствий Государственной думе и Совету рабочих и солдатских депутатов, причем и в заглавии, и в тексте Совет стоял на втором месте. В письме с фронта «Наши товарищи по оружию» содержались восторженные отзывы о деятельности депутатов IV Думы, «члены которой разоблачали весь ужас режима старой власти, несмотря на явную опасность, грозившую им со стороны последней... Мы преклоняемся перед героизмом наших товарищей и их вождей, столь энергично действовавших в борьбе со старой властью». Письмо подписали офицеры и солдаты 43-корпусного воздухоплавательного отряда¹⁰. К середине марта 1917 г. в редакционном портфеле газеты было достаточно самых разнообразных писем и резолюций от организаций, гораздо более авторитетных, чем воздухоплавательный отряд, — с какой целью было выбрано именно это письмо, определить сложно. Вероятнее всего, это результат редакционной неразберихи, царившей в «Известиях» в первые недели марта.

В это же время была опубликована статья об изменении положения Военной комиссии Государственной думы. «Известия» отметили большую роль этой организации в единении с Петроградским Советом и другими общественными организациями для привлечения на сторону народа тех воинских частей, которые темные силы пытались использовать против него.

Новое поле деятельности Военной комиссии должно было включить в себя защиту интересов всех воинских чинов, согласно новым лозунгам «свободы, справедливости и права». Эту задачу комиссия

должна была решить до созыва Учредительного собрания, стороны политической борьбы в единении с Петроградским Советом и Временным правительством¹¹.

Последняя корреспонденция такого рода была помещена в связи с поездкой члена Государственной думы Родзиевича, командированного Временным комитетом Государственной думы, в с. Медведь Новгородской губернии для улаживания конфликта между офицерами и солдатами, возникшего перед выездом на фронт. «Депутат в сопровождении представителей Пг. Совета Р.С.Д. посетил местные казармы», — сообщала газета. Орган этого самого Совета даже не потрудился указать фамилии своих представителей и чем они там занимались, зато о деятельности депутата сообщалось подробно и с одобрением. Главным итогом его миссии стало улаживание конфликта. Кроме того, среди отправляемых на фронт он нашел около 60 квалифицированных рабочих и техников с различных заводов, призванных в армию за политические убеждения. Газета сообщала, что этих рабочих, крайне необходимых на производстве, можно еще вернуть на рабочие места¹².

Во второй половине марта «Известия» публиковали информационные сообщения о частных заседаниях Государственной думы. В том числе и о заседании на такую щекотливую тему, как получение денежных сумм членами думы из секретных фондов полиции. Газета отметила, что было принято решение о том, что такие депутаты не могут считаться членами думы. Легко прослеживается подтекст данного решения: те, кто не получал, — могут. Частные случаи, когда депутаты отвергали обвинения в связях с полицией, как это сделал депутат Г. Г. Замысловский от Виленского округа, предлагалось передавать для расследования министру юстиции А. Ф. Керенскому¹³.

Напоминая о себе, дума провела еще одно частное заседание под председательством М. В. Родзянко, отчет о котором попал на страницы «Известий». Поводом для заседания послужили сведения о концентрации германских войск и возможном переходе их в наступление. Демонстрируя заботу о судьбах отечества, члены совещания пространно обсудили эти вопросы. В результате было принято решение обратиться с воззваниями к войскам и населению¹⁴.

Следует отметить, что, публикуя эти материалы, «Известия» выдерживали нейтральный тон, хотя к концу марта 1917 г. среди населения росла неприязнь к бывшим институтам монархической государственности. В том же номере было опубликовано пись-

мо в редакцию с многозначительным подзаголовком «своеобразная борьба с реакцией». Автор письма напал на вторую палату законодательной системы России — Государственный совет. Напомнив, что собравшиеся в нем люди — назначенные царем реакционеры, которые в меру сил отстаивают самодержавный строй, автор сообщает, что они до сих пор продолжают получать тысячные оклады. Это происходит в тот момент, когда страна нуждается в средствах на ведение войны и экономит каждую копейку, когда не хватает денег для выплат вдовам и инвалидам. В конце письма поставлен риторический вопрос: почему Временное правительство это терпит?

В течение мая — первой половины июня 1917 г. тема Государственной думы не поднималась на страницах «Известий». 15 июня была опубликована статья «Государственная дума умерла», в первой ее части сообщалось об истории формирования думы после третьеиюньского государственного переворота. Обращаясь к событиям февраля 1917 г., газета отмечала, что в эти дни дума стала центром народного движения, но эта роль была вынужденной. «Это не было ее заслугой. Ее большинство упорно стремилось тормозить движение: прикрыть Николая II, потом отстоять Алексея, возвести на престол Михаила, наложить на революционное Временное правительство фальшивое клеймо царского назначения, поставить главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича...» — нот далеко не полный перечень заслуг перед революцией, который предъявили «Известия» Государственной думе.

Касаясь частных совещаний членов думы, газета не видела в них вреда для революции и даже отмечала положительную сторону, поскольку все реакционеры собираются в едином центре и находятся под присмотром революционной демократии. Допуская частную деятельность членов думы, «Известия» особо подчеркивали недопустимость ее попыток играть какую-нибудь официальную роль. «Никаких прав и функций государственного учреждения не может иметь дума, упраздненная революцией в тот самый момент, как революция ниспровергла старый строй, сотворивший третьеиюньскую думу, и создала новый строй в лице революционного Временного правительства»¹⁵, — так ответила газета на притязания Государственной думы на власть.

Следует отметить, что в начале мая произошли изменения в политическом курсе Петроградского Совета, его представители вошли в состав коалиционного правительства. Была проведена реорганизация и в редакции «Известий», из нее были выведены левые

социалисты и включены сторонники коалиции¹⁶. С 12 мая 1917 г. газета фактически стала правительственным официозом¹⁷, это положение лишней раз подтверждает и цитируемая статья, в которой Временное правительство называется революционным.

На следующий день «Известия» опубликовали отчет о заседании частного совещания членов Государственной думы, обсуждавшей резолюцию о своем закрытии. В отчете подробно перечислялись заслуги думцев перед революционной Россией в деле отречения Николая II, быстрого и безболезненного признания Временного правительства на всей территории страны, сообщалось о всенародной поддержке Временного комитета.

Углубляясь в историю создания этого представительного органа, думцы признавали недемократичность законодательства трехиюньской избирательной системы. Однако, утверждали они, Государственная дума не перестала существовать как орган народного представительства. Обращаясь к будущей судьбе своей организации, частное совещание заявило, что считает своим патриотическим долгом возвышать голос и предупреждать об опасностях и указывать правильный путь¹⁸. Этот отчет на страницах газеты был помещен без комментариев редакции, хотя предшествующая статья носила акцентированный антидумский характер.

В ближайшие дни полемический накал между двумя ветвями власти усилился. Этому обострению способствовало недовольство левой части Советов, в первую очередь большевиков, недостаточной борьбой руководства I съезда Советов с контрреволюцией вообще, и с Государственной думой в частности. Член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Г. В. Федоров обещал, что на демонстрации 18 июня, которую руководство съезда планировало провести под лозунгом примирения всех сил демократии, большевики поведут рабочих и солдат под лозунгом «против Государственной думы и Государственного совета»¹⁹.

Одновременно с демонстрацией, проведенной президиумом съезда Советов, состоялось очередное частное совещание думцев и некоторых членов Временного правительства. От Временного правительства присутствовали министры: октябрист И. В. Годнев, прогрессист И. Н. Ефремов и управляющий Министерством призрения Барышников — этим актом буржуазная часть правительства подчеркнула свою солидарность с думой. Речи участников совещания носили откровенно погромный характер; особенно жестко в адрес Советов, позволивших покуситься на существование Думы, высту-

пил В. М. Пуришкевич. На сей раз «Известия» в не менее жестком комментарии охарактеризовали тактику правых думцев как попытку возврата к политической жизни давно отвергнутых народом реакционеров. «Политические мертвецы собираются превратить Гос. Думу в средство своего оживления»²⁰, — так характеризовала газета их стремление сохранить Думу.

Вероятно испугавшись, что в глазах населения Государственная дума будет ассоциироваться с такими черносотенцами, как Пуришкевич, члены совещания попытались исправить положение. На следующем заседании А. А. Бубликов осудил выступления реакционеров за их явный антидемократический характер. Его поддержал депутат Масленников, заявивший о своей приверженности к демократии, хотя, выступая накануне, он называл советские организации местом, где «сидят проходимцы». Эти попытки сгладить впечатление от выступлений 18 июня уже не имели смысла, комментарий «Известий» гласил: «Демократия не верит лживым объяснениям и заверениям контрреволюции»²¹.

После месячного перерыва газета снова возвращается к этой теме, публикуются резолюции различных революционных организаций, осуждающих членов Государственной думы. В «Известиях» появляется специальный отдел «Революционный народ и Гос. Дума»²². На протяжении августа 1917 г. «Известия» в девяти номерах газеты поместили 84 резолюции с осуждением думы, большая часть из них была помещена в отделе «Революционный народ и Гос. /ума».

Если публикуемые резолюции были довольно однообразны по содержанию и служили, главным образом, средством подтверждения солидарности ЦИК Совета и революционных масс, гораздо эффективнее были сообщения контрреволюционных действиях думцев. Так, корреспонденции «Армия о Гос. Думе» сообщалось о сорванных попытках думцев снабдить армию антидемократической литературой и вывести ее из-под влияния Советов²³.

Отвечая на нападки буржуазной прессы, поливающей грязью многих лидеров советских организаций, «Известия» сообщили некоторые факты из политической биографии небезызвестного депутата Масленникова. В том числе о его неудачной попытке примаститься к революционной организации в Саратове, где, как напомнили газета о речи Масленникова в думе 18 июня, «сидят проходимцы». О попытке баллотироваться в саратовскую городскую думу по спискам домовладельцев, но домовладельцы отказались вклю-

чать его в свои избирательные списки. И, наконец, о создании им собственного союза домовладельцев, выступающего как против кадетов, так и против левых. В заключение газета ехидно вопрошала, в каком же из вышеперечисленных поступков проявилось истинное²⁴ лицо депутата .

В статье «Достойный ответ» смаковалась отповедь, которую делегаты Кавказской армии дали М. В. Родзянко за его попытку поприветствовать съезд²⁵. В статье «Единственный» сообщалось о некоем прапорщике Демине, который, вернувшись с фронта на родину, выступил перед земляками в поддержку Государственной думы. Поскольку это сообщение было единственным материалом в пользу думы, редакция сочла необходимым ознакомить с ним читателей, иронизировала газета²⁶.

Попытка членов Государственной думы использовать поражение русских войск на р.Двине вызвала резкую реакцию «Известий», ответивших передовой статьей «Они заговорили». В статье особо критиковалась позиция князя Волконского, заявившего, что дума является единственным законным органом власти в стране. Осуждению подверглась и антинародная продовольственная программа, предложенная совещанием. Беспрецедентная резкость выступлений думцев объясняется тем, что оно произошло за несколько дней до выступления генерала Л. Г. Корнилова и должно было способствовать дестабилизации политической обстановки в стране²⁷.

«Известия» приветствовали решение Временного правительства о роспуске Государственной думы, особо отмечая, что в республике, которая была провозглашена в России 1 сентября 1917 г., это учреждение не предусмотрено.²⁸ Газета высказалась против предоставления неприкосновенности бывшим членам Думы²⁹.

На следующий день после опубликования в «Известиях» Постановления Временного правительства о роспуске Государственной думы IV созыва и признания полномочий ее членов утратившими силу газета в последний раз обращается к думской теме. На первой странице издания была помещена передовая «Смерть Гос. Думы». Совершив краткий экскурс в историю этого органа в начале 1917 г., газета отметила, что в феврале-марте всем казалось, будто бы Дума сумела подняться на высоту революции; затем она попыталась противопоставить себя народу, а после провала выступления Корнилова дума затаилась. Приветствуя решение правительства о закрытии Государственной думы, газета заметила, что сделать это

нужно было уже давно. В заключение «Известия» выразили надежду, что только самая энергичная подготовка к Учредительному собранию «вобьет осиновый кол в третьиюньскую Думу»³⁰.

За период с февраля по октябрь 1917 г. отношение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к Думе претерпело кардинальные изменения. От умеренной поддержки и сотрудничества вначале они перешли к непримиримой вражде. Отражая политический курс Петроградского Совета, его орган газета «Известия» в феврале-марте предоставляла свои страницы для публикаций, пропагандирующих деятельность членов Государственной думы иногда в ущерб собственным интересам. С середины июня газета принимает резко враждебный тон по отношению к этой организации, а затем разворачивает беспрецедентную борьбу против нее вплоть до момента закрытия Государственной думы.

¹ См.: *Иоффе Г.З.* Великий октябрь: эпилог царизма. М., 1987. С. 37.

² Там же. С. 51.

³ *Политические деятели России 1917: Биографический словарь.* М., 1993. С. 339.

⁴ *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж. Кн. 1. 1963. С. 28.

⁵ *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 1990. С. 42.

⁶ *Известия Петроградского Совета рабочих депутатов.* 1917. 28 февраля.

⁷ *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 55.

⁸ *Суханов Н. Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1-2. С. 123.

⁹ *Известия.* 2 марта.

¹⁰ *Известия Петроградского Совета...* 1917. 15 марта.

¹¹ Там же. 16 марта.

¹² Там же. 28 марта.

¹³ Там же. 17 марта.

¹⁴ Там же. 28 марта.

¹⁵ Там же. 15 мая.

¹⁶ *Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.* М., 2002. Т.3 (6 мая — 2 июля 1917 г.). С.47.

¹⁷ *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 192.

¹⁸ *Известия.* 16 июня.

¹⁹ *Петроградский Совет...* С. 317.

²⁰ *Известия.* 1917. 19 июня.

²¹ Там же. 20 июня.

²² Там же. 20-22 июля.

²³ Там же. 20 июля.

²⁴ Там же. 22 июля.

²⁵ Там же. 3 августа.

- ²⁶ Там же. 5 августа.
²⁷ Там же. 23 августа.
²⁸ Там же. 3 сентября.
²⁹ Там же. 5 сентября.
³⁰ Там же. 8 октября.

А. В. Смолин (Санкт-Петербург)

**ЧАСТНЫЕ СОВЕЩАНИЯ ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ИХ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ
ИДЕОЛОГИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ**

Февральская революция 1917 г. в России вызвала к жизни такой орган власти, как Временный комитет Государственной думы (ВКГД), деятельность которого началась 27 февраля 1917 г.¹

С образованием 2 марта 1917 г. Временного правительства роль ВКГД в политической жизни страны была сведена на нет. Хотя частные совещания и продолжали созываться (4, 6, 14, 16, 24 марта)², но они напоминали скорее декорации, которые забыли убрать со сцены, чем полноценный орган государственной власти. Однако такая ситуация продолжалась недолго. Апрельский политический кризис показал, что политическое размежевание в стране приобрело ярко выраженный характер³. По существу, 20-21 апреля произошел смотр сил революции (вооруженные демонстрации солдат и рабочих) и контрреволюции (демонстрации в поддержку министра иностранных дел П.Н.Милюкова и Временного правительства). Именно с этого момента начинается консолидация двух лагерей, которые затем сойдутся в смертельной схватке в Гражданской войне.

Апрельские демонстрации изменили ситуацию в стране. Стало очевидным, что необходим центр, способный объединить силы, которые смогут противостоять Советам рабочих и солдатских депутатов. На роль одного из организаторов правых сил стала претендовать Государственная дума.

Деятельность частных совещаний ВКГД после победы Февральской революции в советской исторической литературе рассматрива-

лась спорадически⁴. Из специальных работ следует отметить статью Б. Д. Гальпериной, в которой автор использовала не опубликованные ранее стенограммы и выступления ряда членов частных совещаний. Проанализировав политическую принадлежность ораторов, она пришла к справедливому выводу о том, что ВКГД и частные совещания стали центром сплочения правых контрреволюционных сил⁵.

В данной статье автор попытался показать роль частных совещаний в формировании идеологии и практики Белого движения.

21 апреля на заседании ВКГД выступил представитель прогрессивных националистов В. В. Шульгин с предложением создать какой-либо орган совещательного характера. Предполагалось, что при его посредничестве Временное правительство будет «обмениваться мнениями с представителями различных политических партий»⁶. Поскольку в Петроградском Совете были представлены только социалистические партии, то предполагалось создать орган, выражавший мнение правых партий.

Первое заседание частных совещаний членов Государственной думы состоялось 22 апреля, т. е. на следующий день после демонстрации 20-21 апреля 1917 г. в Петрограде. Определяя цель частных совещаний, Председатель Государственной думы М. В. Родзянко говорил, что от них ждут «указаний на то, как надо вести государственный корабль»⁷. В свою очередь, октябрист Н. В. Савич считал необходимым использовать трибуну совещаний для формирования общественного мнения. Наиболее резким стало выступление прогрессиста А. М. Масленникова, призвавшего своих товарищей превратить частные совещания в боевой «окоп», бойцы которого «должны победить или умереть»⁸. Таким образом, формулировались задачи не на компромисс, а на полное уничтожение противника.

В Гражданской войне ставка на противостояние проявилась особенно ярко и получила свое практическое закрепление. Издававшаяся в Екатеринодаре газета «Заря России» 12 ноября 1918 г. в статье «Середины нет» писала: «... нет места тем, кто хочет сидеть между двух стульев. В борьбе не на жизнь, а на смерть, в борьбе кровавой и тяжелой бесчестно играть словами и идеями. Надо иметь мужество стать на одну сторону баррикады. В этом смысле большевики правы... Середины быть не может. Посередине баррикада, фронт, разделяющий два лагеря, между которыми никакие соглашения, никакой мир не возможен. Вихрями кровавой борьбы

все стоящие посередине беспощадно сметаются, если открыто не присоединяются к одному из лагерей»⁹.

Участники частных совещаний ставили своей задачей консолидацию всего правого политического спектра страны и формирование буржуазного общественного мнения, а при удобном случае и взятие думой государственной власти. Приступив к работе, частные совещания начали активно формировать буржуазное общественное мнение. Информация об их деятельности с изложением основных обсуждавшихся вопросов публиковалась в прессе, в частности в кадетской газете «Речь»¹⁰. Стенограммы частных совещаний выходили отдельными изданиями¹¹. В виде брошюры были изданы две речи лидера кадетов П. Н. Милюкова¹².

Выступавшие на совещаниях формулировали те принципы, на которых, по их мнению, должна была строиться государственная власть для борьбы с хаосом. В них намечался своеобразный вектор движения к будущей государственной идеологии и управлению. Так, по мнению прогрессиста А. А. Бубликова, объединить миллионы людей могла идея Великой единой и великодержавной России, так как «великодержавный инстинкт является инстинктом всего русского народа, и поэтому этот лозунг заманчив для широких кругов населения»¹³. Но поскольку носителем этого инстинкта являлась императорская власть, то, следовательно, делал вывод А. А. Бубликов, знаменосцем в этом случае станет монарх. Как видно, еще 2 июня 1917 г. А. А. Бубликов сформулировал и расшифровал, что следует понимать под термином «единой и неделимая Россия». Таким образом, монархическая идея вытекала из самой сути этого лозунга. И современники это хорошо понимали и чувствовали. Они шли в бой не за **Львовых** и керенских, не за предоставление государственной независимости национальным окраинам империи, а за ясную и четко осознаваемую ими цель — монархию. Именно с ней будущее национальное движение связывало собрание воедино распадавшееся Российское государство. Но поскольку в тех условиях выступление под монархическими лозунгами равнялось самоубийству, то на вооружение была взята идея о непредрешии будущей формы правления.

Другой важный вопрос, который ставился на совещаниях, касался формы государственной власти до Учредительного собрания. То, что Временное правительство не могло остановить движение страны к экономической и военной катастрофе, осознавалось всеми участниками совещания. Причины этого они видели в

существовании Советов¹⁴, в покушении на частную собственность в промышленности и сельском хозяйстве¹⁵, в необходимости поставить пределы в ограничении заработной платы¹⁶. Выход ораторы видели в создании «твердой государственной власти», при этом А. И. Гучков считал, что коалиционное правительство является неизбежной стадией на пути к «сильной власти», которая спасет страну от анархии¹⁷. Смысл коалиции состоял в том, чтобы социалисты под давлением буржуазных министров дискредитировали себя непопулярными мерами и потеряли бы опору в массах. Об отсутствии порядка и власти внутри страны, о том, что правительство не имеет силы принуждения, о том, что нужна власть, которая установит порядок, говорили правый кадет В. А. Маклаков¹⁸, прогрессисты И. Н. Ефремов¹⁹, Б. И. Кринский²⁰ и другие ораторы.

По мнению М. В. Родзянко, существовал только один путь спасения — «твердая и суровая власть, которая сурово бы потребовала от каждого и всех выполнения своего долга»²¹. Нотки о необходимости военной диктатуры прозвучали и в выступлении П. Н. Милюкова 18 июля. Глава партии кадетов потребовал, чтобы А. Ф. Керенский «или уступил место, или, во всяком случае, взял бы себе в помощники авторитетных военных деятелей, и чтобы эти авторитетные военные деятели действовали с подобающей самостоятельностью и независимостью»²². И если все выступавшие под сильной властью подразумевали военную диктатуру, но прямо об этом не говорили, то на заседании 20 августа, в преддверии Корниловского мятежа, об этом прямо заявил только В. М. Пуришкевич. Единственной формой правления в сложившихся исторических условиях он считал военную диктатуру и военный совет при диктаторе²³. Этому мнению придерживались и его коллеги по совещаниям, но только они считали, что диктатура будет тогда, когда «назреет в ней необходимость». В конкретной ситуации они считали откровения В. М. Пуришкевича несвоевременными²⁴. Идея военного совета при диктаторе, прозвучавшая в заявлениях Пуришкевича, нашла отражение в проектах военного совета при генерале Л. Г. Корнилове, а во время Гражданской войны воплотилась в Особое совещание при генерале А. И. Деникине, «Звездную палату» при Верховном правителе адмирале А. В. Колчаке, Политическое совещание при генерале Н. Н. Юдениче.

Весьма интересным стало предложение В. М. Пуришкевича о переносе Государственной думы в Новочеркасск, высказанное им на

совещании 16 июня²⁵. Предложение вызвало смех в зале. Однако это было сказано не для красного словца. Мотивируя свое предложение, Пуришкевич объяснил, что в Новочеркасске дума найдет физическую силу и сочувствие, и именно «оттуда на всю Россию должен идти свет»²⁶. Ставка на казачьи области как на носителей великодержавных и консервативных традиций, по-видимому, обсуждалась в правых кругах уже летом 1917 г. И генерал М. В. Алексеев, находившийся в Петрограде во время Октябрьского вооруженного восстания, и генерал Л. Г. Корнилов, и «быховские» узники, после освобождения, сразу устремились на Дон. Все они знали, где начнут свою борьбу с большевиками. Таким образом, база для будущей борьбы была определена заранее²⁷.

На частных совещаниях затрагивались и вопросы внешней политики. Здесь главным являлся вопрос о верности союзникам. Выступая на одном из совещаний, П. Н. Милюков заявил: «...у нас нет царской дипломатии и дипломатии Временного правительства; у нас есть дипломатия союзническая (...) и мы были связаны на горе и на радость с нашими союзниками, и моральным образом должны были идти с ними вместе до конца в этой круговой поруке, в общей борьбе, единым фронтом. Нам казалось, что эта наша связь запечатлена теми миллионами жертв людей, которые потерпели все эти стороны...»²⁸. Вопрос о верности союзникам, даже когда кончилась Первая мировая война, был ключевым для Белого движения, его руководители считали, что страны Антанты обязаны помогать России в борьбе с большевиками в благодарность за понесенные жертвы. Пересмотр отношений с Германией отвергался, хотя сами страны Антанты в 1919 г. уже заключили Парижский мир.

В выступлениях на частных совещаниях, в своеобразной форме разоблачения псевдонимов, поднимался и еврейский вопрос²⁹, в этой же форме он муссировался и в правой прессе, которая поднимала еще и проблему «еврейского засилья». Впоследствии в Белом движении антисемитизм, особенно на Юге России, принял широкие масштабы.

Состав частных совещаний ВКГД значительно расширился за счет кооптации членов Государственной думы³⁰. Среди выступавших на частных совещаниях преобладали люди откровенно правых убеждений: 35 октябристов, 31 принадлежащих к тем, кто стоял правее октябристов, и 16 ораторов являлись кадетами³¹. Рассматривая выступления участников частных совещаний, следу-

ет отметить их резкую антиреволюционную направленность, хотя сами они клялись в верности революции⁰ и говорили о революционной роли думы в февральских событиях³³. В связи с этим возникает закономерный вопрос о революционности Государственной думы в Феврале. Третьеиюньская Государственная дума как была, так и осталась «правобокой», дрейфуя еще далее направо после революции. Во время февральских событий в Петрограде она играла роль не штаба революции,³⁴ а центра по удержанию революции в рамках, приемлемых для буржуазной оппозиции.

Ораторы, выступавшие на частных совещаниях, высказывали не свою личную точку зрения, а пытались формулировать мысли тех слоев общества, которые они представляли. Полное единодушие они проявили по вопросу установления в стране сильной власти — военной диктатуры, а также в отстаивании прав частной собственности. Единым фронтом выступали они и по сохранению единой и неделимой России и верности союзникам. Идеи, высказывавшиеся на частных совещаниях, легли затем в основу идеологии Белого движения.

При этом следует отметить, что ряд участников частных совещаний сыграли ту или иную роль в Белом движении. Среди них: А. И. Гучков, Н. Н. Львов, В. А. Маклаков, А. М. Масленников, П. Н. Милюков, В. Пуришкевич, М. В. Родзянко, Ф. И. Родичев, Н. В. Савич, В. А. Степанов, В. В. Шульгин.

Однако первый бой за установление военной диктатуры был проигран с подавлением корниловского мятежа. И заседание 20 августа стало последним. В условиях «полевения» общественного мнения и начавшейся большевизации Советов новые заседания были невозможны, тем более что некоторые из членов совещания, В. М. Пуришкевич и А. И. Гучков оказались замешанными в «корниловщине». Следует также отметить, что Петроградский Совет крайне внимательно наблюдал за тем, что происходило на частных совещаниях ВКГД. В выступлениях на заседаниях Совета неоднократно высказывались предложения по их роспуску³⁵. 6 октября Государственная дума по распоряжению Временного правительства прекратила свое существование в связи с началом выборов в Учредительное собрание.

¹ См.: *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005. С. 137-149.

² Частные совещания членов 4-й Государственной думы // Энциклопедия. Великая Октябрьская социалистическая революция. 3-е изд., доп. М., 1987. (.: 578.

³ См.: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905-1917 / Отв. ред. акад. И. И. Минц. М., 1990. С. 207.

⁴ См.: *Лозинский З. Б.* Предисловие // Буржуазия и помещики в 1917 году- Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А. К. Дрезена. Подгот. к печати М. И. Ахун, Д. М. Зиневич и С. Б. Окунь. М.; Л., 1932. С. III-XIV; *Непролетарские партии России: Урок истории.* М., 1984. С. 241-242; *Черныг. в В. Ю.* Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы // Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. СПб., 1996. (!. 649-651.

⁵ *Гальперина Б. Д.* Частные совещания Государственной думы — центр сплочения буржуазных партий России // Непролетарские партии России в трех столетиях: Сб. ст. / Под ред. К. Б. Гусева. М., 1989. С. 111-117.

⁰ Буржуазия и помещики в 1917 году... С. 286.

⁷ Там же. С. IV.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: *Иоффе Г. З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 265.

¹⁰ См.: Речь. 1917. 19, 20 июля, 22 августа.

¹¹ Стеногр. отчеты частных совещаний членов Государственной думы четвертого созыва 12, 20, 27 мая, 3, 5, 27 июня, 18, 19 июля 1917. [Пг.] 1917; Известия Временного комитета. 1917. >Е 1—13 (27 апреля — 28 августа).

¹² Россия в плену у Циммервальда. Две речи П. Н. Милюкова. Пг., 1917.

¹³ Буржуазия и помещики в 1917 году... С. 167—168.

¹⁴ Там же. С. 122-125, 201-202.

¹⁵ Там же. С. 57, 73.

¹⁶ Там же. С. 67, 69, 71.

¹⁷ Там же. С. 7, 8.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ Там же. С. 72.

²¹ Там же. С. 193.

²² Там же. С. 214.

²³ Там же. С. 280, 283.

²⁴ Там же. С. 282-285.

²⁵ Там же. С. 127-128.

²⁶ Там же. С. 128.

²⁷ *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 129, 130.

²⁸ Буржуазия и помещики... С. 9.

²⁹ Там же. С. 89, 197, 201, 218, 221, 275.

³⁰ Там же. С. 131.

³¹ *Гальперина Б. Д.* Частные совещания. .. С. 112.

³² Буржуазия и помещики... С. 231, 275.

³³ Там же. С. 108, 196.

³⁴ *Николаев А. Б.* Революция и власть... С. 160-227 и др.

³⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: Проток., стеногр. и отчеты, резолюции и постановления общих собраний секций, заседания Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракции (27 февраля — 25 октября 1917 года). М., 2003. Т. 4 (3 июля — 25 октября 1917 года). С. 17, 65, 66, 74, 172, 185, 189, 270.

П. П. Гордеев (Санкт-Петербург)

ДУМА И СОВЕТ: ДВА ПАРЛАМЕНТА (по материалам революционного Кронштадта)

Одна из интереснейших страниц истории российского парламентаризма — недолгие взаимоотношения между двумя типами представительных учреждений — Думами и Советами. Как известно, после Февральской революции Государственная дума фактически прекратила свое существование, частично делегировав свои полномочия ВКГД, а затем Временному правительству. Так называемые частные совещания членов Государственной думы, имевшие место и межреволюционный период, ни по представительности, ни по целям и задачам, ни по влиянию на общество и государство не могут идти ни в какое сравнение с «нормальными» дореволюционными сессиями.

Однако городские думы по всей России отнюдь не исчезли в Феврале, а продолжали существовать в иных исторических условиях. Конечно, их активность, незначительная и до революции, в условиях 1917 г. была ничтожной, несмотря на то что с падением старого режима всячески утесняемые выборные органы самоуправления, казалось бы, должны были занять более видное место. Но этого не произошло, так как думы оказались в тени нового типа представительных учреждений — Советов. Интересно, что и городские думы, и Советы в первые месяцы после Февраля не были вполне демократическими учреждениями (т.е. основанными на всеобщем и равном избирательном праве). На протяжении всего периода революции эти органы власти, обладавшие во многом схожими функциями, существовали бок о бок — пример такого сосуществования является предметом данной статьи.

Городская дума Кронштадта к февралю 1917 г. состояла из 38 гласных. Действовавшая на момент революции дума была избрана 3 сентября 1913 г.; ее полномочия истекали через четыре года—3 сентября 1917 г.¹ Городская дума располагалась на Николаевском проспекте (в настоящее время — проспект Ленина), в доме № 36, в одном здании с Городской Управой, в которую входили: «Кронштадтский городской голова, пот[омственный] поч[етный] гражданин] Александр Васильевич Кудрявцев, член управы, заступающий место городского головы купец Семен Макарович Голубев. Члены управы: Кронштад[тский] купец Яшумов Владимир Николаевич, лич[ный] поч[етный] гражданин] Марков Яков Каллиникович»². Зарубежный исследователь И. Гетцлер совершенно справедливо отмечает: «Городская дума, состоявшая в значительной степени из почетных (ennobled) граждан, купцов, нескольких отставных чиновников и, в небольшом количестве, из мелких буржуа и лиц, значащихся как крестьяне, была вопиюще непредставительна»³.

Февральская революция застала кронштадтскую городскую думу врасплох⁴. Лишь 2 марта в 6 часов вечера дума собралась на чрезвычайное заседание. Заступающий место городского головы С. М. Голубев, открыв заседание⁵, «огласил циркулярную телеграмму о переходе власти в руки временного Комитета Государственной думы» после чего доклады о положении в городе сделали три делегата от образовавшегося 1 марта революционного органа власти—Комитета Движения. Сами гласные думы остались пассивными слушателями; через час делегаты Комитета Движения «сопровождаемые овациями гласных, оставили зал собрания, и дума занялась текущими вопросами»⁶.

Впрочем, текущих вопросов, оставшихся в ведении городской думы, было немного. Политикой думцы не занимались и при старом режиме, а хозяйственная часть перешла в ведение образовавшейся 3 марта Продовольственной комиссии Комитета Движения. Правда, при ее образовании присутствовали и «представители города», т.е. городской думы и управы, — председатель городской продовольственной комиссии С.М. Голубев, член этой же комиссии В.Н. Яшумов, член особой комиссии по снабжению топливом И.И. Записной⁷. Но председателем комиссии был избран В.А. Вальк, делегат от Временного комитета рабочих депутатов, никакого отношения к «городскому самоуправлению» до сих пор не имеющий. Да и существовала упомянутая комиссия недол-

го —11 марта ее сменила Продовольственная комиссия Исполнительного комитета Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов⁸. Формирующийся Совет уверенно взял под свой контроль обеспечение города продовольствием.

Через несколько дней число гласных думы значительно увеличилось, и произошло это неожиданным для думцев способом⁹. По инициативе то ли комиссара Временного правительства в Кронштадте кадета В. Н. Пепеляева, то ли терявшего свое влияние руководство Комитета Движения (в целом поддерживавшего комиссара), 6 марта было решено уравновесить влияние уже функционировавшего Совета рабочих депутатов и формирующегося Совета воюющих депутатов еще одним Советом от «гражданского населения». Выборы в этот Совет комиссар назначил на 9 марта; 13 групп горожан, поделенных по профессиональному признаку, должны были избрать по 5 делегатов от группы¹⁰.

Однако планам комиссара не суждено было сбыться, и в этом отчасти есть его вина, так как решающие дни (8-12 марта) он провел в Петрограде, выступая перед ВКГД, Временным правительством, Исполкомом и Солдатской секцией Петроградского Совета¹¹. Вернувшись в Кронштадт, Пепеляев обнаружил, что за эти четыре дня политическое лицо города изменилось очень сильно. Прежде всего, выборы в так называемый «городской Исполнительный комитет», или «совет гражданских депутатов», были полностью сорваны.

13 марта на шестом заседании Совета военных депутатов (предшественника единого Кронштадтского Совета) председатель Исполнительного комитета большевик А. М. Любич предложил «не привлекать обывателей города к заседаниям, а разрешить им войти и соглашение с рабочими». Это предложение было принято «после коротких прений»¹². Таким образом, идея самостоятельного «совета гражданских депутатов» была похоронена. Не состоялось и «(•оглашение» с рабочими. Когда 14 марта было напечатано объяснение: «Комиссар гор. Кронштадта просит немедленно доставить ему списки лиц, избранных 9-го марта в выборщики от различных групп населения. Недоставленные списки следует направлять в кабинет Комиссара (Комитет Движения)», — оно выглядело ммахронизмом¹³. Как хитроумно выразился П. З. Сивков о попытке сочдания «совета гражданских депутатов», «к концу выборов оказалось, что создавать такой орган нет надобности, так как к этому времени обстановка изменилась, власть Пепеляева уже стала сходиться па нет»¹⁴. Избранные делегаты от населения не стали бороть-

ся за власть; вместо этого избранные от города 65 человек влились в состав городского самоуправления. «Таким образом, получилась так называемая Обновленная дума», — писал впоследствии видный думский деятель И. Е. Орешин¹⁵.

На заседании 30 марта городская дума Кронштадта выбрала своим председателем И. Е. Орешина; городским головой по выбору гласных стал И. И. Записной¹⁶. 17 апреля вместо отказавшегося И. Е. Орешина председателем думы был единогласно избран П. А. Павлов¹⁷. Но изменения в составе руководства не прибавили городскому самоуправлению авторитета — дума теперь рассматривалась как «полуцензовая». В апреле-мае 1917 г. кронштадтская городская дума практически ничем себя не проявляет и ни во что не вмешивается; даже во время так называемой «кронштадтской республики», когда Совет объявил себя единственной властью в городе, реакции на это со стороны думы не последовало¹⁸. О думе вспоминают лишь в конце июня, в связи с начавшейся кампанией по ее перевыборам. 30 июня на заседании Кронштадтского Совета тема выборов вызвала политический скандал. Суть его была в следующем: председатель Кронштадтского Совета А. Н. Ламанов создал и возглавил так называемый «список беспартийных», который должен был наравне с другими принять участие в выборах в думу, о чем было объявлено в «Известиях Кронштадтского Совета»¹⁹. Это послужило поводом для нападок на А. Н. Ламанова со стороны его политических оппонентов; начал «атаку» знаменитый Ф. Ф. Раскольников. Не обвиняя самого Ламанова, Раскольников критиковал идею объединения беспартийных: «Мы тем более осуждаем это, что они собираются объединиться на платформе Кронштадтского Совета. Они хотят пройти на основе Кронштадтского Совета, но все, что сделал хорошего Совет, — это все было сделано по предложению большевиков и эсеров, и они будут повторять наши зады». Раскольников, как мы увидим далее, не случайно делает реверанс в сторону эсеро-ской фракции. Но список обвинений еще не исчерпан: «В Известиях С[овета] Р[абочих] и С[олдатских] Депутатов» появляется подпись—Председатель А. Ламанов, и каждому читателю невольно бросается в голову мысль, что Председатель Ламанов подписывается как Председатель С[овета] Р[абочих] и С[олдатских] Депутатов]. В глазах широких масс этот список невольно отождествляется с Советом, и многие думают, что этот список выставляет наш Совет С[олдатских] и Р[абочих] Депутатов], и чтобы разяснить

но недоразумение, чтобы открыть массе глаза, нам необходимо от этого списка определенно отмежеваться и сказать, что Кронштадтский Совет не выдвигает самостоятельного списка». Поэтому, заявил Раскольников, «фракция большевиков, сговорившись с фракцией с[оциалистов]-р[еволюционеров]», предложила Совету осудить инициативу беспартийных²⁰. Совет проголосовал за эсеро-большевистскую резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Совет Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов доводит до сведения кронштадтских избирателей тов. Рабочих, Матросов и Солдат, что список кандидатов в гласные от внепартийных никакого отношения к Совету не имеет. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов своего списка кандидатов в гласные в городскую думу вообще не выставляет. Как представительное учреждение рабочей и солдатской демократии, Совет Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов рекомендует демократическим избирателям Кронштадта не голосовать за список безответственных и сомнительных в общественно-политическом смысле групп, выставляющих свои кандидатские списки»²¹.

В длинном выступлении Раскольникова наиболее примечательным, на наш взгляд, является признание в «сговоре» большевиков и эсеров. Сам по себе такой союз не был в Кронштадте (в отличие от остальной России) чем-то экстраординарным. Например, в период «кронштадтской республики» в мае 1917 г. большевики и эсеры занимали схожие позиции, противостоя в Совете меньшевикам и части беспартийных²². В конце июня, как видим, эсеро-большевистская коалиция сохранялась и была теперь направлена против лидера беспартийных — А. Н. Ламанова, который, после принятия ('овстом приведенной выше резолюции, сложил с себя полномочия Председателя Совета²³.

Несмотря на ожесточенную полемику, разыгравшуюся в Совете по вопросу о думских выборах, авторитет самой городской думы был по-прежнему низок, и это хорошо видно на примере газеты «Кронштадт», мыслившейся думцами как собственный печатный орган. 3 июля вышел первый и последний номер этой газеты с подзаголовком «Известия Кронштадтского городского самоуправления». На первой странице была опубликована статья городского головы И. И. Записного «К вопросу об издании газеты», где излагались причины, приведшие к появлению «Кронштадта». «Широкие задачи современного городского самоуправления», — утверждал И. И. Записной, — «вызывают необходимость создания ново-

го печатного органа, посвященного специально вопросам местного городского хозяйства и освещению общественной жизни на провозглашенных началах демократического строя»²⁴. При этом автор отмечал, что «пользоваться для городских вопросов посторонними органами печати не всегда представляется возможным, так как пришлось бы в некоторых случаях зависеть от любезности отдельных лиц, а также иногда сталкиваться с партийным освещением вопросов, которое может не всегда совпадать со взглядами представителей городского самоуправления»²⁵. Однако такая позиция издателей газеты, не желавших «сталкиваться с партийным освещением вопросов», вызвала недружественные чувства среди членов Кронштадтского Совета, вынесшего 11 июля на своем общем собрании следующую резолюцию: «Ввиду выпуска Городским Самоуправлением газеты "Кронштадт", Совет Р[абочих] и С[олдатских] Депутатов] находит издаваемую газету совершенно недопустимой для деятельности уходящей в непродолжительном времени полуцензовой думы, считая, что она имеет определенную агитационную цель и может повлечь за собой непроизводительную трату народных денег - постановил: издание газеты прекратить»²⁶.

Кронштадтская городская «полуцензовая» дума так ни разу и не попыталась оспорить хотя бы часть полномочий у Совета. Гласные даже не смогли настоять на своем праве выпускать газету, хотя обстоятельства благоприятствовали этому начинанию, так как непосредственно после «июльских дней», когда Совет запретил газету «Кронштадт», позиции самого Совета были ослаблены.

Однако муниципальные думские выборы, которые состоялись летом 1917 г. во многих городах России (в том числе и в Кронштадте) на основе всеобщего равного избирательного права, должны были, казалось, изменить ситуацию в пользу обновленного городского самоуправления. К выборам готовились все политические партии, существовавшие в Кронштадте. Горожанам было предложено 9 избирательных списков: список № 1 — эсеров, № 3 — «городской группы», № 4 — большевиков, № 5 — энесов, № 6 — бывших гласных думы, № 7 — беспартийных, № 8 — меньшевиков и № 9 — различных национальных объединений и землячеств (украинского, польского, латышского, литовского, эстонского, татарского). Список № 2 был без названия и, по-видимому, без какой-либо политической программы»²⁷.

Предвыборная агитация партий в 1917 г. отличалась от предыдущего русского опыта своим агрессивным, «американским стилем»²⁸. Один из лидеров меньшевиков, П.К.Эдиет, призывал избирателей: «Голосуйте за кого угодно — но лишь не за трудовиков и беспартийных!»²⁹. Особенной активностью отличалась агитация Трудовой народно-социалистической партии, которая, не имея своей фракции в Совете, возлагала, по-видимому, особенные надежды на думские выборы. Например, во время избирательной кампании на страницах печатного органа этой партии — газеты «Труд и Земля» — были помещены политические частушки под названием «За кого голосовать», в форме диалогов секретаря городской думы с политически неопытными избирателями:

- Мне желательно узнать,
За кого голосовать?
- А вы сами кто?
- Буржуй.
- За кадетов голосуй.

- Я любитель тишины,
Но не против и войны,
Лишь в тылу сидел бы сам.
- Оборонца нужно вам.

- Я — рязанский мужичок,
Мне землицы бы клочок.
Говорили, что ЭсЭр.
Может эфто, например.
- Это, братец, сам гляди!
- Если можешь — проводи.

- Я — охотник пошуметь,
А потом еще, заметь,
Наломать люблю бока.
- Выдвигай большевика.

- Я как раз наоборот —
Не люблю мутить народ
Из-за разных пустяков.
- Поддержи меньшевиков.

- Я не знаю, чей подбор
Будет лучше?
- Кто вы?
- Вор.
- Если вор, так не зевай!
- К анархистам приставай.

Видя, что публика все прибывает, а вопросам не предвидится конца, секретарь встает и, обращаясь к толпе, говорит:

**Господа! В управе здесь
Много списков всяких есть...
Голос из толпы:
— Ну, а лучший-то какой?
Секретарь (подумав):
— А, пожалуй, трудовой³⁰.**

Выборы в городскую думу были проведены в двадцатых числах июля (они шли несколько дней); из 46051 избирателей в выборах приняли участие 28154 человек, т.е. около 61%. Большую часть голосов получили эсеры и большевики (10 910 и 10 214 соответственно), беспартийные и энесы — 2174 и 2 086 голосов национальные объединения — 1104, меньшевики 950, «городская группа» (домовладельцы и состоятельные граждане) — 533, бывшие гласные думы — 116. Список № 2 собрал 67 голосов. Соответственно из 68 мест в новой думе 27 досталось эсерам, 25 — большевикам, по 5 — беспартийным и энесам, 3 места — представителям национальных землячеств, 2 — меньшевикам. Наконец, единственное «буржуазное» место занял бывалый деятель городского самоуправления еще дореволюционной эпохи купец В. Н. Яшумов³¹.

На демократических выборах, которым предшествовал почти месяц относительно свободной агитации (эта свобода не распространялась на правые консервативные идеи), кронштадтцы избрали социалистическую, эсеро-большевистскую думу. В ее состав вошли все лидеры Кронштадтского Совета. Председателем самой думы был избран большевик Л. А. Брегман (председатель Исполкома Кронштадтского Совета с 11 августа 1917 г.), председателем управы — эсер Ф. Н. Покровский (председатель Кронштадтского Совета 11 июля — 11 августа 1917 г.)³².

Интересно сравнить эти данные с результатами выборов в Совет, которые состоялись через две недели. 11 августа при подсчете мандатов оказалось, что из 285 депутатов Кронштадтского Совета третьего созыва большевиков — 96, беспартийных — 96, эсеров — 73, меньшевиков — 13 и анархистов — 7.

Таким образом, из всех значительных политических сил Кронштадта только социалистам-революционерам выборы в думу принесли действительную выгоду. Поддержка и усиление думы не расходились также и с общей линией эсеровской партии, считавшей избранные демократическим путем думы и земства «реальной вла-

стью на местах»³³. Однако кронштадтские эсеры уже давно, со времен «кронштадтской республики», тесно связали свою судьбу с Советом и не могли от него отречься, а для других советских партий это вообще не имело смысла. Эсеро-большевистская дума не вмешивалась в жизнь города; ее гласные предпочитали действовать через Совет.

В думско-советском противостоянии Кронштадтский Совет одержал решительную победу, будучи не общенародным, а классовым органом власти. Такая же ситуация сложилась и по всей стране; во многих городах летом 1917 г. прошли думские выборы, демократические, но не придавшие городскому самоуправлению ни веса, ни власти. По существу, они предвосхитили историю созыва и роспуска Учредительного собрания; в 1917 г. Россия, испробовав классический парламентаризм, выбрала советский.

¹ Кронштадт на 1916 год: Справочная книга. Кронштадт, 1916. С. 48.

² Там же.

³ Getzler I. Kronstadt 1917-1921: The Fate of a Soviet Democracy. Cambridge, 1983. P. 246-247.

⁴ Комиссар Временного правительства в Кронштадте В. Н. Пенелеев вспоминал о первых днях после победы революции в Кронштадте: «Городская дума и управа были парализованы». ГАРФ. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

⁵ Городской голова А. В. Кудрявцев в конце февраля был болен (см.: Кронштадтский вестник. 1917. 25 февраля), возможно, он продолжал болеть или предпочел продолжить болеть и в дни революции. Вскоре после революции он отказался от должности — Котлин. 1917. 10 марта.

⁶ Кронштадтский вестник. 1917. 3 марта.

⁷ РГАВМФ. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ Будущий председатель кронштадтской думы И. Е. Орешин в своей статье «Итоги деятельности обновленной городской думы» отмечал: «Старая цензовая дума была обновлена неожиданно для самой себя, как и обновившие ее элементы вошли в ее состав не менее неожиданно для самих себя» — Кронштадт. 1917. 3 июля.

¹⁰ Кронштадтский вестник. 1917. 10 марта.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 46. Л. 29-31; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Л., 1991. Т. 1. С. 266; Кронштадтский вестник. 1917. 14 марта.

¹² РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 236. Л. 8.

¹³ Кронштадтский вестник. 1917. 14 марта.

¹⁴ Сивков П. З. Кронштадт. Страницы революционной истории. Л., 1972. С. 96.

¹⁵ Кронштадт. 1917. 3 июля.

¹⁶ Кронштадтский вестник. 1917. 31 марта; Котлин. 1917. 1 апреля.

¹⁷ Там же. 1917. 20 апреля.

¹⁸ Меньшевик А. Ерманский в своей статье «Кронштадтская республика» писал: «Созданная г. Пепеляевым дума ровно ничем себя не проявила, точно так же, как и ее голова И. И. Записной. Власть городской думы, да и самого комиссара, была равна нулю. Вот этот-то факт, собственно, и зафиксировали многие из членов Совета, по их собственному признанию, в словах резолюции, что Совет Раб[очих] и С[олдатских] Деп[утатов] есть единственная власть в Кронштадте» — Кронштадтская искра. 1917. 22 июля.

¹⁹ «Кандидатам в гласные в городскую думу от внепартийных предлагается зайти в редакционную комиссию Сов[ета] Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов] к тов. Немму не позднее 8 часов вечера 29-го июня для дачи подписи в том, что они намерены баллотироваться, в противном случае, согласно уставу о выборах, таковые будут исключаться из списка. Председатель А. Ламанов» — Известия Кронштадтского Совета. 1917. 29 июня.

²⁰ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 4 июля.

²¹ Там же. 1 июля.

²² Подробнее см.: *Гордеев П. Н.* Борьба политических партий в Кронштадтском Совете в мае — июне 1917 года // Политические партии России: прошлое и настоящее. СПб., 2005.

²³ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 8 июля. — 11 июля в споре «о беспартийных» была поставлена точка. Кронштадтский Совет, «заслушав доклад тов. Ламанова», вынес решение: «Члены группы беспартийных являются выбранными от частей и мастерских и, как облеченные доверием избирателей и ответственные перед ними, не могут быть ни в каком случае сомнительными, так как это являлось бы оскорблением не только группы беспартийных, но и всего Совета. Совет, принимая резолюцию, не имел в виду группу беспартийных в Совете С[олдатских] и Р[абочих] Депутатов» — Там же. 12 июля.

²⁴ Кронштадт. 1917. 3 июля.

²⁵ Там же.

²⁶ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 12 июля.

²⁷ Кронштадт. 1917. 3 июля.

²⁸ *Rosenberg W. G.* The Russian Municipal Duma Elections of 1917: A Preliminary Computation of Returns // *Soviet Studies*. 1969. Vol. XXI. № 2. P. 163.

²⁹ Кронштадтская искра. 1917. 22 июля.

³⁰ Труд и земля, 1917. 4 июля.

³¹ Там же. 28, 29 июля.

³² Известия Кронштадтского Совета. 1917. 11 июля, 13 августа; Речь. 1917. 11 августа; *Женевский Л.*, Л. А. Брегман // Красная летопись. 1926. № 1.

³³ *Ерофеев Н. Д.* Социалисты-революционеры в 1917 г.: От Февраля к Октябрю // Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: В 3 т. М., 2000. Т. 3. Ч. 1: Февраль — Октябрь 1917 г. С. 11.

О. В. Егоренкова (Санкт-Петербург)

В. М. ЧЕРНОВ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

В программе партии социалистов-революционеров, разработанной фактически В. М. Черновым и официально принятой в начале 1906 г. на I съезде партии, заявлялось, что борьба с царизмом будет соединена с агитацией за созыв «Земского собора (Учредительного собрания), свободно избранного всем народом без различия пола, сословий, национальности и религии, для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков. Свою программу этого переустройства она (ПСР. — *О. Е.*) будет как отстаивать в Учредительном собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период»¹.

Февральская революция, сделавшая Россию свободной страной, перевела идею Учредительного собрания из теоретической плоскости в практическую. Революция естественным образом решила многие вопросы русской жизни, но в стране все же отсутствовала легитимная, авторитетная власть, которая могла бы осуществить особо важные реформы, прежде всего аграрную. На эсерах и меньшевиках, имевших большинство в Совете рабочих и солдатских депутатов, лежало «бремя ответственности за безотлагательный созыв Всероссийского Учредительного собрания, и из всех политических сил лишь они были в нем искренне и до конца заинтересованы»².

Созыв народного представительства оказался делом непростым, требующим значительного времени и усилий. Временное правительство в ходе переговоров с Исполкомом Петроградского Совета достигло договоренности не предрешать форму государственного устройства до Учредительного собрания. Встав на позиции

«непредрешения», Временное правительство поставило себя в двусмысленное положение: проведение радикальной аграрной реформы стало невозможным, так как это нарушило бы прерогативы Учредительного собрания.

Значительно позже, в эмиграции, комментируя протоколы ЦК ПСР 1917-1918 гг., В. М. Чернов писал: «Конечно, перед глазами деятелей того времени не было опыта целого ряда послевоенных революций, которые свидетельствуют, что Учредительное собрание, не собранное немедленно, или теряет всякие шансы быть собранным, или, будучи собрано, лишается возможности полновластно и беспрепятственно выполнять свои функции. Может быть, если бы эта истина сознавалась, буржуазные партии не старались бы так упорно оттягивать его созыв, а трудовые и социалистические не отнеслись бы так формально к вопросу о преодолении сопротивления»³.

Там же Чернов дал свое объяснение причин задержки выборов в Учредительное собрание. Он считал, что виноваты меньшевики и кадеты. Большевики ультимативно настаивали на соблюдении всех формальностей процедуры по организации выборов. Им хотелось, чтобы списки избирателей были правильно составлены избранными новыми демократическими органами самоуправления. Закон же о местном самоуправлении был издан только вторым Временным правительством. Кадетская партия вообще не торопилась ни с местным самоуправлением, ни с Учредительным собранием. Кадеты пытались идти в ногу с жизнью, но сделать это до конца были не в состоянии. Они признали и революцию, и республику, но все это оправдывалось военными интересами России, которая должна была во что бы то ни стало воевать до победного конца. В этом вопросе кадеты решительно разошлись с широкими народными массами. Потеряв и доверие, и поддержку народа, кадеты рассчитывали возвратить и то и другое победой в войне⁴.

Сразу же после III съезда партии социалистов-революционеров, в начале июня, на одном из заседаний ЦК была избрана комиссия по Учредительному собранию: в ее состав вошли 9 человек, в том числе Н.Д.Авксентьев, А.Р.Гоц, В.М.Зензинов, М. В. Вишняк, Н. В. Святицкий и др. Комиссия была призвана организовать партийную избирательную кампанию. При составлении кандидатских списков партии на выборах в Учредительное собрание имя Чернова, как одного из самых известных политиков, пользовалось широкой популярностью. В конце концов, оно возглавило

списки 5 округов: Воронежской, Екатеринославской, Тамбовской, Харьковской губерний и Петрограда. Конкурировать с Черновым по уровню популярности и востребованности в 1917 г. могли лишь А. Ф. Керенский и Н. Д. Авксентьев⁵.

Эсеры идеализировали Учредительное собрание, рассчитывая благодаря крестьянским голосам получить в нем большинство. Именно Учредительное собрание должно было реализовать лучшую, любимую идею ПСР — социализацию земли. Даже В. М. Чернов не осознал в полной мере неотложность решения аграрного вопроса. Временные меры, предпринятые им на посту министра земледелия, не сняли остроту аграрного вопроса и довели деревню к осени 1917 г. до крайней точки кипения. Три причины обусловили малую результативность правительственной деятельности В. М. Чернова. Во-первых, коалиция с кадетами; во-вторых, его убеждение в том, что резкие, плохо подготовленные реформы еще больше дестабилизируют положение в воюющей стране; в-третьих, раскол в партии.

О партийном расколе следует сказать чуть подробнее, ведь он не только способствовал провалу эсеров на Учредительном собрании, но и был одной из главных причин, приведших эту партию к поражению. В ЦК ПСР летом 1917 г. возобладали правые, Чернов, перешедший на позиции левого центра, оказался в изоляции. К моменту ухода из правительства в августе 1917 г. у Чернова было понимание того, что «коалиция центральных партий трудовой демократии — социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков — с партией либеральной буржуазии далее немыслима без окончательной дискредитации их в массах и без перехода их влияния на народ к большевикам». Следовало признать коалиционную власть «пережитым этапом революции и перейти к более однородной власти, с твердой крестьянско-рабочей, федералистической и пацифистской программой». Временное правительство могло быть заменено либо черно-милитаристической, либо красной социально-погромной диктатурой⁶.

Предостережения и прогнозы В.М.Чернова правые воспринимать не желали, они выступали за продолжение коалиционной политики и поддерживали А. Ф. Керенского. Отношение Чернова к Керенскому было сложным. Керенский, по мнению Чернова, был лидером «скороспелых новобранцев трудовой демократии (так называемых "мартовских социалистов")»⁷. По большому счету, эсеровской идеологии он не воспринял. Еще больше не нравилось Чер-

нову стремление министра-председателя к диктатуре. Формальная принадлежность А. Ф. Керенского к партии эсеров не давала Чернову возможности критиковать главу Временного правительства. Только в сентябре, лишившись портфеля министра земледелия, В. М. Чернов опубликовал резко критические статьи в «Деле народа». Пользуясь отсутствием секретаря редакции Постникова, для № 145 «Дела народа» он написал пять статей, направленных против Временного правительства и лично Керенского. Газета имела огромный успех, но в руководстве ПСР разразился скандал. «Воля народа» опубликовала статью Е. Брешковской, которая резко осуждала В. М. Чернова. А «Дело народа» в № 149 поместило письмо двух редакторов — В. Зензинова и Н. Ракитникова, которые заявляли о своем несогласии с черновскими статьями⁸.

Ничуть не лучше, чем правые, вели себя левые эсеры. В самый разгар выборов, в ноябре 1917 г., они выделились в самостоятельную партию. Левые были исключены ЦК ПСР из ее рядов, но оставались в единых партийных списках и претендовали на свою долю голосов избирателей. В результате эсеровская фракция в Учредительном собрании не просто была расколота, а имела в своем составе настоящих врагов⁹.

Предвыборная кампания делилась на два этапа: на первом этапе, который продолжался до октября 1917 г., шел подбор депутатов, составлялись платформы, шел поиск союзников. Второй этап представлял собой открытую межпартийную борьбу, развернувшуюся на фоне борьбы за власть¹⁰.

Предвыборная платформа ЦК ПСР была опубликована 26 октября. Характеризуя особенности избирательной кампании эсеров, Протасов отмечал мастерское использование личностного момента. Дело в том, что избирательная борьба шла, в основном, между партийными платформами, сами кандидаты были либо малоизвестны, либо совсем неизвестны. Эсеры, исповедовавшие субъективный социологизм, представляли исключение, они много внимания уделили своему героическому террористическому прошлому, что, несомненно, привлекло внимание к этой партии¹¹. Тот же личностный фактор оказал этой партии и дурную услугу, так как участие во власти с мая 1917 г. делало эсеров ответственными за волокиту с крестьянской реформой. Политические противники ПСР получили в свои руки мощное пропагандистское оружие. Большевики, и в первую очередь В. И. Ленин, неоднократно писали об измене эсеров крестьянству¹².

На выборах в Учредительное собрание эсеры одержали победу, по стране они набрали 58% голосов¹³. По мнению Л. Г. Протасова, успех эсеров был обусловлен тем, что большинство населения выбрало центристскую линию, которую в 1917 г. олицетворяли Чернов, Авксентьев, Керенский. Однако время политических компромиссов было упущено, и «настала та критическая точка революции, когда сам центр, еще недавно казавшийся надежным буфером между политическими полюсами, разваливался на глазах по причине процессов поляризации и собственного бессилия»¹⁴. Партии центра пришлось превратиться в партию борьбы и главную оппозиционную силу.

Следует отметить также и то, что эсеровская победа была относительной. В районах, определяющих ситуацию в стране, они проиграли. Например, в Петрограде за эсеров проголосовали всего 16,7%, а за большевиков — 45,3% населения. Результаты голосования в Москве оказались еще хуже: за эсеров — 8,5%, а за большевиков — 50,1%¹⁵.

В ноябре 1917 г. начал работу IV съезд ПСР, сторонники В. М. Чернова были на нем в большинстве. Деятельность правых была осуждена, революция была охарактеризована как «народно-трудовая», являющаяся переходным, промежуточным историческим этапом между расцветом буржуазного строя и эпохой социалистического переустройства¹⁶. ПСР, допустившая серьезные ошибки, не проявившая решительности, оставившая власть в руках потерявшего популярность, обесцвеченного правительства, взяла на себя ответственность за то, что власть стала добычей большевистского заговора.

Главная задача ПСР, определенная IV съездом, состояла в том, чтобы на Учредительном собрании противопоставить большевистскому методу расточения невыполнимых обещаний при пустоте деловой организационной работы тактику серьезного, глубокого законодательного творчества. Основные вопросы, которые должно было решить Учредительное собрание: о мире, о земле, о контроле над производством, о переустройстве Российской Республики на федеративных началах¹⁷.

Одновременно с IV съездом ПСР заседал II Всероссийский съезд крестьянских депутатов, на котором развернулось жесткое противостояние эсеров и большевиков: сторонники и противники новой власти фактически разделились пополам. Именно здесь Ленин заявил, что Советы выше парламентов и Учредитель-

ных собраний¹⁸, а В.М.Черновым была предложена резолюция, которая отвергла противопоставление Учредительного собрания Советам.¹⁹ После этого съезд фактически раскололся на две части. Одна половина съезда стояла на позициях Учредительного собрания, альтернативный съезд, начавшийся 4 декабря, состоял из большевиков и левых эсеров. Союз большевиков и левых эсеров на крестьянском съезде привел к формированию коалиционного правительства.

Новый прочерновский состав ЦК ПСР к декабрю 1917 г. выработал план действий. Борьба с большевистским режимом посредством террора была решительно отвергнута. Левое большинство ЦК, лидером которого являлся В.М.Чернов, пришло к выводу, что большевистская диктатура, являясь по своим приемам не менее абсолютистской и деспотической, чем царское самодержавие, тем не менее, в отличие от последнего, имеет опору в значительной части революционно настроенной рабочей массы. Победа большевизма обусловлена ошибками умеренного социализма и особенно «полной социалистической и революционной несостоятельностью его правого крыла». Необходимо время, для того чтобы «большевистская бесплановость», преобладание деструктивных начал над созидательными стали очевидны для пролетариата.

ЦК эсеров решил в союзе с социал-демократами меньшевиками противопоставить Советам чрезвычайную беспартийную «рабочую конференцию». Конференция пользовалась популярностью у рабочих Петрограда, она обсуждала и критиковала некоторые декреты СНК; депутаты, не удовлетворявшие требованиям пославших их туда рабочих, были из Совета отозваны. Именно такими методами предполагал действовать ЦК во главе с В. М. Черновым, который предлагал не спешить с Учредительным собранием, считая, что теперь время работает против большевиков. Руководители фракции социалистов-революционеров в Учредительном собрании думали иначе, они считали, что большевики — всего лишь «политические авантюристы и бандиты». Правые настояли на открытии Учредительного собрания в конце ноября 1917 г.²¹

28 ноября 1917 г. по эсеровской инициативе Учредительное собрание было открыто первый раз. В середине дня около полусотни депутатов явились к Таврическому дворцу. По воспоминаниям П. Сорокина, охрана, состоявшая из латышских стрелков, сначала не хотела их пускать, но под напором толпы ворота распахнулись. Временным председателем был избран В. М. Чернов. Единоглас-

по было решено отложить официальное открытие Учредительного собрания, так как большинство окружных комиссий не успело завершить работу и выдать удостоверения депутатам. Вместе с тем было принято постановление собираться в Таврическом дворце ежедневно, пока не прибудет достаточное количество депутатов и не признает себя правомочным. В Екатерининском зале Чернов принял ряд делегаций. В 6 часов вечера «частное совещание членов Учредительного собрания», как оно себя назвало, закрылось²³. Однако большевики запретили частные совещания депутатов, усилили охрану Таврического дворца и начали аресты депутатов-эсеров. В декабре были арестованы Н. Д. Авксентьев и А.И.Гуковский, А.Р.Гоц и А.Ф.Керенский были вынуждены скрываться.

Эсеры, готовились и к открытию Учредительного собрания, и к его защите. 12 декабря ЦК ПСР предостерег от обострения обстановки до созыва Учредительного собрания, рекомендуя сосредоточить усилия на проведении агитации²⁴. 18 декабря «Союз защиты Учредительного собрания», возглавляемый эсером В. Н. Филипповским, провел конференцию в помещении Вольного экономического общества. 22 декабря эсеровский ЦК принял решение и согласился с открытием Учредительного собрания 5 января 1918 г. Однако имелось и решение об организации защиты, предполагалось создавать «крестьянские боевые дружины»²⁵. Это было сферой деятельности Военной комиссии ЦК, в которой ведущую роль играли: Б.Ф.Соколов, Ф. М. Оникко, Б.К.Фортунов и др. Идеи создания боевых дружин и убийства вождей большевизма были отвергнуты ЦК²⁶. Тем не менее, на процессе 1922 г. над партией эсеров, все это было вменено в вину эсеровскому руководству²⁷.

Эсеровская фракция начала свою работу первой, в конце ноября. Ее численность постепенно увеличивалась по мере прибытия делегатов и достигла к концу декабря приблизительно 250 человек. Направляющим органом фракции было бюро, которое возглавлял В.В.Руднев. 9 декабря бюро было заново переизбрано. Наибольшее число голосов собрал Руднев — 83, у М. В. Вишняка было 77 голосов, а вот Чернов получил меньше всего голосов — 33, в результате он смог стать только кандидатом в члены бюро²⁸. Все это было свидетельством падения личного авторитета В. М. Чернова и демонстрировало «поправение» партии в целом. Однако руководство партии было вынуждено считаться с тем, что имя Чернова популярно в эсеровской среде, кроме того, к нему более терпимо

относились левые эсеры, некоторые считали себя учениками Виктора Михайловича.

Первоначально бюро заседало дважды в неделю, но в конце декабря его заседания стали ежедневными. Члены ЦК были обязаны присутствовать на заседаниях фракции. Фракция образовала ряд комиссий: финансовую, пропагандистско-агитационную, информационную, библиотечную и др. Особую роль играла комиссия «Первого дня» во главе с Л. Б. Ельяшевичем, которой предстояло разработать сценарий открытия Учредительного собрания. 3 января комиссия «Первого дня» единогласно приняла решение о выдвижении В.М.Чернова на пост председателя Собрания. 4 января члены фракции на последнем перед открытием Собрания заседании хотели увидеть проект речи будущего председателя, но у Чернова не было даже тезисов, а его импровизация мало кому понравилась⁹⁰.

Речь Чернова на Учредительном собрании оказалась неудачной, продолжалась она два часа. Оратор хотел сказать обо всем, при этом самые важные сюжеты потонули в многословии, которое всегда было отличительной особенностью этого политика. Товарищи по партии были своим бывшим лидером крайне недовольны³⁰. Склонность Чернова к компромиссам на Учредительном собрании показалась им совершенно неуместной. Виктор Михайлович, по мнению многих соратников, слишком пытался понравиться большевикам, старательно сглаживая все острые углы. Говоря о войне, он заявил, что взять в свои руки ведение переговоров о мире может Учредительное собрание. Конгресс социалистов всех стран, который будет созван по инициативе России, реализует главный лозунг российской революции — всеобщий демократический мир. Относительно аграрного вопроса, по мнению Чернова, следовало из области общих лозунгов и формул перейти в сферу их осуществления. Частная собственность на землю отменялась без выкупа; земля, ее недра, воды и леса обращались в общенародное достояние. В промышленности и на транспорте должна была быть проведена национализация, в качестве подготовительной меры предполагалось государственное регулирование и контроль над промышленностью со стороны профсоюзов. Земельная реформа должна была стать фундаментом для всеобщего социалистического строительства³¹. Единственное, что позволил себе эсеровский лидер, — призвать к порядку участников собрания, напомнив, «что право каждого из вас заседать куплено кровью ряда поколений, кровью тех людей, в

лице которых русский народ отправлял цвет свой на эту великую борьбу»³².

Старания Чернова найти компромисс с новой властью, его личное мужество и выдержка оказались напрасны. По воспоминаниям М. В. Вишняка, Чернов едва мог говорить, его речь прерывалась улюлюканьем, свистом, угрожающими криками. Беспомощный колокольчик председателя не мог оказать никакого влияния на буянивших. Речь Чернова никого не удовлетворила. Как пишет Вишняк, «оратор стремился в чем-то заверить или переубедить противников, вместо того чтобы возможно резче отмежеваться от них и противопоставить им себя как символ всероссийского народовластия. Это было не то, что могло хоть сколько-нибудь импонировать, задать тон, удовлетворить требованиям и ожиданиям исторического момента. Это была одна из многих ординарных речей Чернова — далеко не из лучших»³³. Эсеровская фракция, в которой преобладали правые, была раздражена тем, что Чернов слишком много говорил о социализме и интернационализме, даже выразил благодарность Советам, без которых было бы невозможно Учредительное собрание. Зато ничего не было сказано об аресте депутатов Учредительного собрания, а также о разгоне и расстреле демонстрации в поддержку Учредительного собрания.

После того как большевики и левые эсеры покинули собрание, Чернов предложил не расходиться до тех пор, пока не будут обсуждены подготовленные эсеровской фракцией законы о земле и мире. Однако требование начальника караула А. Г. Железнякова разойтись заставило депутатов в крайней спешке, без прений принять закон о земле. Кроме того, удалось огласить обращение к «союзным державам» и провозгласить Россию республикой. Первое и последнее заседание Учредительного собрания было закрыто в 4 часа 40 минут 6 января 1918 г. В тот же день ВЦИК принял решение о роспуске Учредительного собрания.

7 января в редакционной статье «Дела народа» было написано: «Мы совершенно не захвачены врасплох этой трагической тактикой так называемого "рабоче-крестьянского" правительства... Захватив государственную власть посредством военного насилия и самой гнусной подлой демагогии, партия большевиков превратилась в тиранию кучки подлых авантюристов, которая ни перед чем не остановится для того, чтобы удержаться у власти»³⁴. Однако Чернов понимал, что победа большевиков меньше всего была результатом заговорщицкого искусства, поэтому методы поверхностного

«контрналета» в борьбе с большевиками, предлагавшиеся правыми элементами ПСР, никак не годились. Требовалась длительная, углубленная работа по отрезвлению масс³⁵.

Все предложения продолжить проведение Учредительного собрания в столичных городах, а также на Дону и Украине были отвергнуты, так как это, с одной стороны, грозило многочисленными жертвами, а с другой стороны, казаки уже были ненадежны. Естественным образом возникла идея о переселении Учредительного собрания в Урало-Поволжскую область. Дальнейшая история Учредительного собрания развернулась на фоне жесточайшего противостояния левоцентричного черновского ЦК и «правых», которые взяли курс на борьбу с большевиками в союзе со всеми антибольшевистскими элементами.

После роспуска Учредительного собрания Черновым была написана большая статья «Охлос и демос». Она была опубликована в 1919 г. в сборнике статей эсеровских авторов. Нам представляется, что статья, написанная под впечатлением Учредительного собрания, где, по мнению Чернова, царил охлос, отвечает на вопрос о причинах победы большевизма в 1917 г. Социальную опору большевистской революции, как считал В.М.Чернов, составил деклассированный охлос: «...неработающие рабочие, сухопутные матросы и невоюющие солдаты»³⁶.

Доминирование охлоса было обусловлено состоянием русского капитализма, о чем ранее неоднократно писали и Чернов, и его соратники. Преобладание хищничества затемнило, сдавило и изуродовало капиталистическое строительство в России, в которой произошло охлократическое вырождение пролетариата. «Превалирование в капитализме разрушительных сторон над созидательными означает перевес в классах эксплуатируемых — стихийной ненависти и жажды мести над рассчитанным стремлением к реорганизации строя, с устранением ответственности персонального состава привилегированных классов за их исторически сложившееся классовое положение».

Трагедия России в 1917 г. состояла в том, что к власти вместе с большевиками, которые его использовали, пришел охлос. Отличительная особенность охлоса в сравнении с демосом — готовность ко всему, ведь только демос отдает себе отчет в собственных силах, способен к самоограничению в достижениях и планах. Охлократия создала свой социализм, насквозь пропахший казармой. Охлократия груба, жестока и самодовольна, это «царство взбунтовавшихся

рабов», которые не могут быть великодушными в своей победе³⁸.

Статья Чернова заканчивается философским рассуждением о сосуществовании в душе народа охлократических и демократических начал, находящихся в постоянном противостоянии. Охлократическое вырождение масс должно дойти до самого конца, «народ должен испугаться самого себя — и от этого проникнуться мужеством». Только после глубокого кризиса, который уничтожит охлос, может произойти возрождение демоса.³⁹ Это позволяло В. М. Чернову надеяться на то, что демос отвергнет тот вариант социализма, который предлагался большевиками, и повернется лицом к эсеровскому «конструктивному» социализму.

¹ Проект Программы партии социалистов-революционеров // *Революционная Россия*. 1904. № 46. С.3.

² *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 41.

³ Протоколы заседаний ЦК партии социалистов-революционеров (июнь 1917-март 1918 г.) с комментариями В.М.Чернова // *Вопросы истории*. 2000. №7. С. 18.

⁴ Там же. С. 20-21.

⁵ *Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы*. М., 2000. Т.3. 4.2. С. 244-261.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

⁹ См.: *Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год*. М., 1994. 4.1. С. 99.

¹⁰ *Протасов Л. Г.* Указ. соч. С. 99.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² *Ленин В. И.* Т. 34. С. 114.

¹³ *Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века* // *Энциклопедия*. М., 1996. С. 442.

¹⁴ *Протасов Л. Г.* Указ. соч. С. 169.

¹⁵ *Политические партии России*. С. 442.

¹⁶ Протоколы заседаний ЦК партии социалистов-революционеров // *Вопросы истории*. 2000. №9. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ См.: *Ленин В.И.* Т. 35. С. 140.

¹⁹ *Голос трудового крестьянства*. 1917. 10 дек.

²⁰ Протоколы заседаний ЦК партии социалистов-революционеров // *Вопросы истории*. 2000. №9. С. 11.

²¹ Там же. С. 12-13.

²² *Сорокин П.* Указ. соч. С. 101.

²³ *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 270.

²⁴ *Политические партии России*. С. 526.

- ²⁵ Там же. С. 443.
- ²⁶ См.: *Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного собрания // *Архив русской революции.* М., 1992. Т. 13. С. 34-35.
- ²⁷ См.: *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.
- ²⁸ *Протасов Л. Г.* Указ. соч. С. 282.
- ²⁹ *Гусев К. В.* В.М.Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999. С. 111.
- ³⁰ *Вишняк М. В.* Созыв и разгон Учредительного собрания // *Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей.* М., 1991. С. 341.
- ³¹ РГАСПИ. Ф.274. Оп. 1. Д. 49. Л.3.
- ³² *Партия социалистов-революционеров.* С. 290, 294.
- ³³ *Вишняк М. В.* Указ. соч.
- ³⁴ Дело народа. 1918. 7 янв.
- ³⁵ *Протоколы заседаний ЦК партии социалистов-революционеров.* С. 11.
- ³⁶ Цит. по: *Гусев К. В.* Указ. соч. С. 125.
- ³⁷ Там же. С. 128.
- ³⁸ Там же. С. 136.
- ³⁹ Там же. С. 138.

А. М. Кулегин (Санкт-Петербург)

**«СОЮЗ ЗАЩИТЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ»:
СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(на материалах Государственного музея
политической истории России)**

5 (18) января 1918 г. в Петрограде начало работу Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было утвердить демократические основы политического строя страны, менее года назад сбросившей монархию. Тринадцатичасовое единственное заседание Учредительного собрания окончательно подвело черту под всей дореволюционной историей России и ярко продемонстрировало непримиримость противоборствующих сторон: утверждавшейся большевистской диктатуры и весьма разнородной, но еще активной и решительной российской демократии.

За последние годы вышел в свет значительный объем исторических исследований, посвященных новой трактовке тематики Учредительного собрания, однако среди них до сих пор отсутствуют специальные работы о деятельности такой важной для этого периода организации, как «Союз защиты Учредительного собрания». Отчасти восполнить этот пробел дают возможность материалы, хранящиеся в фондах Государственного музея политической истории России. Надо отметить, что в целом подготовке и проведению выборов в Учредительное собрание, избирательной кампании, агитационно-пропагандистской деятельности различных политических сил посвящено свыше 300 музейных предметов. Применительно к теме нашего сообщения особый интерес представляет комплекс материалов, сосредоточенных в «Деле "Союза защиты Учредительного собрания"», начатом ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (декабрь 1917 — январь 1918 г.)»¹. На 39 листах собраны ли-

© А. М. Кулегин, 2006

стовки, телеграммы, протоколы обысков и арестов, проведенных чекистами. Здесь же находится переписка Следственной комиссии Петроградского Совета, связанная с расследованием деятельности «Союза» и демонстрацией 5 января 1918 г. Дело поступило в музей (в тот период он назывался Государственный музей Революции) в 1930 г. из Института мозга, который тогда находился в бывшем дворце великого князя Николая Николаевича младшего. В первые годы Советской власти там размещался Ревтрибунал. Большая часть содержащихся в деле материалов ранее не публиковалась и не становилась предметом источниковедческого анализа.

Во второй половине ноября 1917 г. стало ясно, что большевистские лидеры, потерпев поражение на выборах, стали всячески оттягивать день созыва Учредительного собрания, назначенный ранее на 28 ноября, а полномочия его стремились поставить в зависимость от лояльности новой власти. В такой обстановке эсеро-меньшевистский ЦИК Советов I созыва, продолжавший работу в подполье, принял следующее решение: «Признано желательным создание Союза защиты Учредительного собрания»². 23 ноября представители партий меньшевиков, эсеров, народных социалистов, городской и районных дум Петрограда, ряда профсоюзов, заводов и нескольких воинских частей «в соединенном заседании» образовали «Петроградский союз защиты Учредительного собрания — объединенный комитет социалистических партий и демократических организаций» (ПСЗУС). Председателем новой организации стал эсер Василий Николаевич Филипповский, старший лейтенант флота, активный член Петросовета и ЦИК Советов I созыва, депутат Учредительного собрания от Юго-Западного фронта³.

Стремление создать для «хозяина русской земли» как можно более широкую общественную поддержку стало главной официальной целью «Союза защиты».

Работа «Союза» началась с массового выпуска листовок, обращенных к различным слоям населения Петрограда и солдатам петроградского гарнизона. Уже за первую неделю их было выпущено свыше 200 тыс. экземпляров⁴. Ряд таких изданий, собранных чекистами в качестве «вещественных доказательств», фигурирует в деле.

В первом обращении «Союза» ко «Всеим гражданам Петрограда!» от 25 ноября 1917 г. говорилось:

«Граждане! Через несколько дней должно собраться Учредительное собрание. Идет державный хозяин Земли Русской...

Но не с радостными лицами встречаем мы этот день. Уже раздаются из Смольного угрозы, что Учредительное собрание будет разогнано.

... Не посмеют насильники занести свой нож над Учредительным собранием, если будут знать, что за ним стоит поддержка всего народа.

Товарищи рабочие! Всей силой своей поддержите Учредительное собрание! Этого требуют от вас долг перед родиной и ваши собственные интересы!

Товарищи солдаты! Не давайте превратить себя в орудие насилия над всенародной волей. Труженики различных частных, общественных и государственных учреждений, будьте готовы всей силой своей организованности вступить в защиту Учредительного собрания! Против посягательств захватчиков - единый революционный фронт!! Все как один человек на защиту свободы слова и печати!!! Все на защиту Учредительного Собрания!!!». В конце листовки приводился и официальный адрес «Союза»: Петроград, Литейный 21, кв.18.⁵

В декабре 1917 г. «Союз» провел 3 рабочие конференции в здании Вольного Экономического общества. На самой многочисленной из них 18 декабря присутствовало свыше 250 представителей от оппозиционных партий, профсоюзов, воинских частей, Путиловского и Обуховского заводов. Была принята резолюция о неспособности большевиков справиться с анархией и гражданской войной⁶. «Мы приглашаем вас решительно вмешаться и потребовать от большевистских лидеров немедленного прекращения гражданской войны и подчинения Учредительному собранию, — говорилось в одном из воззваний «Союза» к рабочим и солдатам Петрограда. — Не ждите, пока кровавые события так разыграются, что их невозможно уже будет остановить...»⁷.

Постепенно ПСЗУС стал превращаться во всероссийский центр объединения различных антибольшевистских сил, действовавших под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». В его адрес прибывали многочисленные письма и телеграммы о поддержке и создании местных организаций. Так, в перехваченной ВЧК телеграмме саранский «Союз защиты» просил срочно «войти в сношение, прислать директивы, материал, осведомления о моменте». А новгородский «Союз защиты» сообщал 21 декабря: «По предложению Петроградского Союза по всей России частью образовались, частью образуются губернские Союзы защиты Учреди-

тельного собрания. Образовался такой Союз в Новгороде. В него вошли почти все общественные, демократические, правительственные, профессиональные и политические организации. Новгородский Союз защиты Учредительного собрания... имеет своей целью:

1. Всеми доступными для него средствами способствовать скорейшему открытию Учредительного собрания в составе всех избранных народом членов и

2. Дальнейшую поддержку и приведение в жизнь всех законов, которые будут выработаны Учредительным собранием»⁸.

В телеграмме из Нижнего Новгорода, копия которой также хранится в деле, говорилось: «В Нижнем образовался губернский союз. Всех наших шагах будем извещать. Широко информируйте нас. Адрес «Защита». Председатель: Суткевич»⁹. Фактически из региональной организации выросла «Всероссийский Союз защиты Учредительного собрания».

Вместе с военной комиссией эсеров «Союз» развернул энергичную пропаганду среди солдат Преображенского, Семеновского полков и 5-го броневое дивизиона, стремясь создать вооруженную опору для выступления в поддержку Учредительного собрания. 12 декабря общее собрание солдат Семеновского полка единогласно приняло резолюцию «Об Учредительном собрании, гражданской войне и выводе войск из Петрограда». В резолюции, отпечатанной в виде листовки, в частности, говорилось:

«1. Учредительное собрание, этот полномочный хозяин Земли Русской, должно быть открыто в кратчайший срок.

2. Учредительное собрание должно быть полномочным органом Российской Республики, неприкосновенным и свободным в своей трудной работе по проведению в жизнь всех требований и желаний трудового революционного народа России...

3. Всякие попытки, откуда бы они ни исходили, помешать работе Учредительного собрания или откладывания времени его открытия будут рассматриваться нами как вредные делу свободы»¹⁰.

Возросшая активность «Союза защиты Учредительного собрания» вызвала сильную обеспокоенность нового режима. Хотя формальных оснований для его закрытия у советских властей явно не хватало, в ход был пущен вновь организованный репрессивный аппарат в лице ВЧК. Одной из первых задач чекистов стала борьба с деятельностью ПСЗУС. Для идеологического оправдания в большевистской печати начала активно раскручиваться пропаганда о его «контрреволюционном» характере. За штаб-квартирой «Сою-

за», находившейся в кв. 18 дома № 21 по Литейному проспекту, было установлено постоянное наблюдение. Один из руководителей военной комиссии эсеров Б. Ф. Соколов вспоминал: «Двери комитета... были настежь открыты. В приемной толпилось несколько подозрительных субъектов, и наблюдение, как тайное, так и явное, со стороны большевиков было несомненным. У входных дверей торчали более или менее постоянные филеры. Телефонные разговоры внимательно прослушивались, как об этом сообщали нам антибольшевистски настроенные телефонистки»¹¹. В ночь на 1 декабря 1917 г. в помещение «Союза» явился отряд красногвардейцев и латышских стрелков и произвел там первый обыск¹². 16 декабря квартира «Союза» вновь была блокирована отрядом вооруженных солдат. Они предъявили ордер ВЧК, подписанный комиссаром Джугашвили (т. е. И. В. Сталиным. — А. К.), в котором предписывалось «как лиц, так и документы, если это окажется необходимым, задержать»¹³. Из хранящихся в деле подлинников протокола обыска (чернового и окончательного вариантов) следует, что там в это время находилось 26 человек. В их число входили как видные деятели организации — члены ЦК меньшевиков Б. О. Богданов и В. О. Цедербаум (Левицкий), один из лидеров Трудовой народно-социалистической партии Л. М. Брамсон, активисты «Союза», — так и достаточно случайные лица, пришедшие записываться на курсы лекторов, которые планировал открыть ПСЗУС. Оружия чекисты у собравшихся не обнаружили, а «от подписи протокола все присутствующие отказались»¹⁴. Четырнадцать активистов «Союза» были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость и другие тюрьмы¹⁵. Оппозиционные социалистические партии выразили резкий протест против произведенных арестов¹⁶. Однако репрессии не прервали деятельности «Союза». В конце декабря в Петрограде началось создание районных «Союзов защиты», организованных на принципах городского «Союза». В частности, они были созданы в Василеостровском и Нарвском районах¹⁷.

Утром 5 января 1918 г. сторонники Учредительного собрания начали стекаться к десяти сборным пунктам, заранее намеченным ПСЗУС. Колонны должны были соединиться на Марсовом поле и двигаться со стороны Литейного проспекта к Таврическому дворцу. Хотя демонстрация замышлялась как мирная, но организаторы предполагали охранять ее эскортом из 8-9 бронемашин, которые вместе с основной массой манифестантов должны были подойти к казармам Семеновского полка у Царскосельского (Витебского)

тельного собрания. Образовался такой Союз в Новгороде. В него вошли почти все общественные, демократические, правительственные, профессиональные и политические организации. Новгородский Союз защиты Учредительного собрания... имеет своей целью:

1. Всеми доступными для него средствами способствовать скорейшему открытию Учредительного собрания в составе всех избранных народом членом и

2. Дальнейшую поддержку и приведение в жизнь всех законов, которые будут выработаны Учредительным собранием»⁸.

В телеграмме из Нижнего Новгорода, копия которой также хранится в деле, говорилось: «В Нижнем образовался губернский союз. Всех наших шагах будем извещать. Широко информируйте нас. Адрес «Защита». Председатель: Суткевич»⁹. Фактически из региональной организации выросла «Всероссийский Союз защиты Учредительного собрания».

Вместе с военной комиссией эсеров «Союз» развернул энергичную пропаганду среди солдат Преображенского, Семеновского полков и 5-го броневое дивизиона, стремясь создать вооруженную опору для выступления в поддержку Учредительного собрания. 12 декабря общее собрание солдат Семеновского полка единогласно приняло резолюцию «Об Учредительном собрании, гражданской войне и выводе войск из Петрограда». В резолюции, отпечатанной в виде листовки, в частности, говорилось:

«1. Учредительное собрание, этот полновластный хозяин Земли Русской, должно быть открыто в кратчайший срок.

2. Учредительное собрание должно быть полновластным органом Российской Республики, неприкосновенным и свободным в своей трудной работе по проведению в жизнь всех требований и желаний трудового революционного народа России...

3. Всякие попытки, откуда бы они ни исходили, помешать работе Учредительного собрания или откладывания времени его открытия будут рассматриваться нами как вредные делу свободы»¹⁰.

Возросшая активность «Союза защиты Учредительного собрания» вызвала сильную обеспокоенность нового режима. Хотя формальных оснований для его закрытия у советских властей явно не хватало, в ход был пущен вновь организованный репрессивный аппарат в лице ВЧК. Одной из первых задач чекистов стала борьба с деятельностью ПСЗУС. Для идеологического оправдания в большевистской печати начала активно раскручиваться пропаганда о его «контрреволюционном» характере. За штаб-квартирой «Сою-

за», находившейся в кв. 18 дома № 21 по Литейному проспекту, было установлено постоянное наблюдение. Один из руководителей военной комиссии эсеров Б. Ф. Соколов вспоминал: «Двери комитета... были настежь открыты. В приемной толпилось несколько подозрительных субъектов, и наблюдение, как тайное, так и явное, со стороны большевиков было несомненным. У входных дверей торчали более или менее постоянные филеры. Телефонные разговоры внимательно прослушивались, как об этом сообщали нам антибольшевистски настроенные телефонистки»¹¹. В ночь на 1 декабря 1917 г. в помещение «Союза» явился отряд красногвардейцев и латышских стрелков и произвел там первый обыск¹². 16 декабря квартира «Союза» вновь была блокирована отрядом вооруженных солдат. Они предъявили ордер ВЧК, подписанный комиссаром Джугашвили (т. е. И. В. Сталиным. — А. К.), в котором предписывалось «как лиц, так и документы, если это окажется необходимым, задержать»¹³. Из хранящихся в деле подлинников протокола обыска (чернового и окончательного вариантов) следует, что там в это время находилось 26 человек. В их число входили как видные деятели организации — члены ЦК меньшевиков Б. О. Богданов и В. О. Цедербаум (Левицкий), один из лидеров Трудовой народно-социалистической партии Л. М. Брамсон, активисты «Союза», — так и достаточно случайные лица, пришедшие записываться на курсы лекторов, которые планировал открыть ПСЗУС. Оружия чекисты у собравшихся не обнаружили, а «от подписи протокола все присутствующие отказались»¹⁴. Четырнадцать активистов «Союза» были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость и другие тюрьмы¹⁵. Оппозиционные социалистические партии выразили резкий протест против произведенных арестов¹⁶. Однако репрессии не прервали деятельности «Союза». В конце декабря в Петрограде началось создание районных «Союзов защиты», организованных на принципах городского «Союза». В частности, они были созданы в Василеостровском и Нарвском районах¹⁷.

Утром 5 января 1918 г. сторонники Учредительного собрания начали стекаться к десяти сборным пунктам, заранее намеченным ПСЗУС. Колонны должны были соединиться на Марсовом поле и двигаться со стороны Литейного проспекта к Таврическому дворцу. Хотя демонстрация замышлялась как мирная, но организаторы предполагали охранять ее эскортом из 8-9 бронемашин, которые вместе с основной массой манифестантов должны были подойти к казармам Семеновского полка у Царскосельского (Витебского)

вокзала, увлечь за собой несколько тысяч вооруженных винтовками и пулеметами солдат и тем самым обеспечить демонстрации вооруженную поддержку. Однако этот замысел сорвался. Эсеровский ЦК накануне официально запретил вооруженное выступление, а большинство солдат отказались выйти на демонстрацию без оружия. Кроме того, рабочие-большевики ночью вывели из строя броневики. Тем не менее, манифестация получилась внушительной (в ней приняли участие до 60 тыс. человек) и состоялась, вопреки публикациям в большевистской печати, не только из «чиновничье-обывательской публики». Среди ее участников было много солдат и рабочих, особенно Обуховского завода¹⁸. Большевистское правительство и Петросовет объявили Петроград на осадном положении. В ходе столкновений манифестантов с отрядами красновардейцев и матросов, охранявших район Таврического дворца, согласно газетным спискам, погибли 12 человек, не менее 20 были ранены¹⁹. Похороны погибших проходили 9 января 1918 г., в очередную годовщину «кровавого воскресенья», и стали последней крупной акцией, организованной ПСЗУС.

Существенный интерес как исторический источник представляют находящиеся в деле документы переписки между ВЧК и Следственной комиссией при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Следственная комиссия Петросовета 12 января 1918 г. начала следствие и предприняла попытку разобраться в существе обвинений, предъявленных чекистами ПСЗУС и его отдельным членам, направив для этого ряд отношений в ВЧК. Она запросила весь имеющийся материал по делу «Союза защиты», пригласила в качестве свидетелей комиссаров ВЧК, производивших обыски и аресты в помещении «Союза». 12 января 1918 г. комиссия направила письмо комиссару по делам Учредительного собрания, позднее председателю Петроградской ЧК М.С.Урицкому, в котором просила его ответить на шесть вопросов. Следователей Петросовета интересовало, в частности, что он знает о «Союзе» как о контрреволюционной организации, какова роль ПСЗУС в событиях 5 января 1918 г. и «какие именно "социалистические партии и демократические организации" вошли в Петроградский союз защиты Учредительного собрания»²⁰. В деле хранится и подлинник ответа Урицкого, где он утверждает: «Из попавших в мои руки телеграмм и предоставленных мне... документов я пришел к следующему заключению. Союз защиты Учредительного [собрания] — Всероссийская контрреволюционная организация, поставившая се-

бе целью передачу всей власти Учредительному собранию. В задачи "Союза" входило свержение Советской власти, для достижения чего "Союзом" велась широкая устная, письменная и телеграфная агитация... По-видимому, "Союз" сложился из тех же элементов и организаций, которые входили в состав комитетов "Спасения родины и революции", и находился в тесной связи с правыми эсерами и меньшевиками... Демонстрация 5 января была организована "Союзом защиты Учредительного собрания" и правыми социалистическими организациями. Официально демонстрация была мирной. Но среди демонстрантов, по словам доносивших о ходе демонстрации, были вооруженные кадровые офицеры»²¹.

Современные исследователи крайне скептически относятся к утверждениям официальной советской пропаганды о провокационных выстрелах, произведенных демонстрантами, — вероятно, теми самыми «вооруженными офицерами», о которых пишет Урицкий²². Да и тогда чекисты так и не смогли выдвинуть более конкретных обвинений против ранее арестованных членов ПСЗУС. В результате следственная комиссия при Петросовете и ревтрибунал не смогли собрать достаточного обвинительного материала для организации судебного процесса, а арестованные деятели «Союза» уже во второй половине января 1918 г. оказались на свободе²³.

¹ Государственный музей политической истории России (далее — ГМП ИР). Ф. И-20891.

² Дело Народа. 1917. 26 ноября.

³ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 269.

⁴ Хесин С.С. Становление пролетарской диктатуры в России: Вопросы установления советской власти и складывания пролетарской государственной системы (ноябрь 1917 — март 1918 гг.). М., 1975. С. 172.

⁵ ГМП ИР. Ф. П-20891/8.

⁶ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 277.

⁷ ГМП ИР. Ф. П-20891/10.

⁸ Там же. 20891/34, 20891/35.

⁹ Там же. 20891/30.

¹⁰ Там же. 20891/7.

¹¹ Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. М., 1992. Т. 13. С. 36-37.

¹² Новый Луч. 1917. 3 декабря.

¹³ См.: Там же. 17 декабря.

¹⁴ ГМП ИР. Ф. П-20891/3; 20891/4.

¹⁵ Новый Луч. 1917. 20 декабря.

¹⁶ Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 558-559.

¹⁷ Новый Луч. 1917. 30 декабря.

¹⁸ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 306.

¹⁹ См. там же.

²⁰ ГМПР. Ф. П-20891/37.

²¹ Там же. 20891/38.

²² См., например: Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 306.

²³ В частности, 20 января 1918 г. был освобожден из Петропавловской крепости Б.О.Богданов. См.: Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. СПб., 1994. С. 64; прим.

М. В. Ходяков (Санкт-Петербург)

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ
ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО
СОБРАНИЯ И ПРОБЛЕМА СОГЛАСОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИНТЕРЕСОВ***

Проблема согласования государственных и региональных интересов совсем не случайно приобрела особую остроту и злободневность в постсоветский период новейшей российской истории. Стремление приблизить федеральную власть к регионам, организовать их конструктивное взаимодействие, разграничить по уровням властные функции остается актуальным и в начале XXI столетия. Регионализм превратился в одну из важнейших составляющих современного общества. Инструментом региональной политики, как представляется, призвано стать государственное регулирование территориального развития, обеспечение интеграции российских регионов через реализацию федеральной политики, стремление избежать центробежного синдрома отдельных составляющих страны.

В короткой истории подготовки и проведения Всероссийского Учредительного собрания, несмотря на высокий удельный вес процедурных вопросов, нашли свое отражение многочисленные перипетии политической борьбы той эпохи. Политические лидеры открыто выразили свое намерение следовать партийным, а не государственным интересам.

В составе депутатского корпуса Учредительного собрания исследователи выделяют¹ два основных слоя. Один из них, составляв-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №05-01-01486а.

© М. В. Ходяков, 2006

ший не более 200 человек, олицетворяли столичные политики с общероссийской известностью. Другой — составляла провинциальная политическая элита. Эти люди только вступали в большую политику, были достаточно популярны лишь в пределах своих губерний, а в ходе работы Учредительного собрания отличались политической наивностью, сводя всю политику к земельному вопросу.

Население на местах до определенного момента искренне верило в то, что губернские представители будут, прежде всего, отстаивать интересы своих избирателей. В губерниях шел сбор соответствующих наказов. В частности, осенью 1917 г. в Александровском уезде Архангельской губернии от имени уездной комиссии по выборам в Учредительное собрание было разослано обращение волостным управам и крестьянским Советам. В нем звучал призыв «сделать специальные собрания, обсудив все нужды населения, занести в протокол и прислать в губернский Совет крестьянских депутатов не позднее 1 декабря для вручения избранным от губернии членам Учредительного собрания»². Избирателей призывали отнестись «серьезно к этому делу». Исполком губернского Совета брал на себя функции «обязать избранных членов отстаивать в Учредительном собрании высказанные свои нужды»³.

Обращают на себя внимание те проблемы, которые рассматривались на сельских сходах, и оформлялись в виде наказов. Так, сельское собрание Кузоменской волости Александровского уезда Архангельской губернии «в количестве 90 человек из 96 домохозяев общества» наиболее существенной сочло задачу расчистки устья р. Варзуги, которое заносилось песком: «... на протяжении 10 верст один песок, который ветер носит с места на место, ... некоторые дома перенесло песком под самую крышу». Вследствие этого складывалась ситуация, когда пароходы не могли заходить в реку — якорная стоянка находилась в открытом море, вдали от берега»⁴.

Важную роль в жизни края в тот момент времени играл морской звериный промысел. Однако, по мнению местных жителей, дело его организации находилось на чрезвычайно низком уровне. Общее собрание с. Кузомень предлагало «поставить по ... берегу моря спасательные станции, снабдив их всем необходимым для спасения промышленников как с моря, так и на берегу».

Для жителей с. Кашкаранцы Александровского уезда самой важной в ноябре 1917 г. казалась проблема завоза им муки и продуктов первой необходимости исключительно в летние месяцы, поскольку в иное время года оказывалось невозможным снять му-

ку с пароходов «по случаю частых сильных бурь на море». Желательным представлялось, чтобы «мелководные пароходы заходили в устье реки Варзуги для сбыта тут нашего улова рыбы семги». Избранные от губернии представители в Учредительное собрание слышали и другое пожелание: «По нашему месту никаких ремесленных училищ нету, желательно бы и это»⁵.

Варзугинский сельский сход 16 ноября 1917 г. принял обращение в Учредительное собрание. В нем отмечалось: «1. Мы нуждаемся в продовольствии, в большом недостатке запас муки и припасов, обуви и одежды, проживаем в крайней бедности. 2. Пахотной земли нет, а сенокосной $\frac{1}{2}$ десятины на 1 платежную душу». Общее пожелание сводилось к возможности решения наболевшей проблемы: «Просить, нельзя ли удовлетворить граждан с. Варзуги... выслать машину для расчистки узкой реки Варзуги, так как к нам Мурманское пароходство привозит для нашего общества хлебные продукты, муку и припасы и проч.»⁶.

Похоже, что вопросы будущего государственного устройства России жителей Александровского уезда Архангельской губернии не интересовали вовсе. Проблемы, которые, по большому счету, должны были решаться местными властями, они думали переложить на плечи своих избранников, представленных в Учредительном собрании.

После торжественных проводов в округах избранные депутаты прибывали в Петроград, где оказывались в состоянии полного неведения относительно своего будущего и будущего самого Учредительного собрания⁷. Население страны ожидало от делегатов оперативного решения наиболее жгучих вопросов. Так, крестьянский представитель фракции эсеров в ходе начавшегося 5 января 1918 г. заседания категорично заявлял: «Мы... честь имеем высказать Учредительному собранию о мире и о земле, и из Таврического дворца не выйдем, пока не кончим закона о мире и земле»⁸.

Действительно, накануне открытия Учредительного собрания активную работу развернули многие партийные фракции. Бюро фракции эсеров, например, на своем заседании приняло решение в первый день работы «во что бы то ни стало провести постановление о мире... и основной закон о земле»⁹.

Комиссия по выработке основных законов, сформированная фракцией меньшевиков, обсуждая 29 декабря 1917 г. вопрос о будущем государственном устройстве России, высказалась за федеративное устройство государства: «Неразумно в период обострения

национальной борьбы настаивать на автономии, приходится выбирать федерацию»¹⁰.

Свой взгляд на проблемы федерализма и автономии имели кадеты. Но декрет СНК, объявивший Партию народной свободы партией «врагов народа», не позволил им легализовать свою деятельность накануне и в ходе работы Учредительного собрания. Вместе с тем известно, что на протяжении 1917 г. собственное видение проблемы взаимоотношений центральной власти и российских окраин сформулировал избранный депутатом, но арестованный советской властью в конце ноября один из лидеров кадетов Ф. Ф. Кокошкин. В противовес сторонникам национально-территориальной автономии России, представлявшим себе государство разделенным на национальные области, он предлагал, как казалось, идеал территориального устройства — план «местной автономии». Исходя из масштабов территории России и разнообразия условий в регионах, Кокошкин настаивал, прежде всего, на развитии местного самоуправления, «быть может, более широкого, чем в других странах». Он выдвинул идею не просто «местной децентрализации управления», но и «децентрализации законодательства». При этом Кокошкин совершенно резонно указывал на то, что всероссийское народное представительство «просто не найдет времени и возможности для того, чтобы остановиться с должным вниманием на различных возникающих местных потребностях». Введение местной автономии для «существующих территориальных единиц, губерний и тех делений, которые соответствуют губерниям на окраинах» Ф. Ф. Кокошкин считал вполне возможным и безопасным при условии предоставления им прав автономии в области культурно-хозяйственной и культурно-национальной жизни¹¹. В этих обстоятельствах губернии получили бы право издавать местные законы в деле охраны и разработки естественных богатств данной местности, в деле регулирования некоторых сторон сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Многие идеи Ф. Ф. Кокошкина и российских либералов в целом в тот момент времени были направлены против расцветавшего пышным цветом украинского сепаратизма, ряд представителей которого стали членами Всероссийского Учредительного собрания.

Украинские губернии избрали свыше 100 депутатов. Их голоса в ходе открывающегося заседания могли иметь большое значение. Однако добраться до Петрограда смогла лишь небольшая группа делегатов из Украины, представлявших преимущественно местных

эсеров. Они были готовы признать власть Советов в России, но при этом настаивали на невмешательстве большевиков в процесс организации власти на Украине.

Лидеры большевиков, зная о раскладе сил к 5 января 1918 г., после коротких прений во фракции провели решение: «... если Учредительное собрание не примет сегодня декларацию, то нам необходимо немедленно уйти»¹². Вопрос о том, будет ли Россия демократической парламентарной республикой, для них в тот момент времени, разумеется, не стоял. Выбор в пользу республики Советов был сделан бесповоротно.

Открывший Учредительное собрание Я. М. Свердлов огласил «от имени ВЦИК» декларацию, в которой прямо говорилось о том, что поскольку Россия объявляется республикой Советов, то и «вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам»¹³. Тем самым местным органам власти в лице земств, активизация деятельности которых началась с приходом к власти Временного правительства¹⁴, большевики и их союзники изначально отвели подчиненную роль в складывавшейся системе государственных учреждений. Стремясь ограничить сферу деятельности Учредительного собрания, декларация содержала указание на круг задач народных избранников: «Разработка коренных оснований социалистического переустройства общества»¹⁵. Все прочие проблемы должны были решать органы власти на местах, т. е. Советы различных уровней.

Проблема урегулирования взаимоотношений центральной и местной власти обозначилась уже в ходе выборов председателя Учредительного собрания. Представитель фракции украинских эсеров, и лидер украинской делегации А. С. Северов-Одоевский предложил «не избирать единоличного председателя, а избрать президиум из равноправных членов», указывая на то, что это даст возможность «иметь в президиуме место всем фракциям и каждой фракции поочередно своего председателя»¹⁶. За этим предложением скрывалась не просто попытка отстоять «принцип, более демократичный», но и дать возможность украинским эсерам еще раз донести до центральной российской власти свои идеи относительно национального самоопределения Украины. Незадолго до открытия Учредительного собрания украинские депутаты получили жесткую установку из Киева, в соответствии с которой ЦК УСР предлагал своим посланцам при открытии Собрания огласить декларацию о том, что оно призвано рассмотреть принципиальные вопро-

сы об основах государственного и социального устройства России как федеративной республики. После этого украинцы должны были покинуть Петроград, а все остальные вопросы предполагалось решить в ходе Украинского Учредительного собрания, выборы которого были назначены на начало января 1918 г.¹⁷ Идею развития взаимоотношений центральной и местной власти затронул в своем выступлении избранный председателем Учредительного собрания эсер В. М. Чернов. По его мнению, уже в начале 1918 г. Россия представляла собой «свободный союз народа и обширных территорий». Он полагал, что местные Учредительные собрания будут функционировать «наряду с Центральным Российским Учредительным собранием, и работы которых так же мало будут противоречить работам всенародного Учредительного собрания, как мало противоречит работа местных Учредительных собраний работе других низших по рангу, более близких народу органов самоуправления»¹⁸. Чернов, провозглашая идею «федеративной республиканской народной России», таким образом, выступил за «гармонизацию отношений» центральных и местных органов власти, за дальнейшее развитие «демократических органов самоуправления»¹⁹.

О наличии проблемы «Центр — регионы» говорил в своем выступлении в ходе заседания Учредительного собрания один из лидеров меньшевиков И. Г. Церетели. Обращаясь к большевистским представителям, он спрашивал: «... как организуете вы народное хозяйство России? С включением Украины, Сибири, Кавказа и всех окраин?»²⁰. В тот момент никто, разумеется, не мог дать четкого ответа на поставленный вопрос.

Остроту национальных проблем, тесно переплетавшихся с проблемами государственного устройства России, продемонстрировали декларации национальных фракций Учредительного собрания. Депутаты требовали гарантий для своей национальной автономии. Большевики, покинув Таврический дворец, не спешили взваливать на плечи СНК решение этих вопросов в многонациональном государстве. Многоаспектная и многоуровневая проблема «Центр — регионы» осталась нерешенной.

В современных политических условиях, несмотря на, казалось бы, приостановленный «парад суверенитетов», проблема сепарации — выхода из состава государства отдельных составных частей и образования независимых стран — продолжает оставаться весьма острой. Угроза появления в обращении «уральского франка» упразднена, попытки превратить Россию в группу «удельных кня-

жеств», имеющих особый статус, локализованы. Но при этом «разумная региональная политика» внутри огромного государства, на территории которого сегодня проживает 160 народов, только начинает складываться. Таким образом, совершенствование этнического федерализма, который не даст региональным элитам возродить центробежный синдром периода революции и Гражданской войны, наряду с межрегиональной интеграцией, упразднением «регионального неравенства» и развитием инициативы местных органов, может стать одним из вариантов поступательного развития России.

¹ См.: *Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели.* М., 1997. С. 298.

² Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф.30. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 3-3 об.

⁵ Там же. Л. 5-5 об.

⁶ Там же. Л. 7 об.

⁷ Подробнее об этом см.: *Протасов Л. Г. Указ. соч.* 281-294.

⁸ Учредительное собрание. Россия, 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 138.

⁹ *Протасов Л. Г. Указ. соч.* С. 288.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 289.

¹¹ *Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация.* Пг., 1917. С. 21.

¹² *Раскольников Ф. Ф. Рассказ о потерянном дне // Утро страны Советов. Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л., 1988. С. 310.*

¹³ Учредительное собрание... С. 69.

¹⁴ См.: *Архив новейшей истории России: Серия «Публикации» // Журн. засед. Временного правительства: В 4 т. / Отв. ред. Б. Ф. Додонов.* М., 2001—2004.

¹⁵ Учредительное собрание... С. 70.

¹⁶ Там же. С. 72.

¹⁷ *Протасов Л. Г. Указ. соч.* С. 292.

¹⁸ Учредительное собрание... С. 76-77.

¹⁹ Там же. С. 77, 79.

²⁰ Там же. С. 100.

П. Н. Базанов (Санкт-Петербург)

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАТВИЙСКОГО И ЭСТОНСКОГО
ОТДЕЛОВ ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ —
«КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ» В ПЕРИОД
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В МЕСТНЫЕ
ПАРЛАМЕНТЫ**

В современной исторической науке прочно утвердилось мнение, что политические партии России прекратили свое существование в годы Гражданской войны, а их представительства за рубежом постепенно вымерли к 1930-м гг. Наиболее четко такая точка зрения представлена в известной энциклопедии «Политические партии России: Конец XIX — первая треть XX в.»¹. Отказывая эмигрантским политическим организациям в праве именоваться «партиями», сторонники этого постулата ссылаются на общепринятое в западной историографии наиболее четкое и всеохватывающее определение американских политологов Дж. Лапаломбара и М. Вайнера термина «партия», выделяя их третий и четвертый критерии: «...решительное желание руководителей национальных и местных организаций получать и осуществлять власть в одиночку или вместе с другими, а не только оказывать на нее влияние» и «поиск поддержки со стороны народа с помощью выборов или другим способом»². Понятно, что власть в метрополии эмигрантские политические организации так никогда и не получили, а говорить о массовой поддержке населения на родине, в особенности с помощью выборов, просто нельзя. И тем не менее, одна из политических партий русской эмиграции имела массовую поддержку русского коренного населения государств-лимитрофов — «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия.

© П. Н. Базанов, 2006

«Крестьянская Россия» — организация, основанная в 1920 г. в Москве правыми эсерами, — была возрождена в эмиграции в 1921 г. в Праге, где находился ее центр, а отделения были во всех государствах-лимитрофах (Польша, Латвия, Эстония и др.), в Югославии, Франции и на Дальнем Востоке. Во главе партии стояли бывшие правые эсеры: генеральным секретарем стал экономист Сергей Семенович Маслов (1887 — после 1945), а председателем — журналист и профессиональный революционер, бывший член ЦК ПСР Андрей Александрович Аргунов (настоящая фамилия Воронович) (1866—1939); идеологами были литературовед Альфред Людвигович Бем (1886–1945) (партийный псевдоним Омельянов) и знаменитый социолог П. А. Сорокин. На первом съезде в 1927 г. организация была переименована в Трудовую крестьянскую партию (далее ТКП), но ее членов по-прежнему называли «крестороссами». В своей политике партия старалась опираться на зажиточное крестьянство³, в России и повстанческие отряды, сохранившиеся со времен Гражданской войны. Декларировала себя как первую русскую партию, выражающую интересы крестьянства и не ставящую социалистических экспериментов над народом⁴. Действительно, в 1920-е гг. среди сельского населения СССР была популярна идея создания второй партии русского крестьянства в противовес ВКП(б) — партии городских пролетариев, что привело к созданию многочисленных подпольных «Крестьянских союзов»⁵. Московская подпольная ячейка «Крестьянской России» была разгромлена в 1925 г., регулярные связи с деревней сохранялись до коллективизации. Впрочем, большинство современников считали, что связи в России «крестороссов» были во многом саморекламой⁶. С 1922 по 1929 г. ТКП входила в знаменитое «Республиканско-демократическое объединение» во главе с П. Н. Милюковым на правах коллегиального членства и являлась самой массовой организацией в этом союзе. Финансирование «Крестьянской России» осуществлялось при помощи влиятельного чехословацкого политика Антонина Шwegлы, который помогал ей как братской крестьянской партии в рамках «зеленого интернационала» и для противовеса другим политическим группам русской эмиграции⁷, благодаря чему за участие во всех изданиях ТКП выплачивались гонорары. Другим источником были дотации от руководства Югославии⁸.

Активная политическая деятельность «Крестьянской России» в русском зарубежье началась в декабре 1921 г. с публичных выступлений С. С. Маслова. В следующем году при «Крестьянской Рос-

сии» в Праге было создано одноименное издательство. В организационном плане оно подчинялось в первый период Центральному бюро заграничных групп «Крестьянской России» (1922-1927), во второй — ЦК ТКП. Издательством «Крестьянская Россия» было выпущено около 30 названий книг и брошюр, не считая периодических изданий. В основном, это были «партийные» программы, манифесты, уставы и т. п. Наиболее интересными с интеллектуальной стороны являются труды С. С. Маслова, С. В. Завадского и Д. И. Иванцова. Деятельность издательства «Крестьянская Россия» прекратилась в 1938 г.

Самым известным изданием ТКП по праву считается сборник статей по общественно-политическим и экономическим вопросам «Крестьянская Россия». В 1922-1924 гг. вышло 9 томов, из них 3 двоянных, тиражом около 1500-1800 экз.⁹ Издавался сборник в Праге под редакцией С. С. Маслова, А. А. Аргунова, А. Л. Бема, П. А. Сорокина (до №5). Примечательно, что сами «крестороссы» во всех своих официальных и неофициальных документах и бумагах клятвенно заверяли, что их теоретический орган не принадлежит какой-либо партии, а является выражением той прокрестьянской «новой тактики», необходимость которой все осознали¹⁰. Среди авторов «Крестьянской России» кроме членов редакции выступали самые известные ученые русского зарубежья: историки А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, экономисты С. Н. Прокопович, Д. А. Лутохин, Б. Д. Бруцкус, социолог Н. С. Тимашев, литературовед В. Ф. Булгаков, журналист и теоретик кооперации П. А. Богданов и мн. др. Сборник датировался чешским правительством, и авторам даже платили гонорары¹¹, но его издание прекратилось из-за прекращения финансовой помощи. В течение 1924 г. он выходил в гектографированном виде под названием «Известия Центрального бюро загранич. групп "Крестьянской России"»¹². В 1925 г. последние превратились в журнал «Вестник Крестьянской России» (Берлин; Прага, 1925-1933. №1-44/45) под редакцией С. С. Маслова, он же был издателем. Тираж «Вестника» составлял 3000 экз., официально он был «изданием Центрального бюро ТКП», а затем, с 1929 г., ЦК КР-ТКП. В 1933 г. «Вестник Крестьянской России» был переименован в ежемесячный журнал «Знамя России» (Прага, 1933-1939. № 1-112), выходивший под редакцией С. С. Маслова, Б. В. Седакова, В. Е. Татарина, с 1933 г. — В. Н. Ахременко, с 1937 г. — А. Гончарова, с 1938 г. — А. Овсянникова, но издателем оставался С. С. Маслов.

В последний год своего существования (1931) известная общеземлигрантская газета «Руль» с №3146 выпускалась на паритетных основах кадетами и «крестороссами». Представители ТКП (исследователь С. Карпенко почему-то их именует эсерами¹³) внесли 18 тыс. марок¹⁴, и взяли на себя половину расходов на издание газеты.

На Дальнем Востоке группа ТКП пользовалась большой самостоятельностью и на собственные средства занималась автономной издательской деятельностью. Председателем Дальневосточного комитета ТКП был Николай Петрович Малиновский (1880-1948), в эмиграции он заведовал шанхайскими издательствами, был редактором многих дальневосточных газет, журналов и календарей¹⁵. Он же был владельцем и редактором-издателем еженедельной республиканско-демократической газеты «Голос» (Шанхай, 1930-1931. № 1-45). Позже, до 1932 г., газета выходила в виде еженедельника с таким же названием¹⁶.

ТКП уделяла повышенное внимание распространению своих изданий на территории СССР. Это было закреплено в программе партии пунктом 17 в разделе «Тактические положения»¹⁷. От четверти до половины тиража, издаваемого за границей, отправлялось в Россию¹⁸. Во все периодические органы вкладывались листовки ТКП-«Крестьянской России»¹⁹. ТКП распространяла свою литературу в приграничных областях СССР, примыкающих к Эстонии, Латвии, Польше и Румынии, но, в основном, из Китая она попадала на Дальний Восток и даже в Сибирь (район Иркутска²⁰). «Крестьянская Россия» также переправляла на родину любые типы и виды изданий Республиканско-Демократического Объединения (РДО).

Интерес ТКП к Латвии и Эстонии был обоснован не только возможностью распространения с их территории своих изданий в СССР, но и наличием большого числа русского аборигенного крестьянского населения, автоматически получившего при провозглашении независимости местное гражданство. В Латвийской и Эстонской Республиках русские эмигранты, жившие по так называемому «нансеновскому» паспорту (т.е. бесподданные), официально не могли голосовать и быть избранными в местные парламенты²¹. Поэтому ТКП пришлось создать в этих прибалтийских странах массовые дочерние легальные организации для участия в выборах.

В Латвии руководителем ТКП был юрист, член плехановской группы «Единство», гласный рижской городской думы Борис Вик-

торович Евланов (1890-1943). В 1928 г. ТКП — создала свой легальный филиал — «Русское крестьянское объединение» (далее РКО). Активное участие в становлении новой организации принял учитель, председатель «Рижского русского просветительного общества», депутат латвийского парламента (сейма) в 1925-1928 гг. Елфпидор Михайлович Тихоницкий (1875-1942). РКО опиралось на крестьянское кооперативное движение Латгалии, самое большое влияние имело в Яунлатгальском (т.е. «новолатгальском») уезде с центром в г. Абрене (ныне Пыталово Псковской области). Причем наиболее активным сторонником РКО было старообрядческое население Латвии. Председателем ЦК новой организации стал юрист, участник Первой мировой и Гражданской войн, впоследствии депутат латвийского парламента в 1931-1934 гг. Сергей Иванович Трофимов (1894-1941). В то время он был членом правления Яунлатгальской уездной управы и имел большие личные связи среди русского населения Латгалии. Товарищем председателя ЦК РКО стал Б. В. Евланов, он же одновременно отвечал за всю издательскую деятельность. Председателем Совета был выбран камер-паж, полковник Генерального штаба, депутат Государственной думы, участник Белого движения Борис Александрович Энгельгардт (1877—1962), пользовавшийся популярностью среди городского населения г.-Двинска (Даугавпилса). На ссуду ТКП из Праги (1-2 тыс. чешских крон)²² издавалась предвыборная газета «Новь: Еженедельный орган крестьянско-демократической мысли» (Рига, 1925. № 1-7) под редакцией Б. В. Евланова, при активном участии адвокатов Н.Д.Дмитриева, П.А.Павлова и П.А.Богданова из Эстонии. Дважды в Риге выходил «Крестьянский настольный календарь» (на 1927 и 1928 гг.) в издательстве «Бюро по созыву рус. кооперативных съездов», под редакцией Б. В. Евланова.

Наибольшего успеха РКО добилось на выборах в Сейм в 1931 г. С.И.Трофимов и И.К.Корнильев вместе с избранным в сейм от «Русского старообрядческого трудового списка» Тимофеем Ефимовичем Павловским (1890-1964), с 1922 г. бессменным председателем Варкавской волостной управы, образовали в январе 1931 г. в сейме русскую крестьянскую фракцию. Предвыборным периодическим изданием РКО в это время был «Вестник Русского крестьянского объединения» (Рига, 1931. №1, 2; 1932. №1, 2). Редактором-издателем числился П.Федоров, но фактически редакторами были Б.В.Евланов и С.И.Трофимов, в качестве авторов участвовали Б. А. Энгельгардт и воевавший в армии

Н.Н.Юденича член правления Яунлатгальской уездной управы Борис Николаевич Беклешев (1897-1941). «Вестник» финансировали С.И.Трофимов и Б.Н.Беклешев²³. После следующих выборов в 1934 г. в парламент Латвии РКО стало выпускать еженедельный журнал «Голос Народа:-Вестник русской крестьянской фракции сейма» (Рига, 1933-1935. №1-75). Ответственным редактором был С. И. Трофимов, а издателями — все три члена фракции: С.И.Трофимов, Т.Е.Павловский, И.К.Корнильев. Начиная с №2 появился ответственный редактор-издатель В. Минин-Иванов и изменился подзаголовок «вестник русской народной мысли». С №4 «Голос Народа» стал издаваться как газета «для всего русского населения». Официально РКО было распущено в 1934 г. после переворота К. Ульманиса. С. И. Трофимов, Т. Е. Павловский, И. К. Корнильев оказались одними из немногих русских, приближенных к режиму президента К. Ульманиса²⁴, поэтому последние номера и финансировались правительством²⁵. С. И. Трофимов после переворота стал референтом по русским школам при Министерстве образования, так как пользовался покровительством президента.

В Эстонской Республике местное отделение ТКП было создано в начале 1920-х гг. Во главе отдела ТКП стал журналист, общественный и кооперативный деятель Петр Александрович Богданов (1888-1941) — бывший правый эсер и министр земледелия Северо-Западного правительства в 1919 г., затем представитель Б. В. Савинкова в Эстонии, официальный корреспондент самой известной газеты русского зарубежья «Последние новости» и член Центрального бюро «Крестьянской России». Он же был официальным представителем центральных органов ТКП в Эстонии и владельцем склада издательства «Крестьянская Россия». Вторым членом руководства ТКП был писатель Борис Константинович Семенов (1894-1942), учившийся в начале 1920-х гг. в Праге, член Совета ТКП с 1927 г.

В 1923 г. под влиянием П.А.Богданова была создана Русская крестьянская трудовая партия (далее РКТП) — легальная местная организация «Крестьянской России». Председателем новой организации стал депутат эстонского парламента Владимир Григорьевич Григорьев (1879-?), а товарищем председателя — известный общественный деятель Алексей Кириллович Янсон (1866-1941), до 1927 г. русский национальный секретарь при эстонском правительстве, председатель «Союза русских просветительских и благотвори-

рительных обществ». Формально П. А. Богданов не мог быть членом РКТП, так как до 1935 г. не был гражданином Эстонской Республики²⁶, а жил по «нансенскому» паспорту.

Единственной попыткой наладить свою издательскую деятельность был выпуск формально «беспартийной крестьянской газеты» в 1932–1925 гг. «Русский голос» (Ревель, с 1924 г. — Нарва). Первоначально ее издателями были А. Семан, потом Л. Лазимер, потом С. Поляков, так же менялись и редакторы Г. Соловьев, А. Юрканов и Н. Яковлев.

Наибольшим успехом партии можно считать избрание В. Г. Григорьева в Государственное собрание (Рийгикогу) второго и третьего созыва в 1923 и 1926 г. от единого русского списка и создание русской фракции в эстонском парламенте.

Вместе с тем из первой попытки создать легальную группу ТКП в Эстонии ничего не вышло, видимо, из-за позиции А. К. Янсона. Левый социалист по взглядам, он в 1926 г. учредил Русскую социалистическую рабочую партию, которая быстро превратилась в секцию Эстонской социалистической рабочей партии. В 1940 г. А. Янсон был избран Государственную думу и как старейший депутат открыл заседание нового состава думы²⁷, утвердившей присоединение к СССР.

После поражения на выборах в 1929 г., когда русскому населению не удалось провести своих представителей в парламент, на Русском крестьянском съезде было избрано новое руководство РКТП — председателем стал юрист и общественный деятель Сергей Дмитриевич Кленский (1879–1942), заместитель русского национального секретаря в Эстонии, гласный нарвской городской думы, председатель спортивного общества «Святогор» в Нарве. Секретарем РКПТ стал Федор Тарасович Лебедев (1898–1963) — общественный и культурный деятель, инструктор «Союза русских просветительский и благотворительных обществ», в будущем — второй председатель созданного ЦРУ «Центрального объединения политических эмигрантов». Именно в начале 1930-х гг. РКТП создала партийные ячейки в деревнях Принаровья и Печорского края, населенного коренным русским населением.

На следующих выборах в 1932 г. РКТП создала блок с социалистами — «Русский объединенный список социалистической рабочей и крестьянской трудовой партии» (№ 1 по списку — А. К. Янсон, № 2 — С. Д. Кленский) и проиграла «Соединенному кандидатскому списку Русского национального союза в Эстонии, Русских левых

социалистов и Крестьянского объединения»²⁸. Официально Русская крестьянская трудовая партия была распущена в 1934 г. после переворота К. Пятса, но нелегальные группы просуществовали до 1940 г., когда НКВД при помощи эстонской полиции не арестовало всех руководителей РКТП и ТКП в Эстонии.

Причина скромных успехов легальных филиалов ТКП: в Латвии — РКО, в Эстонии — РКТП — заключалась в разобщенности эмигрантов из России — граждан этих стран и «лиц без подданства», — а также в ассимиляторской политике местных властей по отношению к русскому населению. Установившиеся в этих странах в начале 30-х гг. националистические полуфашистские режимы стали проводить еще более жесткий курс, неизбежно приведший к «бескровным», или, как сейчас принято говорить «бархатным» революциям в 1940 г.

Ослабил позиции ТКП и раскол в пражском руководстве весной 1934 г., когда из рядов партии вышли 6 основателей (А. А. Аргунов, А. Л. Бем, Д. Н. Иванцов и др.). Раскол произошел на почве отношения союза с сепаратистскими организациями российской эмиграции и «вождизма» С. С. Маслова. С. С. Маслов и Б. В. Седаков, придерживаясь принципа «неделимости России», создали «Русский отдел», который контролировал средства партии и стал выполнять функции ЦИК. Местная организация на Дальнем Востоке, поддер-

А. А. Аргуновым и его сторонниками, провозгласила себя автономной, ее главой стал крестьянин Г. П. Грачев. Все это способствовало появлению новых периодических органов «Крестьянской России»: изданию Дальневосточной группы ТКП (Харбин, 1928–1930. № 1–5; 1934). В харбинских вариантах номеров сборников «Крестьянской России» дополнительно публиковались копии писем по вопросу о конфликте между Дальневосточной группой и ЦК партии. По этим же причинам «Областным бюро Дальневосточной организации ТКП» издавалось особое приложение к журналу «Знамя России» (Харбин, 1934. № 1). Дальневосточная группа «Крестьянской России» пыталась выпускать «Зеленый журнал», единственный номер которого вышел в 1934 г.²⁹. Сторонники С. С. Маслова и А. А. Аргунова стали издавать друг против друга циркуляры³⁰, освобождать противников от всех занимаемых должностей и привели ТКП к полному краху. С началом оккупации Чехословакии III рейхом в 1939 г. «Крестьянская Россия» прекратила свое существование.

- ¹ Политические партии России: конец XIX — первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996.
- ² Цит. по: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. М., 1992. Ч.3. С.6.
- ³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф.445. Д.3. Л. 121.
- ⁴ ГАРФ. Ф.Р-5881. Оп.2. Д. 990. Л. 1-25.
- ⁵ См. подробнее: Совершенно секретно: Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). М., 2001-2002. Т. 1-4.
- ⁶ ОР РНБ. Ф. 581. Д. 27. Л. 71.
- ⁷ Мейснер Д. И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С.136.
- ⁸ Соколов М. Создание Республиканско-демократического союза // Диаспора VI: Новые материалы. СПб., 2004. С.214.
- ⁹ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Д. 28. Л. 1-7.
- ¹¹ ОР РНБ. Ф.445. Д.3. Л. 127.
- ¹² Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945 гг.) / Под ред. А.Ф.Киселева. М., 1996. С.822.
- ¹³ Карпенко С. «Руль»: зеркало кадетского Берлина // Новый журнал. 1998. №212. С. 265.
- ¹⁴ См.: Гессен И. В. Годы изгнания: жизненный отчет. Париж, 1979. С. 152.
- ¹⁵ Сь.: Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт Энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 137.
- ¹⁶ См.: Кочубей О. И., Печерица В. Ф. Исход и возвращение (русская эмиграция в Китае в 20-40-е годы). Владивосток, 1998. С. 191.
- ¹⁷ Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945 гг.). С. 831.
- ¹⁸ Там же. С. 822.
- ¹⁹ Там же. С. 832-833.
- ²⁰ ГАРФ. ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 186. Л. 1.
- ²¹ Тихоницкий Е. М. Русское меньшинство в Латвии // Ллойд-журнал. Вып. 2. Париж, 1931. С. 68.
- ²² Борис Евланов и его собственноручные показания / Публ. и коммент. Т. Фейгман // Балтийский архив. Рига, 1999. Т. V. С. 22.
- ²³ Там же. С. 51.
- ²⁴ Там же. С. 8.
- ²⁵ Там же. С. 72.
- ²⁶ Исаков С. П. А. Богданов и дело эстонской группы Русской трудовой крестьянской партии // Балтийский альманах. Таллинн, 1997. Т. III. С. 16.
- ²⁷ Исаков С. Русские в Эстонии. 1918-1940. Тарту, 1996. С. 380.
- ²⁸ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). Тарту, 2000. С. 76.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9105. Оп. 1. Д. 9. Л. 116.
- ³⁰ Там же. Л. 93 об.

Г. Н. Крайнов (Бирск, Республика Башкортостан)

ЭМИГРАНТСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

Сегодня значительно возрос интерес исследователей к истории непролетарских партий России, которые в период после октябрьского переворота 1917 г. и до середины 1920-х гг. были вытеснены (во многом насильственными, репрессивными мерами) из политической жизни страны.

Существенную помощь, наряду с отечественными документами и материалами, в объективном изучении непролетарских партий России оказывают эмигрантские источники (периодическая печать, публицистика, сборники документов и материалов, воспоминания, документы политических партий и общественных организаций, архивные материалы и др.).

Наиболее крупные очаги российской культуры после революции 1917 г. образовались в Европе — в Праге, Берлине, Софии, Белграде, Париже; в Азии — в Харбине, Шанхае (Китай). У той или иной общности эмигрантов рано или поздно зарождалась мысль о создании собственного периодического печатного органа. Многие издания существовали недолго, периодичность их выпуска нарушалась. Наиболее устойчивыми в 1920-1930-е гг. были: «Последние новости», «Возрождение», «Дни», «Руль», «Современные записки», «Социалистический вестник» «Воля России», «Русская мысль» — в Европе; «Новое русское слово» — в Америке. Журнал «Рубеж», издававшийся в Китае, просуществовал 20 лет.

Периодические издания выпускались представителями всех политических течений эмиграции: монархистами, кадетами, меньшевиками, эсерами и др. Тематика изданий была разнообразной: выходили общественно-политические, литературно-художественные,

военные, религиозные журналы, газеты, бюллетени. Большую часть литературы русского зарубежья составляет политическая публицистика, философская проза, мемуары, причем мемуары, в основном, публиковались в периодических изданиях. Всего с 1918 по 1931 г. за границей существовало 1005 русских периодических изданий¹.

Политическая консолидация буржуазной эмиграции проходила под знаменем кадетов. В Швейцарии осела группа «именитых» кадетов во главе с основателем и первым председателем партии И. И. Петрункевичем. В Лозанне провел остаток своих дней ортодоксальный кадет Ф. И. Родичев. Небольшая группа кадетов сплотилась вокруг трех видных в прошлом лидеров — Астрова, Юренева и князя Оболенского. Более оформленный вид имела берлинская группа кадетов во главе с относительно молодым лидером Партии народной свободы В. Набоковым. Эта группа сложилась вокруг газеты «Руль», которая так стала называться с середины ноября 1920 г. К берлинской группе тяготела почти вся старая элита российского кадетизма независимо от ее расселения, за исключением группы П. Н. Милюкова. Это давало основание берлинской группе считать себя Партией народной свободы, а группу Милюкова — отколовшейся от партии фракцией.

Но из всей массы кадетов за рубежом наиболее организованной и сильной оказалась как раз «демократическая группа» Милюкова. Она имела регулярно выходивший печатный орган «Последние новости». Весной 1920 г. Милюков переехал из Англии во Францию и занял пост редактора газеты «Последние новости» (оставался на этом посту до июля 1940 г. — до взятия Парижа гитлеровскими войсками).

Мелкобуржуазная эмиграция за рубежом была представлена Трудовой народно-социалистической партией (энесы), Партией социалистов-революционеров (эсеры), Российской социал-демократической рабочей партией (меньшевики), мелкобуржуазными националистическими партиями.

В мае 1920 г. был создан Заграничный комитет Трудовой народно-социалистической партии. Председателем комитета стал Н. В. Чайковский, а членами исполнительного бюро — Брамсон, Ландау-Алданов и Титов. Антибольшевизм был характерен для парижской, пражской и других зарубежных групп энесов, которые сложились в 1922 г.

Несколько десятков партийных функционеров правых эсеров со-

здали за рубежом ряд партийных групп. Каждая из групп имела свой печатный орган и претендовала на руководящую роль выразительницы эсеровской идеологии. Наиболее крупными из них были группы, сложившиеся вокруг журналов «Современные записки» (Авксентьев, Буканов, Вишняк, Руднев и др.), «Воля России» (Лебедев, Сухомлин и др.) и газеты «Дни» (Керенский, Зензинов и др.). Вокруг журнала «Революционная Россия» в Праге оформилась группа Чернова, Шрейдера, Русанова и др. (В. Чернов возглавил Заграничную делегацию эсеров, пытался поддержать Кронштадтский мятеж, крестьянские выступления на Тамбовщине. После перехода советской России к нэпу занял позицию «решительного изживания коммунизма», ставил перед эсерами задачу входить в Советы, фабзавкомы и др. В 1931 г. Чернов переехал во Францию, участвовал в движении Сопротивления, а в 1940 г. переехал в США, где и умер 15 апреля 1952 г. в Нью-Йорке. Он оставил огромный архив, мемуары «Записки социалиста-революционера и «Перед бурей».)

Наиболее представительной была эсеровская группа, сложившаяся вокруг журнала «Воля России», выступавшая от имени «всей партии и ее руководящих органов». В конце 1921 г. в Праге на эсеровской основе образовалась новая организация — «Крестьянская Россия», объявившая себя в конце 1927 г. Крестьянской партией.

Наиболее плодовитым и авторитетным историком партии левых эсеров стал один из ее бывших лидеров, бывший нарком юстиции в советском правительстве И. З. Штейнберг. В эмиграции он опубликовал десятки статей и несколько крупных работ мемуарного характера, в том числе «От Февраля по Октябрь 1917 года» (Берлин; Милан, б.г.), «Нравственный лик революции» (Берлин, 1922).

Правый фланг меньшевизма занимала организационно отмежевавшаяся от него группа, которая сложилась вокруг издававшегося в Берлине журнала «Заря». В нее входили бывшие члены Плехановской группы «Единство» и сотрудники правоменьшевистской газеты «День», а возглавляли ее Ст. Иванович, С. Загорский, А. Байкалов и др. По всем основным вопросам (признание неизбежности гибели советской власти, противопоставленное «диктатуре большевиков» «политическое равноправие») группа «Заря» выступала на платформе меньшевизма А. Н. Потресова, получившего приют в газете А. Ф. Керенского «Дни». Правые меньшевики Г. Я. Аросон, В. Я. Косовский и другие официально не входили в за-

граничную организацию РСДРП и по существу смыкались с левым флангом буржуазной эмиграции.

Меньшевики группировались вокруг «Социалистического вестника», выходившего в Берлине. Это издание стало именоваться Центральным органом социал-демократической партии меньшевиков и выходило с 1921 по 1965 г. Его основателем и главным редактором был Ю.О. Мартов. Кроме того, бюро ЦК меньшевиков издавало в 1920-е гг. журнал «Социал-демократ». (Мартов официально выехал из Советской России в 1921 г. по заграничному паспорту, выданному советским правительством для участия в Гальском социал-демократическом съезде. После съезда остался за рубежом в качестве эмигранта. В апреле 1923 г. Мартов умер, а лидерство в левой меньшевистской социал-демократической зарубежной организации перешло к Ф. Дану и Р. Абрамовичу.)

С приходом к власти в Германии фашистов группа «Социалистического вестника» перебазировалась в Париж, а после оккупации в 1940 г. оказалась в Нью-Йорке. Здесь произошло идейное сближение «осколков» правого и левого меньшевизма.

В 1921 г. в Праге вышел сборник статей «Смена вех». Основные идеи, изложенные его авторами (Н. В. Устрялов, Ю.В. Ключников, Ю.Н. Потехин), нашли горячий отклик как среди зарубежной русской эмиграции, так и среди представителей тех буржуазных слоев внутри страны, которые питали определенные надежды на преодоление большевизма, перерождение советской власти. «Сменовеховство» совпало с началом нэпа и в известной степени выражало взгляды и стремления нэпманов.

Российское «сменовеховство» имело определенные идеологические и организационные контакты с эмиграцией, внутри которой в 1920-х гг. начали происходить значительные изменения. Состав вновь возникавших эмигрантских организаций в значительной мере формировался из молодых людей: младших офицеров, студентов, интеллигенции. Их главной идеологической установкой было признание необходимости событий, фатальное принятие факта революции и социально-политических изменений, которые она принесла с собой. В связи с этим в эмиграции усиливались и крепили идеи «возвращенчества» и «примиренчества». В разных странах возникли «Союзы возвращения на родину». Декретами ВЦИК и СНК от 3 ноября 1921 г. и от 9 июня 1924 г. была объявлена амнистия значительной части лиц, участвовавших в качестве рядовых солдат в

белогвардейских военных организациях. Тысячи солдат и казаков (по некоторым данным, около 122 тыс.) возвратились в советскую Россию, в 1930-е гг. большинство из них подверглись сталинским репрессиям.

В зарубежной России первыми центрами публикаторской деятельности были Берлин, Прага и Париж. В Берлине в начале 1920-х гг. выходило сразу несколько историко-документальных серий — сборники «На чужой стороне», «Архив русской революции», «Пути революции», «Летопись революции» З.И. Гржебина. Характерной чертой эмигрантской мемуарной литературы было стремление авторов воспоминаний выйти за классические рамки этого жанра и поделиться с читателем не только воспоминаниями, но и собственной интерпретацией пережитых событий.

Из публикаций эпистолярного жанра заслуживает быть отмеченной переписка Ю. Мартова и П. Аксельрода за 1901-1916 гг.² Эта переписка, в отличие от большинства вышеназванных изданий, была весьма квалифицированно и подробно прокомментирована. В той же серии, что и «Переписка» («Материалы по истории русского революционного движения»), в 1924 г. под редакцией В. С. Войтинского, Б. И. Николаевского и Л. О. Дан вышел сборник документов «Из архива П. Б. Аксельрода, 1881-1896», в комментариях к которым также содержался ценный исторический материал.

В 1920-1930-е гг. в эмигрантской исторической литературе были заложены основы археографического освоения материалов, связанных с деятельностью отечественных политических партий. Сложился комплекс документов по истории общественного движения в России первых двух десятилетий XX в., в основном представленный документами личного происхождения самих участников этого движения. Однако эти воспоминания, дневники, переписка, за редкими исключениями, освещали лишь краткие периоды политической деятельности их авторов, а то и просто ее отдельные эпизоды. В той или иной степени сознательные и целенаправленные попытки исследовательских и издательских коллективов («Архива русской революции», издательства З.И. Гржебина и др.) создать библиотеку документальных материалов для изучения истории общественного движения в России XX в. были реализованы лишь отчасти.

В зарубежной публикаторской деятельности археографический бум 1930-х гг. в 1940-е гг. сменился спадом. Если не считать немногочисленных газетных и журнальных публикаций (как правило, юбилейных), заслуживают внимания изданные в эти годы

отдельными книгами воспоминания кадета Н. И. Астрова³, речи В. А. Маклакова⁴, мемуары социал-демократа П. А. Гарви⁵, а также историко-документальное исследование Г. П. Максимова о репрессиях против анархистов в советской России⁶. К 1940 г. перестало существовать большинство эмигрантских журналов общественно-политической и исторической направленности, начавших выходить в 1920-е гг.

Но период публикаторского безвременья продолжался недолго. Уже в 1940 г., в год прекращения «Современных записок» и в связи с этим печальным фактом, в эмиграции возникла мысль об издании нового толстого внепартийного журнала, который и начал выходить в Нью-Йорке в 1942 г. под редакцией М.А. Алданова и М. О. Цетлина. После смерти Цетлина и отъезда в 1946 г. Алданова в Европу «Новый журнал» вплоть до 1959 г. беспрерывно возглавлял М. М. Карпович — историк, выпускник Московского университета, эмигрант «первой волны», профессор русской истории Гарвардского университета, благодаря авторитету и знаниям которого историко-документальный отдел журнала постоянно пополнялся новыми материалами. В 1950-е-1980-е гг. на страницах журнала были опубликованы воспоминания и письма десятков русских общественных и политических деятелей. Весьма содержательные документальные публикации «Нового журнала», однако, продолжали характерную для эмигрантской литературы традицию игнорирования каких-либо археографических норм.

В 1950-е гг., в соответствии с новым расселением русской эмиграции, центром публикаторской деятельности стал Нью-Йорк. Здесь в Издательстве имени Чехова выходят воспоминания П. А. Бурышкина, В. А. Маклакова, А. В. Тырковой-Вильямс, В. М. Чернова, В. М. Зензинова, М. В. Вишняка, двухтомные мемуары П. Н. Милюкова и биография П. В. Струве, написанная его близким другом С. Л. Франком.⁷ В 1959 г. в связи с 80-летием Л. О. Дан выходит сборник воспоминаний меньшевиков «Мартов и его близкие»⁸.

Кроме Нью-Йорка воспоминания русских эмигрантов отдельными изданиями публиковались в Париже,⁹ Франкфурте-на-Майне,¹⁰ Мадриде¹¹. Отрывки из воспоминаний, юбилейные статьи появлялись в «Социалистическом вестнике», продолжавшем издаваться вплоть до 1965 г.¹²; изредка подобные материалы публиковал и общественно-политический ежеквартальник «Грани», выходивший во Франкфурте-на-Майне с 1946 г.

На рубеже 1950-х-1960-х гг. подбор материала по истории российских меньшевистских партий и подготовку документальных публикаций, традиционно бывших уделом русских эмигрантов и их прямых потомков, начинают и зарубежные исследователи. С 1959 г. берет начало Межуниверситетский проект по изучению меньшевизма, инициаторами которого выступили Б. И. Николаевский и американский историк Леопольд Хеймсон. В 1950-х-1960-х гг. возглавляемая Хеймсоном группа исследователей провела и записала серию бесед с меньшевиками-эмигрантами, одновременно предложив им написать автобиографии, воспоминания и статьи. Собранные таким образом материалы вошли в специальный архив по истории меньшевизма, созданный в Гарримановском институте Колумбийского университета (США), а результаты проведенной работы явились основой для публикации серии исследований, сборников воспоминаний и статей¹³.

С 1970-х гг. началось широкое археографическое освоение комплекса документальных материалов по истории русских революций, сложившегося в Международном институте социальной истории (ISH) в Амстердаме. Группа американских, английских и немецких историков в составе таких известных специалистов, как М. Перри, Р. Пирсон, К. Райе и М. Хильдермайер, разработала программу документальных публикаций, включавшую переиздание давно ставших библиографической редкостью протоколов 1-го и 2-го съездов и 1-й общепартийной конференции ПСР и 2-го съезда кадетской партии. К сожалению, эта программа оказалась реализованной лишь отчасти¹⁴.

В самом Амстердамском институте по инициативе меньшевика-эмигранта Б. М. Сапира в 1980-х гг. возникла документальная «русская серия», в которую вошли подготовленные им публикации писем Ф. И. Дана¹⁵ и подборка материалов «Из архива Л. О. Дан»¹⁶. Оба издания, выполненные, главным образом, на материалах ISH, содержат высокопрофессиональное предисловие и научно-справочный аппарат и являются незаменимым источником не только для биографов этих двух виднейших представителей РСДРП, но и для исследователей истории европейской социал-демократии в целом. В той же серии в 1989 г. голландец Марк Янсен издал фундаментальный документальный сборник «Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота»¹⁷, посвященный деятельности партии правых эсеров в 1917-1925 гг. как в России, так и в эмиграции.

Таким образом, в 1940-1980-е гг. дальнейшее археографическое освоение документов российских небольшеви́стских партий происходило, главным образом, на Западе. До первой половины 1960-х гг. эта работа, как и прежде, в основном осуществлялась русскими эмигрантами и их потомками и заключалась преимущественно в сборе и публикации личных документов. Вовлечение в эту деятельность западных исследователей обеспечило преемственное продолжение и существенно изменило ее характер, стиль и методы организации. Началось археографическое освоение сложившихся к этому времени на Западе крупных собраний документов по истории российского общественного движения, в первую очередь материалов архивов Б. А. Бахметева в Колумбийском университете и Б. И. Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира (США), а также Международного института социальной истории в Амстердаме (Нидерланды).

В США сосредоточено большое количество научных центров с российской документацией. В Национальном архиве (Вашингтон) хранятся нашумевшие материалы Смоленского обкома ВКП(б), захваченные немецкими фашистами и вывезенные в Германию, а затем в качестве трофейных поступившие в архив США. В Хогтонской библиотеке Гарвардского университета хранится архив Троцкого, в котором собрано свыше 17,5 тыс. документов. Перу Троцкого принадлежит 4,5 тыс. документов, остальные — корреспонденция к нему. Документы охватывают период с мая 1917 г. по 1940 г. Более мелкие коллекции по истории революции и советского общества имеются в других научных центрах США — в Йельском университете (Нью-Хейвен), Еврейском научном институте (Нью-Йорк), Историческом обществе штата Мэриленд и в др. Большое собрание русских документов, в частности по истории партии эсеров, хранится в Амстердаме.

В деятельности исследовательских коллективов наблюдается тенденция к систематическому и планомерному сбору и публикации не только дневников, воспоминаний и переписки российских общественных и политических деятелей, но и собственно партийных документов. Следует отметить и стремление преодолеть традиционное для зарубежной археографии пренебрежение к правилам публикации исторических документов. Эти позитивные сдвиги, однако, существовали лишь в качестве тенденции и не приобрели еще законченных форм. Несмотря на предпринятые попытки, сколько-нибудь полной программы публикации документов рос-

сийских партий западным археографам осуществить не удалось. (Гало очевидно, что без привлечения материалов отечественных архивов и участия российских специалистов широкая публикаторская программа не может быть ни составлена, ни тем более реализована.

Условия политической свободы после горбачевской перестройки создали предпосылки для возобновления издания документов небольшеви́стских партий в самой России. Упразднение политической цензуры, рассекречивание архивных фондов и целых архивов (Русского зарубежного исторического архива — РЗИА, текущего архива ЦК КПСС, архива КГБ и др.), падение «железного занавеса» и снятие ограничений для работы исследователей за рубежом — все это способствовало давно назревшему воссоединению двух искусственно разорванных и долгое время изолированных, мощных культурных потоков — отечественного и зарубежного. Публикаторское дело выходит из-под государственной опеки и, свободно развиваясь, ведется людьми науки и обслуживает нужды науки. Формируются крупные публикаторские программы, над реализацией которых работают международные группы исследователей. Издаются ранее засекреченные документы отечественных архивов и материалы зарубежных документальных собраний. Общее число вновь опубликованных документов исчисляется десятками тысяч. Их ассортимент охватывает все виды и типы исторических источников. Наряду с видовыми и номинальными в новом качестве возрождаются тематические сборники, появляются фондовые публикации. Возник целый ряд новых исторических альманахов и документальных сборников («Звенья», «Лица», «Неизвестная Россия», «Российский архив» и др.), в Россию переносятся аналогичные зарубежные издания («Минувшее», «Грани»), возобновлено издание журнала «Исторический архив», специализирующегося на публикации архивных документов, расширяются и становятся более разнообразными соответствующие разделы в существующих специальных исторических и архивоведческих изданиях. В публикаторскую деятельность включаются толстые литературные журналы. Начав с простого репринтного переиздания книг 1920-х гг., книгоиздатели переходят к реализации крупных оригинальных публикаторских проектов.

В результате 70-летней деятельности отечественных и зарубежных публикаторов и издателей к настоящему времени сложился значительный и разнохарактерный комплекс археографически

опубликованных источников всех основных видов по истории российских партий. Таким образом, созданы условия для непредвзятого изучения истории российской многопартийности во всем ее разнообразии и полноте, положено начало международному сотрудничеству в разрешении серьезнейших публикаторских и исследовательских проблем. В основном, подготовлен фундамент для пересмотра концепций и оценок официальной советской историографии как общего (классификация этих партий по признаку социальной природы и основных программных требований, их группировка по вопросам отношения к внутренней политике царского и большевистского правительств, и т.д.), так и частного (по отношению к каждой данной партии) характера.

Вместе с тем работа по археографической публикации документов российских партий еще далека от завершения. Осуществленные публикации неравномерно охватывают партийные документы по видам и типам, по хронологии и по отдельным партиям. Так, систематическая публикация базовых партийных документов (программ, протоколов заседаний их центральных органов, съездов и конференций) начата лишь в 1990-е гг. и находится в стадии реализации. Единичны публикации такого широко представленного в архивах вида источников, как воззвания и листовки. Предстоит археографическое освоение документов партийных фракций в общероссийских представительных органах — Государственных думах, Учредительном собрании, Советах. В связи с привлечением документов зарубежных и вновь открытых отечественных архивов нуждается в опубликовании сложившийся на сегодняшний день комплекс источников личного происхождения. Крайне бедно в документальных изданиях представлены национальные партии, а из общероссийских политических организаций — анархистские группировки.

С точки зрения хронологии наименее изученным в историографическом и археографическом плане остается послеоктябрьский период деятельности меньшевистских партий как в самой России, так и за рубежом. Документы судебно-следственных органов большевистского режима в корне подрывают провозглашенный в советской историографии тезис о «самораспаде» этих организаций. Целесообразно поэтому было бы продолжить публикацию соответствующих инструктивных и следственных материалов ВЧК — ОГПУ.

Интерес представляют полицейские архивы стран, куда выеха-

ли русские политические эмигранты. Эти архивы (например, ФБР) систематически еще не изучались и ждут своего исследователя.

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 1998. С. 651.

² Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, 1901-1916. Берлин, 1924.

³ Астров Н.И. Воспоминания / Предисл. С.В.Паниной, П. П. Юренева. Париж, 1940.

⁴ Маклаков В. А. Речи: судебные, думские, публичные лекции 1904-1926 / Предисл. М. А. Алданова. Париж, 1949.

⁵ Гарей П. А. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946.

⁶ Maximoff G. P. The Guillotine at Work Twenty Years of Terror in Russia (Data and Documents). Chicago, 1940.

⁷ Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954; Тыркова А. В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. Чернов В. М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953; Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953; Вишняк М. В. Дань прошлому: Воспоминания. Нью-Йорк, 1954; Милоков П. Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1-2. Нью-Йорк, 1955; Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956; См. также: Аронсон Г. Я. Россия в эпоху революции: Исторические этюды и мемуары. Нью-Йорк, 1966; Милоков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982; Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 г. революция. Нью-Йорк, 1986; Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983 и др.

⁸ Мартов и его близкие: Сборник / Сост. Г. Я. Аронсон, Л. О. Дан, Б. Л. Двинов, Б. М. Сапир. Нью-Йорк, 1959.

⁹ Церетели И. Г. Воспоминания о февральской революции. Кн. 1-2. Париж, 1963; Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Ч. 1-2. Париж, 1964; Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979; Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988 и др.

¹⁰ Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1971.

¹¹ Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964.

¹² См., например: Гарей П. А. Дни красного террора в Одессе (Из воспоминаний) // Социалистический вестник. 1960. № 1.

¹³ The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War / L. Haimson, ed. Chicago, 1974.

¹⁴ Protokoly Pervogo S'ezda Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov (Proceedings of the First Congress of the Socialist Revolutionary Party) together with Dobavlenie k Protokolam Pervogo S'ezda Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov (Supplement to the Proceedings of the First Party Congress of the Socialist-Revolutionary Party) / ГМ. with introduction, notes, appendices and index by Maureen Perrie. New York-Lnd., 1983.

¹⁵ Федор Ильич Дан. Письма (1899-1946). Амстердам, 1985.

¹⁶ Из архива Л. О. Дан. Амстердам, 1987.

¹⁷ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива ПСР. Амстердам, 1989.

И. Н. Гребенкин (Рязань)

**ВАСИЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ ШУЛЬГИН:
ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОРОЧЕСТВА**

В ряду российских парламентариев начала XX столетия Василий Витальевич Шульгин, без сомнения, является одним из наиболее значительных мыслителей и политических деятелей. Нынешний, 2006, год наряду со 100-летним юбилеем Государственной думы отмечен еще одной своеобразной годовщиной. После долгих лет эмиграции возвращение Шульгина в СССР не было добровольным. Первые 10 лет на родине он провел, будучи узником знаменитой Центральной тюрьмы во Владимире. Его освобождение последовало в 1956 г. — ровно полвека тому назад.

Проживая во Владимире в последующие годы, Шульгин не прекращал своей литературной и публицистической деятельности. Вероятно, она могла бы быть более интенсивной, однако, по понятным причинам, автор не строил иллюзий в отношении публикации своих трудов¹. Исключение среди них составили лишь «Письма к русским эмигрантам», изданные в 1961 г. 100-тысячным тиражом. Осенью 1958 г. Шульгин написал первую после освобождения работу «Опыт Ленина» и немедленно переданную на хранение в КГБ. Труд Шульгина, жанр которого можно было бы определить как историко-политическое эссе, был напечатан почти через 40 лет уже в постсоветской России, интересен представителям различных направлений общественного и гуманитарного знания. Уникальность работы Шульгина в том, что в ней отражена история советского периода представителем господствующего класса дореволюционной России, парламентария и политического деятеля, последовательно придерживавшегося консервативных, монархических взгля-

© И. Н. Гребенкин, 2006

дов, активного участника контрреволюционной борьбы в рядах Белого движения, русского эмигранта «первой волны», 25 лет прожившего вне родины и, наконец, глубоко верующего православного человека.

Понятие «опыт Ленина», по мысли автора, должно было обобщать весь ход и результаты социального, политического и экономического строительства, начавшегося в России в 1917 г. В связи с этим, а также не рассчитывая на читателя-современника, Шульгин подчеркивает значимость своего труда, в первую очередь, для себя самого: «Внутренний смысл моей долгой жизни состоял в постижении того, что я назвал "Опыт Ленина"!»².

На страницах «Опыта Ленина» Шульгин в свойственной его произведениям неторопливой манере стремится подвести промежуточный итог собственного опыта советской жизни, всего что увидел, узнал и понял в последние годы. При этом он не может не обратиться к событиям истории своей страны, столь заметным участником которых ему довелось стать, и не изложить свой взгляд на них, не оставшийся неизменным в течение десятилетий.

Один из важнейших вопросов, который продолжает тревожить Шульгина, — причины гражданского противостояния в России, его итоги и последствия. Русский националист, Шульгин по-прежнему решительно отвергает его классовую природу. Отправным пунктом, положившим начало Белому движению — националистическому и имперскому по духу, — Шульгин видит «похабный мир Бреста», повлекший отделение Украины, который ни он, ни его единомышленники в то время не могли расценить иначе, как предательскую капитуляцию и национальный позор. Спустя десятилетия, эта позиция представляется Шульгину нереалистичной и иррациональной. Жертвуя национальным престижем, большевики спасали от истребления на фронте мировой войны миллионы русских жизней. Белые же, ратуя за национальное достоинство, как они его понимали, оказались ответственны за развязывание гражданской войны. Для Шульгина былой взгляд и былая предвзятость остались в прошлом, и он готов судить новую российскую власть по реальным результатам ее деяний. «Красные... получили в свое распоряжение одну шестую часть суши, на которой они на свой манер прославили имя русское, и, пожалуй, так, как никогда раньше»³.

За «одну шестую часть суши», «Единую и Неделимую» фактически в границах Российской империи Шульгин-патриот готов простить новой власти и гибель Белого дела, и «горький хлеб из-

гнания». В практике советской власти и в разнообразных чертах жизни подвластного ей общества Шульгин усматривает типичные и глубоко национальные проявления, свойственные русскому народу, его духовной и политической культуре. Социализм — логичное развитие общинной организации; в авторитарном характере власти — природная приверженность русских ее монархическим формам; атеизм, воспитываемый властью в обществе, есть всего лишь модификация религиозной веры. Вердикт Шульгина по сути глубоко рационалистичен: «Мое мнение, сложившееся за сорок лет наблюдения и размышления, сводится к тому, что для судеб всего человечества не только важно, а просто необходимо, чтобы коммунистический опыт, зашедший так далеко, был беспрепятственно доведен до конца»⁴.

Новую Россию, СССР Шульгин воспринимает уже не отстранение, судьба страны ему безразлична. Отдавая должное действительным достижениям власти, народа, государства, он далек от восторгов. Шульгин — свидетель насколько быстрого, настолько и трагичного крушения могущества старой России не обольщается современным ему величием СССР. Зорким, умудренным взглядом он подмечает проблемы и слабые, уязвимые места, существующие в различных сферах государственной политики, экономики и общественной жизни.

Шульгин не склонен идеализировать национальные черты, присущие русским, более того, некоторые из них — неуважение к собственности, недисциплинированность — вызывают у него особую тревогу. Для Шульгина не подлежит сомнению, что решение задач, стоящих перед советским государством, может быть обеспечено только твердой властью, защищающей себя и общество, не стесняясь методами. Поэтому аппарат принуждения должен сохранить исключительное значение в весьма длительной перспективе. «Всегда среди людей борются две армии: одна созидает, другая разрушает. Если Аппарат принуждения не подает на каком-нибудь участке созидания достаточной помощи честным труженикам, то беспечные побеждают»⁵. Данное рассуждение могло бы показаться несвоевременной апологией сильной власти, однако вывод автора принимает неожиданное направление. Проведя 10 лет в заключении, Шульгин тесно соприкоснулся с преступным сообществом. В относительно благополучных 50-х гг., за 30 лет до «криминальной революции» 90-х, ему удалось разглядеть опасность организованного криминала для общества. «Существование этой силы, враждеб-

ной всякой власти и всякому созиданию, для меня несомненно. От меня ускользает ее удельный вес, но представляется она мне иногда грозной. Мне кажется, что где дрогнет, при каких-нибудь обстоятельствах, Аппарат принуждения, там сейчас же жизнью овладеют бандиты»⁶. Для нас, переживших 1990-е гг., эта мысль не должна показаться произвольным построением...

Далеко не решенной для страны считает Шульгин национальную проблему. На этот раз за тридцать лет до «парада суверенитетов» тревожным пророчеством звучат его слова: «Положение Советской власти будет затруднительное, если, в минуту какого-нибудь ослабления центра, всякие народности, вошедшие в союз Российской империи, а затем унаследованные СССР, будут подхвачены смерчем запоздалого национализма»⁷.

Весьма любопытны наблюдения Шульгина, касающиеся повседневной жизни советских людей. Оценивая по сообщениям печати достижения советской индустрии и сельского хозяйства, Шульгин не в состоянии понять возникновения постоянных нехваток и дефицита. Объяснять их он склонен плохой организацией государственной торговли, никудышным управлением. Шульгин специально отмечает, что оценить положение он мог только на примере Гороховца и Владимира, где проживал всего 2 года, минувших после освобождения. Впрочем, то, что подобное состояние дел вполне типично для всего Советского Союза, не вызывает у него сомнений. Интересно, что серьезность проблемы Шульгин видит не в низком уровне жизни основной массы населения как таковом, а в неправомерности сопоставления этого уровня, например, с развитыми странами Запада и в необузданности желаний, не находящих удовлетворения. В невнимании к этой проблеме как к важной государственной, выходящей далеко за пределы удовлетворения материальных потребностей людей, Шульгин видел еще одну опасность для общества, реализующего «опыт Ленина». Задолго до социальных психологов 1980-90-х гг. он подметил, что утомленность и раздражительность могут стать чертами целого народа. В сложной социальной обстановке эти черты могут послужить детонации общественного взрыва.

Эмигрантская публицистика во все времена не знала недостатка II пророчествах и прогнозах в отношении советского строя. Объединяло же, как правило, авторов публикаций то, что жизнь миллионов граждан СССР была им малопонятна и чужда. Предостережения Шульгина, качество и ответственность которых мы можем

оценить с позиций собственного жизненного и социального опыта, интересны тем более, что звучат не из враждебных уст. Он одинаково критически воспринимает дореволюционное российское прошлое и современное ему советское настоящее, не намерен заигрывать с властью и поэтому особо подчеркивает совершенно свободный характер своего творчества. Его цель 80-летний Шульгин определяет просто: «То, что я пишу сейчас, — это слабосильная старческая попытка перед тем, как совсем, совсем отойти в сторону, высказать, как я понимаю подводные камни, угрожающие кораблю «Россия», на котором и я когда-то плыл»⁸. Ценность замечаний Шульгина заключается еще и в том, что их автор уже пережил одно кораблекрушение и поэтому знал ему цену.

¹ См.: Шульгин В. В. 1) Письма к русским эмигрантам. М., 1961; 2) Размышления. Две старые тетради // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Кн. 1. С. 306–348; 3) Опыт Ленина // Наш современник. 1997. № 11. С. 138–175.

² Шульгин В. В. Опыт Ленина. С. 140.

³ Там же. С. 145.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ Там же. С. 160.

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

М. Ф. Полипов (Санкт-Петербург)

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР

Перестройка, начатая в апреле 1985 г., обуславливалась как глубинными объективными внутренними и внешними причинами, так и изменениями субъективного характера, происходившими в руководстве КПСС после смерти Л. И. Брежнева.

Необходимость реформ в Советском Союзе вызревала постепенно в ходе длительного периода противостояния СССР в «холодной войне» с Западом. На внутреннее развитие Советского Союза серьезное влияние оказали навязанная ему гонка вооружений, борьба за влияние в «третьем мире», идеологическая и психологическая война, а также экономические, технологические и социальные достижения, которые объективно имелись у Запада.

Одним из важнейших направлений борьбы США и их союзников с СССР являлась гонка вооружений, которая в стратегическом плане рассматривалась ими как политика, направленная на экономическое изматывание Советского Союза. Такая стратегия, с их точки зрения, могла подорвать уровень жизни большинства советских трудящихся и вызвать в конечном итоге недовольство советским общественным строем, которое затем можно было бы использовать в собственных интересах¹. Подобные цели не были лишены реализма, ибо гонка вооружений началась в условиях, когда СССР уступал США по своему экономическому потенциалу в 6-8 раз, а

также, как указывает Дж. Боффа, когда «контраст между американскими условиями жизни и той отчаянной нищетой, в которой жил советский народ, был глубочайшим»².

Чтобы не допустить военно-технологического отставания от потенциального противника, СССР вынужден был тратить непомерные материальные и финансовые ресурсы, которые могли бы быть направлены на повышение уровня жизни людей и модернизацию гражданских отраслей. По некоторым данным, прямые военные расходы СССР с 1947 по 1991 г. составили (в долларах США) 1993 г. 10039 млрд, что равнялось 12,6% национального дохода страны в эти годы³, а США — 9471 млрд., или 5,6% их национального дохода⁴. Таким образом, гонка вооружений обходилась гражданам СССР более чем в два раза дороже, чем американцам.

Длительное военно-экономическое противостояние в течение более сорока лет оказало огромное тормозящее влияние на социально-экономическое развитие СССР, а также способствовало деформированию промышленного развития, выразившемуся, прежде всего, в значительном преобладании доли отраслей тяжелой промышленности над отраслями, производящими средства потребления. Так, удельный вес отраслей группы «А» в 1950 г. составлял 68,8%, а отраслей группы «Б» — 31,2%; в 1970 г. соответственно — 73,4 и 26,6%; в 1985 г. — 76,3 и 23,7%⁵.

Острое противостояние в годы «холодной войны» между СССР и США шло за влияние в «третьем мире», перетягивание этой группы стран на свою сторону. В подходах двух сверхдержав имелись отличия. Американцы придерживались более прагматических подходов в отношениях со своими союзниками, а во внешней политике СССР идеологические принципы доминировали над прагматическими.

Формы сотрудничества СССР со странами «третьего мира» были многообразны. Они включали в себя внешнюю торговлю, предоставление кредитов, содействие в строительстве промышленных и других объектов, проведение геологоразведочных работ, подготовку национальных кадров, военное сотрудничество и т.д. Число развивающихся стран, с которыми СССР имел договоры о сотрудничестве в различных областях, возрастало с каждым годом. В 1957 г. их было 17; в 1971 г. — 55; в 1986 г. — 83 страны⁶.

СССР выступал в качестве кредитора многих крупных экономических проектов. Инвестиционные кредиты предоставлялись Со-

ветским Союзом на выгодных условиях сроком на 10-15, иногда 25-30 лет, из расчета 2-3% годовых⁷.

Нередко страны за полученные кредиты рассчитывались сырьевыми или сельскохозяйственными товарами. Такие формы расчета зачастую имели место и за военные поставки, а иногда это делалось даже бесплатно.

Кредитная помощь носила крупномасштабный характер. Об этом говорят данные о задолженности этих стран СССР, составившей на 1 ноября 1989 г. более 42 млрд руб.⁸

Длительное, в течение десятилетий, неэквивалентное сотрудничество в научно-технической, экономической, образовательно-культурных областях с освободившимися странами, особенно со странами так называемой социалистической ориентации, оказало серьезную нагрузку на собственную экономику. В настоящее время можно сделать вывод, что соперничество с США в «третьем мире» дорого обошлось СССР. Сотрудничество с этой группой государств фактически превратилось в один из главных «источников разорения» Советского Союза.

Составной частью «холодной войны» являлось идеологическое и пропагандистское противоборство. Главная цель идеологической войны состояла в доказательстве преимуществ своего общественного строя и в дискредитации противоположного. Ее стратегическая цель — навязывание противнику своей модели развития. Теперь можно сказать, что именно в области идеологической борьбы Запад достиг наибольших успехов. Ему удалось выдать свою экономическую и политическую систему за образцовую, вершину достижения современной цивилизации, альтернативы которой нет. И наоборот, советскую систему подвергали многолетней системной критике, ее положительные стороны игнорировались, а недостатки, коих, конечно, было достаточно, всячески выпячивались в целях дискредитации всей системы.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. произошло ухудшение внешнеполитического положения СССР, что оказало серьезное негативное влияние на внутреннее развитие страны. К сожалению, это в определенной степени произошло и из-за просчетов во внешней политике, допущенных Советским Союзом и превосходно использованных Западом против него. Среди этих ошибок следует, в первую очередь, назвать ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.

В начале 1980-х гг. президент США Р. Рейган объявил «новый

курс» в отношении СССР. Согласно ему, была поставлена задача не просто бороться с СССР, а добиться фундаментальных изменений советской системы. Главный упор делался не только на «разорение Советов» посредством широкомасштабной экономической войны, но и на то, чтобы добиться либерализации советской системы⁹.

Важными направлениями борьбы США в тот период стало втягивание СССР все дальше в афганский конфликт и превращение Афганистана в «Советский Вьетнам»¹⁰, а так же поддержка оппозиционных сил в Польше с целью свержения правящей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

Каждый день войны в Афганистане, по данным Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева, обходился в 10-11 млн руб.¹¹

Дорого с материальной точки зрения обходился Советскому Союзу и кризис в Польше. Без крупной экономической помощи со стороны СССР спасти социалистический режим в Польше было невозможно. Только в течение одного года, с середины 1980 г. до середины 1981 г., СССР перечислил Польше 4,5 млрд долл., одновременно увеличив поставки зерна, нефти, дизельного топлива, газа, продовольствия¹².

Но особенно разорительной для СССР должна была стать американская программа стратегической оборонной инициативы (СОИ), предполагавшая перенесение гонки вооружений в космическое пространство. Советское руководство выступало категорическим противником СОИ. Во многом такая позиция объяснялась тем, что рейгановская программа СОИ показала, что СССР впервые за свою историю утратил конкурентоспособность в той сфере, в которой раньше мог успешно соперничать с Западом, — в сфере военных технологий. Экономическая база Советского Союза перестала соответствовать его положению мировой державы и нуждалась в срочном обновлении¹³.

Влияние внешнего фактора нельзя сводить только к вышеназванному. Объективные процессы, происходившие в развитых странах Запада, также оказывали серьезное влияние на внутренние процессы в СССР. В научных исследованиях отмечается, что в конце 1960-х—первой половине 1970-х гг. группа ведущих западных стран вступила в этап перехода от индустриальной в постиндустриальную стадию развития. Этот переход стал возможен благодаря микроэлектронной революции, начавшейся в начале 1970-х гг. Если первый этап НТР (1950-е — 1960-е гг.) отмечен интеллектуализацией индустриального труда и колоссальным расширением сферы

услуг, то второй этап НТР (микроэлектронная революция) характеризуется информатизацией и автоматизацией труда по управлению, контролю, учету и т.п., становлением информационного общества (информационной экономики), когда материальное производство все больше зависит от потоков информации¹⁴.

Эти огромной важности технологические изменения в развитых странах требовали адекватной реакции со стороны советского руководства, в противном случае Советскому Союзу могло угрожать стадиальное отставание, измеряемое десятилетиями.

Объективное влияние западных стран на СССР ощущалось и по причине более высокого уровня жизни их граждан. Хотя по всем важным показателям, характеризующим жизненный уровень советских людей, произошло существенное улучшение, но достигнуть европейского уровня все равно не удалось. Нужно заметить, что наши соотечественники качество своей жизни стали сравнивать не только с предыдущими годами, но и с жизнью на Западе. После подписания 1 августа 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе расширились контакты СССР с другими странами. Несмотря на то что за границу отправлялись представители наиболее высокооплачиваемых групп населения: руководящие хозяйственные работники, ученые, врачи, учителя, военные и т. д. — они, при сопоставлении уровня жизни, видели, насколько скромно они живут по сравнению с коллегами в развитых странах Запада.

Определенная часть советской правящей номенклатуры в силу вышеназванных причин критически настроивалась по отношению к своей стране и стала проявлять симпатию к западным странам. Это подталкивало к реформированию своего общества и государства на основе западных принципов, что в годы перестройки и произошло.

Среди внутренних объективных предпосылок перестройки следует выделить прежде всего экономические и социально-политические.

К середине 1980-х гг. СССР по своему экономическому потенциалу был второй страной в мире после США. А по многим важным видам продукции он даже их превзошел: по добыче нефти, газа, производства чугуна, стали, минеральных удобрений, цемента, тракторов, шерстяных и хлопчатобумажных тканей и ряда других видов продукции. Если в 1960 г. промышленность СССР производила 55% объема промышленной продукции США, то в 1985 г. этот показатель превышал уже 80%. Уровень развития отечественной

экономики на рубеже 1970-х-1980-х гг. исследователями оценивается как индустриальный, а по ряду направлений он выходил за рамки обычного индустриального производства¹⁵.

Вместе с тем степень технологического отставания СССР от развитых индустриальных стран была значительна. Согласно некоторым расчетам, из пяти наличествующих технологических укладов в советской промышленности, представлявших различные экономические эпохи — от доиндустриальной до зарождающейся постиндустриальной, — современный пятый имел долю 6%¹⁶. В то время как в ведущей группе стран пятый технологический уклад формировал около 40% ВВП¹⁷.

Учитывая то важное обстоятельство, что сложившийся хозяйственный механизм в нашей промышленности слабо способствовал внедрению научно-технических инноваций в производство, технологический разрыв между СССР и развитыми индустриальными странами потенциально не уменьшался, а увеличивался. В период «холодной войны» это могло иметь опасные последствия для страны.

В советской промышленности имелись серьезные проблемы, с которыми справиться было чрезвычайно трудно. Капиталовложения в нее от пятилетки к пятилетке увеличивались, а ожидаемого результата они не приносили. В девятой пятилетке в промышленность было вложено 39,2 млрд руб.; в десятой — 50,3; в одиннадцатой — 60,1 млрд руб. Падала фондоотдача. На один рубль основных производственных фондов в 1970 г. произвели национального дохода на 54 коп.; в 1975 г. — 45; в 1980 г. — 40; в 1984 г. — 38 коп. Однако нужно сделать поправку на то, что в тот период существовали большие трудности с добычей нефти, газа, каменного угля в восточных районах страны.

Серьезно упала доля интенсивных факторов в производстве национального дохода. По расчетам академика Н. П. Федоренко, этот показатель снизился с 40% в 1960 г. до 25% в 1981 г.¹⁸

Развитие экономики в 1970-х — первой половине 1980-х гг. стало терять динамизм. Среднегодовые темпы прироста национального дохода, по официальным статистическим данным, в 1971—1975 гг. составили 5,7%; 1976-1980 гг. - 4,3; в 1981-1985 гг. - 3,4 %. Среднегодовые темпы прироста промышленности также показывали тенденцию падения: соответственно в эти годы они равнялись 7,4; 4,4 и 3,7%. Однако в тот период абсолютное падение ни по одному важному виду продукции еще не было допущено.

Противоречивые процессы происходили и в сельском хозяйстве. С одной стороны, нельзя не заметить достижения, имевшие место в этой отрасли экономики, с другой — темпы роста производства постепенно снижались.

В период 1971-1985 гг. валовое производство основных видов сельскохозяйственной продукции продолжало увеличиваться. В годы девятой пятилетки в среднем в год производилось 14,0 млн т мяса; десятой — 14,8; одиннадцатой — 16,2 млн т; производство молока составило соответственно 87,4; 92,6; 94,5 млн т¹⁹. Такая же тенденция была в производстве яиц, овощей, сахарной свеклы, шерсти и т. д. Но вместе с тем темпы прироста совокупного сельскохозяйственного производства от пятилетки к пятилетке падали. Они составили в 1971-1975 гг. 2,5%; в 1976-1980 гг. - 1,7; в 1981-1985 гг. - 1,0%.

Недостаток продовольствия компенсировался импортом. За 1970-1987 гг. импорт мяса и мясопродуктов вырос в натуральном выражении в 5,2 раза; рыбы и рыбопродуктов — в 12,4; растительного масла — в 12,8; зерна — в 13,8; сахара — в 6,9; масла коровьего — в 183,2 раза²⁰. В 1976-1980 гг. импорт составил 9,9% от уровня сельскохозяйственного производства страны, в 1980 г. — 18,1; в 1981 г. — 28,4%²¹. Нужно сказать, что импорт продовольственных товаров — обычное явление для индустриально развитых стран, но в СССР это вызывало болезненную реакцию, поскольку такое явление рассматривалось как признак неэффективности собственного сельского хозяйства.

Дефицит сельскохозяйственной продукции усугублялся ее огромными потерями на всем пути от поля до потребления. Недостаток транспортных средств, элеваторов, хранилищ, тары, перерабатывающих предприятий, удаленность их от колхозов и совхозов, плохие дороги — все эти и другие факторы приводили к неоправданным потерям уже произведенной продукции. Об их масштабах говорят следующие данные: потери зерна составляли 20%, картофеля — 40%, овощей — 1/3 от того, что производилось. При остром дефиците мясных продуктов потери мяса составляли 1 млн т²².

Положение дел в аграрном секторе экономики говорило о том, что он нуждался в серьезном реформировании.

В «застойное время» произошли важные изменения в социальной структуре советского общества. К сожалению, в тот период социологи ограничивали анализ этой проблемы рабочими, крестьянами, интеллигенцией. Между тем в обществе пыльным цветом рас-

цвели группы людей, связанных с «теневой» экономикой. Среди них — организаторы нелегальных мелких и средних предприятий, производящих различные товары народного потребления, а также спекулянты и фарцовщики. Их отличала тесная связь с руководителями государственных предприятий, у которых они могли «достать» необходимое сырье, с работниками торговли и сферы обслуживания, через которых проходил сбыт готовой продукции. К концу 1970-х гг. «теневая экономика» превратилась в самостоятельный экономический фактор, а «теневеки» — в серьезную социальную силу. Эта сила держалась не только на больших деньгах, но и на неофициальной поддержке высоких покровителей из среды областного, краевого и союзного руководства. К началу 1980-х гг. «теневые» контролировали до четверти национального дохода СССР²³. Данная внушительная криминальная и полукриминальная группа людей объективно уже не была заинтересована в существовании советского строя; наоборот, ее объективным интересам соответствовал общественный строй, в рамках которого частная собственность могла бы существовать легально и законно.

После прихода к власти Ю.В. Андропова руководство страны постепенно начинает приходить к пониманию необходимости реформ. Однако в силу кратковременности пребывания у власти у него не успела сформироваться цельная концепция переустройства общества. Но все же можно сделать вывод, что проблемы экономики для Андропова являлись приоритетными. На ноябрьском (1982) Пленуме ЦК КПСС Андропов говорил об ускорении темпов развития экономики, интенсификации общественного производства, наведении порядка и дисциплины²⁴. Необходимым было и Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июля 1983 г. «О дополнительных мерах по расширению прав производственных предприятий (объединений) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности, по усилению их ответственности за результаты работы». Н. И. Рыжков, занимавшийся в тот период как секретарь ЦК КПСС вопросами экономики, отмечал положительную роль этого Постановления. Оно сужало круг плановых показателей предприятий, расширяло их самостоятельность в использовании фондов развития производства и заработной платы²⁵.

По мнению экономиста Т. И. Корягиной, стратегический замысел «перестройки по-андроповски» заключался в том, чтобы сначала обеспечить экономический рывок, оставляя политические государственные структуры без изменений, а уже потом при отла-

женной экономике начать постепенную реформу всей политической системы²⁶.

Можно согласиться с утверждением А. С. Барсенкова о том, что в идеологическом плане внутри КПСС выделились (еще в период Брежнева. — *М. П.*) сторонники двух противоположных линий, которых условно можно назвать либералами и консерваторами²⁷. Представители либерального крыла в КПСС, поддерживаемые советской либеральной интеллигенцией, одержали победу над консервативным крылом, и их представитель М. С. Горбачев был избран Генеральным секретарем. Горбачев стал инициатором объективно назревших реформ, получивших позднее название «перестройка». Но эта политика, к сожалению, страну привела не к процветанию, а к экономическому и политическому кризису, а затем и к разрушению.

¹ См.: *Полынов М. Ф.* Гонка вооружений как метод изматывания СССР США. 1945-1990 гг. // *Вестник С.-Петербург. ун-та.* 2005. Сер. 2. Вып. 3.

² *Бюффа Док.* История Советского Союза: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 257.

³ *Степанов А. И.* Россия, СССР в мировых войнах // *Россия XXI.* 1994. № 11-12. С. 87.

⁴ *Наумов Н. В.* Международные аспекты распада СССР // *Российское государство и общество. XX век.* М., 1999. С. 378.

⁶ *Народное хозяйство СССР в 1960 г.:* Стат. сб. М., 1961. С. 224; *Народное хозяйство СССР в 1985 г.:* Стат. сб. М., 1986. С. 96.

⁶ *Построено при экономическом и техническом содействии Советского Союза.* М., 1982. С. 16; *Внешняя торговля.* 1986. № 4. С. 20-21.

⁷ *Страны СЭВ и развивающиеся государства.* М., 1985. С. 233.

⁸ *Известия.* 1990. 2 марта.

⁹ *Швейцер П.* Победа. Роль тайных стратегий администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995. С. 13, 16.

¹⁰ Там же. С. 13-14.

¹¹ *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. М., 1992. С. 167.

¹² *Швейцер П.* Указ. соч. С. 115.

¹³ *Модернизация: зарубежный опыт и Россия.* М., 1994. С. 79.

¹⁴ *Красильщиков В. Ф.* Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 188.

¹⁵ *Модернизация... С. 80; Рязанов В. Т.* Кризис индустриализма и перспективы постиндустриального развития в XXI веке // *Постиндустриальный мир и Россия.* М., 2001. С. 510; *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 260.

¹⁶ *Яковец Ю. В.* Тенденции структурных сдвигов в экономике // *Экономист.* 1996. № 12. С. 19.

¹⁷ *Рязанов В. Т.* Указ. соч. С. 509.

¹⁸ См.: *Вопросы философии.* 1981. № 10. С. 6.

¹⁹ Среднегодовой рост производства мяса и молока за эти годы рассчитан по: Народное хозяйство СССР в 1980 г. С. 247; Народное хозяйство в 1975 г. С. 320; Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 240.

²⁰ Коммунист. 1989. №4. С. 16.

²¹ Шубин А.В. От «застоя» к реформам. С. 113.

²² Правда. 1989. 16 марта.

²³ Терещенко Ю. Я. О конституционной реформе СССР в период перестройки // Российское государство и общество. XX век. С. 228.

²⁴ См.: Материалы Пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. М., 1983.

²⁵ См. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 48.

²⁶ Корягина Т. И. Мы стали свидетелями антиперестройки // Литература Россия. 1991. 10 января.

²⁷ Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю. М., 2002. С. 43.

В. Н. Сиянов (Орел)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ И ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Пожалуй, мы не ошибемся, если оценим современную ситуацию в нашей стране как системный кризис государства и общества, продолжающийся отчасти в латентных, а во многом и в открытых формах. Власть и то, что с известной долей условности можно охарактеризовать как зарождающееся в муках российское гражданское общество, бессистемно, в метаниях из стороны в сторону, взаимодействуя, противореча друг другу и борясь друг с другом, ищут путей стабилизации ситуации и формируют новый общественный порядок.

Перед страной одновременно встало слишком много проблем, причем решение любой из них представляется приоритетным, не терпящим отлагательства.

Но при этом мы сталкиваемся с интереснейшим социально-психологическим феноменом: ответом народа на беды страны сегодня являются всеобщая пассивность, безразличие, стремление отстраниться от участия в решении судеб страны.

Естественно, что в политически активной части общества неизбежно возникают традиционные для России вопросы: кто виноват и что делать? Как, какими путями и средствами можно выправить ситуацию, переломить ее развитие?

Переход к демократической парламентской форме управления обществом в России, произошедший в результате революционных потрясений 80-х-90-х гг. прошедшего века, в настоящее время резко замедлился, столкнувшись с множеством проблем, в том числе с такими взаимосвязанными проблемами, как, во-первых, политическое лидерство и, во-вторых, доверие народа, российско-

© В. Н. Сиянов, 2006

го общества в целом по отношению к парламенту и парламентаризму. Взаимосвязанность этих проблем нам видится в том, что в демократическом обществе именно парламент, на деятельности которого концентрируется внимание политического общества, является местом формирования и проявления политических лидеров.

Сегодня, когда приближается момент конституционной смены носителя верховной власти в нашей стране, мы сталкиваемся с практически полным отсутствием авторитетных политических деятелей, способных через систему выборов законно получить власть из рук народа, и явным пренебрежением к парламенту как политическому институту.

Опросы общественного мнения, при всей их условности как источника, достаточно четко свидетельствуют об этом. Проведенный агентством «РОМИР-мониторинг» опрос свидетельствует, что ни один из политиков не обладает достаточной поддержкой в обществе, чтобы претендовать на роль политического лидера национального масштаба, чтобы попытаться заявить о себе как преемнике В. В. Путина¹.

Поддержка, к числу опрошенных, в %

<i>Сергей Шойгу</i>	12
<i>Юрий Лужков</i>	10
<i>Владимир Жириновский</i>	9
<i>Геннадий Зюганов</i>	6
<i>Сергей Иванов</i>	6
<i>Аман Тулеев</i>	6

При этом, как свидетельствует тот же опрос, более трети опрошенных вообще не смогли указать авторитетного, с их точки зрения, политика.

По данным ВЦИОМ, претендующего на роль лидера демократической оппозиции М.Н. Касьянова готовы увидеть преемником В. В. Путина 14% жителей страны². Доля же остальных публичных лиц может не приниматься во внимание ввиду своей ничтожности. При этом примечательно и то, что большинство из этих политиков не имеют отношения к Федеральному Собранию.

В то же время действующего президента поддерживают, по данным ВЦИОМ, 69 % населения³, а 42% опрошенных готовы голосовать за него, в случае если он решит баллотироваться на тре-

тий срок, несмотря на конституционный запрет⁴. По данным других опросов, идею третьего президентского срока для В. В. Путина поддерживают 60% жителей страны⁵. Парадокс состоит в том, что при этом 51% населения считают выбранное направление движения страны неправильным⁶.

Парламент, создания которого с таким упорством добивались строители новой России, повторяет судьбу своего предшественника начала XX в. Возникнув на волне всенародной надежды на одномоментное разрешение всех и всяческих проблем, он, только начав реально работать, к настоящему времени практически утратил поддержку и доверие народа и даже политического сообщества. По данным ВЦИОМ, негативно оценивают деятельность Федерального Собрания в целом 61% населения страны, и 63% — работу его нижней палаты⁷.

Естественно, что при такой оценке работы государственного института трудно доверять людям, вышедшим из его стен. Только 2% из опрошенных агентством «РОМИР-мониторинг» считают членов нынешней Государственной думы честными людьми⁸.

Не лучше положение и у такого тесно связанного с идеей парламентаризма общественного института, как политические партии. В целом, политическим партиям не доверяют 56% населения⁹. Интересно, что результаты прошедшего первого единого дня голосования кажутся опровергающими такое утверждение. Убедительная победа «Единой России», казалось бы, свидетельствует об обратном. Но возьмем на заметку два факта.

Во-первых, тревожным представляется рост числа голосующих «против всех». Их количество перешло 20%-ный рубеж, и движение в этом направлении продолжается. Во-вторых, положительный для «единороссов» итог голосования был прогнозируемым и предсказанным. Но интересна мотивировка поддержки партии избирателями. Основная часть из тех 40%, кто открыто поддерживал «партию власти» накануне выборов, мотивировала свою позицию тем, что «это - партия президента»¹⁰.

Таким образом, получается, что рецепты западной демократической системы в России, по меньшей мере, дают сбои. И уже сформировалось представление об особом типе российской демократии, более схожей с авторитарным режимом, при концентрации реальной власти в руках одного человека — единственного верховного лидера государства и общества. Сохраняющийся при этом парламент

превращается не более чем в демократический флер авторитарного режима. Движение в этом направлении уже началось и набирает скорость.

В чем причины такого положения и есть ли лекарства от прогрессирующей болезни? Политический кризис, переживаемый сегодня нашей страной, порожден, по нашему мнению, прежде всего, распадом привычного, понятного, традиционного социума, несоответствием современного положения вещей традиционным взглядам и образу мышления среднего человека.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что более чем тысячелетие Россия была чисто аграрной страной, в которой безраздельно доминировало крестьянское население. Только в конце XIX в. началось возрастание доли городского населения, однако подлинный перелом произошел лишь во второй половине XX в. Но и этот перелом пока еще не привел к формированию устойчивых, качественно новых, свойственных городскому населению социально-психологических установок в сознании. Наоборот, переселение в город миллионных масс крестьян привело к массовой маргинализации горожан. При этом маргинализация в России не имела характера исторически одномоментного явления, она приобрела волнообразный облик, раз за разом накатываясь на страну.

Поэтому, как нам видится, основная масса современного российского общества все еще представляет массу с традиционной, крестьянской в своей основе, психологией и менталитетом, медленно трансформирующимся под влиянием меняющейся обстановки. Но вынужденная смена базовых ценностей есть длительный, сложный и противоречивый процесс, который влечет за собой серьезную психологическую дезориентацию основной части общества, ощущение психологического дискомфорта, неизбежное подсознательное сопротивление переменам. Российское общество, провозглашая необходимость и неизбежность перемен, одновременно активно сопротивляется этим переменам, как только они затрагивают принципиальные основы его ментальных установок.

Традиционное общество по своей сути «коллективистично» и иерархично. Индивид жертвует значительной частью своей индивидуальности, вливаясь в малую общность, дающую ему *возможность* (выделено мной. — В. С.) выживания. Века отказа индивида от индивидуальности в пользу коллективизма привели к формированию жесткого стереотипа восприятия человеком ничтожности собственных возможностей, особенно в сфере влияния на власть.

Традиционное общество авторитарно по своей сути. Обеспечивая своим членам возможность противостояния внутренним и внешним угрозам, выживания в кризисных ситуациях, оно дееспособно только в случае беспрекословного выполнения составляющими элементами воли власти. Важным здесь представляется организация системы власти. Традиционное общество, особенно в условиях перманентно критического существования, персонифицирует власть.

Система власти в государственно организованном традиционном обществе строится просто: множество мелких общностей, во главе которых стоят авторитарные руководители, подчиняется более крупным, а в конечном итоге наверху остается один — правитель, облеченный практически абсолютной властью.

Для нас интерес представляет именно фигура правителя. В традиционном обществе именно правитель является законным и общепризнанным лидером того общества, которым он управляет. Главным способом легитимной передачи власти, даже при условии применения насилия, является наследование. Одним из вариантов легитимного наследования в условиях традиционного общества может быть формальное назначение правителем своего преемника. Легитимное наследование автоматически превращает человека в лидера. В редчайших случаях, когда линия легитимного наследования прерывается, возможно избрание правителя обществом, точнее, его уполномоченными, но это избрание не влечет за собой никаких ограничений власти в пользу общества.

Но бывают ситуации, когда традиционное общество, оказавшись в состоянии кризиса, резко меняет вектор политического развития и модель организации власти. И тогда появляется новый лидер, который бывает призван и признан обществом. Но, чтобы быть признанным, новый лидер должен быть легитимизирован в глазах этого общества. Это достигается или через мнимую легитимизацию, отождествление с подлинно легитимным претендентом на власть (вспомним хотя бы Емельяна Пугачева), или через признание за лидером харизмы, дара свыше, явно выделяющего его из общих рядов. Только обладающий харизмой, выделенный высшими силами человек может быть воспринят в качестве лидера в традиционном обществе. Немаловажным обстоятельством, свидетельствующим о харизматических качествах лидера в традиционном обществе, является его жертвенность, готовность выступить против власти, идти наперекор общественному мнению, переламывая

его в свою пользу. Жертвенность, особенно если она направлена на защиту общества от действий зашедшей в тупик власти, уже сама по себе привлекает массы людей традиционного общества, привыкших жить по указаниям свыше и неспособных на самостоятельное действие. И опять-таки, такого рода лидер, получив признание общества, получает свободу действий, которая ограничивается только его личными качествами и представлениями.

Если перенести данные рассуждения на сегодняшнюю политическую жизнь России, точнее, на период бурных потрясений последнего двадцатилетия, то мы увидим достаточно полное соответствие.

М.С.Горбачев, занявший пост Генерального секретаря ЦК КПСС, автоматически приобрел статус легитимного лидера, а следовательно, получил возможность действовать так, как ему подсказывал его разум. И абсолютно неясное в политическом, экономическом или социальном плане понятие «перестройка» обрело плоть и кровь, превратилось в цель для миллионов людей.

Быстро терявший свои позиции в старой административно-командной системе, наделавший ошибок в попытках пробиться на высший уровень власти, Б. Н. Ельцин, осознав бесплодность своих надежд хотя бы удержаться наверху, пошел ва-банк, сделав ставку на схватку с властью за власть. В условиях явного кризиса системы власти это практически мгновенно обеспечило ему характеристику борца за народные интересы, а следовательно, и харизму, используя которую он сумел переломить ход событий в свою пользу. Поскольку его харизма не действовала вне рамок общества, обремененного пережитками традиционализма, а, кроме того, в ряде районов появились собственные национальные харизматические лидеры, стать лидером в масштабе Советского Союза ему было не суждено. Тогда он пошел на форсирование процесса распада Союза и создание отдельного Российского государства, став единоличным главой которого он показал себя достаточно традиционным российским лидером. И общество, уже скоро начав проявлять «на кухне» недовольство «непредсказуемостью» правителя, тем не менее, терпеливо сносило все его экстравагантные выходки, пассивно дожидаясь истечения сроков пребывания у власти «первого всенародно избранного президента».

Интереснейшим с точки зрения политологии является «феномен В.В. Путина». «Человек из ниоткуда», мало кому известный и не имевший никакого реального влияния в стране, он в марте

2000 г. стал законным, всенародно избранным президентом, с блеском победив уже в первом туре «зубра» избирательных баталий Г. А. Зюганова со счетом 52,9:29,2. Конечно, сыграли свою роль и усталость общества от непредсказуемого Б.Н. Ельцина, и опасения коммунистической реставрации, и административный ресурс, но мы не склонны сбрасывать со счетов и фактор формального провозглашения его уходящим президентом «наследником престола».

И сегодня, обсуждая проблему «преемника-2008», мы постоянно обращаемся не столько к оценке возможностей тех или иных кандидатов на победу на выборах, сколько прикидываем, кого выберет своим преемником В. В. Путин.

Иначе обстоит дело с парламентом. В истории российского общества парламентаризм западного типа не имеет собственных, естественным образом возникших корней. Ни древнерусское вече, ни крестьянский сход, ни Советы не имели сходства с парламентом как законодательным институтом. Спецификой российских представительных учреждений всех уровней было соединение в одних руках и законодательной, и исполнительной власти. Для российского традиционного общества главным в деятельности власти было не принятие, а исполнение решений. Длительное обсуждение любых проблем, соблюдение сложных и малопонятных обществу процедур — не характерно для России. А переложение на других обязанности исполнять свои решения всегда было исключительной прерогативой властителя.

Представительные учреждения в сознании российского человека должны не столько принимать законы, обязательные к исполнению всеми, сколько давать возможность донести думы, тревоги, чаяния народа до сведения исполнительной, единственно реальной в глазах большинства власти. Именно поэтому такой интерес вызвала работа I Съезда народных депутатов СССР. Именно здесь народные избранники заработали доверие общества, создали себе политическое имя. Смело обращаясь к власти, а уж тем более критикуя ее, они, в представлении среднего человека, жертвовали собой ради правды, ради народа. Именно это самопожертвование и определило появление на политической арене авторитетных парламентских лидеров и создало первичный авторитет самому возрожденному российскому парламенту.

Но как только Верховный Совет, а затем Федеральное Собрание занялись тем, что им положено по нормам западного общества, народ утратил интерес к их работе. Слишком далекой от ожиданий

народа оказалась деятельность нашего парламента: не немедленное разрешение наболевших проблем, а неспешное обсуждение не всегда понятных и не всегда кажущихся необходимыми законов, борьба за властные полномочия, маневры, интриги и т.д., т.е. то, что, с точки зрения среднего человека, не интересно и не влияет непосредственно на жизнь общества.

Кроме того, государственная конструкция, выстроенная в свое время Б.Н. Ельциным в целях сохранения собственной власти, во многом лишила Федеральное Собрание реальной власти, поставила его в зависимость от первого лица в государстве, укрепляя авторитарные тенденции, и без того прочные в российском обществе.

Влияло на потерю авторитета парламентом и поведение самих депутатов. Стены нового учреждения довольно быстро покинули те, кто все еще оставался идеалистом, кто воплощал в себе тот тип народного представителя, который был присущ российскому менталитету. А оставшиеся из жертвующих собой во имя интересов народа перспективных лидеров в массе своей быстро превратились в парламентариев западного типа, а то и в политиканов, в стяжателей, обеспокоенных собственными жалованием, жильем, льготами и т.д. При этом они, облеченные властью и доверием общества, не гнушались в отношениях с исполнительной властью «менять право первородства на чечевичную похлебку».

Да и манера их поведения в стенах думы (достаточно вспомнить эскапады В. В. Жириновского и иже с ним) не улучшала имиджа народных избранников. В итоге второй российский парламент лишился авторитета в глазах народа и, как и первый, превратился в «пятое колесо» российской государственной машины.

Таким образом, мы можем констатировать печальный результат: все возвращается «на круги своя», рывок к демократии оборачивается для России возвращением к привычному авторитаризму. Лидер побеждает демократию.

Вопрос о лекарствах от болезни авторитаризма очень сложен. Но, во-первых, мы должны на достаточно длительный период смириться с сосуществованием элементов демократии и реликтами авторитаризма. Одновременно, во-вторых, необходимо укреплять парламент, увеличивать круг решаемых им задач, делать его более дееспособным в глазах общества. И, в-третьих, стоит отказаться от копирования исключительно западной модели, активно привлекать более понятный и приемлемый для российского общества национальный опыт.

Только создав действительно дееспособный новый парламент, опирающийся на национальные традиции, мы получим возможность постепенно развивать демократию, расширять сферы ее применения, сделаем ее приемлемой для народа. Тогда мы получим и новых, подлинно демократических лидеров, способных возглавить движение общества вперед.

¹ Известия. 2005. 29 сентября.

² Там же. 12 июля.

³ Там же.

⁴ Там же. 14 марта.

⁵ Там же. 5 сентября.

⁶ Там же. 9 августа.

⁷ Там же. 12 июля.

⁸ Там же. 1 ноября.

⁹ Там же. 15 июля.

¹⁰ Там же. 20 октября.

Л. Ю. Никифорова (Санкт-Петербург)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Разделение властей — один из основных признаков демократии как политического строя. Процесс становления законодательной власти в России конца 1980-х — начала 90-х гг. неоднозначно оценивается историками и политологами. Тем не менее, очевидно, что события тех лет наложили неизгладимый отпечаток на современный российский парламентаризм, во многом определили его особенности и пути развития.

Ни оппозиционная Б. Н. Ельцину Государственная дума образца 1993 г., ни, тем более, нынешняя дума, в которой подавляющее большинство составляют представители пропрезидентской партии «Единая Россия», не могут рассматриваться как серьезные соперники исполнительной власти. Этот и целый ряд других фактов, свидетельствующих о вторичной роли российского парламента в процессе управления государством, провоцируют появление в оппозиционных СМИ таких оценок, как «карманный парламента», «игрушечная оппозиция», «кремлевский проект» и т. п. Не случайно и появление широко обсуждаемого заявления спикера Государственной думы IV созыва Б. Грызлова о том, что «парламент — это не место для политических дискуссий».

Безусловно, такого рода оценки не могут не повлиять на восприятие парламента со стороны населения и особенно тех его групп, которые предпочитают пользоваться негосударственными источниками политической информации. Прежде всего, к таким группам относится молодежь, наиболее активно осваивающая Интернет и

потенциально восприимчивая к разного рода протестным настроениям.

Существуют различные точки зрения как на проблему участия молодежи в политике, так и на проблему эффективности такого участия. В частности, одним из основных вопросов, занимающих исследователей самых разных областей гуманитарной науки, является вопрос о том, обладают ли молодежные политические организации реальным влиянием на политический процесс. Решение этого вопроса не входит в задачи настоящего исследования. На наш взгляд, политическая активность молодежи, причины и механизмы политического поведения молодых людей, движущие ими мотивы заслуживают самого пристального внимания исследователей.

Понятие молодежной политической субкультуры довольно подробно описано в литературе. По мнению целого ряда специалистов, особенности этого феномена обусловлены, с одной стороны, социально-психологическим своеобразием молодежи, с другой — психологическими характеристиками отечественной политической культуры¹.

В этой связи, говоря о коммуникативных стратегиях молодежных политических организаций, мы должны учитывать как особенности общения в молодежной среде, так и характер коммуникативных стратегий в российском политическом дискурсе.

Понятие «коммуникативная стратегия» широко используется в современной лингвистике².

Под стратегиями коммуникативного воздействия в рекламе понимаются приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного для продвижения этого объекта на рынке³.

В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям⁴.

Коммуникативная тактика — это конкретные способы реализации стратегии. Для реализации одной стратегии могут быть использованы различные тактики. Например, стратегия дискредитации кандидата может быть реализована в тактиках предсказания печальных последствий, к которым может привести его избрание, в разнообразных упреках, в оскорблении кандидата, его близких и дорогих для него символов, в демонстрации негативных личных качеств кандидата (лживость, жадность, непоследователь-

ность, некомпетентность, необразованность, несамостоятельность и др.), в нелестных для политика сравнениях⁵.

Говоря о коммуникативных стратегиях субъектов политической деятельности, мы имеем в виду те коммуникативные средства, которые используются ими для достижения целей своей деятельности.

Ю.К.Пирогова предлагает различать в рекламном дискурсе два основных вида коммуникативных стратегий в зависимости от целей и задач адресанта:

1) позиционирующие стратегии, т.е. стратегии, формирующие определенное восприятие рекламируемого объекта;

2) оптимизирующие стратегии, т.е. стратегии, направленные на оптимизацию воздействия рекламного сообщения, на преодоление неблагоприятных условий коммуникации⁶.

Существует большое количество исследований, подтверждающих сходство рекламного и политического дискурсов по целому ряду характеристик. Это сходство становится особенно заметным в период предвыборных кампаний, когда перед субъектами политического процесса стоит в точности такая же цель, что и перед рекламистами, — а именно, «продать» или реализовать определенный товар на как можно более выгодных условиях.

Ю.К. Пирогова описывает те коммуникативные задачи, которые необходимо решить для достижения этой цели. Необходимо «выделить объект среди конкурентных объектов и акцентировать (или даже искусственно сконструировать) его привлекательные для адресата сообщения свойства (реальные и/или символические)»⁷. Кроме того, существуют и дополнительные коммуникативные цели, без достижения которых трудно достичь основной цели. Дополнительные цели связаны с преодолением неблагоприятных условий коммуникации, обусловленных особенностями восприятия такой информации и отношения к ней.

Таким образом, позиционирующие стратегии призваны обеспечить достижение основной коммуникативной цели, а оптимизирующие стратегии направлены на достижение дополнительных целей коммуникации.

В нашей работе мы исходим из того, что, несмотря на различия, бесспорно существующие между рекламным и политическим дискурсами, коммуникативные цели действующих в их рамках адресантов схожи.

Декларируемые цели молодежных политических организаций

различны и варьируют от уничтожения капиталистической системы и построения коммунизма (РКСМ(б), газета «Бумбараш») до «формирования новой культуры общественной деятельности, основанной на гуманитарных ценностях и принципах защиты прав человека» (Молодежное правозащитное движение, (<http://yhrm.narod.ru>)). Однако достижение любой из декларируемых целей предполагает привлечение к участию в организации людей, разделяющих соответствующую позицию и готовых своим поведением это подтвердить.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что основная коммуникативная цель любой молодежной организации (в случае если она не является закрытым объединением сродни религиозной секте или узкоспециализированному клубу по интересам) — это выделение себя из среды подобных организаций, акцентирование своих отличительных черт, привлекательных для определенных категорий молодежи. При этом необходимо учитывать, что в молодежном политическом дискурсе решение этой коммуникативной задачи способствует не только достижению основной цели деятельности организации, но и разрешению кризиса идентичности, который переживается в юношеском возрасте. Важность достижения и сохранения собственной идентичности для субъектов молодежного политического дискурса существенно отличает последний от дискурса рекламного, и часто именно эта цель определяет коммуникативную стратегию организации в целом.

Действительно, позиционирующие стратегии, используемые молодежными политическими организациями, носят качественно иной характер, чем те же стратегии, применяемые в рекламе. Причина, обуславливающая этот качественно иной характер, заключается в том, что наряду с целью занять определенную нишу «на рынке» аналогичных «товаров», для участников молодежных организаций существует и в большинстве случаев представляется более важной другая цель — сохранение собственной идентичности. Именно важностью этой цели объясняется внешне нелогичное поведение молодых политиков, предпочитающих раскол организации, например, ее блокированию с близким по декларируемым целям объединением. Этим же фактором, на наш взгляд, можно объяснить и многообразие молодежных организаций левого толка. Безусловно, между ними существуют и идеологические разногласия. По многим ли из рядовых членов этих организаций могут их внятно сформулировать?

Как отмечает петербургский социолог Т. Б. Щепанская, фактором размежевания молодежных политических организаций является жизненный стиль — те способы и формы позиционирования себя в социальном пространстве, которые предлагает та или иная организация своим участникам. Идеология при этом не играет существенной роли — даже наличие общих идей неспособно объединить молодых людей, если их жизненные стили различны⁸. В частности, поэтому так затруднено сотрудничество правых и левых молодежных организаций, казалось бы, готовых объединиться в борьбе против существующего режима.

Какие же позиционирующие стратегии используются молодежными организациями?

Поскольку мы взяли за основу одну из типологий коммуникативных стратегий, предложенную Ю. К. Пироговой, продолжим ее рассмотрение. Итак, в рамках стратегий первого типа (позиционирующих) в зависимости от решаемых коммуникативных задач в качестве более частных выделяются:

- 1) стратегии дифференциации, помогающие выделить рекламируемый объект в ряду конкурирующих;
- 2) ценностно-ориентированные стратегии, позволяющие связать рекламируемый объект с важными для целевой группы ценностными понятиями, и другие⁹.

Рассмотрим особенности реализации этих стратегий в молодежном политическом дискурсе.

Стратегии дифференциации реализуются с использованием как вербальных, так и невербальных средств.

Одной из основных невербальных коммуникативных тактик является создание определенного внешнего образа, который позволяет четко идентифицировать представителя соответствующего молодежного объединения. Такая тактика нередко используется в рамках самых разных молодежных субкультур. Трудно, например, перепутать с кем-либо панка или хиппи.

Наиболее интенсивно эта коммуникативная тактика используется представителями НБП. Членство в этой организации предполагает определенный стиль в одежде, в причёске, приветствуются татуировки и другие внешние признаки отличия.

Но даже молодежные организации, далекие от выбривания затылков и прочих способов унификации своих членов, как правило, имеют свои особенности, обусловленные своеобразием того жизненного стиля, которого они придерживаются.

К вербальным коммуникативным тактикам относится, прежде всего, использование определенных языковых конструкций — имеется в виду лексическое и стилистическое своеобразие языка различных молодежных организаций. Эти характеристики особенно ярко проявляются в печатных и электронных изданиях, циркулирующих в рамках организаций. Так, стиль речи более агрессивен у молодежных объединений национал-патриотического толка (НБП, молодежная «Родина»), подчеркнуто официален — у право-либеральной молодежи (СПС, Молодежное правозащитное движение), категоричен у левых молодежных организаций (РКСМ, СКМ). Отличительной особенностью языка последних является также его насыщенность сленговыми выражениями («разборки», «брать на понт», «менты» и т. п.) и идеологическими штампами («буржуазный образ жизни», «смерть капитализму» и др.).

Лексические, стилистические, семантические языковые конструкции, используемые в изданиях различных молодежных объединений, существенно отличаются между собой. Эти особенности представляют своеобразный код, опираясь на который можно определить социальные и психологические характеристики сторонников соответствующей организации.

Ценностно-ориентированные стратегии, т. е. стратегии, позиционирующие организацию как носителя ценностей, важных для определенных групп молодежи, также присутствуют в молодежном политическом дискурсе.

Основная коммуникативная тактика, используемая для реализации этой стратегии, — транслирование смысловых конструкций, соответствующих ценностям, разделяемым членами организации. Смысловые поля, в которых работают молодежные организации, очень различны. Причем создаются эти поля как языковыми, так и символическими средствами.

Большая часть молодежных организаций имеет свою символику, прочно ассоциирующуюся с той или иной символической системой и системой ценностей. Красный флаг, триколор, флаг с Че Геварой актуализируют различные смысловые конструкции.

Чем более размытой является символическая идентичность организации, тем больше внимания она должна уделять языковым средствам трансляции смыслов. В этом плане представляют интерес семантические особенности языка молодежных организаций. Эти особенности могут быть выявлены, например, посредством контент-анализа текстов, продуцируемых представителями различ-

ных сообществ и публикуемых в электронных и печатных СМИ. Действительно, тематика этих текстов, проблемы, освещаемые в них, предлагаемые пути решения этих проблем различны. Они отражают ценностные ориентации, свойственные определенным категориям молодежи.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что основной коммуникативной целью большинства молодежных политических объединений является выделение себя из среды подобных организаций, акцентирование своих отличительных черт, привлекательных для определенных категорий молодежи.

Для достижения этой цели и удовлетворения лежащей в ее основе психологической потребности сохранения собственной идентичности молодежные объединения активно используют позиционирующие коммуникативные стратегии, среди которых выделяются стратегии дифференциации и ценностно-ориентированные стратегии.

Используемые позиционирующие коммуникативные стратегии и тактики призваны обозначить различия жизненных стилей молодежных политических организаций, т. е. тех форм и способов позиционирования себя в социальном пространстве, которые предлагает та или иная организация своим участникам.

Обратимся к коммуникативным стратегиям второго типа — оптимизирующим стратегиям, т. е. стратегиям, направленным на преодоление неблагоприятных условий коммуникации.

Прежде всего, мы должны отметить тот факт, что как рекламный, так и политический дискурсы характеризуются крайне неблагоприятными условиями коммуникации. Ю. К. Пирогова справедливо отмечает, что реклама воспринимается, интерпретируется и оценивается иначе, чем информация нерекламного характера. Субъектам рекламного воздействия необходимо преодолеть невнимательное отношение к рекламе, «избегание» рекламной информации, отсутствие заинтересованности в ней, предубеждение и недоверие адресата¹⁰.

Аналогичные особенности характеризуют и политическую коммуникацию. Несмотря на заинтересованность в информации, большинство людей оценивают потери своего личного времени выше, чем выигрыш от анализа политических сообщений, поэтому восприятие политических текстов происходит в условиях минимизации затрат (времени, усилий)¹¹. Также актуальны для политического дискурса и проблемы предубеждения и недоверия адресата.

В этой связи субъекты политической деятельности вынуждены в большей или меньшей степени использовать оптимизирующие коммуникативные стратегии, к каковым относятся:

- 1) стратегии повышения притягательной силы и «читаемости» сообщения;
- 2) мнемонические стратегии, позволяющие повысить запоминаемость сообщения или его части;
- 3) аргументативные стратегии;
- 4) стратегии распределения информации по оси «более/менее важно», и др.

Даже судя по этому неполному перечню возможных видов оптимизирующих стратегий, мы можем с уверенностью утверждать, что коммерческая реклама и рекламный дискурс, в целом, используют этот тип стратегий в большем объеме и гораздо более эффективно, чем это делается в дискурсе политическом. Отчасти это можно объяснить тем, что привлечь внимание к рекламным сообщениям сложнее, чем к политическим, поскольку информация, содержащаяся в последних, изначально представляет интерес для большинства людей, в то время как реклама должна вызвать этот интерес самой своей формой, стилем презентации.

Другая немаловажная причина невостребованности оптимизирующих стратегий в политическом дискурсе заключается в том, что, за исключением периодов избирательных кампаний (когда политический дискурс наиболее близок к рекламному), политические партии и организации в большинстве своем не проявляют повышенной коммуникативной активности. Коммуникация, безусловно, осуществляется, но ее целью не является вовлечение в этот процесс как можно большего количества участников и, тем более, оптимизация самого процесса. Политики, как правило, не считают необходимым сделать свою речь более понятной, доступной для адресатов, не стремятся аргументировать свою позицию по тому или иному вопросу. На уровне партий эта тенденция выражается в том, что партийные программы разработаны очень слабо, похожи между собой, кроме того, ни одна из партий не акцентирует внимание на необходимости ознакомления с этим документом. На наш взгляд, некачественный характер коммуникации политических партий с населением, обуславливаемый, в первую очередь, ошибками адресанта, является одной из основных причин как несформированности партийных идентификаций в нашей стране, так и низкой политической активности населения в целом.

Что касается молодежных политических организаций, многие из которых представляют собой отделения «взрослых партий», то в их случае ситуация усугубляется тем, что они не участвуют в выборах, поэтому их коммуникация является еще более закрытой и еще менее ориентированной на вовлечение в этот процесс новых участников.

В рамках демократических культур основное предназначение молодежных политических организаций — это политическая социализация молодого поколения, подготовка квалифицированных кадров для «большой политики». Ту же функцию выполнял комсомол в Советском Союзе. Современные молодежные организации в большинстве своем являются достаточно закрытыми сообществами. В официальных СМИ информация о них фактически отсутствует, многие из них не имеют ни собственных периодических изданий, ни собственных сайтов в Интернете. При этом имеющиеся периодические издания ориентированы, в основном, на членов организации и на тех, кто уже является ее сторонником. В этом молодежная пресса не отличается от российской партийной прессы в целом¹³.

Редкими проявлениями коммуникативной активности на этом фоне являются театрализованные представления, организуемые молодежным «Яблоком». Однако эффект подобного рода акций резко снижается практически полным отсутствием их информационной поддержки.

Таким образом, можно констатировать, что оптимизирующие коммуникативные стратегии не используются подавляющим большинством молодежных политических организаций. В качестве причин этого можно обозначить, во-первых, несформированность функций современных молодежных организаций, многие из которых были созданы партийными структурами «сверху» и «для галочки»; во-вторых, особенности политического дискурса, приобретающего наибольшую открытость в периоды избирательных кампаний; в-третьих, институциональные причины — отсутствие заинтересованности государства в политическом участии молодежи. Исключение составляют попытки формирования прокремлевских молодежных организаций. Но в данном случае исключение скорее подтверждает общее правило, так как политика в отношении остальных молодежных объединений не меняется.

В целом, по результатам нашего анализа, мы можем сделать следующие выводы.

1. Изучение молодежных политических организаций как субъек-

ектов политической коммуникации позволяет реализовать психологический подход к исследованию политического участия молодежи. Субъект политической коммуникации осуществляет выбор коммуникативных стратегий и тактик, который является функцией цели деятельности организации и лежащих в ее основе психологических потребностей членов организации.

2. Одной из основных психологических потребностей, детерминирующих политическую активность молодежи, является потребность в идентификации — нахождении и сохранении собственной идентичности. Эта потребность обуславливает выбор тех или иных позиционирующих коммуникативных стратегий и тактик. Таким образом, психологический анализ позиционирующих стратегий, тактик и приемов, используемых молодежной организацией, позволит выявить характеристики того образа, к идентификации с которым стремятся ее участники, получив тем самым возможность прогнозировать их поведение. Это особенно актуально в условиях, когда большинство молодежных объединений представляют собой закрытые для посторонних сообщества, оказывающие довольно сильное влияние на своих членов.

В качестве инструментария психологической оценки коммуникативных стратегий и тактик молодежных политических организаций могут быть использованы как методы психологического анализа текстов, так и другие методы дистантной психодиагностики. Разработка методологии такого исследования является нашей перспективной задачей.

3. Для реализации основной коммуникативной цели субъектом политической коммуникации могут использоваться также оптимизирующие коммуникативные стратегии. Оптимизирующие стратегии необходимы для преодоления неблагоприятных условий коммуникации, поэтому сам факт их присутствия или отсутствия в репертуаре молодежной политической организации позволяет судить о векторе ее коммуникативной активности. В настоящий момент коммуникативная активность большинства молодежных объединений направлена вовнутрь, а не вовне, что резко сужает возможности их деятельности как субъектов политики.

¹ См., например: *Соловьева М.А.* Психологическая составляющая политической культуры молодежи (на примере студенческой молодежи Санкт-Петербурга): Автореф. дис. канд. психол. наук. СПб., 2006.

² См., например: *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999; *Паршина О. Н.* Виды коммуникативных стратегий в политическом дискурсе // *Материалы II Международного конгресса русистов-исследователей* (<http://www.msu.ru>)

³ См.: *Пирогова Ю. К.* Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // <http://www.dialog-21.ru>. СЛ.

⁴ См.: *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. С. 26.

⁶ См.: Там же. С. 26.

⁶ См.: *Пирогова Ю. К.* Указ. соч. С. 2.

⁷ Там же.

⁸ *Щепанская Т. Б.* Антропология молодежного активизма // *Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга* / Под ред. В. В. Костюшева. СПб., 1999. С. 262-265.

⁹ *Пирогова Ю. К.* Указ. соч. С. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Анисимова Т. В.* Некоторые особенности политических текстов // *Ананьевские чтения-98*. СПб., 1998.

¹² *Пирогова Ю. К.* Указ. соч. С. 3.

¹³ См.: *Корконосенко С. Г.* В политико-информационном пространстве — полный провал (<http://www.lenizdat.ru>) С. 1.

Е.А. Тарасова (Санкт-Петербург)

ДЕПУТАТСКИЕ ГРУППЫ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР-РФ В 1990-1993 гг.

Съезд народных депутатов РСФСР-РФ являлся особым институтом государственной власти в России в 1990-1993 гг. Можно согласиться с мнением исследователя российского парламентаризма, депутата Съезда народных депутатов РСФСР-РФ В.Н.Лысенко: «Съезд народных депутатов РСФСР 1990-1993 гг. был переходной формой, ступенью от советско-партийной системы к парламентской демократии. Его было бы правильнее назвать предпарламентом, "разночинским конвентом", куда впервые, вопреки всем рогаткам и препонам, большинство депутатов попало не по разнарядкам ЦК КПСС, обкомов и горкомов, а по воле избирателей»¹.

Начало кардинальным изменениям в политической системе СССР положили решения XIX Всесоюзной конференции КПСС, проходившей с 28 июня по 1 июля 1988 г., которые коснулись государственно-политической системы и определили основные направления ее реформирования. Одним из самых важных ее постановлений стало решение об обеспечении полномочия Советов народных депутатов «как основы социалистической государственности и самоуправления»². В соответствии с решениями XIX партконференции 1 декабря 1988 г. был принят Закон об изменениях и дополнениях Конституции СССР и Закон о выборах народных депутатов СССР³. Эти законы открыли новую эру в развитии государственной системы СССР. Высшим органом государственной власти становился Съезд народных депутатов СССР, который был правомочен решить любой вопрос, относящийся к ведению СССР.

Изменения в системе государственной власти СССР повлекли за собой реформы политической системы и в союзных республиках.

Следует, правда, отметить, что такой орган, как Съезд народных депутатов, был воспроизведен только в РСФСР. Первая конституционная реформа в РСФСР, зафиксировавшая в Основном законе новации в сфере высшей государственной власти, состоялась 27 октября 1989 г. Согласно этой реформе, высшим органом власти в РСФСР становился Съезд народных депутатов. Он избирался на альтернативной основе. Из 1068 депутатов, которые должны были составить Съезд, 900 избиралось от территориальных избирательных округов и 168 — от национально-территориальных. Так же как и Союзный, Съезд народных депутатов РСФСР мог принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР⁴.

В феврале 1990 г. широко развернулась предвыборная кампания народных депутатов РСФСР. Она во многом отличалась от той, которая проходила перед выборами народных депутатов СССР. Здесь необходимо учитывать тот факт, что в это время в советском государстве шло становление многопартийности, различные политические организации набирали все большую силу. В связи с малочисленностью и постоянными внутренними распрями, политические объединения вынуждены были вступать в блоки.

В ходе предвыборной борьбы народных депутатов РСФСР четко обозначились 3 политические силы: демократическое движение, коммунистическая партия и национально-патриотические объединения. Демократические силы объединились в предвыборный блок «Демократическая Россия» и развернули широкомасштабную агитацию в пользу своих кандидатов. 20-21 января в Москве был создан предвыборный блок «Демократическая Россия», учредителями которого стали кандидаты от двадцати двух регионов Российской Федерации. Мозговой центр этого блока составили представители Межрегиональной группы народных депутатов⁵.

Коммунистическая партия также понимала важность предстоящих выборов, поэтому она стремилась использовать все возможности для победы своих кандидатов. Национально-патриотические силы обладали наименьшими возможностями в области пропаганды и технической организации. Тем не менее, это не мешало им образовать предвыборный блок «Общественно-патриотическое движение России» и принять участие в выборах народных депутатов.

На выборах народных депутатов РСФСР отменялось представительство общественных организаций, окружные предвыборные собрания в большинстве округов были отменены. Для избрания

необходимо было набрать более 50% голосов избирателей, участвовавших в голосовании. Выборы признавались действительными, если в них принимало участие не менее половины списочного состава избирательного округа.

В ходе избирательной кампании 1990 г. прослеживается схожесть методов политической борьбы с предвыборной кампанией 1989 г. Волна митингов захлестнула страну. При этом следует отметить, что митингов, проведенных в поддержку радикально-демократически ориентированных кандидатов, было больше, чем в ходе предвыборной борьбы кандидатов другого толка. СМИ также уделяли гораздо больше внимания радикально-демократическому движению.

Выборы состоялись 4 марта 1990 г. Средствами массовой информации, а затем и в исследовательских работах они были названы первыми подлинно демократическими в истории России, так как в предвыборной борьбе соперничали кандидаты от различных политических партий и движений.

Первый Съезд народных депутатов РСФСР открылся 16 мая 1990 г. в 10 часов утра в Большом Кремлевском дворце. В выборах приняли участие 77% избирателей, при этом положенные 1068 депутатов были отобраны из 6705 кандидатов⁶. Это показывает высокий уровень ответственности на выборах 1990 г. В избранном депутатском корпусе 86,3% мест принадлежало членам и кандидатам в члены КПСС, соответственно 13,7% — беспартийным. При этом членство в КПСС в большинстве случаев было формальным, и в своей предвыборной агитации кандидаты в депутаты зачастую были уже весьма далеки от коммунистической идеологии. (Среди депутатов РСФСР большинство, 93,9% избирались впервые; 92,7% депутатов имели высшее образование, а 20,6% — ученые степени⁷).

На I Съезде народных депутатов РСФСР были образованы 21 депутатские группы, среди которых наиболее многочисленной (355 человек) была группа «Коммунисты России». Были также созданы группы: «Смена» (51 человек), «Продовольствие и здоровье» (183), группа по вопросам воспитания, образования, науки и культуры (71), группа Медицинских работников (97), группа Федерации независимых профсоюзов (89), группа народных депутатов, созданная по профессиональному признаку, — от Вооруженных сил, КГБ, офицеров запаса (55), группа «Север» (83), группа народных депутатов «Чернобыль» (69), группа народных депутатов от автоном-

ных республик (83), группа народных депутатов «Гласность» (51), группа «Рабоче-крестьянский союз» (72), группа беспартийных депутатов (61), группа правовых работников (65), группа работников транспорта, связи и информатики (51), группа по проблемам беженцев и защите прав российских соотечественников (51), группа «Центральная Россия» (126), группа депутатов-специалистов по экономике и управлению (61), группа «Дальний Восток и Забайкалье» (62), «Демократическая Россия» (66), «Экология» (83), Московская депутатская группа (64), Уральская группа народных депутатов (65), группа «За возвращение гражданства Солженицыну» (53 человека)⁸.

Депутатские группы создавались как свободные объединения народных депутатов, при этом членство в той или иной депутатской группе не было связано для депутата ни с какими обязательствами по голосованию. Депутат имел право состоять одновременно в нескольких депутатских группах, порой различных по политической ориентации. Был создан Совет политических депутатских групп, призванный координировать их работу. Лидеры депутатских групп организовывали внепарламентские политические объединения, движения и партии в поддержку своей деятельности. Как отмечают исследователи, костяк партии составляли 5-10 человек, активно участвующих в работе депутатской группы, остальные члены вступали в ту депутатскую группу, программа которой наиболее импонировала им по политической позиции, а также по принадлежности того или иного депутата к определенной сфере общественной жизни⁹.

Депутатские группы I Съезда народных депутатов РСФСР принадлежат преимущественно к трем политическим направлениям, сложившимся еще в период выборов, — это демократическое движение, консервативное направление (куда можно отнести различные политические объединения, придерживающиеся коммунистической идеологии) и национально-патриотические силы. При этом следует учитывать, что, имея свою позицию по основополагающим проблемам политического и экономического развития РСФСР, первоначально большинство депутатских объединений ставили основной задачей решение конкретных проблем в тех областях жизни страны и тех избирателей, интересы которых они представляли на Съезде. Например, «Группа работников транспорта, связи и информатики», «Группа по проблемам беженцев и защите прав российских соотечественников» и др.

В составе депутатского корпуса Российской Федерации на V Съезде насчитывалось уже 15 депутатских групп: «Коммунисты России» (357 человек), «Аграрный союз» (111), «Беспартийные депутаты» (55), «Коммунисты за демократию» (96), «Левый центр» (65), «Суверенитет и равенство» (50), «Смена — Новая политика» (51), «Промышленный союз» (58), «Рабочий союз» (53), «Отчизна» (70), «Россия» (74), «Демократическая Россия» (69), «Радикальные демократы» (55), «Российский союз» (51), «Объединенная фракция демократов и республиканцев» (52 человека)¹⁰. Многие группы поменяли только название, сохранив практически без изменений программу и состав. Например, группа «Аграрный союз» ранее носила название «Продовольствие и здоровье».

К V Съезду народных депутатов РСФСР (июль 1991 г., сентябрь-ноябрь 1991 г.), депутатские группы уже стали именовать себя фракциями. Хотя классическому определению парламентской фракции как «группы депутатов парламента - членов одной или нескольких политических партий и движений, которая проводит в парламенте определенную линию»¹¹ фракции Съезда народных депутатов соответствовали не вполне, в ходе работы V, VI и VII Съездов их роль и статус изменялись. Эволюционируя и оформляясь, фракции становились всё более значительной политической силой в жизни российского общества. Программы фракций отражали важнейшие вопросы современной политической ситуации в России, многие фракции даже предлагали свои проекты новой Российской Конституции, альтернативные проекту Конституционной комиссии при Верховном Совете РФ.

Причина, по которой мы не можем назвать депутатские группы — фракции Съезда народных депутатов РФ классическими фракциями, состоит, прежде всего, в особенностях Съезда как уникального органа государственной власти, призванного эволюционным путем изменить действующую политическую систему. С самого начала своего существования Съезд вносил поправки в действующую Конституцию, видоизменяя существующие институты власти, создавая новые (например, институт президентства). Обращаясь как к материалам Съездов, так и к мемуарной литературе, можно отметить, что Съезд рассматривался самими депутатами как некая переходная форма, и депутаты различных политических убеждений признавали необходимость создания новой государственности.

В период существования Съезда изменялись не только действу-

ющая Конституция и политическая система, изменялись и взгляды депутатов. Если на I Съезде большинством голосов была принята Декларация о независимости РСФСР и депутаты практически единодушно выступали за суверенитет Республики, то на VI Съезде большинство депутатов отказались ратифицировать Беловежские соглашения. Серьезным испытанием для депутатского корпуса стали экономические реформы, начатые правительством России в 1992 г. В условиях экономического краха и кризиса, охватившего все сферы российской жизни, депутаты меняли свои убеждения, переходя из рядов сторонников реформ в число их непримиримых противников, и наоборот.

Анализ материалов Съездов народных депутатов, а также мемуарной литературы показывает, что депутаты руководствовались в своих решениях в первую очередь собственными политическими убеждениями и собственной оценкой ситуации. В связи с развитием конфликта между Съездом народных депутатов и Верховным Советом РСФСР-РФ, с одной стороны, и Президентом РСФСР-РФ и структурами исполнительной власти — с другой, это положение нередко негативно оценивалось противниками Съезда народных депутатов, поскольку не представляло возможности не только управлять Съездом, но даже и предсказать его решения.

Так, на VI Съезде против политики «шоковой терапии» выступили как депутаты левого крыла — «Аграрный союз», «Коммунисты России», так и члены депутатских групп «Россия», «Отчизна», «Суверенитет и равенство», «Промышленный союз», «Смена» и даже многие представители радикального фланга: депутаты групп «Рабочий Союз», «Свободная Россия», «Демократическая Россия», «Радикальные демократы» и др.¹² На VII Съезде народных депутатов, когда Б.Н. Ельцин совершил первую попытку упразднения Съезда, вопреки его расчетам большинство депутатов отказались покинуть зал вслед за президентом, и Съезд сохранил необходимый для продолжения работы кворум.

Не случайно Б.Н.Ельцин в книге «Записки Президента» чрезвычайно нелестно отзывается о Съезде народных депутатов РСФСР-РФ: «Созданный перестройкой съезд должен был отражать структуру советского общества — компартия имеет особое место, профсоюзы, спортсмены и филателисты — особое, творческие союзы — тоже, ну и так далее. Но главное, что в момент выборов никого, кроме прежнего "начальства" реально в политической жизни не было — за них и голосовали. Страна у нас, конечно, большая.

И все-таки 1,5 тысячи человек — это уже не парламент, не сенат, а какое-то народное вече... Когда в парламенте 1,5 тысячи человек, возникает огромное количество фракций, вербующих себе сторонников, плюс огромное количество независимых депутатов... Это арена беспощадной политической грызни, схватки амбиций. Это, прежде всего, крики у микрофона, это истерики, раскаленные эмоции»¹³.

Думается, давая такое определение Съезду, Б.Н.Ельцин пытается оправдать свои антиконституционные действия декабря 1992 г., а также марта и сентября-октября 1993 г., умышленно искажая картину. Выборы народных депутатов РСФСР 1990 г. привели к власти людей различных политических убеждений, которые в большинстве своем не принадлежали к партноменклатуре. Выборы весны 1990 г. были альтернативными, состязательными и свободными¹⁴, а сам Съезд первоначально назывался демократическим (заметим, что состав Съезда практически не изменился за 3 года его существования). Между тем сам президент, а также более 90% чиновников исполнительных структур как раз являлись тем самым «начальством»¹⁵, причем далеко не последнего звена.

В период существования Съезда народных депутатов мы можем заметить тенденцию к уменьшению количества депутатских групп.

I Съезде их был 24, на V — 15, на VII — 14. Сравнивая эти данные с количеством фракций и депутатских групп в составе Государственных дум первого, второго и третьего созывов, мы можем увидеть сопоставимые цифры. Так, в Государственной думе первого созыва насчитывалось 12 фракций и депутатских групп, кроме того, существовал еще ряд нелегальных объединений (численностью менее 35 чел.), в Государственной думе второго созыва — 4, третьего созыва — 9¹⁴. При этом общая численность депутатов Государственных дум была в несколько раз меньше численности Съезда народных депутатов РСФСР-РФ 1990-1993 гг. Что же касается избытка эмоций на Съезде, на наш взгляд, их количество не превышало допустимой нормы для нормальной работы этого органа государственной власти.

На VII Съезде народных депутатов РФ была проведена регистрация фракций с целью устранения параллельного членства в них. По итогам регистрации 14 декабря 1992 г. были признаны существующими 14 фракций: «Аграрный союз» (отв. координатор М.И. Лапшин), «Демократическая Россия» (В.В. Волков),

«Коммунисты России» (И. П. Рыбкин), «Левый центр — сотрудничество» (Д. А. Волкогон, Е. В. Васин), «Отчизна» (Б. В. Тарасов), «Промышленный союз» (Ю. Г. Гехт), «Радикальные демократы» (С. Н. Юшенков), «Рабочий союз — реформы без шока» (В. В. Чернов), «Родина» (В. И. Морокин), «Россия» (С. Н. Бабурин), «Свободная Россия» (И. В. Виноградова), «Смена» (А. Л. Головин), «Согласие ради прогресса» (Ю. М. Нестеров), «Суверенитет и равенство» (У. Е. Немиров)¹⁷.

К VII Съезду народных депутатов РФ многие депутатские группы уже были объединены в блоки. Начало этому процессу положил VI Съезд народных депутатов РФ, когда критическое экономическое положение в стране в связи с проведением политики «шоковой терапии» требовало внимательной оценки и корректировки курса реформ. Блок «Русское единство» (в его состав вошли фракции «Аграрный союз», «Гражданское общество», «Коммунисты России», «Отчизна», «Россия») объявил себя оппозиционным по отношению к правительству и президенту и требовал немедленного прекращения политики «шоковой терапии». «Парламентская коалиция реформ» (преимущественно члены фракций «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы») выступила за согласованную корректировку курса реформ. Также был образован блок «Созидательные силы» («Промышленный союз», «Рабочий союз — реформы без шока», «Смена — Новая политика»), занимающий центристскую позицию. На VII Съезде к трем существующим блокам добавился блок «Демократический центр» (в него вошли «Беспартийные депутаты», «Левый центр — сотрудничество», «Свободная Россия», «Суверенитет и равенство»), отличительной чертой которого стала критика проводимых правительством экономических реформ, но одобрение действий президента.

Как отмечают исследователи, хотя теоретически в каждом блоке состояло несколько фракций, фактически в них наблюдалось индивидуальное членство, когда член фракции, входящей в блок, не считал себя членом блока, и наоборот, депутат, не входящий ни в одну из фракций, входил в один из четырех блоков¹⁸.

VIII, IX и X Съезды народных депутатов РФ носили чрезвычайный характер и не внесли существенных изменений в процесс формирования депутатских групп. Программы фракций, оформившиеся к VII Съезду, также не претерпели значительных трансформаций.

Представляется, что важнейшим элементом при изучении депутатских групп Съезда народных депутатов РСФСР-РФ являются именно их программы. Поскольку подавляющее большинство депутатов относилось к членам той или иной фракции, анализ программ фракций позволяет выделить те проблемы, которым на Съезде придавалось максимальное значение. Прежде всего, следует отметить проблему «Россия — Союз», нашедшую отражение в программах большинства фракций. При различном понимании статуса будущего союзного государства добровольный союз суверенных государств как единое экономическое, социальное и политическое общество («Россия»), экономический союз независимых государств («Демократическая Россия»), восстановление федеративных связей с некоторыми республиками («Свободная Россия») и др. — все фракции выступали за необходимость сохранения тесного сотрудничества с бывшими республиками СССР и нового Союза. Второй важнейшей проблемой стали экономические преобразования в РФ. Необходимость реформирования существующей экономической системы понимали все фракции, но лишь немногие (например, «Демократическая Россия») поддерживали «шоковую терапию». Большинство фракций выступали за создание смешанной экономики при регулирующей роли государства. Третья проблема — характер новой государственности России. Большинство фракций считали необходимым установление парламентской республики или же республики парламентско-президентской. Предложенный же президентом Б. Н. Ельциным проект Конституции, предусматривающий создание президентской республики с гипертрофированными полномочиями президента, не поддержало даже большинство депутатов, относящих себя к фракции «Демократическая Россия». Также среди ключевых проблем России начала 1990-х гг. можно отметить проблемы духовного состояния российского общества, отношения со странами Западной Европы и США, проблемы социальной ритности населения и др.

Программы фракций позволяют оценить общие настроения (съезда, выделить общую политическую линию, увидеть потенциал (съезда как органа государственной власти).

Съезд народных депутатов прекратил свое существование в результате трагических событий сентября-октября 1993 г. в России. Вместе с разрушенным зданием Дома Советов ушла в прошлое эпоха становления демократии в России, эпоха эволюции политической системы, эпоха надежд, политической свободы и ис-

кренной веры как большинства населения России, так и народных избранников в возможность самостоятельно решать судьбу своей страны, медленно и тяжело, но отвоевывать право России на выработку своего пути развития. Депутаты Съезда, объединяясь в группы и фракции, вносили свой вклад в политику России начала 1990-х гг., предлагали решения важнейших проблем этого времени. Изучение фракций Съезда народных депутатов РСФСР-РФ 1990-1993 гг. является неотъемлемым элементом исследования процесса эволюции политической системы России начала 1990-х гг.

О. А. Тарасов (Рязань)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЯЗАНСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ВО ВРЕМЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1993 Г.

Данный материал представляет собой попытку освещения деятельности партийных структур и политических организаций Рязанской области в 1992-1993 гг. — как в период, непосредственно предшествующий избирательной кампании, так и во время самой кампании по выборам депутатов Государственной Думы. Дело в том, что результаты голосования 12 декабря 1993 г. невозможно адекватно объяснить только исходя из логики самой кампании. По оценкам исследователей, она имела ряд особенностей, была «скоротечной и скомканной» и проходила, по сути, в чрезвычайных условиях, определявшихся событиями, лежащими «за кадром» самой кампании, стержнем которых стал конфликт между Президентом РФ и Верховным Советом¹.

Одним из самых заметных процессов партийной жизни в регионе в 1992-1993 гг. стала ожесточенная борьба за рязанскую областную организацию Демократической партии России. ДПР была старейшей и сильнейшей партийной организацией, созданной в 1990 г. на базе рязанского «Клуба избирателей» — в основном, людей с антикоммунистическими убеждениями. После августовских событий 1991 г. местное отделение ДПР находилось на подъеме и активно готовилось к грядущим выборам глав местных администраций. Но после отмены выборов партийная активность пошла на спад. Однако, несмотря на сокращение партийных рядов, ДПР к началу 1992 г. оставалась самой мощной организацией Рязанской области, имеющей отделения во всех районах области и численность до 1000 человек.

© О. А. Тарасов, 2006

- ¹ Лысенко В. Н. Десять лет современного российского парламента: Некоторые итоги и перспективы. М., 2000. С. 3.
- ² Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 37-38.
- ³ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1988. №49. Ст. 727, 729.
- ⁴ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1989. №44. Ст. 1303, 1304.
- ⁵ Согрин В. Политическая история современной России. М., 1994. С. 59.
- ⁶ Челюков М. Россия без Союза, Россия без России... М., 1994. С. 27.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Парламентские фракции и блоки: Справочник для парламентских журналистов. Приложение к информ. бюл. «Парламентская неделя». М., 1993. С. 28.
- ⁹ См. Лысякова Л. М. Фракции и блоки Российского парламента. М., 1993; Прибыловский В. Политические фракции и депутатские группы Российского парламента. М., 1993.
- ¹⁰ Парламентские фракции и блоки. С. 30.
- ¹¹ Российский энциклопедический словарь // www.ensc.mail.ru
- ¹² Реванш. Недопереыворот: Версия центра «РФ-Политика». М., 1994. С. 90-91.
- ¹³ Ельцин Б. Записки Президента. М., 1994. С. 228-229.
- ¹⁴ См.: Авакьян С. А. Выборы народных депутатов: Пособие для избирателей. М., 1990.
- ¹⁵ Политическая Россия сегодня (Исполнительная власть, Конституционный Суд, лидеры партий и движений): Справочник. М., 1993.
- ¹⁶ Кынев А. Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации // www.krugosvet.ru
- ¹⁷ Прибыловский В. Указ. соч. С. 2.
- ¹⁸ См. Лысякова Л. М. Указ. соч.; Прибыловский В. Указ. соч.

Политика Н. И. Травкина и центрального руководства, направленная на укрепление организации, отдаление от реформаторского движения «Демократическая Россия» и сближение с центристскими организациями, не могла устраивать лидера рязанских «демокроссов», мэра Рязани В. В. Рюмина, являвшегося твердым сторонником реформаторского курса президента Б. Н. Ельцина.

До этого момента он успешно контролировал региональную организацию ДПР — как ее руководство, так и некоторых рядовых партийцев, которые воспринимали себя и свою партию как часть движения «Демократическая Россия». Однако постепенно ситуация стала изменяться.

В конце марта 1992 г. прошла совместная пресс-конференция представителей областных организаций ДПР и Народной партии «Свободная Россия», которая была посвящена вопросу создания единого блока, решение о котором было уже принято центральными органами на конференции 14 марта в Москве. На пресс-конференции председатель исполкома ДПР Н. М. Райков изложил точку зрения партийного руководства на задачи создаваемого блока. Было озвучено политическое требование перехода от президентской формы правления к парламентской, которое ясно свидетельствовало о том, на чью сторону встали ДПР и НПСР в конфликте между исполнительной и законодательной ветвями власти.

Более того, на пресс-конференции руководством ДПР было сделано заявление о «необходимости диалога с другими партиями, в том числе коммунистической ориентации», с которыми «имеются некоторые точки соприкосновения»².

Уже через два месяца, в конце мая, смена курса ДПР была закреплена и оформлена сменой областного руководства партии. Бывший председатель А. В. Дашков, совмещавший партийный пост с должностью директора коммерческого департамента мэрии Рязани, был переизбран. Причем в момент переизбрания он находился в служебной командировке. Формальным поводом для отставки стало очевидное ослабление позиций партии в регионе. По мнению большинства однопартийцев, именно руководящая деятельность А. В. Дашкова привела к тому, что партийная жизнь в районных организациях оказалась «заброшенной».

Некогда заметная в Рязанской области сеть ДПР характеризовалась теперь, по словам Н. М. Райкова, «слабой финансовой базой, трудностями с подбором кадров и недостаточным использованием местных средств массовой информации»³.

Однако, скорее всего, реальной причиной переизбрания Л. В. Дашкова стала его близость и зависимость от В. В. Рюмина, мастерски использовавшего, со слов его окружения, «неформальные» контакты со многими партийцами, когда «за чашкой чая или рюмкой водки многие негласные согласования проходят гораздо успешнее и менее кичливо»⁴.

Новым лидером рязанской областной организации ДПР стал предприниматель, председатель АО «Труд» Н. Н. Агибалов, который был избран большинством голосов, опередив второго претендента, депутата горсовета А. А. Иванова. Председателем политсовета был избран депутат горсовета В. А. Пожарский.

Обновление руководящего звена не внесло успокоения во внутривнутрипартийную жизнь. Несмотря на заявления сторонников Н. Н. Агибалова о том, что он «имеет авторитет в предпринимательских кругах, в администрации города и области,.. способен трезво оценить происходящие политические события и вести организацию взвешенным курсом»⁵, эта фигура изначально устраивала не всех. Поэтому внутривнутрипартийные разногласия как политического, так и личностного характера продолжали тлеть.

Кроме того, самостоятельный предприниматель Н. Н. Агибалов, ориентированный на политику Н. И. Травкина, совершенно не устраивал В. В. Рюмина. Мэр, сделав ставку на проигравшего выборы А. А. Иванова, продолжил курс на создание внутренней оппозиции в рязанской ДПР. Во весь голос эта оппозиция заявила о себе 7 декабря 1992 г. на очередной конференции областной организации ДПР.

Руководство было подвергнуто критике за то, что наметившиеся ранее негативные тенденции в партии не прекратились, а усилились. За год организация значительно уменьшилась. По подсчетам самих партийцев, на тот момент в области насчитывалось не более 450 членов ДПР. Кроме того, руководство так и не смогло решить вопрос о создании собственной газеты. Оппозиция упрекала Н. Н. Агибалова и в том, «что год назад была команда и был лидер, а сейчас каждый играет в одиночку»⁶.

На конференции кроме уже привычных союзников из НПСР и Г'есиубликанской партии России присутствовал в качестве представителя «Движения демократических реформ» советник рязанского мэра по идеологии В. Ерохин, который, по всей видимости, выполнял функции «теневого руководителя» оппозиции.

Подвергнув критике местное руководство и дав нелюбезный

ную оценку деятельности рязанской парторганизации, оппозиционеры подняли вопрос о целесообразности вхождения ДПР в «Гражданский союз». Кульминацией стало требование проголосовать по вопросу о недоверии как Н.И. Травкину, который «без учета мнения рядовых членов партии пошел на сближение с Вольским и Руцким», так и Н.Н. Агибалову.

После того как большинство присутствующих эти предложения не поддержало, немногочисленная оппозиция покинула зал. Однако через близкие В.В. Рюмину средства массовой информации ее представители заявили о произошедшем расколе в ДПР и даже отправили телеграмму Б.Н. Ельцину от имени конференции областной организации ДПР. В ней говорилось о «поддержке курса радикальных экономических реформ и предложений Президента о введении стабилизационного периода до осени 1993 г.»⁷.

С началом 1993 г. конфликтующие стороны начали масштабную информационную войну. Направляемые В.В. Рюминым «радикалы» со страниц газеты «Вечерняя Рязань» требовали от руководства рязанской ДПР пойти против центральной линии партии, вернуться в лоно «Демократической России» и оказать действительную поддержку президентскому курсу реформ. Н.Н. Агибалов, использовавший в качестве партийной прессы газету «Молодежный курьер», активно пропагандировал идею Н.И. Травкина о вхождении ДПР, наряду с НПСР и другими оппозиционными президентскому курсу организациями, в центристский блок «Гражданский союз».

Данная позиция регулярно подтверждалась в многочисленных совместных заявлениях руководящих органов рязанских ДПР и НПСР о «необходимости преобразования Советов конституционным путем на основе новой Конституции, которая будет предусматривать более эффективную систему представительной и исполнительной властей»⁸.

В рязанском тандеме ДПР-НПСР последняя выглядела значительно слабее и во всех начинаниях выступала в роли ведомой. «Партия Руцкого» впервые проявилась в области в апреле 1991 г. после создания движения «Коммунисты за демократию». Однако даже на момент пика популярности в Рязани насчитывалось не более 90 ее активных членов, а к 1993 г. их осталось около 20. Разветвленной организационной сети, как у ДПР, у рязанских активистов НПСР не получилось. Несмотря на это, НПСР также перенесла попытку «приватизации» ее мэром Рязани В.В. Рюми-

ным. Попытка не увенчалась успехом. Руководство местной НПСР (С.В. Кондаков и Т.Н. Фролова) осталось верным курсу своих центральных органов и позиционировало себя как «центристскую партию умеренно социал-демократического типа»⁹. Партийное руководство питало надежды на то, что, несмотря на свою малочисленность, «Партия Руцкого» вскоре сможет перерасти в «президентскую партию».

Встав в конфликте исполнительной и законодательной властей на сторону последней, рязанские «центристы» требовали от своих сторонников активно воздействовать на местные органы исполнительной вертикали, строже следить за всеми их действиями и «не позволять свершиться чиновничьему произволу»¹⁰. Призывали «поддержать все те действовавшие властные структуры, которые направлены на разрешение кризисной ситуации в рамках Конституции и законодательства РФ»¹¹. Принимали решения, открыто осуждавшие действия президента Б.Н. Ельцина.

Информационная активность НПСР и ДПР зимой-весной 1993 г. во многом объяснялась приближением референдума о доверии политике Президента РФ. Непосредственно перед голосованием Н.Н. Агибалов и С.В. Кондаков обращали внимание своих сторонников на то, что «их вопросы касаются досрочного проведения выборов как законодательной, так и исполнительной власти на многопартийной основе», два первых же вопроса определялись как «очевидно провокационные»¹².

По итогам апрельского референдума политические предпочтения в области прояснились. Было зафиксировано существенное нарастание недовольства реформаторской политикой. Рязанская область высказала Президенту РФ «заметьно меньшее одобрение его политики (45%), чем среднероссийский избиратель (53%)». При этом наиболее неблагоприятные для Президента показатели ответов отмечались там, где в 1991 г. он имел весьма высокие показатели голосования за него (областной центр, крупные райцентры, ряд крупных районов)¹³.

Кроме того, доверие президенту Б.Н.Ельцину оказали лишь 48% жителей Рязанской области (по России — около 58%), за идею досрочных выборов всех ветвей власти рязанцы высказались также решительнее, чем средний россиянин: за перевыборы президента — 56% (по России — около 31%), за досрочные выборы депутатов — 63% (по России — 43%).

Данные, полученные в ходе референдума, свидетельствовали о

том, что, несмотря на то (а возможно, и вследствие того?) что исполнительная власть в регионе представлена «демократическими силами», область уверенно приобретала статус консервативного региона. Хотя для местных властей итоги и не должны были быть совершенной неожиданностью.

Косвенными свидетельствами такого хода событий являлся достаточно быстрый процесс восстановления в Рязанской области коммунистической идеологии и организаций коммунистического толка. Организовав в начале 1992 г. серию митингов с требованием возрождения коммунистической партии, уже в феврале 1993 г. рязанские коммунисты смогли провести восстановительную конференцию областной организации. В ходе работы конференции были избраны два сопредседателя: заместитель генерального директора завода САМ, лидер движения «Трудовая Рязань» Л. М. Канаев и секретарь городского комитета партии В. Н. Федоткин.

Этой конференции предшествовала довольно активная работа по восстановлению сети районных организаций. К февралю 1993 г. в Рязанской области Коммунистическая партия стала сильнейшей партией в организационном и кадровом плане. На XXV областную конференцию прибыли 138 делегатов, представлявших 2000 рязанских коммунистов¹⁴.

Не случайно представители ДПР, до того монопольно обладавшие достаточно развитой партийной сетью в области, начали с тревогой задаваться вопросом «когда и как коммунисты перейдут к решению главной задачи — к борьбе за власть»¹⁵.

Как ни странно, подобной озабоченности не существовало у представителей «демократической власти» в Рязани, или они ее явно не демонстрировали. По крайней мере, анализируя развитие политической ситуации в Рязанской области весной 1992 г., советники В. В. Рюмина пребывали в уверенности, что коммунистическое движение не представляет никакой угрозы, ибо «зримое разочарование, доходящее до откровенного отвращения ко всякой политике вообще, превалирует у обывателя»¹⁶.

Другой ключевой проблемой, остро вставшей перед исполнительной властью в Рязани после проведения референдума, стало полное отсутствие политической опоры в демократическом движении в виде какой-либо влиятельной и авторитетной организации либерального толка.

С осени 1991 г. начался резкий спад активности демократических организаций в регионе. Объяснялось это и общеполитической

ситуацией в стране, и ошибками местных лидеров «Демократической России». Тогда же В. В. Рюмин приложил немало усилий для создания «Движения демократических реформ», однако эта попытка оказалась явно неудачной, а местная организация ДДР сразу стала объектом критики как «номенклатурная структура». В итоге, по мнению многих наблюдателей, была создана «очередная, практически недееспособная "демократическая тусовка", не получившая ни веса, ни признания»¹⁷.

Итоги референдума в Рязанской области обнажили весь набор проблем и требовали от администрации каких-либо активных действий, для того чтобы переломить ситуацию. Действия были предприняты, но, в основном, деструктивного характера. Сразу же после референдума была резко активизирована оппозиция в ДПР. Трактую общероссийские итоги голосования как подтверждение правильности своей линии, ряд членов ДПР во главе с депутатами горсовета А. А. Ивановым и Г. А. Шерозия выразили недоверие лидеру партии Н. И. Травкину. Они вновь потребовали отставки руководства, выхода из «Гражданского союза», безоговорочной поддержки Б. Н. Ельцина и возвращения организации в «Демократическую Россию».

Ответом им стало расширенное заседание правления РОО ДПР 17 мая 1993 г., на котором была принята Политическая декларация. В ней утверждалось, что большинство членов партии поддерживают позицию лидера и правления по созданию «Гражданского союза», но признавалось, что «наличие в партии людей, понимающих демократию так, как понимают ее лидеры "Демократической России", делает невозможной конструктивную деятельность партийной организации»¹⁸.

Принятая Декларация послужила поводом для демонстрации недовольства, копившегося в партии. Уже на следующий день, 18 мая, в конференц-зале рязанской мэрии состоялось собрание членов ДПР, на котором было принято решение о создании городской партийной организации в противовес «диктаторской линии» Н. Н. Агибалова, который, по словам одного из инициаторов этого проекта, «подпитывая областную организацию финансово, практически стал ее хозяином».

Данная инициатива не имела никакой юридической перспективы, так как существование городской организации не предусматривалось уставом ДПР. Однако, широко разрекламированная в средствах массовой информации, она, несомненно, повредила имиджу

партии. В дальнейшем игра на обострение и взятая на вооружение оппозиционерами тактика дискредитации партии в глазах избирателей были использованы 12 июня 1993 г. на областной конференции. И хотя стандартный набор требований оппозиции вновь не нашел поддержки большинства, разгоревшиеся скандалы и споры, спланированные недовольным меньшинством, достигли своей цели. Присутствовавший на конференции председатель правления центрального органа ДПР В. Хомяков заявил, что «после такого об избирательной кампании говорить нечего»²⁰.

И все же, несмотря на очевидный раскол, произошедший внутри самой партии, рязанская ДПР не прекращала попыток создания перед грядущими выборами «мощного центристского блока». По ее инициативе было подписано соглашение о сотрудничестве с представителями НПСР, «Союза рязанских казаков», обкома «Российского союза молодежи» и отделения «Российского христианско-демократического движения».

Перспективы центристов выйти на выборы единым блоком, вкупе с консолидировавшими свою часть политического спектра представителями КПРФ, являлись серьезной проблемой для демократической власти, так и не сумевшей создать противовеса этим организациям. Положение, подобное рязанскому, наблюдалось во многих регионах, и неудивительно, что для решения сложившейся проблемы был избран вариант, лежащий вне правового поля. Развязкой конфликта как на федеральном, так и на региональном уровнях стали известные московские события 21 сентября-4 октября 1993 г.

Глава администрации Рязанской области Л. П. Башмаков поддержал действия президентской стороны, но, по мнению некоторых, недостаточно решительно. Более острой и однозначной стала реакция мэра Рязани В. В. Рюмина. В дни конфликта он обратился к прокурору области с предложением предупредить «рязанских руководителей коммунистических фракций и движений, а также граждан, считающих себя лидерами оппозиции, на предмет недопущения эскалации насилия». В «черный список» мэра вошли 14 человек — в основном, представители КПРФ, «Трудовой Рязани», ДПР и НПСР. Кроме того, объявлялась запрещенной деятельность организации «Трудовая Рязань», замеченной у Белого дома²¹.

Одновременно 5 октября 1993 г. мэр Рязани подписал скандальное постановление, в котором содержался ультимативный призыв к

населению «окончательно и бесповоротно расстаться со своим коммунистическим прошлым». Для этого В. В. Рюмин избрал следующие меры: исключить возобновление на территории города деятельность всех прокоммунистических общественных движений и организаций; удалить все памятники «вождя международного политического терроризма В. И. Ульянова-Ленина»²².

В исполнении данного постановления в ночь с 6 на 7 октября на центральной площади Рязани был демонтирован памятник В.И.Ленину. Работы по демонтажу планировалось начать в 22.00, однако на площади собрались противники этого решения. Чтобы освободить площадь, на полчаса было отключено освещение и установлено оцепление нарядами милиции. Несмотря на по, работы удалось начать только за полночь и закончить лишь к утру.

Мэр был уверен, что своими действиями уничтожает всякую возможность коммунистического рванша. Однако эти события вызвали широкий резонанс и обострили и без того накалившуюся социально-политическую атмосферу. Они же послужили поводом для открытого конфликта руководства области и города. Глава областной администрации Л. П. Башмаков осудил действия рязанского мэра как «большевистские», принял решение о его неполном служебном соответствии и передал дело в прокуратуру. В ответ В. В. Рюмин, добившийся когда-то назначения Башмакова на должность главы областной администрации, заявил, что он добьется и снятия его с этой должности.

В такой напряженной обстановке Рязанская область и вступила **it** первую в истории современной России многопартийную избирательную кампанию. Процесс складывания многопартийности, протекавший все последнее время, в ходе октябрьских событий 1993 г. был искусственно прерван. Партийно-политическое пространство, для которого были характерны организационное ослабление «демократического крыла», консолидация «центристов» и усиление «левой части спектра», жестко «переформатировано» победившей в конфликте стороной. Избирателю был представлен список партий, в значительной части неизвестных и существующих лишь на бумаге.

Из «старых партий» в Рязанской области активное участие приняли лишь КПРФ и ДПР. НПСР же после приостановления ее деятельности, по словам председателя совета областной организации (!. В. Кондакова, как нечто единое уже не существовала. Часть чле-

нов совсем отошла от политики, часть стала сотрудничать с другими партиями²⁴. Большинство же деморализованных и растерянных избирателей «руцкистов», по всей видимости, или совсем проигнорировали выборы, или продемонстрировали свою позицию протестным голосованием, пополнив «электоральную копилку» ЛДПР (27,9% по Рязанской области при 21,4% по России)²⁵.

Представители КПРФ вели избирательную кампанию осторожно, не выставив своих кандидатов в двух одномандатных округах. Рязанские коммунисты поддержали активиста «Трудовой Рязани» Ю. С. Христофорова и представителя Аграрной партии России С. А. Енькова, отобилизовав, однако, через партийную сеть максимальное число своих сторонников, обеспечив довольно высокую явку (64,9% при 54,3% по России) и второй результат по партийным спискам (12,9% против 11,6% по России).

Учитывая сложившуюся социально-экономическую и общественно-политическую обстановку в регионе, подобные результаты не были неожиданны. Строя прогнозы в отношении рязанских выборов, аналитики задолго до окончания кампании пришли к выводу о возможности успеха КПРФ и «даже партии Жириновского»²⁶.

В этом же аналитическом материале прогнозировался относительный успех ДПР, несмотря на то что региональное отделение партии вступило в избирательную кампанию в состоянии раскола, публично подчеркиваемого в СМИ.

Еще 3 октября 1993 г. группа членов партии из семи районных организаций провела собрание, на котором большинством голосов было выражено недоверие председателю правления РОО ДРП Н.Н. Агибалову. Собрание провело выборы нового руководства. Были избраны два сопредседателя — А. А. Иванов и Ю. М. Чудин. Также было принято политическое решение о поддержке Президента РФ и о «принятии участия в предстоящих выборах в едином блоке с демократическими силами города и области»²⁷. Однако все эти решения были квалифицированы как «незаконные», и V съезд ДПР, состоявшийся 15 октября 1993 г., полномочий «нового правления» не признал, а избранных на «конференции» делегатов даже не пустили в зал.

Центральное руководство партии заняло жесткую позицию, которую коротко выразил председатель правления В. А. Хомяков: «У ДПР в Рязани есть одна партийная организация, которую возглавляет Н. Н. Агибалов. Политическая ее позиция совпадает с позицией центрального правления ДПР»²⁸.

В конфликте была поставлена точка. В общефедеральный список кандидатов от Рязанской области вошли Н. Н. Агибалов и четверо его сторонников. Кроме того, двое из этого списка (все тот же Агибалов и Г. В. Тельных) были выдвинуты от ДПР в одномандатных округах. Членство в партии лидеров «расколников» Л.А. Иванова, Г. А. Шерозия и В. А. Дыкина решением центрального руководства было приостановлено. В ходе избирательной кампании они тесно сотрудничали с В. В. Рюминым и патронируемым им «Выбором России», пытаясь максимально осложнить задачу своим бывшим однопартийцам из ДПР, которые смогли, тем не менее, собрать больший процент голосов, чем в среднем по России (6,7% при общих 5,1%).

Остальные, «скороспелые», избирательные объединения, созданные специально под выборы, практически не имели ни серьезного актива, ни своей инфраструктуры. Однако использование случайных, внепартийных структур при определенных условиях давало свои отдельные результаты. Так, например, рязанские сторонники избирательного блока «Яблоко», опираясь на структуры образования, смогли самыми первыми в городе подготовить подписные листы к регистрации. «Выбор России», получивший в Рязани монопольное право использования административного ресурса, не встретил никаких трудностей в ходе выборов, однако никакой серьезной организационной структуры в этот период не было создано. «Партия власти» в Рязанской области в итоге смогла занять лишь третью позицию (10,9% при 14,5% по России).

В целом, практически вся партийная активность новых избирательных объединений была подчинена сиюминутным целям. Как было заявлено на учредительной конференции рязанской организации Партии единства и согласия, прошедшей лишь в конце ноября 1993 г., «ни о каких далеких перспективах учреждаемого регионального отделения речь не идет, все определится после выборов»²⁹. Во многом кампания строилась по случайному принципу. В Рязани это ярко выразилось в своеобразной «партийной чехарде», когда один и тот же человек представлял в едином лице две политические партии и несколько общественных организаций. Все эти факты уже тогда позволяли наблюдателям сделать вывод о том, что «партийное строительство "навстречу выборам"» отнюдь не будет способствовать становлению многопартийности в России»²⁹.

Тревожные прогнозы, на наш взгляд, во многом подтвердились.

Партийная деятельность в чрезвычайных условиях выборов 1993 г. практически была зафиксирована как эталон партийной жизни. Дальнейшее развитие событий лишь подтвердило данный вывод. Вместо развитой партийной системы в России была «заморожена» случайно созданная конфигурация нестабильного множества партий, из которых довольно значительное число имеют «внешнее происхождение под конкретные выборы».

¹ См.: Политический альманах России 1997 / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. М., 1998. Т. 1: Выборы и политическое развитие. С. 179-180.

² *Семина Т.* Есть точки соприкосновения // Приокская газета. 1992. 28 марта.

³ *Семина Т.* Бизнесмены идут в политику // Там же. 26 мая.

⁴ *Михайлов В., Ерохин В., Князев Ю.* Рязанская область (весна 1992 года) // <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1992/0392/62.html>

⁵ *Лобов Е., Райков Н.* ДПР: краткий курс истории партии // Молодежный курьер. 1993. 11 июня.

⁶ ДПР на предсъездовской вахте // Вечерняя Рязань. 1992. 9 декабря.

⁷ Там же.

⁸ Молодежный курьер. 1993. 30 января.

⁹ *Шляхтин В.* Нас мало, но мы руцкисты! // Молодежный курьер. 1993. 30 января.

¹⁰ Молодежный курьер. 1993. 20 марта.

¹¹ Там же. 27 марта.

¹² Там же. 26 апреля.

¹³ *Авдониц В. С., Бочаров Д. В., Тьминский А. И.* Выборы органов местного самоуправления Рязанской области. Тенденции. Законодательная база. Избирательные технологии. Рязань, 1996. С. 47.

¹⁴ Без Хитруна обком неполный // Молодежный курьер. 1993. 20 февраля.

¹⁵ Оп!: позиция // Там же. Рязань. 1993. 6 февраля.

¹⁶ *Михайлов В., Ерохин В., Князев Ю.* Указ. соч.

¹⁷ Политическое развитие Рязани и Рязанской области в 1992 году // <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1992/0692/62.html>

¹⁸ *Реутов Н.* Швы трещат. Растут ли крылья? // Молодежный курьер. 1993. 22 мая.

¹⁹ *Реутов Н.* Еще та президентская рать! // Там же. 1993. 29 мая.

²⁰ К барьеру, господа демократы! // Там же. 19 июня.

²¹ См.: *Белкин Ю.* А отразятся ли московские события на нашей жизни? // Вечерняя Рязань. 1993. 6 октября.

²² См.: Там же. 9 октября.

²³ См.: *Петров Н., Титков А., Глубоцкий А.* Рязанская область // Политический альманах России 1997. Т. 2: Социально-политические портреты регионов. Кн. 2. С. 812-813.

²⁴ Оппозиция отстывает, но не сдаётся! // Молодежный курьер. 1993. 23 октября.

²⁵ Политический альманах России 1997. Т. 1. С. 395-396, 401.

²⁶ *Гельман В., Сенатова О.* Выборы в Федеральное Собрание в регионах Госсии: ход, возможные результаты и последствия // http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_93/fed.sobr.html

²⁷ Вечерняя Рязань. 1993. 6 октября.

²⁸ Разойтись по-доброму не смогли // Приокская газета. 1993. 13 ноября.

²⁹ Пройти избирательный рубеж // Там же. 30 ноября.

³⁰ *Сизова И.* «Смену вех» придется отложить // Там же. 3 ноября.

Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПОСТРОЕНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В РОССИИ

Актуальность изучения политических образов и степени их влияния на внутреннюю и внешнюю политику не вызывает сомнения. Сегодня в условиях современного общества в связи с огромным потоком информации роль образов, имиджей, стереотипов многократно возросла и напрямую влияет на процессы современной жизни. Имиджи, образы, стереотипы помогают человеку переработать и усвоить большие потоки информации, особенно касающиеся вопросов политической жизни, в которую вовлечен лишь определенный круг людей.

В последнее время в теории имиджей возросла роль политических лидеров, которые зачастую в своей деятельности создают образ страны, отражают внешнеполитический курс и внутривнутриполитические особенности государства. В современной политике образ лидера имеет большое практическое значение, которое вполне осознанно различными специалистами. Достаточно вспомнить яркие предвыборные кампании политических лидеров США, Франции, России, Великобритании и др. стран, во время которых формируется образ политика, зачастую сопровождающий его на протяжении всей последующей политической карьеры.

Создание образа политика — весьма важная составная часть современной политической жизни. Недооценивать эту величину в современном мире просто невозможно. Поэтому следует обратить внимание на теоретические подходы к пониманию этого явления в современной науке, а также рассмотреть наиболее яркие примеры российских политических лидеров.

© Н.М.Боголюбова, Ю.В.Николаева, 2006

Основоположником учения о стереотипах традиционно считается американский ученый-социолог, публицист и журналист Уолтер Липпман, который впервые в 1922 г. ввел в научный оборот термин «социальный стереотип», дав его определение в книге «Public Opinion*». Стереотипами У. Липпман называл «особую форму восприятия окружающего мира, которая оказывает определенное влияние на данные наших чувств еще до того, как информация дойдет до нашего сознания»¹.

У Липпмана были обозначены лишь общие подходы к проблеме стереотипных представлений, однако затем на ее основе развилось самостоятельное научное направление имиджелогия, предметом изучения которой являются имиджи и стереотипы.

Значительный вклад в развитие учения о стереотипах внесли американские ученые Р. Бинкли, Д. Кац и К. Брейли, которые в противовес понятию стереотипа ввели понятие имиджа. Они понимали имидж как «сложно организованную систему представлений, имеющих свои законы, образующих определенную психологическую среду, в которой принимаются решения»².

Таким образом, в 20-е-30-е гг. XX в. американская научная школа, базировавшаяся на методах социологических и психологических исследований, впервые разработала определения стереотипа и имиджа, заложив основы дальнейшего интереса к данной проблеме.

После окончания Второй мировой войны в условиях потепления международного климата наметилось стремление к взаимопониманию между народами и государствами. Именно поэтому в новых мирных условиях была осознана необходимость глубокого исследования предрассудков, предубеждений и ошибочных представлений народов друг о друге, чтобы понять причины возможных противоречий и международных конфликтов. В результате в 50-е гг. было предпринято комплексное исследование под эгидой ЮНЕСКО, итогом которого стали серия научных публикаций и всплеск интереса к проблеме в научных кругах³.

В 50-е-60-е гг. к изучению проблемы имиджей и стереотипов стали обращаться не только американские, но и европейские ученые: О. Кленберг, А. Роуз, С. Марандон⁴. В результате их исследований был детализирован, уточнен и дополнен терминологический аппарат имиджелогии, разработаны новые методики исследования стереотипов и имиджей, определено их место в современных коммуникативных процессах, накоплен и обработан богатый эмпирический материал.

В отечественной науке первые исследования, посвященные имиджам и стереотипам, появились в 60-е гг. прошлого века преимущественно в трудах советских философов: В. А. Ядова, И. Кона.

Дальнейшее развитие дискуссии по данному вопросу нашло отражение в работах исследователей 70-80-х гг. на основе междисциплинарного подхода. В работах Л. А. Зака, Н. А. Ерофеева, Т. Е. Васильевой имиджи и стереотипы рассматривались в политологическом, философском, историческом и лингвистическом контекстах. В частности, Л. Зака впервые предложил детальный анализ внешнеполитических стереотипов и отметил их взаимосвязь с международными отношениями⁵. Под внешнеполитическим стереотипом он понимал «представление о наиболее важных чертах государства и его внешней политике, которые формируются в процессе международных отношений». Исследование Л. А. Зака имеет высокую теоретическую ценность еще и потому, что он проводит параллель между имиджем государства и имиджем политических лидеров.

В этой связи особый интерес вызывает также работа Н. А. Ерофеева, обратившегося к проблеме имиджей и стереотипов на конкретных исторических примерах⁶. Автор указывал на взаимовлияние этнических и внешнеполитических стереотипов, отмечал, что положительный образ государства и народа способствует более активному установлению международных контактов с ним. Н. Ерофеев, приводя множество исторических примеров, подчеркивал, что во многом образ государства формируется под влиянием имиджа его руководителя. Он считал целесообразным включить изучение теории имиджей и стереотипов в практику работы внешнеполитических ведомств, обращался за примером к Англии, которая с 1934 г. взяла курс на формирование позитивного образа страны.

Новая волна интереса к процессам формирования имиджей и стереотипов среди отечественных исследователей стала особо очевидна в 90-е годы XX в., когда в мире произошли глобальные геополитические изменения, повлекшие за собой крушение старых стереотипов. В разных аспектах к данной проблеме обращались Э. А. Галумов, Г. Г. Почепцов, В. М. Шепель⁷. Так, Г. Г. Почепцов, рассматривая теоретические аспекты имиджологии и внешнеполитических имиджей, обратился к имиджам стран, народов, политиков. Пожалуй, именно в работах Г. Г. Почепцова представлен наиболее подробный анализ имиджей политиков и политических лидеров в теории имиджологии и в политической практике. Авторы также

разработали вопрос об источниках формирования внешнеполитических стереотипов, к которым они отнесли средства пропаганды, установки политической элиты, официальные политические установки. Теоретические аспекты формирования имиджа политического лидера, обоснование важности этого процесса как для внутриполитической жизни страны, так и для ее международных связей отмечали В. М. Шепель и Э. А. Галумов. В их работах подробно рассмотрены кампании по формированию имиджей различных политиков из России и зарубежных стран, представлен анализ современных политтехнологий.

Относительно новым направлением отечественных социально-гуманитарных наук являются исследования в области ИМ-технологий, которые пришли к нам из зарубежной, и прежде всего американской, науки. Данные исследования носят междисциплинарный характер и имеют, прежде всего, большое практическое значение. В этих работах обобщен значительный опыт, даны практические рекомендации по подготовке и проведению предвыборной кампании. Данные вопросы нашли свое освещение в трудах исследователя В. Л. Музыканта, О. Феофанова, В. П. Шейнина⁸.

Отечественные работы, посвященные настоящей проблеме, во многом следуют западной, и в первую очередь американской, научной школе и не всегда соответствуют российским традициям и особенностям менталитета. Тем не менее, ценность этих исследований заключается в том, что в них обобщен и подвергнут анализу существенный фактический материал, предложены интересные подходы к использованию теории имиджей в предвыборных кампаниях.

Теоретические и практические разработки в области образов имиджей стали использоваться в проведении предвыборных кампаний в России в 90-е годы XX в. В этот период особенно был востребован зарубежный опыт, так как в нашей стране не существовало богатой практики проведения предвыборных мероприятий, направленных на формирование имиджей политических кандидатов.

Профессионально построенный имидж необходим и руководителю предприятия, и директору фирмы, и лидеру политического объединения, и представителю власти.

Имидж ведущих политиков может одновременно означать и политический подъем, и его упадок. Те политики, которым удается утвердить свой положительный имидж в общественном мнении, могут использовать его для дальнейшей политической деятельности.

Построение удачного имиджа требует анализа политической, экономической ситуации как внутри страны, так и на международной арене. Предвыборная кампания политического лидера обычно строится с учетом тенденций общественного мнения, внешних и внутренних качеств, которые аудитория считает важными для кандидата на данный пост. Внедрить эти характеристики в имидж кандидата и утвердить этот имидж в сознании избирателей можно с помощью рекламы в СМИ.

В рамках имиджа российского политического лидера обычно выделяют три наиболее важных аспекта: портретный, профессиональный и социальный.

Портретный аспект обычно предполагает честность, порядочность, образованность, ум, бескорыстие, энергичность, принципиальность, открытость и некоторые другие качества.

Профессиональный аспект предполагает компетентность, деловитость, работоспособность, а социальный аспект — заботу о людях.

Вместе с тем все черты имиджа, формируемые в предвыборной кампании, должны соотноситься с личными качествами кандидата, его реальным образом и не казаться чужеродными.

Для утверждения имиджа политика и достижения нужного результата очень важно изучить особенности оппонентов, их слабые и сильные стороны и выстроить необходимый имидж на контрасте с ними. Используя различные политтехнологии формирования политического имиджа, необходимо учитывать национальную, культурную, религиозную этнопсихологическую специфику страны.

Большое значение в формировании имиджа имеют и дополнительные составляющие, такие как семья, спорт, домашние животные, хобби. С учетом этих аспектов можно воздействовать на сознание различных слоев населения.

С нашей точки зрения, существует тесная взаимосвязь имиджа политического лидера и имиджа страны, так как лидер и его окружение являются непосредственными представителями государства на различных саммитах, конференциях, в международных организациях и т. д.

Особенности политического устройства, специфика экономического развития, позиции в мировой науке и технике, уровень преступности, дипломатические связи с другими государствами — все эти показатели имиджа страны ассоциируются и с основными чертами имиджа политика.

Благоприятный имидж политического лидера напрямую влия-

ет на позитивный имидж страны, что, в свою очередь, помогает привлечению в нее туристов, инвестиций, способствует налаживанию контактов в различных сферах общественной и политической жизни, дает возможность занять достойное место в мировом сообществе.

В этой связи имидж политика может рассматриваться как категория не только политическая, но и экономическая, и, таким образом, оказывать влияние на успешное развитие страны.

Негативный имидж может останавливать развитие тех или иных положительных процессов, вызывать отрицательную реакцию со стороны других стран и являться существенным препятствием для поступательного развития политических, экономических и культурных отношений.

Наиболее существенную роль в формировании политического имиджа играют СМИ, департаменты информации и PR.

Визуальный образ политика создается при помощи телевизионных роликов, рекламных проспектов, различных ток-шоу, выступлений аналитиков, радиопередач, наружной рекламы.

Арсенал политической рекламы исключительно разнообразен и воздействует не только на местное население, но и на зарубежную аудиторию. Как правило, в такой рекламе фигурируют национальные особенности страны, связанные с менталитетом и традициями населения; эти особенности вызывают у сторонних наблюдателей определенные ассоциации, которые, в свою очередь, могут вызвать как положительную, так и отрицательную реакцию. Успех рекламы и политической кампании Лидера зависит, прежде всего, от универсальных ценностей, понятных и доступных широкой аудитории.

Безусловно, имидж политика не является застывшей категорией, а постоянно корректируется с учетом специфики данного момента. Так, предвыборная кампания требует предоставления избирателям широкой и достаточно оперативной информации которая касается всех аспектов создаваемого имиджа политического лидера. Практика проведения предвыборных кампаний в России и последние годы показывает, что наиболее выигрышным приемом здесь может являться противопоставление другим претендентам.

Так, концепция предвыборной кампании Б.Ельцина в 1996 г. была построена на резком противопоставлении демократов коммунистам. По этому сценарию изготавливались видеоролики, показывающие коммунистов в самом невыгодном свете. Именно профессионально разработанная рекламная кампания способствовала победе

демократического лидера. «Пугающая альтернатива» пронизывала не только видео-ролики, статьи в прессе, выступления кандидата перед избирателями, но и сам девиз «Голосуй или проиграешь» также призывал к единственно правильному выбору. В этих же целях активно использовалась наглядная реклама. На плакатах, призывающих голосовать за Ельцина, с одной стороны изображались голубое небо, с другой — железная клетка, с одной стороны — парящая в небе птица, с другой — свинья в загоне. Безусловно, данные примеры агитационной рекламы в значительной степени были ориентированы на молодежь. Как показывает статистика, среди молодежи доля знакомых с политической рекламой Ельцина превысила 90%. Так же в предвыборной кампании Ельцина использовалась реклама, опирающаяся на специфику российского менталитета и национальной культуры избирателей: «Выбирай сердцем», «Верю. Люблю. Надеюсь». Кроме того, упор делался на активную связь с населением: так, Б.Ельцин он посетил 26 регионов — больше чем любой другой кандидат. Для этих же целей был создан телефон доверия, проведено большое количество встреч с избирателями, на которых обсуждались самые острые вопросы, такие как жилищное строительство, выплата пенсий, борьба с преступностью, здравоохранение и образование.

Судить об эффективности избирательной кампании Б. Ельцина и использовании в ней различных удачных приемов построения имиджа можно по тому, что в январе 1996 г. рейтинг Б.Ельцина составлял 6%, а в июне того же года за него проголосовало 53% избирателей.

Наиболее важный итог президентских выборов был довольно прост — победил тот, кто имел ресурсы и сумел ими воспользоваться. Однако значительная доля успеха заключалась в правильно построенном политическом имидже Б. Ельцина, который импонировал значительным кругам избирателей, в отличие от других претендентов.

Подобная, довольно жесткая игра на противопоставлении была возможна исключительно в той ситуации, когда у Б.Ельцина был один ярко выраженный оппонент. Имидж Б.Ельцина, искусно построенный на противопоставлении имиджу Г. Зюганова, имел положительный международный резонанс. Так, например, в еженедельнике Newsweek с лета 1996 г. наблюдается более спокойный тон изложения информации о России. Нужно сказать, что предвыборная кампания освещалась в западных СМИ достаточно широко и

подробно. Интерес к имиджу президента был велик, и, несмотря на некоторые отдельные саркастические высказывания, ему давалась позитивная оценка.

В целом, западные СМИ сходились во мнении о том, что коммунистическая ориентация для России неприемлема, а единственной альтернативой коммунистическому будущему является Б.Ельцин, даже несмотря на некоторые негативные черты его имиджа.

Пример предвыборной кампании Б. Ельцина в 1996 г. убеждает нас в практической важности вопросов построения имиджей для современного политика и делает их интересной и важной проблемой отечественной имиджологии и других отраслей гуманитарного знания.

Для России данное направление является новой отраслью науки, требует собственных подходов и механизмов формирования имиджей, которые должны сочетать мировой опыт и собственные национальные традиции.

¹ *Lippman W. Public Opinion. N.Y., 1960.*

² *Binclay R. The Common Concept of Public Opinion in the Social Sciences // Social Forces. 1928. Vol. 6; Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol.28. P. 288-289.*

³ *Bulletin des sciences sociales. Automne. 1951. Vol.3. № 3.*

⁴ *Klenberg O. Tensions Affecting International Understanding. 1950. P. 93; Hose A. The Roots of Prejudice // The Race Question in Modern Science. UN-ISCO. Paris, 1961; Marandon S. Image de la France dans L' Angleterre victorienne, 1848-1900. Paris, 1968.*

⁵ *Зак Л. А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976.*

⁶ *Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825-1853 г. М., 1982.*

⁷ *Галунов Э.А. Международный имидж России. М., 2003; Почепцов Г. Г. Имиджология. М., 2000; Шенель В.М. Имиджология. Секреты личного обаяния. М., 1997; Почепцов Г. Г. Паблик Рилейшнз. М., 2004.*

⁸ *Музыкант В. Л. Реклама и PR-технологии. М., 2001; Феофанов О. Реклама. Новые технологии в России. М.; СПб., 2003; Шейное В. П. Психология власти. М., 2003.*

С. А. Денисов (Екатеринбург)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ:
ОТ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО К
ЗАКОНРЕГИСТРАЦИОННОМУ
ОРГАНУ**

В период перехода стран мира к конституционному строю часто имеют место трансформации органов власти из одного состояния в другое. Доконституционные органы перерастают в конституционные. Верховный Совет РСФСР из недопарламента (по выражению И. М. Степанова) превратился в почти парламент. Генеральный секретарь ЦК КПСС превратился в избираемого всеобщим голосованием Президента СССР.

В период контрреформ во многих странах наблюдаются и противоположные процессы. Луи Бонапарт из выборного президента во Франции превратился в императора Франции Наполеона III. Такие же трансформации происходили в Центральноафриканской Республике, где президент Ж.-Б. Бокасса провозгласил себя императором¹.

В Туркмении и Белоруссии президенты, избранные на время, превратились в пожизненных диктаторов.

Постепенное превращение Федерального Собрания РФ из законодательного в законорегистрационный орган при Администрации Президента РФ относится к этому же роду трансформаций, закономерных для переходного периода. Чтобы понять природу этого процесса, необходимо выйти за рамки методологии юридического позитивизма, характерного для современного периода развития конституционного права России как науки.

Процесс трансформации Федерального Собрания связан со следующими факторами развития страны и иных субъектов государственного права.

1. После периода активности 90-х годов XX в. население России вошло в стадию политической апатии. Большинство отказалось от участия в политической жизни страны, от использования своего суверенитета, закрепленного в ст. 3 Конституции РФ. В соответствии с традициями вождизма население передало свои суверенные права главе государства, фактически отказавшись от самостоятельного формирования представительных органов. Президент дал обществу сигнал, что он поддерживает партеобразное объединение бюрократии под названием «Единая Россия», и население в декабре 2003 г. отдало свои голоса за это объединение. Таким образом, Государственная Дума оказалась сформирована, в основном, из лиц, представляющих не население, а главу государства, не имеющих своего собственного мнения или подавляющих его, готовых исполнять любые законотворческие указания Президента.

К современному состоянию населения страны точно подходят слова К. Маркса, которые в свое время характеризовали французское крестьянство, поддержавшее государственный переворот Луи Бонапарта: «Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет»².

Население, верящее в миф о «добром царе», вообще не понимает, зачем нужен парламент. Не имея политического опыта и политической грамотности, оно не в состоянии выбрать своих представителей в органы власти и доверяет выбору главы государства. Если в обществе отсутствуют представления о естественном праве, то ему нечего поручить своим избранникам. Такое общество отдает свою судьбу в руки государя, поддерживает его абсолютную власть и устранение разделения властей.

Необходимо отметить, что возврат населения к вере в «добраго царя» и пренебрежение к парламенту произошли не стихийно. Авторитет представительных органов власти планомерно и постоянно подрывался средствами массовой информации в 90-х годах XX в. С начала XXI в. правящая группа в нарушении ст. 29 и 13 Конституции захватила основные каналы распространения информации в стране и превратила их в органы пропаганды вождизма и

патернализма. Подобная политика, как известно, успешно использовалась в Германии для обеспечения власти А. Гитлера. Последний убеждал население страны, что парламент состоит из болтунов, не способных обеспечить стране процветание, поэтому всю власть надо передать фюреру.

Разочарование населения в представительных органах на первом этапе буржуазно-демократической революции является типичным явлением для многих стран мира. Оно, например, имело место в ходе английской буржуазной революции в XVII в. Большинство населения сначала поддержало роспуск Долгого парламента и установление диктатуры О. Кромвеля, а затем и полную реставрацию абсолютной власти Стюартов, которые допускали существование только послушного им парламента⁴.

2. Лишение Государственной думы самостоятельности произошло в современной России в результате консолидации центральной и региональной бюрократии. Значительным достижением Администрации Президента стало создание партеобразного объединения «Единая Россия». Это объединение нельзя назвать партией, поскольку оно состоит преимущественно не из членов гражданского общества, а из государственной бюрократии. Целью политической партии является контроль общества за аппаратом государства. Партеобразные объединения бюрократии, которые создаются в условиях авторитарных и тоталитарных режимов (КПСС — в СССР, квазипартии стран Азии и Африки в XX в.), наоборот, нацелены на подавление гражданской инициативы, на усиление контроля государства за населением страны. Органы государственной власти разного уровня в России, нарушая ст. 13 Конституции РФ, обеспечивали привилегии названному партеобразному объединению, одновременно лишая финансовых и медийных ресурсов настоящие, но слабые оппозиционные партии как левого, так и правого толка. Левое движение удалось расколоть на десяток небольших партий, которые не смогли попасть в Государственную думу. Процент голосов, набранных Коммунистической партией РФ, удалось существенно понизить. Арест М. Ходорковского позволил запугать предпринимателей и лишить правые демократические партии финансовых ресурсов. Они вообще не сумели набрать достаточно голосов, чтобы попасть в Государственную думу. Администрация Президента сумела создать и обеспечить политическую рекламу партиям-«подсадкам», которые создают видимость своей оппозиционности, но, попав в Государственную думу, поддерживают

путем голосования законопроекты, исходящие от Администрации Президента⁵.

Консолидированные действия бюрократии позволили ей захватить большинство мест почти во всех представительных органах страны, подчинив их исполнительным органам власти, главе государства и его представителям в регионах.

3. Заполнение Государственной думы представителями президента произошло в результате реализации доктрины «управляемой демократии». (В Индонезии в конце 50-х начале 60-х годов президент Сукарно использовал термин «направляемой демократия».⁶) Консолидированная главой государства бюрократия взяла под жесткий контроль проведение выборов депутатов Государственной думы в 2003 г. Большую роль сыграли представители Президента РФ в федеральных округах. Таким же образом пытался собрать послушный себе парламент О. Кромвель, разделив Англию на округа и назначив во главе каждого округа майор-генерала⁷.

Процесс избирательной кампании стал настолько забюрократизированным, что граждане и журналисты оказались лишенными права осуществлять агитацию в пользу того или иного кандидата на выборную должность. Это позволялось делать только самому кандидату за счет средств его избирательного фонда⁸. В 2003 г. были лишены возможности выдвигать своих кандидатов в депутаты Государственной думы общероссийские общественные организации и общественные движения⁹. Одновременно консолидация бюрократии страны позволяет должностным лицам всех уровней безнаказанно злоупотреблять своей властью и превышать свои служебные полномочия с целью оказания поддержки кандидатам от «Единой России». Как отмечают исследователи, использование административного ресурса стало всеобщей практикой на выборах в органы власти всех уровней.

Усиление партеобразного объединения бюрократии в стране сделало выгодным для нее переход к пропорциональной системе выборов депутатов Государственной думы следующего созыва. Одновременно в законодательство был введен запрет для мелких оппозиционных партий создавать предвыборные блоки на выборах депутатов Государственной думы (ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания РФ» от 11 мая 2005 г.)¹⁰. Значительным препятствием для мелких оппозиционных партий является введение порядка, при котором к распределению депутатских мандатов допускаются только партии, набравшие 7% и более

голосов избирателей, участвующих в голосовании (ч. 7 ст. 82 ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания РФ»). Как известно, в 2003 г. демократические партии не набрали в свою поддержку и 5% голосов. В результате в Государственной думе IV созыва нет ни одной демократической фракции. В законодательство введены более жесткие требования к спискам избирателей, которые поддержали выдвижение оппозиционной партии, не представленной в Государственной Думе на выборах ее депутатов (список признается не достоверным, если число подписей, поставленных с нарушением закона, превышает 5% от их числа; ранее эта цифра была 15%).

4. Превращение депутатов Государственной думы в номенклатурных чиновников, фактически назначенных на свои должности Администрацией Президента, привело к тому, что Дума принимает без возражений почти все проекты законов, направленные от имени Президента РФ. Они подвергаются критике только депутатами от оппозиции, которые составляют абсолютное меньшинство. «Едиnorоссы» имеют в думе более 300 голосов и, таким образом, могут провести через думу не только федеральный, но и федеральный конституционный закон. Вместе с тем оппозиционные фракции в Думе не могут провести через нее никакого решения. Их законодательные инициативы останавливаются уже на уровне комитетов. Они могут только устно выражать свой протест против всего происходящего¹¹.

Администрация Президента управляет голосованием в думе через Председателя Думы, Совет думы и руководителей комитетов. Председатель думы является, по сути, личным доверенным лицом Президента в думе. Другие руководящие органы думы сформированы из представителей «Единой России». Эти должностные лица заранее получают соответствующие установки и доводят их до депутатов своей фракции. Члены фракции теоретически могут нарушать фракционную дисциплину и голосовать по собственному усмотрению, но за непослушание их могут вычеркнуть из списка кандидатов от партеобразного объединения бюрократии на следующих выборах. Депутаты от «Единой России» еще позволяют себе возмущаться по поводу положений законопроектов Президента, которые откровенно посягают на их права, но эти микро-«бунты» легко подавляются руководством фракции, и депутаты голосуют так, как им предписывается. Примером является обсуждение проекта закона «О парламентском расследовании», в отношении которого

Комитет по безопасности в отсутствие главы Комитета принял решение о его кардинальной переработке, т. е. о возвращении Президенту. Однако на следующий день после этого решения с членами Комитета была проведена работа, и они согласились рекомендовать раскритикованный ими проект для принятия в первом чтении¹². Сегодня проведение законов, разработанных Администрацией Президента, через Государственную Думу «отлажено, как часы»¹³.

Администрация Президента пресекает попытки депутатов Государственной думы разрабатывать свои проекты законов по ряду важнейших вопросов, которые она относит к предмету своего ведения. Так, была пресечена попытка депутатов разработать и рассмотреть проект закона «О парламентском расследовании». Разработанный ими проект, предусматривающий широкие полномочия палат Федерального Собрания по проведению расследований, был подменен проектом Администрации Президента, который оппозиция назвала «проектом о запрете парламентских расследований»¹⁴.

5. Для превращения Совета Федерации в законорегистрационный орган, послушный Администрации Президента, применяются несколько иные механизмы. Резко ослабило Совет Федерации исключение из его состава региональных руководителей¹⁵. Выдвижение представителей регионов в эту палату Федерального Собрания стало осуществляться в процессе кабинетных переговоров между региональными руководителями и Администрацией Президента РФ. Это позволило заполнить Совет Федерации лицами, которые, в основном, лояльны к действующему главе государства. Председатель палаты принимает меры к введению в ней единоначалия¹⁶. По своему усмотрению он месяцами не ставит на утверждение Совета Федерации выдвинутых в его члены представителей регионов, лишая их возможности участвовать в работе палаты¹⁷. Председатель Совета Федерации получил право выступить с инициативой досрочного отзыва члена палаты (ст. 2 ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» и ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального Собрания РФ» и о признании утратившим силу п. 12 ст. 1 ФЗ «О внесении изменений и дополнений в ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального Собрания РФ»)¹⁸.

Для усиления президентского контроля за Советом Федерации и доведения до его членов воли Президента представителем

последнего в Совет Федерации в апреле 2004 г. был назначен А. Котенков¹⁹, имеющий большой опыт оказания давления на депутатов Думы и борьбы с оппозицией.

Спикер рязанской областной думы вынужден был признать, что сегодня представители регионов в Совете Федерации «не очень-то советуются с субъектами»²⁰. В 2004 г. были приняты законодательные меры к тому, чтобы регионы не могли досрочно отзываться своих представителей из Совета Федерации, которые больше отражают интересы Администрации Президента, чем субъектов Федерации²¹.

После перехода к выбору глав региона региональным парламентом, по указанию Президента²², половина членов Совета Федерации фактически стала представлять его заместителей в регионах страны. Россия еще больше приблизилась к модели формы правления, существовавшей до 1917 г. Совет Федерации стал походить по своей роли на Государственный совет при царе или на палату лордов в Англии XVIII в.

В результате принятых мер члены Совета Федерации безропотно утверждают законы, инициированные Президентом. Даже закон о переходе к системе заместителей в регионах, который фактически устраняет федеративные отношения в России, был принят Советом Федерации после ряда критических замечаний при одном воздержавшемся. В некоторых случаях члены Совета Федерации утверждают президентские законы не с первого раза, а только после проведения с ними индивидуальных бесед представителем Президента.

Итогом является то, что голосованием в Государственной думе и Совете Федерации управляют из Администрации Президента. Депутаты послушно голосуют за те законы, которые спускаются из Администрации²³. Федеральное Собрание не принимает законы. Ему отводится роль регистратора тех законов, которые разрабатывает Администрация Президента. В головах «единороссов» не возникает сомнений по поводу того, соответствуют ли законодательные инициативы Президента Конституции РФ (король не может быть неправ — писал когда-то Карл I)²⁴. Более того, депутаты Государственной думы выступают активными пропагандистами законодательных предложений Президента. Официальная пресса откровенно пишет о том, что Федеральное Собрание превратилось в орган, беспрекословно исполняющий требования Президента²⁵. Правозащитники говорят, что в России больше нет парламента²⁶. Сложившееся положение уже обеспечило принятие ряда законов, огра-

живающих действие Конституции РФ, дискриминирующих оппозицию и направленных на увековечивание власти правящей группы. Сегодня Президент с помощью подконтрольного Федерального Собрания и заместителей в регионах может полностью изменить содержание Конституции РФ 1993 г., преодолев все препятствия, предусмотренные в гл. 9 этой Конституции.

Правящие группы принимают меры к имитации сохранения самостоятельности Федерального Собрания. Администрация Президента позволяет депутатам Государственной думы вносить предложения в свои законопроекты, которые, видимо, специально разрабатываются так, чтобы были возможности для некоторого отступления. Одновременно, в редких случаях, Думе предоставляется возможность принять крайне недемократические законы по собственной инициативе. В этом случае Президент получает возможность продемонстрировать всему миру свой демократизм путем отказа в их подписи.

Процесс лишения Федерального Собрания его конституционно-го права на законодательство (ст. 94 Конституции РФ) не доведен до конца. Федеральное Собрание, конечно, имеет возможность принимать законы, которые не имеют большого политического значения и не вызывают интереса Администрации Президента. Значительное влияние на законодательный процесс в этом случае, по мнению экспертов, оказывает Правительство РФ²⁷, что также подчеркивает усиление зависимости представительных органов власти от исполнительных. Это становится неизбежным в стране, где нет сильного гражданского общества.

Происходящая трансформация Федерального Собрания в законо-регистрционный орган — явление закономерное и, конечно, временное. С развитием гражданского общества в России оно сможет смести со своего пути все преграды, которые ставит бюрократия, и вернуть представительному органу его законодательские функции.

¹ Мельников Е. Н. Государственный строй Центральноафриканской Республики. М., 1984. С. 4-5.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 208.

³ Права человека в регионах Российской Федерации: Сб. докл. М., 2003. С. 15-17.

⁴ Всемирная история: Эпоха английской революции. М., Минск, 2001. С. 145-174.

⁵ *Хамраев В.* Госдума с возмущением приняла законопроект о депутатских расследованиях // *Коммерсантъ*. 2005. №200. С. 2.

⁶ *История государства и права зарубежных стран: Учеб. для вузов. М., 1999. Ч. 2. С. 506.*

⁷ *Всемирная история... С. 157-158.*

⁸ *Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; № 39. Ст. 3642.*

⁹ *ФЗ «О внесении изменений в ст. 36 ФЗ «О политических партиях» и изменений и дополнений в ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания РФ» // СЗ РФ. 2003. № 26. Ст. 2574.*

¹⁰ *Российская газета. 2005. 24 мая.*

¹¹ *Фаризова С.* 1) «Родина» исполняет волю президента // *Коммерсантъ*. 2005. № 87. С.3; 2) «Единая Россия» отказала оппозиции в равенстве прав // *Коммерсантъ*. 2005. № 89. С. 2.

¹² *Хамраев В.* Комитет по безопасности раздумал спорить с президентом // *Коммерсантъ*. 2005. № 196. С. 2.

¹³ *См.: Владимиров Д.* Сенаторы ждут указаний Президента // *Российская газета*. 2003. № 71.

¹⁴ *Кузьмин В.* Депутатский сыск // *Российская газета*. 2005. № 131; *Хамраев В.* Расследование зашло в Кремль // *Коммерсантъ*. 2005. № 194. С. 1, 2.

¹⁵ *ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» от 5 августа 2000 г. №113-ФЗ // СЗ РФ. 2000. №32. Ст. 3336.*

¹⁶ *Сергей Миронов затеял свою административную реформу // Коммерсантъ. 2004. 16 апреля. С. 2.*

¹⁷ *Депутаты позаботятся о новых сенаторах // Коммерсантъ. 2005. № 197. С. 2.*

¹⁸ *Российская газета. 2004. №282.*

¹⁹ *Владимиров Д.* Указ. соч.

²⁰ *Городецкая Н.* Советчики власти // *Коммерсантъ*. 2004. №220. С.3.

²¹ *ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» и ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального Собрания РФ» и о признании утратившим силу пункта 12 ст. 1 ФЗ «О внесении изменений и дополнений в ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального Собрания РФ» // Российская газета. 2004. №282.*

²² *ФЗ «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. 1999. №42. Ст. 5005; 2000. №31. Ст. 3205; 2002. №30. Ст. 3024; 2003. №27. Ст. 2709; 2004. №50. Ст. 4950.*

²³ *Хамраев В.* Президент поставил депутатов в привычное положение // *Коммерсантъ*. 2004. № 183. С. 3.

²⁴ *Всемирная история... С. 121.*

²⁵ *Кузьмин В.* Указ. соч.

²⁶ *Вы бы что расследовали? // Коммерсантъ. 2005. № 105. С. 3.*

²⁷ *Карпова К., Кирюхина Ю., Фоккина Е.* Подайте депутату Государственной думы // *Российский фокус*. 2004. 2-8 февраля. С. 40-41.

Э. А. Ерзин (Санкт-Петербург)

ДВА ЭТАПА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ: СХОДСТВО И СВОЕОБРАЗИЕ

Тема конференции «Парламентаризм в России: проблемы и перспективы» и научная, и судьбоносно практическая. Посвящена 100-летию утверждения на отечественном социально-политическом пространстве парламентской системы. А насколько можно говорить об этой системе? Скорее, о ее становлении, незавершившемся и ныне. Тем более что 100-летие-неоднозначный срок. 100-летие потому, что открытие I Государственной думы в России состоялось 27 апреля 1906 г., тогда много. Но историческое время — иное измерение, как временное, так и пространственное.

Парламентаризм и парламент — два неодинаковых понятия, нетождественных, совсем не одно и то же. Парламентаризм — сложная политическая система общественного устройства и организации государственной власти, при которой четко разграничены функции законодательных и исполнительных органов, закреплена господствующая роль парламента. Парламент — постоянно действующий на выборной основе государственный орган, ответственный за принятие законов. Юридическим выражением парламентаризма является контроль парламента за деятельностью правительства.

Парламентаризм, возникший в Европе в Новое время, напрямую связывался с идеей разделения ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), их взаимонаблюдения друг за другом и соответствующего взаимоконтроля; является регулярной моделью соединения представительства и законодательства (законотворчества) на основе разделения властей и выполнения ими взаимоконтролирующих функций для последовательного развития в социуме демократического начала.

© Э.А. Ерзин, 2006

На отечественном пространстве демократическое начало существовало в мире восточных славян в условиях первобытной демократии постоянно действовавших племенных сходов и Советов при вожде (позже князе). Затем в Древнерусском государстве — вече как всенародное собрание и выросшая из Совета при князе Боярская дума из представителей средневековой социальной элиты, ставшая законосовещательным органом. Позднее это — Земский собор («Собор всея земли») как сословно-представительное учреждение, опиравшееся на традиционные представления о взаимодействии централизованной княжеской (царской) власти и властных функций народного представительства и его вечевых порядков, который способствовал формированию сословно-представительной монархии, был своеобразным вариантом национального парламентаризма. Земский собор, с одной стороны, Боярская дума — с другой, фактически две палаты, ограничивали сословно-представительную монархию. В таком формате персонификатор высшей политической власти, олицетворяя авторитарное начало, нес личную ответственность за все происходящее в стране, выполнял роль интегратора социально-политических интересов различных социальных слоев населения.

Прекращением волей авторитарной царской власти созыва Земского собора после 1653 г. и Боярской думы с 1711 г. утвердился режим абсолютной монархии как авторитарное начало: всевластие одного и бесправие остальных, самодержавно-чиновничья (бюрократическая), полицейско-крепостническая система общественного и государственного управления. Человек оказался в «узде неволи», антропологический принцип бездействовал, демократическое начало не задействовалось. Парламентаризм России утратил национальное своеобразие, последовали цивилизационное отставание во всех сферах человеческого бытия, социальные потрясения, сопряженные с реальной возможностью (иногда реализованной) потери самодержцем своей безраздельной монархической власти, престола и самой жизни.

Осознание и разработка российской концепции парламентаризма принадлежали отдельным представителям отечественной элиты, подавлялись правовым произволом самодержавной власти, возрождались представителями российской интеллигенции. В конфликте централизованной монархической власти и провинций (отечественной глубинки) «русские конституционалисты» (будущие кадеты) сформулировали требования политических свобод и — в борь-

бе с насилием и бюрократией — безусловного народного представительства «в постоянно действовавшем и ежегодно созываемом верховном учреждении с правами высшего контроля, законодательства и утверждения бюджета», рассмотрения социально-экономических реформ как преобразований в виде реформ «сверху», что мотивировалось необходимостью предотвращения революции. Актуально-приоритетной, таким образом, выдвигалась идея народного представительства, не сопровождавшаяся идеей разделения властей.

В поисках «сверху» выхода из кризисной, опасной для политического режима ситуации в ходе первой русской революции высказывались два варианта развития событий: 1) установление военной диктатуры; 2) предоставление гражданских и политических прав и свобод, учреждение народного представительства с его активным участием в законотворчестве при сохранении монархий всей полноты власти. Согласие августейшей власти на второй вариант выразилось в Манифестах государя — от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании основ государственного управления», в царском Указе от 20 февраля 1906 г. «Учреждение Государственной думы» и в «Основных государственных законах» от 23 апреля 1906 г.

Начался процесс превращения императорской России в думскую монархию (1906 г.—февраль 1917 г.) при сохранении относительно сильной власти государя и шатком положении всех четырех Государственных дум в череде острых конфликтов, потрясений, обострения отношений монарха и Государственной думы, являвшейся далеко не в полном объеме представительным органом российского социума.

Отечественный парламентаризм остался в неразвитом состоянии и не утвердился, хотя все четыре Государственные думы выяснили многие проблемы власти и общества, политических партий и населения. Государь и его окружение всячески противодействовали формированию даже элементов правового государства. В постоянном конфликте с представительным учреждением верх брала поддерживаемая Государем исполнительная власть. Отсутствовал правовой способ решения обострившихся судьбоносных для России проблем.

В нынешней России воспеается 27 апреля 1906 г. А если по конечному результату: 8 июля 1906 г., через 72 дня после своего открытия, решением «сверху» I Государственная дума распущена,

успев провести только одну сессию. Ее депутаты, участники Выборгского совещания, оказались в «Крестах», их призыв к народным массам не вызвал протестных акций. Очевидно, идеи парламентаризма, парламента, парламентской системы, Государственной думы не овладели российским социумом. II Государственная дума (20 февраля—2 июня 1907 г.) просуществовала 118 дней, проведя две сессии, повторив судьбу своей предшественницы. 3 июня 1907 г. совершен «третьеиюньский государственный переворот»: Государственная дума распущена опять-таки решением «сверху» с грубым нарушением царского Манифеста от 17 октября 1905 г. В режиме «третьеиюньской политической системы» только III Государственная дума, будучи «мирной», послушной, конструктивно работала с 1 ноября 1907 г. по 2 июня 1912 г., отсидев свой полный срок в Таврическом дворце. Но IV Государственная дума (15 ноября 1912 г.—6 октября 1917 г.) по отношению к августейшей власти предусматривала альтернативы: сменить или модернизировать существовавший тогда в стране политический режим. Ее историческая заслуга — в выработке «Прогрессивным блоком» требования установления в России конституционной монархии, создания «ответственного министерства», т. е. правительства, формируемого Государственной думой и полностью подконтрольного ей, превращения Государственной думы в высшее законодательное учреждение России, а также — в ликвидации царского самодержавия.

В целом, искусственная, а не естественная, попытка пересадить европейский парламентаризм на своеобразную российскую почву вызвала конфликт, переросший в годы Первой мировой войны в конфронтацию между государем и Государственной думой. Это привело к обоюдному падению конфликтовавших сторон в феврале 1917 г.— государя и распущенной им по тайному указу Государственной думы (думцы не протестовали, но проводили частные совещания), крушению монархии, распаду империи (в ночь с 1-го на 2-е сентября 1917 г. Временное правительство провозгласило Россию республикой). Произошло взаимное истребление в феврале 1917 г. августейшей власти и народного представительства, фактически двух существовавших тогда начал: авторитарного (царского) и демократического — из-за отсутствия совместного поиска политического компромисса и, самое главное, благоразумия, а в конечном итоге политической дальновидности, ответственности за национальные интересы и судьбу своего Отечества, истинного пат-

риотизма. Тогда демократическое начало — только как «действие сверху». После февраля 1917 г. это начало охватило улицу, где происходили и трагедии, в том числе кровопролитие, и политическая активизация масс.

На рубеже 1916-1917 гг. разыгралась историческая трагедия. Государь не пожелал поступиться частью своих властных полномочий, которые можно было передать Государственной думе в условиях войны. Он не пожелал даже встретиться с думой в Таврическом дворце, уехал в ставку. Возвратившись через неделю с карателями, не добился своего. Петроград избежал августейшего наказания «кровавой баней». Думцы опередили, сумели принять у него отречение от престола, на следующий день — у его брата отказ занять престол. В России кончилась императорская власть.

Под обломками самодержавия погребено народное представительство. Опасаясь за себя, Временное правительство, ставшее властью исполнительной, не пошло на восстановление деятельности Государственной думы. Со своей стороны, депутаты IV Государственной думы похвалили себя и все предыдущие думы, поговорили о восстановлении Государственной думы, но ничего не сделали для этого, также руководствуясь своими интересами: масонская идея взяла верх над идеей парламентаризма. 6 октября 1917 г. Временное правительство объявило о роспуске Государственной думы и Государственного совета для подготовки к выборам в Учредительное собрание, его созыва в самое ближайшее время. Конечно, в той России, где у населения — мифологическое мышление, у политических лидеров — утопическое сознание, парламент был, но парламентаризма не было. Все строилось по схеме существовавшей высшей власти. Первая эпоха отечественного парламентаризма оканчивалась.

Но была ли российская Государственная дума народным представительством. Очевидно, нет. Если да, то почему совершилась — кстати, без участия думцев — Февральская революция. Не довела ли до нее со своей стороны Государственная дума? Фактическое бездействие (за исключением торжественных, но бесплодных мероприятий—27 апреля 1917 г. и др.) Государственной думы и Государственного совета между февралем и октябрём 1917 г. также способствовало Октябрьскому социально-политическому перевороту. Каким бы ни было отношение к народному представительству, приходится признать, что идея Государственной думы, как и парламентаризма в целом, осталась в умах только определенного круга

российской интеллигенции. Массы не потребовали в условиях уличной демократии восстановления деятельности Государственной думы, забыли ее или не увидели в ней толка. Российский парламент проиграл в отношениях со своим народом, с теми политическими партиями, которые пришли к власти сначала в феврале, затем в октябре 1917 г.

Реализовалась противостоявшая идее парламентской системы ленинская идея «Республики Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»¹. Весной 1918 г. «обнаружилась тенденция к превращению Советов в бюрократов», «... бюрократическое извращение советской организации»². Советы становились придатком, одним из «приводных ремней» правящей коммунистической партии.

Учредительное собрание (5-6 января 1918 г.) не было и не могло стать общероссийским парламентом. Лишившись кворума, даже не выработав повестки дня, утонуло в такой же скандальной перепалке с новой (советской) властью, как это происходило с прежней (царской) властью в Государственной думе в том же думском зале Таврического дворца. Новая, советская власть противопоставила ему III (Объединенный) съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, принявший 12 января 1918 г. Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Органом советской власти, народным представительством (но не всего населения, что сделало социум классово-конфронтационным, враждебным) стал Всероссийский съезд Советов; в промежутках между съездами ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) являлся проводником партийных директив, его решения имели силу законов.

По Конституции СССР 1936 г., узаконившей блок коммунистов и беспартийных (местные органы власти — Советы депутатов трудящихся, по Конституции СССР 1977 г. — Советы народных депутатов), Верховный Совет СССР, состоявший из двух равноправных палат (Совет Союза и Совет Национальностей), и Верховный Совет РСФСР являлись народными представительствами. Но присутствовало ли на их сессиях законотворчество? Этого не наблюдалось и в их комиссиях, получавших соответствующие проекты постановлений из Центрального комитета партии.

Ситуация меняется с 1989 г., когда половина депутатов новых законодательных органов — Советов и Съездов народных депутатов СССР, затем и РСФСР — избрана от общественных организа-

ций. Это рассматривалось как начало парламента, однако изначально управляемого. Отсутствие продуманности, последовательности в принятии решений свидетельствовало об утопичности представления, что достаточно взять готовую схему, соответствующую идеальную модель, перенести на своеобразную российскую почву, провести альтернативные выборы, получить парламент — и вот торжествует демократия, разовьется демократическое начало. Но как мог развиваться этот процесс, если он был инициирован «сверху», а «снизу» ограничивался выборами на альтернативной основе и нарастающей уличной демократией, политическими крикливыми тусовками.

16 мая 1990 г. начал работу I Съезд народных депутатов РСФСР, избранный на альтернативной основе. Но отныне многое определялось отменой ст. 6 Конституции, формированием в стране второго этапа многопартийности и принятием 12 июня 1991 г. Декларации о суверенитете Российской Федерации. Утверждалось парламентское самовластие, возникла возможность полноценного развития в стране демократического начала. Вместо мирного разрешения конфликта между Президентом Российской Федерации, с одной стороны, с другой — народным представительством, Верховным Советом как законодательным органом, последовала российская трагедия. 21 сентября — 4 октября 1993 г. отменена прежняя Конституция, прекращено функционирование тогдашнего народного представительства, расстрелян Белый дом — резиденция Верховного Совета Российской Федерации. В результате этого государственного переворота «выбор» сделан в пользу не столько демократического начала, сколько авторитарного. Россия стала президентской республикой, что значительно сузило формат народного представительства во всех отношениях, не содействовало развитию парламентской системы, тормозило ее.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., определила «Федеральное Собрание — парламент Российской Федерации» как «представительный и законодательный орган Российской Федерации» (ст. 94), состоящий по ст. 95, из двух палат: верхней — Совета Федерации и нижней — Государственной думы; правительство Российской Федерации — «исполнительная власть» (ст. 110). Прописаны составы палат (ст. 95); срок избрания Государственной Думы и формирование Совета Федерации (ст. 96); порядок и правила избрания в депутаты Государственной думы (ст. 97), при этом подчеркнуто, что «депу-

таты Государственной думы работают на профессиональной постоянной основе» (ст. 97); права депутатов (ст. 98); порядок заседаний (ст. 100); полномочия и ведения палат (ст. 102-106); порядок роспуска Государственной думы (ст. 109).

Исторический опыт всех Государственных Дум, избранных в соответствии с Конституцией 1993 г., свидетельствует, что парламент — политический институт. По определению он — представительный орган. Однако не представляет всех слоев населения страны (кто представляет интересы студентов, бомжей, солдат, пенсионеров, бездомных детей и др.? — если все парламентарии, значит, никто); соответственно не отражает всего социального многоцветия интересов, особенно слабо защищает интересы рядовых граждан, прежде всего, легко уязвимых, социально уязвимых. А без этого общество не может быть стабильным, с гражданским миром, но пребывает над конфронтационной пропастью с постоянной угрозой обвала. Так чьи же интересы парламент отражает? Каких социальных слоев? А может быть, интересы не только нашей Родины? Парламент не сложился еще как система представительства всего российского общества.

Как правовой институт парламент — законодательный орган. Законотворчество — одна из главных составляющих повседневной деятельности парламентариев. Законы должны быть не наспех сочиненными, но характеризоваться проработанностью. К сожалению, депутаты Государственной думы надеются на то, что принятые ими законы будут дорабатываться Советом Федерации, затем поступят в Администрацию Президента, где подвергнутся коррективам, и только после этого попадут главе государства на подпись, или он наложит вето. Но какова реакция парламентариев на вето Президента, их морально-психологическое состояние? Более того, результативность своей кипучей деятельности в парламенте депутаты оценивают почему-то только количеством принятых ими законов. Их действительно немало. Но какие из них улучшили качество жизни российского населения и сколько таких законов?

Законотворчество напрямую связано с исполняемостью принятых парламентом законов. Контроль за исполнением законов осуществляет исполнительная власть, разрастающийся чиновничье-бюрократический аппарат. А законодательная власть отстраняется от такого контроля. Ответственность парламента как политического, представительного и правового института за законотворче-

ство непосредственно сопряжена с необходимостью, общественной желательностью эволюционного, реформистского перехода из пространства полного или частичного властного произвола (ведущего на тропу общественных потрясений) в правовое поле. И для этого также работа парламента должна стать если не максимально, то достаточно прозрачной.

По своему составу парламент — партийное разноцветие, что способствует развитию партийной системы, ее определенных социальных частей и государственной власти. И одновременно происходит отсеивание так называемых «диванных партий», не только ничем не связанных с социумом, но и отвергнутых им. Интересно также, что видоизменяются или самоликвидируются так называемые «партии власти» или претендующие на эту роль (НДР, ПРЕС, ДВР), ныне из Государственной Думы выбыли СПС, «Яблоко». Пока в ней постоянно находятся КПРФ, ЛДПР; будущее покажет, какова судьба этих политических партий. На нынешнем этапе в Государственной Думе преобладает «Единая Россия». Не будем забывать, что нахождение в Государственной Думе — испытание, строгий экзамен и для особенно амбициозных депутатов, и для всех представленных в ней политических партий. Но не все от амбиций избавляются (вспомним, чем закончилось для НДР и ее лидеров, В. Черномырдина и В. Рыжкова, пребывание в Государственной Думе, и где ныне эта бывшая «партия власти?»).

Депутатский корпус (парламентарии) не отличается высоким профессионализмом, ответственностью всего состава и каждого депутата в отдельности за принимаемые решения, что сказывается на их качестве. В этом отношении определенная часть корпуса характеризуется обезличенностью.

Обратная связь с представительным, законодательным органом в виде отношения к нему общества, всего населения России, разных социальных групп — проблема весьма сложная, а должна стать очень ясной. В итоге выборов, не говоря уже о явке избирателей, происходят подчас резкие изменения в составе Государственной думы, что не свидетельствует о ее высоком общественном авторитете, который создают ей парламентарии. Следовательно, общество недостаточно удовлетворено решениями, которые принимают депутаты. Другая составляющая обратной связи: прислушивается ли исполнительная власть к мнению парламента о себе. Ограниченность полномочий парламента в отношении правительства (только утверждение представляемой Президентом кандидатуры главы

правительства) сужает и официальные (на уровне заседаний Государственной Думы) контакты: правительственный час, приглашение главы или отдельных членов правительства по конкретным вопросам на заседания. Желательны ежегодные отчеты главы правительства о деятельности всего кабинета на открытых заседаниях Государственной думы и их публикация, тем более что исполнительная власть не избирается и положения демократии на нее не распространяются. Она неподконтрольна обществу, отсюда ее нередкая безответственность, произвол чиновничье-бюрократического аппарата (управленческой корпорации), его отрыв от социума, пренебрежение к нему; взяточничество, коррупционность, самовластие отдельных его представителей. Воспроизводящая себя, власть находится в самообольщении и упивается своими полномочиями, которые сама же определяет.

В чем ценность парламентаризма в нынешней России: в ее политической системе? в соотношении власти и общества? Чтобы ответить на эти вопросы, надо выяснить: нужен ли парламент России или без него лучше, незатратно, спокойнее, быстрее будут решаться насущные проблемы. И зачем он нужен. Считается, что он направляет общественное недовольство в парламентские споры (а не превращается ли он в пустую говорильню?), тем самым ослабляет протестные настроения граждан, предотвращая их переход в разрушительную стихию. Но протестные настроения преимущественно возникают из нерешаемых парламентом социально-экономических проблем. При этом парламентарии руководствуются сиюминутностью или дальновидностью. В большинстве случаев они следуют за событиями, нередко негативными, но не работают на их опережение, предупреждение неприятных последствий, среди которых возможны самые страшные: бунты, кровопролития и т.д., до которых совершенно нежелательно доводить.

Конечно, для парламента существует опасность его роспуска — это полномочие Президента Российской Федерации. «Дамоклов меч» постоянно висит над депутатским корпусом, который не весь способен на мужественные поступки, отдавая предпочтение личной выгоде.

Актуальны вопросы: является российский парламент объектом и субъектом изменений на отечественном социально-политическом пространстве? И сможет ли он реализовать долговременные интересы общества и государства, жизненные интересы различных слоев населения в противовес интересам наиболее влиятельных

корпоративных лоббистских групп, особенно крупных финансовых структур, не ориентируясь на интересы элитных социальных групп? Насколько парламент является представительным и законодательным органом? Каковы его роль и функции в соотношении двух начал в российском обществе и государстве: демократического и авторитарного? Какова оптимальная модель отечественного парламента в условиях «особенной стати» России?

Для ответов парламенту желательно проявлять коллективную, всего депутатского корпуса, и индивидуальную, каждого парламентария, политическую дальновидность и высокую ответственность за страну, следовательно, за ее существование, судьбу и жизнь общества и государства; становиться более профессиональным, принимать достаточно обоснованные решения с учетом реальных общественных интересов. Важную роль могло бы сыграть введение права отзыва избирателями, а также соответствующей политической партией своего депутата за несоответствие статусу парламентария.

Парламент — политический институт, олицетворяющий представительную демократию, а по названию — Государственная Дума. А может быть, переименовать ее в Державную думу? Такое название предложил П. И. Пестель в своей «Русской Правде».

С учетом всего вышесказанного, каждый гражданин до выборов формирует свое видение, модель этого органа. И не пора ли каждому депутату аргументировать свои предложения обоснованно.

Следовательно, для развития демократического начала в российском социуме, парламентской системы желательно чтобы парламентарий был профессионалом, духовно-нравственным, культурным, интеллигентным человеком, что не обязательно определяется количеством дипломов о высшем образовании. Депутаты народного представительства обязаны показывать личным примером, поведением, какими должны быть граждане Российской Федерации.

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 115.

² Там же. Т. 36. С. 204-205.

В. В. Жуков, Р. Н. Масалимов
(г. Бирск, Республика Башкортостан)

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ДЕМОКРАТИИ В РОССИЮ

Политологи считают, что основные факторы и этапы формирования и эволюции либерально-демократической системы правления и идей демократии в целом совпадают с важнейшими вехами формирования и эволюции гражданского общества и правового государства¹.

В России же по ряду известных причин (прежде всего, из-за отсутствия сильного либерально-буржуазного течения) становление демократии и формирование парламентаризма сильно отличались от европейских процессов именно *либеральной демократизации*. Первый опыт российского парламентаризма 1905-1917 гг. оказался не совсем положительным, что способствовало поискам альтернативных форм общественного устройства. В годы Гражданской войны 1918-1920 гг. идеи буржуазной демократии и парламентаризма «сгорели» в огне классовой борьбы, расчистив дорогу советской демократии, которая подтвердила возможность демократии и без либерализма.

Развитие демократии в России после 1991 г. является сложным и противоречивым процессом, обусловленным историческим наследием тех форм государственности, которые в совокупности и предопределили своеобразие новой политической системы. Существует ли она в России и насколько далека от идеала, покажет время.

Смена системы управления в любом государстве происходит всегда неоднозначно, и здесь немаловажную роль играет длительность переходного периода к новой системе, от одного государственного

строю к другому. Важно подчеркнуть, что новая российская демократия имеет характерную особенность: общественное сознание склонно противопоставлять социализм нынешней демократии, при этом образ последней, как обычно, является предметом недовольства основных слоев населения. Почему? Ведь народ получил долгожданные права и свободы, которых так не хватало ранее. Любая система государственного устройства также имеет период развития, стагнации и упадка. Сейчас мы только приближаемся к стадии нормального развития, при этом сохраняя основные недостатки зарождения демократии: от анархии к постепенному признанию собственных ошибок и просчетов, допущенных на начальных этапах демократического «эксперимента». Именно эксперимента, и при этом неудачно начавшегося.

Любая демократия немыслима без развитой экономической системы. Известно, что уровень экономических отношений в стране характеризуется уровнем развития ее основных институтов власти и общества. Начало 1990-х гг. было обусловлено сильнейшим экономическим кризисом. Хаос, царивший в стране, отнюдь не способствовал своевременному развитию внутривластного порядка. Но время идет, и даже то подобие стабильности, к которому мы сейчас пришли, — лишь десятая доля неиспользованных ранее возможностей. Современные тенденции глобализации делают демократию единым стандартом успешных внешнеполитических отношений, это мировой стандарт, показывающий что государство созрело для взаимодействия с остальными членами мирового сообщества. Нет демократического устройства — нет инвестиций иностранного капитала, и, следовательно, важнейшего импульса к развитию экономики. Большинство бывших союзных республик пошли по естественному пути обособления от связывавшего их ранее Центра. Причем если и начале XX века «потенциальные» республики ничего из себя не представляли в экономическом и политическом плане, за исключением наличия природных и людских ресурсов, то с вхождением в состав СССР и развитием инфраструктуры к концу 1980-х гг. стало ясно, что независимость — прекрасная возможность сохранения основной массы капитала внутри государства и развития ее экономики, а следовательно, и социального сектора.

Таким образом, демократия начала свое развитие после идейного, в первую очередь, кризиса социалистической системы. Можно ли провести параллели с 1917 г.? Да, поскольку еще с 1990 г., начала разделения политических сил между сторонниками социалистиче-

ского и демократического пути развития, прояснились две альтернативы: первая — деструктивная, когда были попытки сохранения отмершего режима, и вторая — конструктивная, обнадеживающая сознание масс. Причем нельзя не упомянуть огромную роль человеческого фактора в разрушении системы. Так или иначе, второй путь виделся более заманчивым в плане собственного обогащения бывших и действующих чиновников, что является немаловажным моментом при смене любой системы управления. Парадоксально звучит лишь идея об установлении демократии не «снизу», как это должно быть изначально, а «сверху». Появились заботливые люди, которым была небезразлична судьба государства, решили, имея достаточные для этого полномочия, улучшить жизнь народа, заодно получив неограниченный доступ к власти. Произошло нарушение основного принципа установления демократии в стране — установление контроля общества над деятельностью выбранной власти. Не контроля власти над собой, а тех людей, кто эту власть выбирал. И это было невозможно. Произошел бы еще один государственный переворот, а может быть, и несколько, и при этом ситуация внутри страны еще более бы осложнилась, естественным образом положив начало анархии. Это означало бы катастрофу не только для государства, но и нации в целом. Поэтому российская демократическая система характеризуется как нестабильная по причине «недемократичного» установления демократии, описанного выше.

Поскольку участие широких общественных масс в масштабах всего государства было незначительным и локальным, то полноценность смены власти также отсутствовала. Приход к власти команды Б. Н. Ельцина и принятие Конституции РФ (12 декабря 1993 г.) четко обозначили принципиально новый путь развития российской государственности, ранее не имевший аналогов. Возникли широкие перспективы для развития экономического и социально-политического секторов. Однако на периферии местная власть осталась фактически той же, что и была десятилетие назад, лишь с тем различием, что открывался простор для «творческого» преобразования социально-экономической сферы субъектов РФ, и каждый регион или область в большей или меньшей степени представляли и представляют уменьшенную копию самого государства, так же как и деятельность его механизмов².

Развитие демократии напрямую зависит от социокультурных традиций, определяющих ход политических процессов. Россию можно отнести к категории государств с инертной политической

системой, с пережитками в ней трудноизлечимых болезней полноты государственной власти и народа, основанной на традиционных, авторитарных принципах организации власти. В соответствии с этим предпосылки развития нового российского государства определяются пережитками социализма, не имевшего конструктивных демократических начал, и совершенно изжившей себя монархической системы.

Необходимо подчеркнуть роль народа в контексте длительного процесса преобразований. Рассмотрение социокультурного аспекта здесь столь же немаловажно, сколь и изучение процесса трансформации отдельных институтов власти.

Чужда ли демократия русскому человеку? И да, и в то же время нет. Неоднократно пропагандировались идеи перенятия западных традиций на нашу почву, и стало очевидным, что подобные эксперименты лишь усугубили кризис переходного периода. Чего стоит разгосударствление экономики, образование финансовых пирамид и никак не прекращающийся вывоз капитала как одно из серьезнейших последствий очередного исторического эксперимента. Форсирование экономических и политических преобразований в России всегда приводило к повторению традиционных проблем и к ненужным остановкам на пути построения современного развитого государства.

Так или иначе, демократия должна оправдывать свое название на всех этапах развития государства. Но возникает вопрос: что же могло произойти, раз власть не доверила народу самому решать проблемы, накопившиеся за десятилетия? Ни в 1917, ни в 1992 г. этого сделано не было. Причин много, и главная из них — низкий уровень политической культуры общества, а порой даже полное ее отсутствие, которое было выгодно предшествующим системам власти. До 1917 г. это порождалось царизмом, до перестройки — советской властью (выродившейся в 1960–70-е гг.).

Именно низкая политическая культура общества является основным препятствием развития демократии. В настоящее время год от года эта культура, а точнее, осведомленность населения в политических вопросах возрастает, к этому обязывают современные условия жизни и развивающиеся тенденции информатизации общества. В любом случае, не следует ждать скорого совершенствования нынешней политической системы, не имеет смысла сравнивать российскую демократию с идеальной моделью, понимание которой различно у каждого слоя общества. Российская демократия

существует и развивается на неподготовленной для этого почве, по-прежнему имея массу анахронизмов постперестроечного периода. Углубляется социальное расслоение, центральная власть не способна к эффективной самоорганизации и контролю. Имеет место рост внешнеполитической напряженности, и прежде всего в отношениях с США, стремящимися к установлению экспансивной модели демократии, существенно отличающейся по основным критериям от собственной внутренней политики.

Разнородность развития прогрессирующих субъектов Федерации порождает еще больший контраст с регионами отстающими, где отсутствие должного контроля со стороны центральной власти сохраняет «старые болезни» середины 1990-х гг. Основной спектр проблематики в развитии Российского государства известен давно, но среди вопросов повседневных стоит и самый ключевой — отсутствие идеологии в условиях постсоциалистического вакуума, порожденного отказом и разрушением системы ценностей марксистско-ленинской концепции.

Что должно стать национальной идеей и какова будет ее сущность? Однозначного ответа здесь дать нельзя, но ориентиры в этом направлении уже есть. Отказ от капитализма в советский период и резкий переход к примитивным его формам (ошибочно или сознательно принимаемым как либерализм) в начале 1990-х гг. показал обществу невозможность возвращения к прежней системе и нежелание принять систему новую, несовершенство которой постоянно мешает нации встать над проблемами обыденности, трезво и самостоятельно оценить роль России в современном мире. Скачкообразное развитие, требующее одинакового со странами Запада темпа, придает ускоренный характер политике государства, когда меры, принимаемые сегодня, абсолютно неприемлемы для воплощения завтра.

Проблема идеологии — проблема пробуждения национального характера — требует исторически известных явлений, возникновение которых маловероятно на фоне тенденций глобализации. Но опасность установления однополярного мира, исходящая от бывшего «вероятного противника», либо возникновение вообще бесполярного мира выдвигает идею развития потребительского общества со своей системой ценностей, противопоставляющей потребности низшие потребностям высшим, личность — обществу, общество — власти. Такое категориальное деление не случайно, поскольку описанная выше двойственность характерна для государств, где столетние

традиции, вступают во взаимодействие с требованиями современности, порождая противоречивость и неизбежность общественно-политического курса, направленного на стабилизацию обстановки в стране.³

Развитие демократии в России с 1993 г., в полной мере оказавшейся перед лицом собственных проблем, копившихся десятилетиями, происходит инертно и тесно связано с пережитками недавнего прошлого, хаосом постперестроечного периода. Произошла смена ценностей в обществе с недостаточно развитыми демократическими институтами, а порой и их полным отсутствием. Дисбаланс порождается вовлечением страны в процесс глобализации со своим вектором общественного развития, двигаться в направлении которого Россия еще не может, не оказавшись в ловушке собственных политических и экономических амбиций. Они порождаются историей, прошлым, столь же сложным и противоречивым, как перспективы будущего, облик которых создается сегодня. Стабильность, к которой мы пришли, лишь слегка заживила раны кардинальных перемен системы, подобных тем, что происходили в начале XX в. На создание социалистической системы ушли два десятилетия, и результаты прямо пропорциональны понесенным тогда потерям. Какими будут изменения в условиях отсутствия кардинальных перемен? Ведь только они заставляли государство двигаться вперед.

¹ См., напр.: *Гаджиев К. С. Политология: Учеб. для высш. учеб. завед. М., 2004. С. 173.*

² См.: *Сергеев В.М. Демократия и региональное неравенство // Полис. 2003. № 5.*

³ См.: *Эйзенштадт С. Парадокс демократических режимов: хрупкость и способность к преобразованиям // Полис. 2002. № 2; Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 173.*

В. Ю. Жуков (Санкт-Петербург)

**КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НОВОЙ РОССИИ
(на материале избирательных бюллетеней
парламентских выборов 1995 и 1999 гг.)**

Сущность того или иного явления, которая и выражает его качественную определенность, раскрывается полностью только благодаря выявлению количественной меры данного качества, в нашем случае — семантики (значения, смысла) названий политических партий.

На декабрьских выборах в Государственную думу Российской Федерации П-го (17 декабря 1995 г.) и Ш-го (19 декабря 1999 г.) созывов участвовали 72 политические партии, объединения, блок и движения (далее — организации). 43 из них приняли участие в выборах 1995 г. и 29 намеревались принять участие в выборах 1999 г. (3 из 29 организаций последних выборов были исключены Центризбиркомом, но тоже учитываются нами как первоначально внесенные в избирательные бюллетени). 68 из 72 организаций (94,4%) представлены в бюллетенях своими эмблемами-логотипами.

Нами были проанализированы названия политических партий и организаций на избирательных бюллетенях указанных выборов. Напечатанные справа от эмблем, они являются интересным и информационно богатым вербальным источником. Названия организаций в концентрированном виде отражают и выражают цели, ценности и приоритеты их лидеров, участников, сочувствующих и избирателей. Выбирают или формулируют названия и присваивают их своим политическим организациям партийные лидеры в надежде на созвучность политическим интересам и предпочтениям «сво-

© В. Ю. Жуков, 2006

его» сектора электората, на поддержку которого во время выборов они рассчитывают. Поэтому большинство этих названий можно считать программными самоназваниями.

Обычно они выражены лаконично, нередко в форме девиза или лозунга, близкого и понятного избирателю. Опосредованно содержащие программные цели и установки организаций и обладающие известной привлекательностью, а иногда и популярностью, названия организаций являются референтом (показателем) идейно-политической ориентации и предпочтений партийных лидеров и в определенной мере — электората, своеобразным лексико-лингвистическим источником для их изучения.

Условно обозначим избирательный бюллетень выборов 17 декабря 1995 г. буквой А, бюллетень 19 декабря 1999 г. — Б, а сами организации — буквой соответствующего бюллетеня с цифрой того порядкового номера, под которым они помещены в этом бюллетене. Например: А-1 — «Политическое движение "Женщины России"» (выборы 1995 г.), Б-1 — «Консервативное движение России» (выборы 1999 г.) и т.д. (см. Приложение).

В основном, политические партии и организации обозначили себя в назывном порядке — нейтрально-информационно («Аграрная партия России» (А-41), «Объединение "Яблоко"» (Б-6), «Партия пенсионеров» (Б-27), и др.). В ряде случаев названия представляют собой: 1) традиционный лозунг (например, «Мир. Труд. Май» (Б-8)); 2) лозунг-призыв («За Родину!» (А-14), «Власть — народу!» (А-30), «Вперед, Россия!» (А-20)); 3) девиз-кредо («Преображение Отечества» (А-4), «Стабильная Россия» (А-11), «Наш дом — Россия» (Б-25)); 4) подчеркнутую самоидентификацию («Поколения рубежа» (А-12), «Блок независимых» (А-16), «Партия любителей пива» (А-37)).

О методике исследования. Репрезентативным документальным источником послужили избирательные бюллетени парламентских выборов 1995 и 1999 г.; объектом изучения избраны названия (самоназвания) политических партий и организаций, принявших в них участие; единицами примененного для этого контент-анализа — составляющие их ключевые слова-понятия (ценности) и частота их упоминания. Рассмотрению подлежали названия всех организаций-участников указанных выборов (72 организации): 1) партий, самостоятельно участвовавших в выборах; 2) объединений, блоков и движений; 3) входящих в них партий (если их названия приведены в избирательных бюллетенях).

В том числе учитывались в каждом избирательном бюллетене по отдельности названия 9 организаций, участвовавших в выборах дважды (в 1995 и 1999 г.), и названия 3 организаций, исключенных Центризбиркомом на последнем этапе выборов 1999 г., названия и эмблемы которых напечатаны в избирательных бюллетенях.

В составных словах (например, «социал-демократы») каждая из составляющих их частей учитывалась по отдельности как наделенная самостоятельным смыслом.

Не принимались во внимание и не учитывались: 1) любые аббревиатуры; 2) ключевые слова названий, продублированные в эмблемах организаций; 3) тексты лозунгов на эмблемах; 4) фамилии и имена «первых лиц» — лидеров организаций, включенные в названия (например, «Блок Станислава Говорухина» (А-26)) или напечатанные ниже названий.

Всего выделены 60 имеющих ценностное содержание ключевых слов-понятий и 38 производных от них синонимов и слов-калек (например, «общественный» — «социальный»), которые в обоих бюллетенях упоминаются в названиях организаций в сумме 193 раза. За основу анализа принято количество упоминаний, а не самих слов, т. е. их частотное распределение. Эти ключевые и близкие к ним по значению слова объединены в 10 групп по признаку смысла и степени встречаемости (частоты упоминаний), а группы проранжированы в порядке убывания количества упоминаний ключевых слов-ценностей и их синонимов.

Анализ распределения ключевых слов-понятий в названиях политических партий и организаций, участвовавших в парламентских выборах 1995 и 1999 г., показывает, что наиболее часто встречаются слова, указывающие на национально-государственную принадлежность организаций. Подчеркнуть в той или иной форме (топонимом «Российская Федерация», конституционно приравненным к нему историческим названием нашей страны — «Россия» или образованным от него прилагательным) свою принадлежность к Российскому государству посчитали необходимым более 2/5 организаций (каждое шестое упоминание). При этом 5 организаций (6,9%) прибегли к усилению, подчеркнув свой общегосударственный (а не региональный) масштаб приставками «обще-» и «все-» к прилагательному «российский» (А-7, -17, Б-10, -16, -22).

Обозначение своей национально-государственной принадлежности не является требованием Центризбиркома; более половины всех организаций обошлись без этого. Следовательно, это добровольный

выбор лидеров, полагающих, вероятно, что государственная «привязка» прибавит им и их организациям веса в глазах избирателей. Здесь не только эксплуатация естественной привлекательности для избирателя имени Родины, но и создание неявного впечатления некой «утвержденности», санкционированности своей организации государством, чей авторитет как бы работает на ее авторитет. Одновременно это — прием «по аналогии»; вспомним, что КПСС (прежде РСДРП, РКП(б), ВКП(б)) всегда подчеркивала в своих названиях государственную принадлежность и была (после революции и Гражданской войны) главной составной частью советского государства. А современные партии по закону — негосударственные, общественные организации. Но их государственно-приоритетные рельефно обозначены в их названиях и эмблемах.

На втором месте (каждое седьмое упоминание) группа слов, подчеркивающих общий, коллективный, народный характер организаций, «союзность» их участников. Традиционная для российского (и вообще восточного) менталитета общинность с ее взаимопомощью и соседской поддержкой, гарантирующими совместное выживание, привычная ориентация на коллективные, общенародные усилия по достижению цели (в отличие от протестантско-западного индивидуализма) обусловили, по-видимому, выход на второе место соответствующих ключевых слов-ценностей, которые использовали в своих названиях около 1/4 организаций. Налицо сознательная эксплуатация исторических особенностей национального характера и традиционных представлений электората, свойственного людям «чувства локтя», подспудного желания действовать сообща, «всем миром».

Каждая седьмая организация (более 1/20 всех упоминаний) указала на свой политический статус, принадлежность к политике — сфере общественного сознания и области деятельности, главным содержанием которых являются отношения по поводу власти, стремление к ее достижению (третье место). Использование в своем названии прилагательного «политический» способствует отграничению себя от иных организаций экономической, культурной и прочей ориентации. Организации применяют поясняющие определения «политический», «общественно-политический» перед собственным именем так же, как газеты и журналы — в подзаголовках.

Четвертое место заняло слово «демократия» (и близкие к нему по смыслу) как идеал политического устройства гражданского об-

щества, основанного на народоправстве. Демократии «присягнула» каждая десятая организация (более 4% упоминаний). Слово «демократия» в самом сжатом виде символизирует общественное устройство на началах свободы, равенства и справедливости и может привлечь избирателя — сторонника перемен.

Пятое место делят между собой «труд» (и обозначение занятых им людей) и «защита». Труд — главный источник общественного богатства, традиционно признаваемая и уважаемая ценность. Применение этого слова в названиях организаций особенно созвучно представлениям тех, кто хорошо помнит, как воспевался человек труда в советские годы, и ориентируется в своих политических предпочтениях на ценности этого времени. И демократия, и свободный труд нуждаются в защите и поддержке. В наше беспокойное время защита как гарантия и символ безопасности имеет высокую привлекательность. В слове «защита» латентно присутствует также отзвук патерналистских настроений, по-прежнему широко укорененных в общественном сознании. Эти ценности (труд и защита) упоминает в своих названиях каждая десятая и четырнадцатая организация соответственно.

На шестом месте три понятия, каждое из которых упомянуто 5 организациями по 5 раз: 1) «русский» как национально-историческая самоидентификация (а не государственная принадлежность); 2) «отечество» (и близкие к нему по смыслу слова по-русски и по-гречески), в котором, по-видимому, проживают русские; 3) «социалистический» как ностальгия по недавнему прошлому и одновременно перспективный идеал социально-политического устройства справедливого общества. Апелляция к национально-патриотическим чувствам избирателя обычно имеет успех. Существует и корреляция между патриотическими и социалистическими предпочтениями такого электората. Поэтому, наверное, слова «русский», «отечество» и «социалистический» набрали равное (хотя и незначительное) число упоминаний.

В группы №7-10 вошли слова, число упоминаний которых (как и количество организаций, использующих эти понятия) весьма незначительно (не более 1-4). Но и редко упоминаемые ключевые слова дают определенный материал для размышления над причинами малой востребованности этих слов в символической лексике названий политических организаций.

Сгруппируем некоторые из малоупотребляемых понятий следующим образом:

1) коммунистический, советский, сталинский, профсоюзы (эти слова символизируют советское прошлое и так и не осуществленный на практике коммунистический идеал);

2) монархический, держава (символы царской России);

3) либеральный, консервативный, экономический, предприниматели, промышленники, правые силы (олицетворяют путь нормального буржуазно-капиталистического развития и ориентированные на такое развитие современные политические силы);

4) армия, законность и порядок, искоренение преступности, стабильность (для тоскующих по порядку, крепкой власти и «твердой руке»);

5) наука, культура, образование, здравоохранение, экология (излишне частные, узкоспециальные понятия);

6) христианский, православный (религиозные приоритеты);

7) справедливость, согласие, достоинство, независимость, вера, надежда, любовь, добро, счастье (слишком общие, абстрактные ценности).

Проведенный контент-анализ позволяет сделать вывод, что общественное сознание партийных политиков и отечественного избирателя привержено идеям государственности и традиционной общинной коллективности; разделяет демократические (одна часть организаций и электората) и социалистические (другая часть) идеалы; признает высокую ценность и значимость труда; в определенной мере откликается на национально-патриотические призывы.

Вместе с этим партлидеры организаций и их электорат в своем большинстве дистанцируются от политических крайностей: проблематичного коммунистического будущего (хотя коммунисты и собирают на выборах немало голосов) и во многом дискредитированного прошлого (царизма и сталинизма; при этом, как показывает анализ эмблем этих организаций,¹ тепло вспоминают советскую историю); сторонятся непривычных («чуждых» и «подозрительных») буржуазно-капиталистических ценностей и перспектив, с одной стороны, и призывов к законности и порядку с опорой на армию, — с другой. Не готовы сконцентрировать свое внимание на конкретных социально-культурных аспектах и нуждах общественного развития (несмотря на всю их важность), достаточно равнодушны к религии и к другим серьезным, но слишком отвлеченным духовно-нравственным ценностям и понятиям.

Таким, на базе анализа партийных названий, видится коллек-

тивный портрет лидеров политических организаций и усредненно-го российского избирателя конца прошлого века, такова примерная картина их социально-политических симпатий и предпочтений.

См.: Жуков В.Ю., Преображенский А. А. Эмблемы политических партий современной России // Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. ст. СПб., 2005. С. 284-296.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАЗВАНИЯ И ПОРЯДКОВЫЕ НОМЕРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЮЛЛЕТЕНЯХ

На выборах 17 декабря 1995 г. (А)

1. «Политическое движение "Женщины России"»
2. «Социал-патриотическое движение "Держава"»
3. «Общественно-политическое движение "Дума-96"»
4. «Преображение Отечества»
5. «Тихонов — Туполев — Тихонов»
6. «Российское общенародное движение»
7. «Общероссийское мусульманское общественное движение "Нур" ("Свет")»
8. «Федерально-демократическое движение»
9. «Предвыборный блок, включающий руководителей Партии защиты детей (мира, добра и счастья), партии "Русские женщины", Партии православных (веры, надежды, любви), Народной христианско-монархической партии, Партии за союз славянских народов, Партии сельских тружеников "Земля-матушка", Партии защиты инвалидов, Партии пострадавших от властей и обездоленных»
10. «Международный союз»
11. «Общественно-политическое движение "Стабильная Россия"»
12. «Поколения рубежа»
13. «Мое Отечество»
14. «За Родину!»
15. «Внепартийное политическое движение избирателей "Общее дело"»
16. «Блок независимых»
17. «Всероссийское общественно-политическое движение "Наш дом — Россия"»
18. «Панфилова—Гуров—Владимир Лысенко (Республиканская партия Российской Федерации)»
19. «Общественное объединение "Яблоко"»
20. «Общественно-политическое движение "Вперед, Россия!"»
21. «"89" (89 регионов России)»
22. «Экологическая партия России "Кедр"»
23. «Демократический выбор России — Объединенные демократы»
24. «Партия российского единства и согласия»
25. «Коммунистическая партия Российской Федерации»
26. «Блок Станислава Говорухина»
27. «Ассоциация адвокатов России»
28. «Национально-республиканская партия России (НРПР)»
29. «Социал-демократы»
30. «Власть — народу!»
31. «Общественно-политическое движение "Конгресс русских общин"»
32. «Профсоюзы и промышленники России — Союз труда»
33. «Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)»
34. «Предвыборный блок, включающий руководителей Партии защиты пенсионеров и ветеранов, Партии искоренения преступности — законности и порядка, Партии защиты здравоохранения, образования, науки и культуры, Партии защиты молодежи, Объединения Свободных профсоюзов, Партии справедливости, Партии охраны природы»
35. «Партия самоуправления трудящихся»
36. «Коммунисты-Трудовая Россия-за Советский Союз»
37. «Партия любителей пива»
38. «Блок Ивана Рыбкина»
39. «Партия экономической свободы»
40. «Партия "Народный союз"»
41. «Аграрная партия России»
42. «Политическая партия "Христианско-демократический союз — христиане России"»

43. «Союз работников жилищно-коммунального хозяйства России»

На выборах 19 декабря 1999 г. (Б)

1. «Консервативное движение России»
2. «Российский общенародный союз»
3. «Женщины России»
4. «Движение "Спас"»
5. «Сталинский блок — за СССР»
6. «Объединение "Яблоко"»
7. «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз»
8. «Мир. Труд. Май»
9. «Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова»
10. «Всероссийское общественно-политическое движение "Духовное наследие"»
11. «Конгресс русских общин и движение Юрия Болдырева»
12. «Партия мира и единства»
13. «Российская партия защиты женщин»
14. «Межрегиональное движение "Единство" ("Медведь")»
15. «Социал-демократы»
16. «Общероссийское политическое движение "В поддержку армии"»
17. «Блок Жириновского»
18. «За гражданское достоинство»
19. «Отечество — Вся Россия»
20. «Коммунистическая партия Российской Федерации»
21. «Русское дело»
22. «Всероссийская политическая партия народа»
23. «Союз правых сил»
24. «Экологическая партия России "Кедр" (зеленые)»
25. «ВОПД "Наш дом - Россия"»
26. «Социалистическая партия России»
27. «Партия пенсионеров»
28. «Русская социалистическая партия»
29. «Российская консервативная партия предпринимателей (РКПП)»

М. М. Курманов (Казань)

**ГАРАНТИРУЮТСЯ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА
ГРАЖДАН ПРИ РЕФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?**

В рамках данной статьи необходимо рассмотреть ряд вопросов, связанных с проблемой реализации инициатив Президента РФ В.В.Путина по реформированию организации органов государственной власти субъектов РФ. Некоторые его предложения уже воплощены в федеральных законах и реализуются на практике, что позволяет оценить их с научно-практической точки зрения. В первую очередь, это изменение порядка избрания высших должностных лиц субъектов РФ.

Кандидатура высшего должностного лица субъекта РФ представляется Президентом РФ законодательному органу субъекта РФ, который наделяет гражданина РФ полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ. В случае двукратного (трехкратного) отклонения кандидатуры законодательный орган субъекта РФ распускается. Ранее, как мы помним, высшее должностное лицо субъекта РФ избиралось непосредственно избирателями. В дальнейшем предлагается сузить круг выдвигаемых кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта РФ и ограничиться кандидатурой, выдвинутой политической партией, победившей на парламентских выборах. Соответствует ли данный порядок назначения Конституции РФ?

На мой взгляд, при введении такой системы будут нарушены две статьи Конституции РФ: ст. 19, закрепляющая равенство прав, свобод человека и гражданина независимо от принадлежности к общественным объединениям (к примеру, я не хочу быть членом

© М. М. Курманов, 2006

партии, а в уставе партии написано, что могут избираться только члены этой партии. Почему я должен туда идти?), и ст. 32, которая фиксирует активные и пассивные избирательные права граждан, т. е. право избирать и право быть избранным. Получается, меня лишают права избирать конкретного человека, т. е. при реализации активного избирательного права я лишен права выбора конкретного лица. В то же время как гражданин я не могу выдвинуть свою кандидатуру и реализовать свое пассивное право.

Те же нарушения Конституции РФ происходят и при формировании законодательных органов субъектов РФ. Как известно, избрание депутатов законодательных органов субъектов РФ по пропорциональной системе в полном составе возможно и по действующему законодательству. Так, Федеральным законом от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральным законом от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» устанавливается норма: «Не менее половины депутатских мандатов в законодательном органе субъекта РФ либо в одной из его палат распределяется между списками кандидатов, выдвинутыми избирательными объединениями, избирательными блоками, пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждым из списков кандидатов». Данная норма позволяет субъектам РФ устанавливать своим законом и верхний предел депутатских мандатов, распределяемых пропорционально числу голосов, т. е. предусмотреть избрание по пропорциональной системе всего состава депутатов законодательного органа субъекта РФ.

Как воспользовались субъекты РФ предоставленной возможностью? Анализ положений Конституций (уставов) субъектов РФ позволяет сделать вывод: законодательные органы практически всех субъектов РФ формируются с соблюдением следующей пропорции: половина депутатов — по одномандатным избирательным округам, а половина — пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждым из списков кандидатов (Республики Мордовия, Татарстан, Удмуртская Республика; Московская, Нижегородская, Ульяновская области, и др.).

В Федеральном законе от 11 июля 2001 г. «О политических партиях» написано, что выдвижение в политические партии кандидатов, списков кандидатов в депутаты и на иные выборные должности

в органы государственной власти, в органы местного самоуправления осуществляется на съезде политической партии, в работе которого принимают участие делегаты от региональных отделений политических партий, образованных более чем в половине субъектов. Это говорит о том, что, во-первых, политическая партия, если она не имеет отделения в каком-то субъекте РФ, выдвинуть кандидата не имеет права. Во-вторых, если даже региональное отделение партии выдвинуло кандидата, то центральный орган партии может данного кандидата из этого списка исключить. Соответственно, реализация прав, закрепленных в Конституции РФ, в этом случае не гарантируется.

Законом субъекта РФ может предусматриваться необходимый для допуска к такому распределению депутатских мандатов минимальный процент голосов избирателей, полученных списком кандидатов. При этом минимальный процент должен устанавливаться с таким расчетом, чтобы к распределению депутатских мандатов было допущено не менее двух списков кандидатов, получивших в совокупности более 50% голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Законами субъектов РФ установлены различные проценты. Например, в Республике Татарстан—7%, в Республике Мордовия, в Нижегородской, Ульяновской областях—5%, в Московской области—4%. На наш взгляд, этот минимальный процент должен быть установлен федеральным законодательством.

Представим, что выборы в законодательные органы субъектов РФ состоялись по измененному законодательству. Возникнет необходимость закрепления прав, обязанностей фракций в регламентах законодательных органов субъектов РФ. Следует обратить внимание на то, что в законодательных органах субъектов РФ отсутствует опыт деятельности фракций. Конечно, законодатели субъектов могут обратиться к Регламенту Государственной Думы РФ, обобщить практику ее работы по регулированию деятельности фракций и закрепить аналогичные положения в пределах своих полномочий. По и Регламент не регулирует данные правоотношения в полном объеме, так как Государственная дума РФ избирается тоже как по пропорциональной, так и по мажоритарной системе.

Обратимся к опыту зарубежных стран. Правовое регулирование статуса партийных фракций осуществляется либо специальным законом (Швейцария), либо обычаями, прецедентами и писаными нормами (США). В соответствии со сложившейся практикой деятельности зарубежных парламентов основой официального при-

знания депутатских объединений чаще всего являются: 1) степень признания законодательством права депутатов на создание внутри палат (парламента) объединений по признаку партийной принадлежности; 2) минимальный количественный состав депутатов, принадлежащих к одной партии, как необходимое условие для образования такого объединения.

В настоящее время в законодательном органе субъекта РФ фракция, в первую очередь, должна пройти регистрацию, причем уведомительную. Депутатское объединение, сформированное на основе избирательного объединения, прошедшего в законодательный орган субъекта РФ по единому избирательному округу субъекта РФ, а также из депутатов законодательного органа субъекта РФ, избранных по одномандатным избирательным округам и пожелавших участвовать в работе данного депутатского объединения, именуется фракцией и подлежит регистрации, на наш взгляд, независимо от числа ее членов.

Деятельность фракции в законодательном органе субъекта РФ должна быть гарантирована. При установлении гарантий необходимо исходить из того, что фракции осуществляют свои функции в рамках полномочий законодательного органа субъекта РФ.

Вызывает озабоченность ситуация, когда одна фракция или несколько солидарных фракций могут иметь большинство от установленного числа депутатов законодательного органа. Здесь уместно вспомнить, что закон субъекта РФ принимается большинством голосов от установленного числа депутатов, а постановление — большинством голосов от избранного числа депутатов (ст. 7 ФЗ от 6 октября 1999 г.). Представляется, что в этом случае остальные депутаты будут присутствовать только для кворума. Поэтому, на наш взгляд, надо закреплять гарантии деятельности и малочисленных фракций в законодательном органе субъекта РФ.

Заслуживает поддержки в связи с этим суждение Т. А. Анчуткиной: «Сычрезвычайно важно выделить оппозицию как политическое явление, как одну из характерных черт правового государства, как элемент демократии, определив основные принципы, обеспечивающие возможность оппозиционной деятельности в России и установив законодательные рамки такой деятельности»¹.

Предлагаемые изменения коснутся, в первую очередь, деятельности депутатов, входящих во фракцию, особенно в процессе выражения воли и законных интересов избирателей.

Здесь уместно привести мнение В. В. Лапаевой: «Депутаты...

должны выражать интересы всего народа, а не отдельных политических партий»². При этом не надо забывать о том, что депутаты должны выражать не узкогрупповые интересы верхушки партии, а избирателей, за них проголосовавших. Ведь партии в парламенте — это выразители интересов населения, которое делегирует им право руководить общими делами государства путем принятия законов³. Но возможно ли это?

В Федеральном законе от 21 июля 2001 г. оговаривается: «Лица, замещающие государственные или муниципальные должности, лица, находящиеся на государственной или муниципальной службе, не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения в интересах политической партии, членами которой они являются, либо в интересах любой иной политической партии. Указанные лица, за исключением депутатов Государственной думы РФ, депутатов иных законодательных органов государственной власти и депутатов представительных органов местного самоуправления, не могут быть связаны решениями политической партии при исполнении своих должностных или служебных обязанностей». Это означает, что депутат связан решениями партии при исполнении своих депутатских обязанностей. Получается такая картина. Например, встретился депутат, входящий во фракцию, с избирателями. Ему предложили внести проект закона по вопросам, затрагивающим интересы избирателей. Депутат согласен с пожеланиями избирателей и обращается к фракции. Фракция отклоняет данное предложение. Как быть в данной ситуации с интересами избирателей?

Кстати, депутаты, избранные по пропорциональной системе, имеют преимущество перед депутатами, избранными по территориальным избирательным округам (отмечаю это как депутат, имеющий 15-летний опыт депутатской деятельности и трижды избиравшийся по одному и тому же избирательному округу). Им не надо ежемесячно вести прием в одном и том же округе и многократно сталкиваться с одной и той же проблемой избирателей. Им не надо отчитываться о своей деятельности в избирательном округе и заботиться о том, чтобы на предстоящих выборах снова предстать перед своими избирателями. Им не надо даже приходиться на заседания. Можно привести в пример голосование депутатов Государственной думы, когда один депутат от фракции голосует за нескольких отсутствующих депутатов⁴, нажимая кнопки.

Надеемся, что предлагаемые выводы и практические рекоменда-

дании получают признание и поддержку со стороны федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и будут реализованы на практике.

¹ *Анцуткина Т. А.* Правовые основы парламентской деятельности политических партий в Российской Федерации. Теоретические проблемы российского конституционализма. М., 2000. С. 185.

² *Лапаева В. В.* Закон о политических партиях: вопросы взаимодействия партий с государством // Журн. российского права. 2002. № 4. С. 21.

³ См.: *Комкова Г. Н.* Равенство депутатских фракций в Государственной думе как реализация принципа многопартийности: Международная научно-практическая конференция // Конституция и законодательство. 2003. 29 октября. С. 112.

⁴ См. более подробно: *Курманов М. М.* Реализация законодательной инициативы законодательным органом субъекта Российской Федерации: законодательство и практика. // Закон и право. 2004. № 9. С. 8-11.

В. Ф. Цветкова (Санкт-Петербург)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ПАРТИИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 90-Е ГОДЫ XX в.

Чеченская трагедия началась в условиях распада СССР, когда политические силы в РСФСР, боровшиеся за власть с руководством СССР, использовали в качестве оружия сепаратистские течения как в других республиках, так и внутри Российской Федерации. Как мы знаем, успех здесь был полный, но наивно было надеяться, что такой процесс остановится на границах РСФСР¹. События, начало которым положено введением в Чечню частей российской армии в декабре 1994 г., всколыхнули Россию и стали началом нового этапа российской истории. В чем же корни и смысл происходивших тогда политических процессов?

В 1950-е-1960-е гг. на территории СССР шло активное формирование чеченских и ингушских криминальных структур. При их создании использовалась кланово-патриархальная структура чеченского общества, опирающегося на многочисленные суфийские ордена, которые все годы советской власти в чеченской среде имели некий полуофициальный статус. По свидетельству Виктора Белоброва, возглавлявшего в 1974-1985 гг. КГБ ЧИАССР, в 1970-е-К()-е гг. в Чечено-Ингушской автономии «было 32-34 религиозных формирования мюридского толка. Таких, как секта Дини Арсаиова, Али Метаева, зикристы и др. И паритетно эти секты были представлены во властных структурах ЧИАССР как родоплеменные объединения — тейпы»².

К концу 1980-х гг. чеченские преступные группировки стали одними из самых сильных в СССР. Они контролировали значительную часть контрабандного вывоза из страны золота, других драго-

ценных металлов и камней. Огромные капиталы были «заработаны» чеченским криминалитетом на торговле наркотиками, угоне и подпольной продаже автомашин, рэкете³.

К 1987 и 1988 г. даже в Чечено-Ингушетии, подвергавшейся прежде жестокому контролю и превращенной в тихую заводь Северного Кавказа, стали ощущаться последствия объявленной М.С.Горбачевым гласности, перестройки и демократизации⁴. Как и во многих других регионах СССР, в республике стали возникать так называемые неформальные организации. В 1987 г. под редакцией журналиста Л. Салигова стал выходить бюллетень «Справедливость» и появилось научное общество «Кавказ», которое вскоре переросло в «Союз содействия перестройке». На его базе несколько позже сформировался Народный фронт Чечено-Ингушетии.

Чеченские и ингушские неформалы находились в тот период под сильным влиянием общественных движений, возникших тогда же в Прибалтике, Закавказье и в самой России. Вскоре стало ясно, что республика больше не намерена оставаться тихой заводью (в январе 1989 г. состоялся пленум комитета компартии республики, осудивший депортацию). Весной 1989 г. был смещен с поста первого секретаря республиканского комитета партии Владимир Фотеев, по национальности русский. На его место претендовали два кандидата: чеченец Доку Завгаев и русский Николай Семенов, занимавший ранее должность первого секретаря Грозненского горкома КП. В ознаменование наступления новых времен был избран Завгаев⁵.

В июле 1989 г. группа молодых чеченцев создала первую в республике национальную политическую организацию «Барт» («Единство»); в числе ее организаторов был Зелимхан Яндарбиев, будущий вице-президент в правительстве генерала Дудаева. В августе 1989 г. лидеры «Барта» созвали в Сухуми (Абхазия) I съезд горских народов Кавказа. На съезде бартовцы выдвинули идею «федеративной государственности народов Кавказа». К началу 1990 г. Чечено-Ингушская АССР, еще недавно считавшаяся оплотом стабильности и консерватизма, пробудилась к активной политической жизни. В феврале 1990 г. «Барт» был преобразован в Вайнахскую демократическую партию. Весной 1990 г. возникла дестабилизирующая сила: молодые чеченские национал-радикалы (этот термин был введен чеченцем-антидудаевцем Тимуром Музаевым) создали объединение в рамках Вайнахской демократической партии⁶.

В республике начался процесс либерализации режима. Во-первых, был смягчен диктат официальной идеологии и ограничен про-

извол КГБ, возникли ростки независимой прессы, появились публикации на ранее запрещенные темы. Так, публичной критике сначала подверглась концепция добровольного вхождения Чечни в состав России. Во-вторых, политика советского режима в отношении исламской религии была резко смягчена. Это выразилось в том, что было создано самостоятельное духовное управление мусульман (муфтият — совет улемов), построены сотни мечетей, открыты два исламских института (в г. Назрани и с. Курчелой). В-третьих, начался процесс обновления кадрового состава партийных органов. В Чечне ускоренными темпами шел процесс формирования новой национальной элиты. Докторами наук, профессорами в разных областях знаний стали в это время Ю. Дешернев, И. Арсаханов, И. Алероев, Р. Хасбулатов, С. Хаджиев, Х. Ибрагимов, В. Межидов, С.Зоев, Д. Гакаев⁷. В Советской Армии появились первые чеченские генералы Д.Дудаев, Шабахов, Ибрагимов. Заметными были успехи в искусстве и спорте. Город Грозный превратился в крупный промышленный, культурный и научный центр⁸.

В марте 1990 г. прошли выборы народных депутатов РСФСР и депутатов Верховного Совета республики. Чеченские депутаты ВС РСФСР в большинстве примкнули к блоку «Демократическая Россия». В республиканском парламенте партийная номенклатура сохранила большинство мест, но появилось и прогрессивное крыло в виде группы «Демократическая инициатива», куда вошли Хож-Ахмед-Бисултанов, Хусейн Ахмадов, Шена Гадаев, Юрий Черный, Владимир Таларов.

Летом 1990 г. в Грозном и Гудермесе продолжали регулярно собираться митинги Народного фронта, однако к осени в его среде наметился раскол, так как часть его активистов обвинила Бисултанова в финансовых злоупотреблениях и вышла из состава движения. С этого момента влияние демократического крыла национального движения в Чечне неуклонно сокращается, а национал-радикалы все активнее заявляют о себе.

Летом 1990 г. Вайнахская демократическая партия выступила в числе инициаторов проведения Чеченского национального съезда. В республике был создан оргкомитет подготовки съезда. В его состав вошли: писатели Мусса Ахмадов, Абузар Айдамиров, поэт Ап-ти Бисултанов, историк Явус Ахмадов. Председателем оргкомитета стал депутат ВС ЧИАССР Абдулла Вацуев, заместителем председателя — управляющий трестом «Дорремстрой» Лечи Умхаев. Однако в ходе работы открывшегося в грозненском цирке 23 ноября

1990 г. I Съезда чеченского народа стало очевидно, что именно ВДП имеет в рядах его делегатов наибольшее влияние. Это выразилось, в частности, в принятии Декларации о независимости Чеченской Республики Нохчи-Чо. На Съезде был избран Исполком Чеченского национального съезда — ИК ЧНС, главой которого стал генерал-майор авиации ВС СССР Джохар Дудаев, приехавший из Эстонии. Его заместителем стал Лечи Умхаев⁹.

В декабре 1990 г. радикальные силы — ВДП, «Зеленое движение», «Исламский путь» и некоторые другие — объявили о создании «Общенационального движения чеченского народа», программным требованием которого был выход из состава РСФСР. Зимой 1990—1991 г. ОДЧН проводил в Грозном многотысячные акции, приуроченные к войне в Персидском заливе — в поддержку Ирака и к событиям в Прибалтике — в поддержку независимости стран Балтии¹⁰.

8-9 июня 1991 г. в обстановке полной информационной блокады прошла 2-я сессия ЧНС, в которой фактически принимали участие наиболее радикально настроенные делегаты, поддержавшие ОДЧН. Делегаты вторично проголосовали за провозглашение Чеченской Республики Нохчи-Чо и приняли решение о низложении Верховного Совета ЧИР. ЧНС переименовали в Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), был избран новый исполком, возглавленный Дудаевым при поддержке национал-радикалов Юсупа Сосламбекова, Зелимхана Яндарбиева, Хусейна Ахмадова¹¹. Лечи Умхаев вышел из состава руководства Конгресса. На местах ОКЧН создал свои местные отделения — джамааты, кроме того, началось формирование национальной гвардии — вооруженных отрядов ИК ОКЧН.

Августовские события 1991 г. в Москве укрепили позиции ОКЧН. 15 сентября 1991 г. открылась последняя сессия ВС ЧИР, которую вел Р. Хасбулатов. Она приняла решение об отставке Д. Завгаева, о самороспуске ВС ЧИР, о передаче власти Временному высшему совету ЧИР в составе 32 депутатов оппозиционных фракций. Однако Временный высший совет фактически распался еще до выборов, назначенных на 17 ноября 1991 г.¹²

1 октября 1991 г. Р. Ахмадов сделал заявление о разделе Чечено-Ингушской Республики на суверенную Чеченскую Республику Нохчи-Чо и Ингушскую Республику в составе РСФСР, при этом граница никак не демаркировалась. В ходе выборов президента Чеченской Республики было выдвинуто 12 кандидатов, из них 6

сняли свои кандидатуры, а двое не были зарегистрированы из-за ошибок в оформлении документов. Перед голосованием оставались три кандидатуры: Д. Дудаев, председатель «Зеленого движения», доцент университета Рамазан Гантамиров и Мамака Сулаев — главный агроном совхоза «Ассиновский»¹³. 27 октября президентом стал Д. Дудаев.

По официальным данным, в выборах приняли участие 72% избирателей, за Дудаева проголосовали 90,1%, о результатах остальных двух кандидатов не сообщалось. Состоялись также выборы парламента. Состязательность составляла в среднем 4,5 кандидата на место, более половины кандидатов (55%) были независимыми. Своих кандидатов выдвигали ВДП (32 человека, избраны 8), Комитет защиты прав человека (23, избраны 6), «Зеленое движение» (14, избраны 2), «Мировой демократический союз» (4, избран 1), Общество «Кавказ», Союз театральных деятелей и Союз учителей (по 2, не избран никто)¹⁴.

В составе парламента кроме Чеченского движения Зелимхана Яндарбиева и Юсупа Сосламбекова (избраны от ВДП) и Хусейна Ахмадова (от Комитета защиты прав человека) оказалось немало людей, прежде не участвовавших в политике. Среди депутатов больше всего хозяйственных руководителей — от бригадира до начальника управления (7 человек), работников науки и образования (6), руководителей кооперативов и малых предприятий (4), двое заместителей имамов мечети; единственным представителем власти был председатель Ачхой-Мартановского райсовета Шена Гадаев. В числе не ставших депутатами были М. Удугов, тогда заместитель редактора газеты «Кавказ», С. Радуев, в тот момент директор фирмы «Биржа труда», и кандидат ВДП, проигравший Х. Ахмадову.

В январе 1994 г. по указу президента Дудаева Чеченская Республика была переименована в Чеченскую Республику Ичкерия. Этим власти Чеченской Республики отмежевались от альтернативных органов, которые создавала оппозиция.

¹ См.: *Шафаревич И.* Россия наедине с собой // *Наш современник.* 1992. №1. С. 6.

² Цит. по: *Артемьев И.* Русский ответ на вызов истории // *Там же.* 1995. №3. С. 169.

³ Там же. С. 1.

⁴ См.: Данилов Д. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М., 2001. С. 95.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Там же. С. 97.

⁷ См.: Фурман Д.Е. Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 152-153, 155.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ См.: Сухов И. В. Чечня: тeneвая и официальная. М., 2001. С. 14-15.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 19.

А. Г. Калмыков (Санкт-Петербург)

**НАУЧНОЕ И ЭКСПОЗИЦИОННОЕ ОСВОЕНИЕ
ДУМСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
В 1991-2006 гг.**

Все важнейшие этапы 15-летнего периода исследования темы «История Государственной думы» (и шире — история отечественного парламентаризма) в научной и экспозиционной деятельности нашего музея непосредственно связаны с судьбоносными развилками современной истории страны в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Неудивительно, что эти совпадения постоянно подталкивали, провоцировали нас в процессе поисков концептуальных подходов к разработке указанной темы в сопоставительном ракурсе, в свете наведения мостов между прошлым и будущим.

В самом деле. Впервые в практике не только нашего, но и других музеев страны мы решили затронуть эту тему в рамках фундаментального музейного проекта «Демократия или диктатура», в целом посвященного истории многопартийности в России. Создание этой экспозиции заняло более года, и надо же было так случиться, чтобы под самое ее открытие подгадал партийно-номенклатурный путч 1991 г.

Следующий наш шаг в освоении этой темы был сделан в короткий, но редкий по своему драматизму, по накалу политических страстей промежутков времени в истории России. Его окаймляли два, а точнее, три в полном смысле этого слова судьбоносные для будущего страны события: штурм Белого дома 4 октября 1993 г. и выборы депутатов I созыва Государственной Думы РФ, проходившие 12 декабря 1993 г., в один день с принятием на всенародном референдуме новой Конституции. За эти два месяца была задумана, разработана в научном плане и создана первая специально

посвященная истории отечественного парламентаризма выставка «Государственная Дума вчера. А сегодня?».

В тревожные месяцы отчаянной борьбы с призраком коммунизма, грозившем вновь материализоваться в России в облике президента-коммуниста, выставка в дни празднования 90-летия Государственной думы перекочевала в Таврический дворец, где была открыта председателями обеих палат Федерального Собрания. Вернувшись в родные музейные пенаты и потеряв вопросительный знак в конце своего названия, выставка «Государственная Дума вчера и сегодня» стала постоянной площадкой для сравнения двух витков в истории отечественного парламентаризма.

Прошло еще пять лет. В связи с неутешительными для левых партий итогами выборов в III Думу, досрочной и добровольной отставки с поста президента России Б. Н. Ельцина, избранием на этот пост В.В.Путина и другими причинами политическая ситуация в стране в 2000 — начале 2001 г. стала резко меняться. В первые месяцы нового тысячелетия наступает новый думский юбилей, и 27 апреля 2001 г. наша выставка вновь переезжает в Екатерининский зал Таврического дворца, и снова все те же Е. С. Строев и Г. Н. Селезнев разрезали красную ленточку на ее открытии.

В это время пережила свое пятое рождение значительно расширенная и размещенная в новом экспозиционном пространстве выставка по истории отечественного парламентаризма. Она обрела не только новый формат и облик, но и новое название — «Думы о Думе».

И вот в апреле 2006 г., когда, как и во время работы IV «исторической» Думы, осталась позади острая конфронтация верховной власти и народного представительства, когда механизм достижения их конструктивного сотрудничества стал очевиден, музейный феникс отечественного парламентаризма возродился вновь. Это произошло сразу на двух площадках: на основной, музейной, в виде долгосрочного проекта под названием «Государственная Дума России. Исторические параллели» и в хорошо обжитом уже музеем за предыдущие годы Екатерининском (думском) зале Таврического дворца. Открытие этой последней, двухдневной, но впечатляющей по информационной насыщенности и образному решению, выставки руководителями обеих палат Федерального Собрания в присутствии всех депутатов Государственной думы РФ, стало важной частью торжественных мероприятий, связанных со столетием российского парламента.

Итак, семь масштабных выставок, созданных за одиннадцать лет, а кроме этого, отмеченный выше предварительный «пилотный проект» 1991-1993 гг., десятки опубликованных статей, телевизионных и радиопередач, богато иллюстрированный путеводитель по думской коллекции, изданный Музеем политической истории к 100-летию Государственной думы, — свидетельства востребованности музейного исследования и отражения истории отечественного парламентаризма.

Краткому обзору 15-летнего опыта освоения данной темы, уникального в музейном сообществе страны, и посвящена эта статья.

В 1990-1991 гг. при создании большой экспозиции по истории российской многопартийности, проработавшей в музее более десяти лет и в модифицированном виде существующей и поныне, сотрудники музея впервые обратились к истории Государственной думы. Практически ни один экспонат, связанный с этой историей, не выставлялся ранее в стенах музея.

Впервые в истории музея, отражая эту тему специальным разделом экспозиции, мы ставили своей задачей пробудить у наших посетителей интерес и уважение к забытому опыту создания в России первого парламента. Мы стремились создать его суммарный экспозиционный образ, не углубляясь в анализ противоречивого характера поведения Государственной думы как законодательного представительного органа власти, взаимоотношений думы с царским правительством, специфических форм организации думской деятельности и т. д. В 1991 г. при открытии экспозиции «Демократия или диктатура?» эти вопросы имели еще чисто абстрактный характер для абсолютного большинства посетителей музея.

Образ Государственной думы как органа власти, где различные политические партии, не вступая в конфликты на улицах, в том числе и вооруженные, могли отстаивать свои взгляды с трибуны общероссийского масштаба и влиять на внешнюю и внутреннюю политику страны, — вот что тогда казалось важным подчеркнуть в первую очередь.

Центральным экспонатом «думского» раздела экспозиции стало громадное живописное полотно «Торжественный прием депутатов I Государственной думы Николаем II в Зимнем дворце», впервые за все годы существования музея извлеченное из его запасников.

Естественно, что характерное для периода «перестройки» «снятие табу» с музейного исследования любых взглядов на исторический процесс и любых общественных сил и политических объеди-

нений, которые исповедовали эти взгляды, привело к появлению в экспозиции и других музейных предметов, запрещенных ранее для показа. Некоторые находились прежде в спецхране — экспонирование их запрещала официальная цензура, или они исключались из тематико-экспозиционных планов нашими «внутренними цензорами» (плодом многолетнего воспитания в тоталитарной системе).

Принятие решения об изменении государственной системы и о выборах в новые органы государственной власти и последовавшие за ним кровавые события 1993 г. в Москве привели руководство научного коллектива музея к выводу о необходимости в сжатые сроки создать специальную выставку об 11-летнем опыте работы первого российского парламента. Выставка «Государственная Дума вчера. А сегодня?» была открыта 8 декабря 1993 г., за четыре дня до выборов первых депутатов Государственной Думы РФ под звуки гимна «Избранникам русского народа», написанного А. К. Глазуновым в честь депутатов I «исторической» Государственной думы.

Сам факт написания гимна был прочно забыт на долгие годы, и по случайному совпадению именно при подготовке выставки его ноты были обнаружены в фондах ГМПИР. Авторский нотный текст, озвученный хором Специальной музыкальной школы при Санкт-Петербургской консерватории в сопровождении органа, два с лишним года был виртуальной визитной карточкой выставки.

Не возбуждение интереса к забытому в советское время органу власти самодержавной России, не общее представление о деятельности Государственной думы, что было важным для нас в 1991 г., но ее полноценное музейное исследование, с одной стороны, и доказательство острой актуальности проблем почти вековой давности, с другой — вот главные задачи, которые ставили перед собой авторы выставки.

Важность рассмотрения событий 1905-1907 гг., связанных с возникновением Государственной думы, сквозь призму современности была не случайна. Оба периода в истории страны являлись временем резкого изменения всего общественного уклада. Тогда Россия переставала быть абсолютной монархией, в 1993 г. — республикой Советов, а многопартийность из простой суммы партий превращалась в многопартийную систему.

Наблюдения за безуспешными попытками исполнительной власти подтолкнуть Государственную Думу в 1994-1996 гг. к разработке первоочередных законов, обеспечивающих экономические ре-

формы, самым непосредственным образом напоминали нам тогда борьбу другого реформатора — П. А. Столыпина с I и II Государственными Думами. Работа над выставкой проходила как раз в то время, когда события 1993 г. вокруг Верховного Совета РФ заставили заново осмыслить и оценку столыпинского «третьеиюньского переворота».

В результате роспуска II Государственной думы и изменения без ее согласия избирательного законодательства Николай II и П. А. Столыпин получили нужный им состав депутатов III Государственной думы. С ним Столыпин смог наладить тот минимум сотрудничества законодательной и исполнительной властей, который необходим для нормального функционирования государственной системы в целом. Б.Н. Ельцин, подписав 21 сентября 1993 г. столь же антиконституционный указ о роспуске Верховного Совета РФ, получил возможность провести выборы в Федеральное Собрание и добился одобрения новой Конституции, значительно облегчавшей ему как главе государства осуществление необходимых реформ.

Верховная власть в любой стране, где существует Основной закон, находится между Сциллой его охраны и Харибдой охраны общественной стабильности. Допустимо ли добиваться благих целей в политике ценой попрания закона на высшем уровне, или это может вызвать лишь цепную реакцию неуважения к нему во всем обществе, чреватую революционными (или контрреволюционными) потрясениями, — вот одна из самых болезненных, самых дискуссионных тем, постоянно будораживших общество как в 1907 г., так и на рубеже XX-XXI вв.

Практически каждый комплекс выставки «Государственная Дума вчера. А сегодня?» можно было наполнить современным политическим содержанием, и экспозиция выставки помогала каждому сделать свой собственный вывод.

Но еще большие возможности для сопоставления процесса рождения российского парламентаризма с периодом его возрождения давали выставки 1996 и 2001 г. Здесь мы уже не намекали на события дня сегодняшнего с помощью экспонатов вековой давности. Целенаправленная собирательская работа позволила создать в музее внушительную коллекцию, связанную с выборами в Государственные думы РФ и деятельностью последних, а архитектурное решение выставок «Государственная Дума вчера и сегодня» и «Думы о Думе» позволяло экскурсионным группам за один проход рас-

смотреть схожие явления в истории парламентаризма сразу и на историческом, и на современном материале. Не все группы были достаточно подготовлены к такому перебрасыванию мостов, и тогда они усваивали сопоставимость фаз истории становления российского парламентаризма за два раза, в хронологической последовательности, или приходили на выставки еще раз.

Разумеется, мы не уподобляли друг другу события, разделенные значительным временным промежутком, и сопоставляли содержание одного исторического времени с другим не ради лобовых аналогий. Однако в двух важных периодах отечественного парламентаризма мы вычленили сходные черты, или фазы:

- разработка идей и первых проектов либерального реформирования политической системы;
- развитие системных политических кризисов, являвшихся катализатором серьезных конституционных уступок со стороны авторитарной власти;
- разработка избирательного законодательства;
- выработка технологии предвыборной борьбы ее участниками;
- выработка органами государственной власти технологии проведения альтернативных выборов;
- становление парламентской культуры в начальной стадии деятельности представительных органов власти;
- поиск выхода из конфронтационного противостояния исполнительной и законодательной ветвей власти;
- стабилизация политической системы, налаживание партнерских отношений правительства с представительными органами власти.

В результате такого структурирования исторического материала главной целью выставок становился не обзор истории всех созывов Государственной думы в хронологическом порядке, а диалог с посетителем о соответствии парламентаризма российской политической культуре, политическим традициям и реалиям общественной жизни; предоставление посетителю богатого поучительного материала для самостоятельных выводов о характере, содержании и оригинальности проводимых в современной России политических реформ.

Кроме того, как отбор экспонатов, так и архитектурно-художественное решение выставок были направлены на то, чтобы придать событиям, происходившим в «коридорах власти», человеческое измерение, посмотреть на деятельность думских депутатов глазами

избравшего их народа. Десять лет художественной и смысловой доминантой выставок был большой фото коллаж, на котором несколько самых обыкновенных россиян требовательно и испытующе глядели в глаза и, казалось, в самую душу посетителя. Они, избиратели, решали, кто их не обманет, кому отдать свой голос, кто может достойно представить их интересы в органах власти.

В пространстве выставок были выделены, как и сейчас, специальные зоны для проведения дискуссий, для решения широкого спектра образовательных и воспитательных задач.

Выставки убедительно демонстрировали богатство фондов музея. Только подлинных экспонатов на них было более четырехсот. Центральными экспонатами на обеих версиях думской выставки были колокольчик председателя Государственной думы; личные вещи перводумцев и современных политиков; экспонаты, отражавшие время начала революции 1905–1907 гг. и начала конституционных уступок императора Николая II (этюды В. Е. Маковского — очевидца и летописца января 1905 г., письмо Г. Гапона, написанное императору Николаю II накануне «кровавого воскресенья», и др.); камер-фурьерское приглашение на императорский прием в Зимний дворец по поводу открытия Государственной думы; праздничный флажок «Добро пожаловать, Государственная Дума! 27 апреля 1906 г.»; памятная медаль «1-й русский парламент»; полный комплект документов избирателя; входные билеты для публики на заседание думы; первая сравнительная таблица русских политических партий — участники выборов в Думу 1905–1906 гг.; императорский Указ о реорганизации Государственного совета; листовка со знаменитым «Выборгским воззванием» и Обвинительное заключение.

Широко были использованы не только подлинные документы и фотографии, но и шедевры политической сатиры, помогающие лучше понять отношение современников к политическим событиям в стране.

Члены думского депутатского корпуса начала XX в. были представлены не только фотографиями. Первый председатель Государственной думы С. А. Муромцев в третий раз, а многолетний лидер левоцентристского российского либерализма, председатель конституционно-демократической фракции П. Н. Милюков, очевидно, впервые удостоились живописных портретов. Они по заказу музея были выполнены современным художником. Фотопортреты известнейших политических лиц, сыгравших значительную

роль в судьбе Государственной думы 1906-1917 гг. (от С. Ю. Витте до А. Ф. Керенского), были размещены по соседству с фотогалереей современных российских политиков, активно участвовавших в бурных, часто драматических событиях рождения нового государственного и конституционного устройства страны в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Отдельным комплексом на музейной выставке 2001 г. были представлены вещи, документы и фотографии, полученные в ходе подготовки экспозиции из Конституционного Суда РФ, деятельность которого призвана гарантировать основы конституционного строя в стране.

История на короткий миг соединила прошлое и настоящее. Одиннадцать лет, с 1906 по 1917 г., существовала в России думская монархия, работали в Таврическом дворце четыре созыва Государственной думы. Одиннадцать лет существует Государственная Дума РФ. Сейчас в Москве в здании на Охотном ряду работают депутаты ее IV созыва.

Много схожих черт есть в этих равных исторических отрезках. И в 1905, и в 1993 гг. им предшествовал острый внутривнутриполитический кризис, ставший катализатором сначала рождения, а затем возрождения российского парламента. Как в исторический, так и в современный периоды его работы были в нем свои «думы народного гнева», которые яростно боролись за расширение своих прав с верховной и исполнительной властью. Как тогдашние, так и сегодняшние политтехнологи многое сделали для обеспечения стабильности внутривнутриполитической ситуации в стране, управляемости избирательного и законодательного процессов, налаживания конструктивного взаимодействия всех ветвей государственной власти.

Период политической стабилизации в стране дает возможность отойти от решения экспозиционных задач «на злобу дня», решать задачи более общие и, соответственно, прописывать экспозиционное полотно исторического времени более широкими мазками.

Юбилейная выставка «Государственная Дума России. Исторические параллели» представляется нам новым шагом в музейном исследовании отечественного парламентаризма. В отличие от экспозиции «думы о думе», которая в сопоставительном аспекте исследовала его историю от начала XIX в. до сегодняшних дней, новый проект является именно выставкой. Он тематически более локален, более точно отвечает событию, к юбилею которого он приурочен. Его основное содержание — история созыва и начальный этап дея-

тельности первых российских Государственных дум Российской империи и Российской Федерации. Хронологический охват основных событий, представленных на выставке, — 1904-1907 и 1985-1995 гг. Несмотря на некоторую камерность, экспонаты дают много пищи для размышлений, и не только о сходстве и различиях в фазах конституционного процесса в стране начала и конца XX в., но и о накопленном страной опыте на этом пути и его перспективах. Основное внимание на нынешней, юбилейной, экспозиции уделяется следующим вопросам:

- причинам возникновения в России народного представительства в начале XX в. и возобновления его деятельности под прежним названием после 70-летнего отсутствия в стране альтернативных выборов и многопартийности;
- содержанию работы первых двух Государственных дум в начале и конце XX в.;
- организации в Думах законотворческой деятельности, их регламенту, повседневной жизни депутатов.

Выставка почти полностью ориентирована на молодого посетителя и на содержание общеобразовательных программ. Стремление еще более повысить востребованность музейной экспозиции со стороны обучающих организаций при создании новой выставки вышло на первый план.

Параллельно с образовательной выставка имеет и воспитательную задачу, тесно увязанную с миссией нашего музея, — активно участвовать в формировании политической культуры, характерной для гражданского общества. Выставка призвана дать четкое представление о роли и функциях Государственной Думы РФ и Государственного совета (Совета Федерации) в системе государственного управления; показать, какие стороны жизни всех слоев общества непосредственно определяются их нормальной деятельностью.

Музейный педагог на большом плазменном экране может проиллюстрировать сведения из истории российского народного представительства с помощью фрагментов видеофильма «От народного вече до Государственной думы»; включить запись гимна, написанного в 1906 г. А. К. Глазуновым в честь перводумцев; предоставить микрофон на трибуне для выступления очередного «депутата»; раздать учащимся большое количество ламинированных копий конституционных проектов XIX в., документов по истории земства — предтечи общероссийских органов народного представительства, и стенограмм ключевых заседаний, а также другие до-

кументы по истории всех российских Государственных дум. Эти материалы позволяют проводить на экспозиции занятия по всем разделам истории российского парламентаризма. После экскурсии любой посетитель сможет проверить свои знания у компьютера в ходе игры «Как Ваша фамилия, господин депутат?».

Очень важно отметить, что на юбилейной выставке кроме экспонатов из фондов ГМП ИР представлены раритеты Государственного архива Российской Федерации. Благодаря им, посетители получают уникальную возможность увидеть оригиналы важных документов с автографами первых лиц органов государственной власти.

Работа всех участников проекта: и экспозиционеров, и дизайнеров, и сотрудников отдела по работе с посетителями, и музейных педагогов — была четко ориентирована на воспитание у молодежи уважения к отечественному парламенту как важнейшему институту государственной власти и ответственного гражданского отношения к процедуре голосования на выборах депутатов.

Выдвижение такой цели на передний план связано с распространенным в обществе, и прежде всего в молодежной среде, правовым нигилизмом, из-за которого негативное отношение к конкретным политическим деятелям, действительно, порой не заслуживающих нашего уважения, и недоверие к поведению властных структур часто переносятся на институты власти как таковые. Не безмятежную безответственность и цинизм, а трезвую, осмысленную оценку деятельности высших органов законодательной власти — вот что, по замыслу авторов выставки «Государственная Дума России. Исторические параллели», должны уносить в себе ее посетители.

Материалы выставки предоставляют такую возможность. Так, например, они наглядно показывают, что деятельность I Государственной думы в 1906 г. заключала в себе одновременно и величие факта рождения в стране законодательного народного представительства, обретение российским парламентом фундаментальных основ своей деятельности, и полный провал первой попытки налаживания конструктивного взаимодействия новорожденной законодательной власти с вертикалью власти исполнительной. Рождение Государственной думы не было праздником народоправства. Период работы первых скоротечных «дум народного гнева» скорее стал тяжелым испытанием на гражданскую зрелость для всех политических и общественных сил страны, суровой школой, в которой первенец российской парламентской демо-

кратии, набираясь опыта, дважды оставался на повторный срок обучения.

Эта же оценка, с определенной долей условности, может быть распространена и на политическую ситуацию 1990-х гг. В этот период Россия снова дважды не использовала предоставленную историей возможность становления демократического парламента: сначала в рамках Съезда народных депутатов СССР, а затем — в рамках Верховного Совета РФ. Это закончилось национальной трагедией в октябре 1993 г. и печальными итогами выборов в I Государственную думу РФ, заслуживших горестную оценку одного из «властителей дум» того времени: «Россия, ты одурела».

Главный итог обзора двух периодов российского парламентаризма заключается в том, что мы пережили два весьма схожих между собой периода нашей истории не только с точки зрения их астрономической длительности, но и с точки зрения длительности цивилизационной. Мы оставили позади те же самые фазы в становлении государственности и общества, что и наши дедушки и прадедушки. Многолетнее исследование этих фактов позволяет прийти к некоторым выводам:

- и рождению, и восстановлению в нашей стране парламентных форм государственной власти предшествовал длительный период жесткого авторитаризма с сильной степенью несвободы;
- эти формы государственного устройства и тогда, и сейчас, вступив в противоречие с уровнем развития различных социальных групп и с динамикой развития мирового сообщества, становились анахронизмом;
- и тогда, и сейчас сильнейшим катализатором конституционных реформ был острый внутривластный кризис, выразившийся в резком обострении недоверия к власти;
- упреждающий характер реформ нехарактерен для верховной власти в любой стране, но в России в особенности она всегда стремилась к минимальным уступкам своему народу и запаздывала с принятием решений;
- оба основных периода истории российского парламентаризма начинались атаками молодого агрессивного народного представительства, которое, стремясь максимально расширить область своих прав, яростно конфликтовало с исполнительной вертикалью;
- и тогда, и сейчас верховная власть испытывает страх перед тем, чтобы вынужденно созданный ею парламент не вышел из-под ее контроля, но еще больший — перед тем, чтобы политические со-

бытия в стране не вышли на независимый от парламента уличный способ борьбы с острейшими экономическими и социальными проблемами.

Главное же отличие, специфика исторического и современного этапов парламентаризма — в скорости процессов. Те фазы политического образования широких масс и постижения жизненных реалей верховной властью, предоставление и освоение все новых и новых пространств конституционных уступок, которые занимали в начале XX в. несколько месяцев, в период перестройки и постперестройки порой занимали годы, да еще не раз повторялись.

Тем не менее, шаг за шагом мы усвоили и достижения, и недостатки наших предтеч и в области парламентской, шире — политической культуры, и в сфере норм законоотворчества, и в достижении желаемого результата на парламентских выборах, и в области партийного строительства, и в области соблюдения баланса интересов между законодательной и исполнительной ветвями властями. Нам, по большому счету, нечему больше у них учиться.

Мы не перевернули только те страницы истории отечественного парламента, которые написаны в 1917 г. И упаси нас Бог от повторения еще и этого опыта. Мы и без мировой войны и революции смогли обновить и стабилизировать политическую систему, наладить смену парламентских вахт. За окном нет предгрозовой ситуации, а значит, не предвидится и нового Милюкова с его грозным вопросом «глупость или измена?».

Понадобилось 100 лет, чтобы начальный период развития России по пути парламентаризма стал, наконец, историей, пусть со второй попытки. Капризный цветок парламентаризма врос-таки своими либеральными корнями в малоплодородную российскую почву. Отдавая дань искреннего уважения за науку депутатам первых российских дум, хочется надеяться на то, что история бурной думской жизни в Таврическом дворце из источника актуальных исторических параллелей очень скоро станет спокойной «академической» историей школьного учебника.

А. А. Бадер (Санкт-Петербург)

ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ

Самой многочисленной правомонархической организацией в годы первой русской революции, а следовательно, и в период возникновения Государственной думы, был «Союз русского народа», который ставил своей задачей «принять самое деятельное участие в выборах в думу членов преимущественно из своей среды, для проведения в жизнь целей, преследуемых Союзом»¹.

Поражение декабрьского восстания в Москве и твердый курс П. Н. Дурново, сменивший двусмысленную политику С. Ю. Витте, против которой монархическая печать вела энергичную кампанию, открыли деятелей-правомонархистов и вселили в них надежду на скорейшее наведение порядка и усмирение бунта. Впереди оставалось только одно препятствие — наследие «бурного» года — Государственная дума, устранение влияния которой возможно было лишь одним способом: ее «завоеванием»², иными словами получением в ней большинства голосов.

С этой целью они приняли деятельное участие в избирательной кампании и в выборах в I Думу. В обеих столицах крайне правые партии решительно отгородились от «Союза 17 октября», считая его партией конституционной, признающей ограничение самодержавия Государственной думой. Лозунгом избирательной кампании монархисты объявили: «Россия для русских», но ни один крайне правый депутат не прошел в думу. Свое поражение они позже объясняли тем, что «на выборах столкнулись дезорганизованный монархизм с организованным конституционализмом»³.

28 апреля 1906 г. (на следующий день после открытия думы) «Московские ведомости» писали: «Дума как учреждение явилась по воле Государя, а мы, монархисты, не можем не подчиняться этой воле. Мы поэтому молча ей подчиняемся», но так как, говорилось далее в статье, нынешняя дума по своему состоянию явилась на свет против воли Государя, так как она состоит из худших людей, то монархисты будут с ней бороться при помощи печати и пропаганды монархических идей⁴. После разгона I Думы крайне правые потребовали изменения избирательного закона с тем расчетом, чтобы в нее могли попасть лишь преданные самодержавию люди.

Результаты избирательной кампании во II Думу вновь не были впечатляющими: правомонархические партии, в результате гибкой тактики, выразившейся в повсеместном блокировании промонархических и националистических организаций с партиями предпринимателей и помещиков, а также в условиях спада революции и значительно возросшей поддержки органов власти, смогли провести своих представителей во II Думу. П. Н. Милюков приводил численность крайне правых в этой Думе — 63 человека, в то время как умеренно правых там было лишь 34⁵. Наибольшие симпатии крестьян среди монархических партий завоевал «Союз русского народа», опиравшийся на поддержку православной церкви.

II дума была думой крайностей, в ней громче всего звучали голоса социалистов и крайне правых. Но за левыми депутатами уже не чувствовалось, как прежде, могучей революционной волны, хотя они и получили большинство мандатов.

Правые «давили» на правительство и кадетов со всевозрастающей силой. Имея некоторое влияние при дворе, они всеми силами старались восстановить царя и против Государственной думы, и против Столыпина. Монархисты считали, что думские заседания имеют «характер митинговых сборищ». Масла в огонь подливали и правая пресса, требовавшая «крови» II Думы. «Московские ведомости» через всю первую страницу жирным шрифтом печатали изо дня в день: «А прежде всего дума должна быть распущена»⁶.

3 июня 1907 г. II Дума была распущена, просуществовав ненадолго дольше. Новое Положение о выборах в Государственную думу, принятое в тот же день, меняло существовавшую избирательную систему: 65% выборщиков избирались зажиточными, образованными слоями населения. Сословно-элитарный характер закона

был несомненен. Голос одного помещика равнялся голосам 7 горожан, 30 крестьян-избирателей или 60 рабочих.

Выборы в III Думу проходили в сентябре-октябре 1907 г. по новому избирательному закону. В результате избранными оказались, в основном, лица, выступавшие под флагом сотрудничества, а не борьбы с властью. Из 442 депутатов сложились примерно три равные группы: около 150 человек придерживались консервативных взглядов, столько же было либералов и несколько меньше оказалось представителей левых партий — около 140 человек⁷.

В результате с первых же заседаний III Думы в ней заработал нехитрый, но действенный механизм, получивший название «октябристский маятник». Когда в Думе принималось решение по законопроекту реакционного характера, октябристы голосовали вместе с умеренно-правыми депутатами, образуя правооктябристское большинство (292 голоса), либо блокировались с левыми фракциями, образуя левооктябристское большинство (256 голосов). Лидер октябристов А. И. Гучков говорил о сложившемся в Думе «неестественном черно-красном блоке, который составляет проклятие страны», но блока (т. е. соглашения, договора) как такового не было, скорее имело место временное совпадение интересов правых и левых депутатов: ни тех, ни других не устраивал законопроект, и они голосовали против него⁸.

За 5 лет своего существования дума рассмотрела и одобрила 2147 законопроектов⁹, однако среди них не оказалось важнейших, затрагивающих коренные интересы громаднейшей массы населения. В значительной мере эти прорывы и сбои в работе законодательного механизма объяснялись отсутствием взаимопонимания между думой, Государственным советом и правительством. Все законопроекты подготавливались правительством, за которым, по существу, безраздельно оставалось право законодательного почина, но проекты П. А. Столыпина для думы представлялись слишком консервативными, а для Государственного совета, наоборот, чрезмерно радикальными. За конфронтацией трех высших государственных структур стояло нечто большее, чем отсутствие взаимопонимания и личное недоверие должностных лиц.

Между левыми оппозиционными силами, с одной стороны, и лагерем «исторической власти» — с другой, было коренное расхождение в общей оценке ситуации в стране, а следовательно, и в оценке политических задач, определении стратегии государственного руководства.

Либерально-демократическая оппозиция требовала реформ, поскольку в стране наступило «успокоение». Необходимость реформ признавало и правительство, считавшее, что в противном случае верх возьмут радикалы, социалисты и экстремисты и что только реформы могут ликвидировать корни смуты и окончательно уничтожить революцию.

Позиция правомонархического лагеря, сторонников «исторической власти», сводилась к отрицанию наличия в стране полного «успокоения», а следовательно, отсутствия условий для реформ, для отмены методов чрезвычайщины в управлении. Выступая на первой сессии III Думы, ораторы правых говорили, что не могут принять уверения кадетов, будто из реформ «ничего худого не произойдет, а мы боимся, что если все это сейчас ввести, то повторится то самое, что наступило после 17 октября 1905 года». «Великие реформы», говорили правые, создают только дыры в правительственном лагере, через которые и прорываются анархия, разгул страстей народных, словом, реформы сеют смуты¹⁰.

В. М. Пуришкевич, выступая на заседаниях в думе, обращался к либералам с такими словами: «Наша задача, подняв национальное самосознание народных масс, расчистить, углубить старое русло, дабы полноводнее стало течение русской жизни. Ваши стремления направлены к тому, чтобы изменить течение той реки, имя которой — Россия. Настойчивостью и трудом, в сознании правоты своей, надеемся мы вывести Россию из того ужаса анархии и позора, в которые ввержена она похотью черни и летаргией власти»¹¹.

Основной темой выступлений правомонархистов в III Думе являлись прения по еврейскому вопросу, и связано это было с шумевшим делом М. Бейлиса (еврея, обвиненного в убийстве русского мальчика). Исследователь 1930-х гг. А. С. Тагер утверждал, что «все монархическое погромно-ритуальное движение вокруг дела об убийстве А. Юшинского было возглавлено фракцией крайне правых Государственной думы В. М. Пуришкевичем и Н. Е. Марковым-2-м»¹². Так, «ритуальную» версию в этом деле правые монархисты официально провозгласили своей версией. Ритуальный навет на еврейство они официально провозгласили своей очередной политической задачей и включили в свою программу.

За время работы III Думы созданный «исторической властью» в 1905-1907 гг. законотворческий механизм показал свою недееспособность. Надлежащую правовую основу жизни обновлявшаяся страна не получила.

IV Дума начала свою работу в ноябре 1912 г., и на первом же заседании произошел конфликт октябристско-кадетского большинства с правыми и националистами из-за того, что новоизбранный председатель Государственной думы октябрист М. В. Родзянко заявил об укреплении конституционного строя и устранении производства. Однако и речь председателя Совета Министров В. Н. Коковцова правые деятели думы раскритиковали. Так, В. М. Пуришкевича решительно не устраивало, что В. Н. Коковцов, упомянув о правых «девизах», заговорил здесь и о девизах, «которыми руководствуются левые фракции», что лишило правых «уверенности в твердости правительственной политики»¹³. Содержание речи В. М. Пуришкевича было направлено на то, чтобы устранить председателя правительства (который ориентировался на реформы, поиск опоры в центре, а не на правых в думе, что их не устраивало) и поставить на его место человека монархических убеждений, типа П. Н. Дурново, который избрал бы открыто консервативный курс.

С началом Первой мировой войны в думе наступило временное «единение» всех партий, но процесс этот не протекал, однако, гладко и без помех. Он оставался противоречивым, прежде всего, вследствие двойственного отношения к кадетам со стороны правомонархистов; впрочем, так они относились ко всем либералам, считая, что какое-либо соглашение с ними ослабит власть, поскольку либералы, не представляя из себя реальной силы, не хотят с этим считаться.

«Единение» в Думе длилось недолго. Либералы вновь ушли в оппозицию весной 1915 г., создав в Государственной думе в июле-августе 1915 г. так называемый «прогрессивный блок», в который вошли представители всех партий, кроме крайне левых и крайне правых. В этих условиях правые партии должны были бы объединиться, но этого не случилось, скорее наоборот, произошел раскол фракции в думе: первым из нее вышел В. М. Пуришкевич, считавший, что нынешнее правительство приведет страну к поражению. Н. Е. Марков думал, что своеобразное отступничество В. М. Пуришкевича приведет к сплочению думской фракции правых, но произошло совсем иное: вслед за «диким помещиком» из нее выделилась группа монархистов, образовавших затем фракцию из 34 человек — независимых правых, что еще более распылило их немногочисленные силы.

После свержения монархии и установления власти Временного правительства в 1917 г. Государственная дума продолжала свое

существование в виде частных совещаний, и монархистов там практически не было (за исключением В.М. Пуришкевича). Таким образом, можно сказать, что свою основную задачу по защите самодержавного строя в России «черная сотня» выполнить не смогла, и уже современники признавали, что «все более правые группы (за октябристов)... являясь политическими мертвецами, которые в старом наряде уже никогда не воскреснут... представляют главным образом исторический интерес»¹⁴.

¹ Устав общества под названием «Союз русского народа». СПб., б.г. С. 5.

² *Левицкий В.* Правые партии // *Общественное движение в России в начале XX века* / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. С. 384.

³ Там же. С. 447.

⁴ Там же. С. 449.

⁵ *Государственная дума в России (1906-1917 гг.)*. М., 1995. С. 38.

⁶ Там же. С. 52.

⁷ *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 341.

⁸ *Козбаненко В. А.* Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906-1907. М., 1996. С. 126.

⁹ *Смирнов А. Ф.* Указ. соч. С. 433.

¹⁰ *Государственная дума третьего созыва: Стеногр. отчеты*. М., 1995. Т. 3. С. 57.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² *Тагер А. С.* Царская Россия и дело Бейлиса: К истории антисемитизма. М., 1933. С. 57.

¹³ Цит. по: *Смирнов А. Ф.* Указ. соч. С. 449.

¹⁴ *Программы политических партий в России*. М., 1917. С. 7-8.

А. Г. Ермошко (Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ КНЯЗЯ В. А. ОБОЛЕНСКОГО

Одним из участников и свидетелей событий, связанных с подготовкой, организацией и деятельностью I Государственной думы, был князь В.А.Оболенский (1869-1950) —государственный и земский деятель, член ЦК партии кадетов. Начало политической деятельности Владимира Андреевича относится к середине 90-х годов XIX в. Именно в этот период он поддерживал тесные связи с П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским, В. В. Водовозовым, сотрудничал в легальных марксистских изданиях¹.

В мае 1900 г. Оболенский вступил в социал-демократическую партию, был членом подпольного губернского комитета. Однако, как писал он впоследствии, «настоящим марксистом и социал-демократом я не был». Мотивом его вступления в эту партию было стремление участвовать в «борьбе с самодержавием, которую было бесполезно вести легальными путями»².

Зимой 1903 г. Оболенский вошел в «Союз освобождения», программа которого стала впоследствии основой создания Конституционно-демократической партии. В начале первой русской революции он служил гласным Таврического земства и активно участвовал в оппозиционных выступлениях местной либеральной интеллигенции. В ноябре 1905 г. вступил в кадетскую партию, а в начале 1906 г. стал председателем ее Таврического губернского комитета и редактором газеты «Жизнь Крыма». Весной 1906 г. был избран депутатом Государственной думы. В. А. Оболенский подписал Выборгское воззвание, был приговорен к тюремному заключению и лишен избирательных прав. Отбывал наказание в петербургской тюрьме «Кресты»³.

Первая в истории российского парламента Государственная дума была образована на основании Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании Государственного порядка»⁴. Система избрания депутатов определялась законом 11 декабря 1905 г., на основании которого в думу вошли 524 депутата. Единственная состоявшаяся сессия длилась с 27 апреля по 8 июля 1906 г. (72 дня), состоялось 70 заседаний. Но уже за несколько дней до открытия Государственной думы были обнародованы составленные по инициативе С. Ю. Витте новые Основные законы, в которых компетенция думы была чрезвычайно ограничена⁵. А так как в Манифесте 17 октября было сказано, что отныне ни один закон не будет иметь силы без одобрения Государственной думы, то само издание Основных законов в порядке простого Высочайшего Указа представлялось депутатам незаконным нарушением их депутатских прав⁶. Дума лишалась учредительных функций и возможности проводить в спешном порядке коренные государственные преобразования, о которых мечтали во время избирательной кампании депутаты и которые обещали своим избирателям. В своих воспоминаниях, на основе которых идет данное повествование, В. А. Оболенский подчеркивал, что все это создавало крайне нервное настроение у съехавшихся депутатов, в том числе и у представителей партии кадетов.

Итоги выборов, давших леволиберальную по составу думу, вызвали беспокойство в верхах. Накануне созыва думы С. Ю. Витте и большая часть членов его правительства подали в отставку. Новый кабинет возглавил И. Л. Горемыкин, пользовавшийся репутацией консерватора⁷. Такую же репутацию имели и некоторые другие новые министры.

За два дня до открытия думы ее члены получили приглашение явиться в Зимний дворец на царский прием. Провинциальные депутаты кадетской фракции предлагали демонстративно отказаться от приема в виде протеста на умаление прав Думы Основными законами, однако эта инициатива не была поддержана остальными членами фракции. А вот для Владимира Андреевича этот день, видимо, имел важное значение. И об этом можно судить по воспоминаниям князя: «Настал, наконец, памятный день 27 апреля. Весна 1906 г. была в Петербурге исключительная. И этот день был солнечный и жаркий. Я не без труда влез в свой старый фрак, который мне давно уже не приходилось надевать, взял извозчика и отправился в Зимний дворец. Во дворце всех депутатов направляли в Николаевский

зал. Добрая половина депутатов не имела ни мундиров, ни фраков, но, конечно, все принарядились по-своему: кто надел старомодный длиннополый сюртук, кто — старательно вычищенный пиджак и в первый раз в жизни — крахмальную рубашку»⁸.

В тронной речи при открытии думы Николай II осторожно сформулировал позицию правительства во внутренней политике. Он заявил, в частности, что «действительное благосостояние государства заключается не только в свободе, но также и в порядке, основанном на принципах Конституции»⁹. Тем не менее, тронная речь была воспринята думой как предостережение. Уже 4 мая депутатами было составлено послание царю, в котором были высказаны важнейшие общеполитические требования: введение всеобщего избирательного права, устранение Государственного совета, ответственность министров, отмена смертной казни, амнистия политическим заключенным и ссыльным, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, проведение земельной реформы в пользу крестьянства. Но все требования думы были отвергнуты, после чего она выразила недоверие министрам¹⁰.

Основные же события развернулись в Таврическом дворце, который и стал местом заседаний думы: «Депутаты спешно разместились на своих местах. Заняли свои места и министры: впереди маленький сутулый старичок Горемыкин с невыразительным лицом и с длинными белыми бакенбардами — совершенный Фирс из "Вишневого сада", рядом с ним — «красивый и изящный Столыпин», потом граф Коковцов, «который, взойдя на трибуну, мог говорить без записи сколько угодно времени совершенно плавно, снабжая свою речь обильным цифровым материалом», министр юстиции Щегловитов, «имеющий вид скромный и тихий, голос вкрадчивый, речь слегка слащавую». Но, по воспоминаниям Владимира Андреевича, именно его слащавые речи вызывали больше всего негодования и шума»¹¹.

С открытием Государственной думы было связано много надежд. Сотрудник Канцелярии дум всех четырех созывов Я. В. Глинка в своих мемуарах писал: «Интерес публики к заседаниям Государственной думы был огромный. Обширные помещения Таврического дворца не могли вместить толпы, жаждущей получить пропуск на заседания. Пришлось столик вынести во двор и там производить раздачу билетов. Очередь стояла от Литейного до Таврического»¹².

После официальной речи статс-секретаря Фриша, которому бы-

ло поручено открыть первое заседание думы, начались выборы председателя¹³. Проанализировав возможность занятия этой должности той или иной кандидатурой, князь Оболенский сделал вывод о том, что единственным достойным кандидатом был Сергей Андреевич Муромцев, который и был избран единогласно. Мемуарист неоднократно подчеркивал, что никто, кроме Муромцева, не сумел бы поднять престиж Государственной думы на надлежащую высоту. И именно под его председательством Столыпин, главный вдохновитель ее роспуска, не решился бы бросить свою крылатую фразу: «Не запугаете», которой однажды закончил свою речь во II Думе¹⁴. По словам Оболенского, Муромцев еще с юности мечтал занять когда-нибудь этот почетный пост и основательно готовился к предполагаемой роли. «Помимо несомненного председательского таланта, которым обладал Муромцев, он, как хороший актер? изучил роль во всех деталях и, став председателем думы, проникся этой ролью»¹⁵. А вот по выражению видного российского либерального политического деятеля В. А. Маклакова, Муромцев «...скорее напоминал церемониймейстера, чем руководителя»¹⁶.

Как казалось Оболенскому, на первом заседании думы депутаты прекрасно понимали и осознавали все трудности, которые им предстояли, однако, это не помешало думцам чествовать этот «счастливый» день своей жизни, ежегодно собираясь 27 апреля на товарищеский обед. Эта традиция соблюдалась вплоть до 1916 г.¹⁷

Владимир Андреевич подробно описывал бурные заседания I Государственной думы, которые постоянно затягивались и превращались в «большой день». В течение 72 дней существования Думы депутаты находились в непрерывном нервном возбуждении: «Я не сомневаюсь, что если бы кто-нибудь занялся взвешиванием депутатов до начала думской сессии и после роспуска думы, то обнаружилось бы, что каждый из нас потерял в среднем не менее четверти своего обычного веса»¹⁸. При этом Оболенский задается вопросом, почему же все эти бурные заседания, красивые речи не оставили никакого следа в русском законодательстве? Почему так вышло? Почему собрание исключительно «блестящих» людей, многие из которых были известны всей России не только как теоретики, но и как практические земские и городские деятели, оказалось бесплодным? Многие политики в своих воспоминаниях давали очень простой ответ на этот вопрос, ссылаясь преимущественно на «нероботоспособность и бездарность депутатов I Государственной думы».

Одним их ярких сторонников этой идеи являлся В.Н. Коковцов, занимавший с апреля 1906 по 1914 г. пост Председателя Совета Министров. В своих мемуарах он назвал деятельность думы «собранием праздных болтунов» и подчеркивал, что руководившая ею Партия народной свободы состояла из «бездельников и честолюбцев, стремившихся свергнуть правительство, чтобы самим добраться до власти»¹⁹. А князь Оболенский, безусловно, выступая на стороне депутатов, заявлял, что в действительности они работали не меньше, а даже больше депутатов любого парламента. Но главное противоречие, по его мнению, заключалось в позиции властей, которые то опирались на старые законы, то действовали в духе Манифеста 17 октября, поэтому ни о каком компромиссе между властью и либеральной общественностью, который оказал бы благотворное влияние на дальнейшее развитие исторических событий, не могло идти и речи. А сам Николай II и его ближайшие советники смотрели на этот акт, как на военную хитрость, не связавшую власть ни морально, ни политически.

Владимир Андреевич вспоминал о том, что работать приходилось главным образом кадетской фракции, во-первых, потому, что она была инициатором большинства законопроектов, а во-вторых, имела в своих рядах наибольшее число депутатов, подготовленных для законодательной работы. В короткий срок ею был внесен в думу ряд законопроектов о «конституционных свободах», разрабатывались законопроекты о печати, о реформе местного самоуправления, о всеобщем избирательном праве, о земельной реформе и др. Обыкновенно в законодательной деятельности парламентов вся черновая подготовительная работа производилась чиновниками министерских канцелярий. I Дума была лишена их помощи, и вся работа лежала на самих депутатах²¹.

В. А. Оболенский состоял членом думских бюджетной и земельной комиссий кадетской фракции по выработке законопроектов о реформе избирательной системы при выборах в Государственную думу и о реформе земского самоуправления. Приходилось не только устанавливать принципы и находить надлежащую формулировку для проектируемых законов, но и проделывать большую подготовительную работу. А вот лидеры — Петрункевич, Винавер, Набоков, Кокошкин и другие, — которые руководили законодательной работой и думской политикой, «положительно не имели отдыха: заседали во время трапез, работали ночью и систематически недосыпали»²². В своих воспоминаниях Оболенский посвятил це-

лую главу этим людям, давая им подробную характеристику, безусловно, не лишенную субъективизма.

Лидерами кадетской фракции были П. Н. Милюков и И. И. Петрункевич. Милюков не был депутатом, но в качестве товарища председателя ЦК кадетской партии принимал постоянное участие в заседаниях ее думской фракции. И уже в своих мемуарах главной причиной конфликта между депутатами и правительством назвал деятельность председателя думы С. А. Муромцева, который по своему положению считал себя вторым лицом в государстве после монарха и потому не хотел вступать с царем в личные отношения «без призыва и иметь у царя всеподданнейший доклад»²³. И именно поэтому, по мнению Милюкова, депутаты были отрезаны от всяких сношений с властью. Отношение к Милюкову современников на протяжении всей его жизни оставалось сложным, противоречивым. Князь В.А. Оболенский, знавший Павла Николаевича достаточно близко и критически относившийся к нему, заявлял, что у последнего совершенно отсутствовал «рефлекс страха», а «умение гибко лавировать между политическими крайностями уживались в Милюкове с незаурядным личным мужеством, многократно проявленным им в решительные моменты жизни»²⁴. Официальным же лидером кадетов в думе был председатель ЦК фракции Иван Ильич Петрункевич — человек «блестящего ума, широкого образования и исключительного благородства чувств». Оболенский указывает на то, что хотя Петрункевич и был официальным лидером кадетской партии и выступал с кафедры Государственной думы с самыми ответственными речами, тем не менее, «без постоянного наблюдения Милюкова он едва ли смог бы вести в думе так называемую правительственную кадетскую линию» .

Наиболее «изысканным» думским оратором среди кадетов был В. Д. Набоков, «умевший резкие мысли облекать в самую корректную форму», а вот самым «бойким» — Ф. И. Родичев²⁶.

Оболенский полагал, что история парламентов не знала такого сильного политического расхождения между законодательной палатой и правительством, какое существовало между депутатами и министрами I Думы. Он вспоминал о том, что в своих действиях дума опиралась на народ, но возможность активной поддержки народных масс убывала с каждым днем, ибо эти массы переставали верить в думу. Правительство хорошо понимало создавшееся положение и ожидало лишь благополучного момента, чтобы отделаться от нее. Населению были непонятны парламентские фор-

мы борьбы. Не понимало оно и всей сложности законодательной работы.

7 и 8 июля состоялись заседания Совета Министров, почти целиком посвященные вопросу о думе. Большинство министров пришло к выводу о том, что «состав Государственной думы и принятое ею направление прямо угрожают существованию государства». Только министр финансов В. Н. Коковцов и министр иностранных дел А. П. Извольский считали возможным компромисс с Думой²⁷. Николай II одобрил мнение большинства: 9 июля был обнародован высочайший Указ о роспуске думы первого созыва²⁸. После издания Указа кадетская фракция вместе с лидерами трудовиков приняла решение о продолжении думских заседаний в Выборге, где К) июля был, по предложению кадетов, одобрен Манифест, в котором население до назначения срока созыва новой Думы призывалось к пассивному сопротивлению правительству. Подписавшие воззвание были лишены избирательного права. На этом Государственная дума первого созыва фактически прекратила свою деятельность .

Депутатам, подписавшим Выборгское воззвание, было предъявлено обвинение в возбуждении к неповиновению и противодействию законам. Дело членов думы, среди которых был В. А. Оболенский, рассматривалось в Особом присутствии С.-Петербургской судебной палаты в 1907 г. Подсудимые были осуждены на три месяца тюремного заключения и лишены права баллотироваться на выборные ^{яп} должности .

Со стороны Оболенского предложение о необходимости ехать в Выборг вызвало крайне резкие возражения. Для него отъезд депутатов из Петербурга в Финляндию, почти за границу, представлялся дезертирством с ответственного поста и уклонением от открытой борьбы. Тем не менее, после острых дискуссий решение ЦК было принято, и Владимир Андреевич был вынужден ему подчиниться. Оболенский осознал, что если бы депутаты попытались вновь собраться в Петербурге, то их просто развели бы по полицейским участкам. Но, по его мнению, такой прозаический конец I Думы был намного лучше, а главное - понятнее для населения, «чем предпринятая нами поездка в Выборг и составление воззвания, тактический смысл которого даже для многих сочувствовавших нам остался непонятным»³¹ .

Завершая свои размышления о деятельности I Государственной думы, Владимир Андреевич писал: «Я хорошо понимаю, что пер-

вая Дума была лишь очень маленьким историческим эпизодом. Но в моей личной жизни она все-таки была одним из самых ярких событий, и невольно я уделил воспоминаниям о ней непропорционально много страниц» .

¹ См.: *Шавров А.* Моя жизнь, мои современники // Наука и жизнь. 1990. №7. С. 94.

² *Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 305.

³ См.: *Шавров А.* Указ. соч. С. 95.

⁴ Высочайший Манифест 17 октября 1905 г. и его значение для русского народа. СПб., 1906. С. 2.

⁵ См.: *Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. 1906-1917. Пермь, 1995. С. 40.

⁶ Высочайший Манифест 17 октября 1905 г. ... С. 9.

⁷ Первая Государственная дума. СПб., 1907. С. 11.

⁸ *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 336.

⁹ Тронная речь императора на открытии Государственной думы // Новое время. 1994. № 1. С. 49.

¹⁰ См.: *Шавров А.* Указ. соч. С. 97.

¹¹ *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 346.

¹² *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906-1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 42-43.

¹³ Первая Государственная дума. С. 17.

¹⁴ *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 340.

¹⁵ Там же. С. 352.

¹⁶ *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания. Париж, 1936. С. 382.

¹⁷ *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 342.

¹⁸ Там же. С. 342.

¹⁹ *Кокорцов В. Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. С. 188.

²⁰ *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 326.

²¹ Там же. С. 345.

²² Там же. С. 345.

²³ *Милоков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 243.

²⁴ *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 346.

²⁵ Там же. С. 361.

²⁶ Там же. С. 362.

²⁷ См.: *Кокорцов В. Н.* Указ. соч. С. 188.

²⁸ ПСЗ. Т. XXVI. Отд. I. №28103. СПб., 1909. С. 738.

²⁹ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 268.

³⁰ См.: *Шавров А.* Указ. соч. С. 97.

³¹ *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 393.

³² Там же. С. 399.

Е. Л. Маслова (Санкт-Петербург)

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА БЫВШИХ ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ КАК ФЕНОМЕН МНОГОПАРТИЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ (1923-1935 гг.)

В последние годы исследователей все больше привлекает изучение истории российского парламентаризма начала XX в. Регулярно появляются работы, затрагивающие самые разные аспекты в этой области, в том числе и по истории российских партий. Тем не менее, вопросы послереволюционной истории партий, в частности социалистов-революционеров, меньшевиков и анархистов, освещены все же недостаточно полно. В данной статье мы попытаемся рассмотреть изменения в многопартийном составе Ленинградского отделения Всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1923-1935 гг.) и его политическую эволюцию, а также отношение власти к членам отделения и степень оппозиционности Юсследних к режиму личной власти Сталина. Анализ этих процессов, как и изучение истории Ленинградского отделения, выявляет важные сведения о послереволюционной деятельности членов политических партий в рамках отдельно взятого «Общества».

При изучении истории Ленинградского отделения возникают неизбежные вопросы: каков был партийный расклад в недрах отделения и насколько он отражал дух «Общества»? Влияла ли принадлежность в прошлом к небольшевистским политическим партиям па деятельность бывших политкаторжан в «Обществе», и какова была судьба этих членов? Отвечая на эти и другие вопросы, необходимо вкратце упомянуть о возникновении отделения. Оно было

создано в конце 1923 г. силами деятелей самого широкого партийного спектра. К этому времени в советской России все оппозиционные большевикам партии были ликвидированы. Оставшиеся на свободе эсеры, меньшевики, анархисты, бундовцы и бывшие члены других партий никакой политической деятельности вести уже не могли. Более того, власть сделала на протяжении нескольких лет все возможное, чтобы разрушить ореол революционной романтики и героизма вокруг этих партий, особо жестко расправляясь с потенциальными конкурентами — меньшевиками и эсерами. По меткому замечанию одного из историков, «любая конкуренция, любое сравнение для большевиков были губительны и проигрышны»¹, потому что только они должны были остаться наследниками славных революционных традиций. Таким образом, на фоне послевоенного ужесточения режима появление «Общества политкаторжан» с центром в Москве и многочисленными отделениями по всей стране было удивительным, но оправданным, так как в него вошло много известных дореволюционной России политических деятелей, заключенных за свои убеждения в тюрьмы или сосланных в Сибирь в годы царской власти. Организовать пребывание таких людей в тюрьмах новой формации, не говоря о более жестких мерах, было трудным даже для большевиков: слишком свежи еще были воспоминания о героизме «тюремных Робинзонов», слишком сильно еще было влияние общественного мнения на Западе.

Попытки создания филиала «Общества политкаторжан» в Петрограде можно отнести еще к 1919 и 1920 г., но тогда питерцы «не смогли столкнуться относительно внепартийности объединения»². Это, конечно, не говорит о том, что к 1923 г. проблема несхожести политических убеждений была для бывших политкаторжан менее острой. Просто появился целый ряд причин, заслонивших взаимную несговорчивость. Главным теперь стало желание сплотиться после совместного пребывания в тяжелых условиях царских тюрем.

Ленинградское отделение по праву могло гордиться своим уникальным составом. В разные периоды времени в нем числились известные народовольцы Н. А. Морозов, В. И. Сухомлин, А. П. Прибылев, С. П. Швецов, М. В. Фроленко, В. Н. Фигнер; большевики А. Е. Бадаев, Д. Ф. Сверчков, К. А. Юносов и П. И. Струппе; среди почетных членов были С. М. Киров и Г. Е. Зиновьев. Но несмотря на это, в рамках отделения сошлось много деятелей других партий, что, конечно, не афишировалось — для благополучия самого отде-

ления. На протяжении всего периода деятельности отделения бывшие социалисты-революционеры и меньшевики (теперь числившиеся беспартийными) составляли подавляющее большинство членского состава. И изменить эту ситуацию не смогли ни периодические «чистки», ни «вливания коммунистов». К примеру, в 1930 г. из 183 членов отделения только 64 (или 35%) были коммунистами, в 1932 г. из 198 — 74 (37%). Особый интерес в этом плане представляет запрос Штаба по подготовке к XVII съезду ВКП(б) о статистических данных, полученных в ходе анкетирования членов отделения. Из этих данных видно, что в 1934 г. из 240 бывших политкаторжан только 69 (29%) были коммунистами, 86 (36%) в прошлом были эсерами, 32 (13%) — меньшевиками, 12 — анархистами, 12 — бундовцами, и т. д.³ В сводке анкетных данных есть информация и о том, что только 63 члена отделения активно участвовали в Гражданской войне на стороне большевиков.

Социальный состав Ленинградского отделения (до 1917 г.) тоже был разнородным: из 240 человек было 83 рабочих, 68 крестьян, 59 мещан, 17 дворян и почетных граждан, а также 9 купцов⁴. Эти статистические данные, впрочем, не позволяют говорить о той или иной политической позиции отделения. Гораздо более красноречивыми являются материалы стенограмм, протоколов собраний отделения, личных дел бывших политкаторжан, из которых становится ясным неоднозначное отношение членов отделения к государственной власти.

С одной стороны, в явную оппозицию «Общество» не становилось никогда. Активисты Ленинградского отделения делали упор на то, что его целью является материальная и моральная помощь своим членам, сбор мемуаров и исторических материалов по истории тюрьмы, каторги и ссылки. Позже к этому прибавилась нацеленность на соцстроительство, ударничество, активную общественную работу (выступления, шефство, организация музея и пр.). К тому же отделение традиционно возглавлялось коммунистами. Его старостами поочередно побывали большевики И. И. Ионов, К. М. Бреге, К. А. Юносов, А. Е. Бадаев, Д. А. Трилссер и М. З. Моисеев. В отчетах о деятельности Ленинградского отделения не раз встречаются слова, подобные этим: «Мы, политкаторжане и ссыльнопоселенцы, независимо от нашей партийной принадлежности в прошлом, за 13 лет пролетарской диктатуры убедились в правильности большевистских методов борьбы... Одновременно мы заявляем Коммунистической партии и правитель-

ству, что в настоящий ответственный момент, как и прежде, мы готовы, наряду с партийцами, отдать все свои силы и знания и революционный опыт на дело социалистического строительства под руководством Коммунистической партии»⁵.

Порой чрезмерная лояльность верхушки отделения (Президиума, Совета) даже мешала сохранившим «кодекс революционной чести» политкаторжанам вступать в него. Примером здесь являются сложные отношения В. Н. Фигнер с отделением, членский билет которого она долго не хотела принимать. В обоснование своей позиции она, по свидетельству одного из современников, заявляла, что Общество неоднократно высказывалось за поддержку смертной казни, одобряло деятельность карательных органов, проводило «чистки» в рядах своих членов. Такое положение, как и чрезмерное влияние комфракции в отделении, было для Веры Николаевны — как и для многих политкаторжан — неприемлемым⁶. Тем не менее, дело уладилось, и политического скандала удалось избежать.

За рамки отделения не вышла и другая напряженная ситуация. В 1929 г. небольшая группа членов комфракции, пользуясь своим руководящим положением, попыталась спровоцировать беспартийных членов на разрыв, чтобы «получилось впечатление, что в основе ненормальных отношений между группировками лежат политические (подчеркнуто в тексте документа. — *Е. М.*) разногласия и что одна из группировок проводит партийную линию в руководстве делами «Общества», в то время как другая, состоящая якобы из одних беспартийных, стремится уйти из-под партийного руководства фракции»⁷. Д. А. Трилиссер попытался разрешить эту ситуацию, но, не видя результатов, объявил о своем выходе из отделения. Таким образом, ситуация приняла серьезный характер, но ее удалось замять благодаря записке одного из членов Президиума в комфракцию отделения. Она заканчивается словами: «Руководство фракции должно быть сменено, политика террора по отношению ко всем инакомыслящим должна быть прекращена, группировки в Обществе должны быть ликвидированы... В противном случае тяжелый кризис в Ленинградском отделении является неизбежным, и при перевыборах Совета следует ожидать крупного политического скандала»⁸. Судя по этим словам, в стенах отделения партийные разногласия все же существовали, но данный факт тщательно скрывался и практически не прослеживается в архивных материалах.

Тем не менее, можно утверждать, что политическая позиция

членов Ленинградского отделения — не верхушки, а основной массы — отличалась демократичностью суждений и поступков. Последняя проявилась, в первую очередь, в столкновениях с органами ОГПУ. Отделение ходатайствовало за таких «неблагонадежных» товарищей, как С. П. Швецов (народоволец, старейший член Учредительного собрания), арестованных И. А. Лопаткина и С. М. Галлая (бывшие депутаты II Государственной думы) и многих других, менее известных, деятелей⁹. Отделение по возможности повторно принимало в свои ряды политкаторжан, арестованных ОГПУ (и поэтому автоматически исключенных из «Общества»), а затем освобожденных. Важно отметить, что народовольцы отделения состояли также в ленинградском Политическом Красном Кресте (М. В. Новорусский, С. П. Швецов)¹⁰. Это явно не говорит об аполитичности бывших тюремных сидельцев, в особенности тех из них, кто после революции трудно приспособился к давлению власти.

Партийность членов отделения до 1917 г. сыграла с ними плохую шутку в 1930-е гг. В 1932–33 гг. начинается фабрикация дел против бывших эсеров, состоявших членами Ленинградского отделения. В начале 1933 г. по обвинению в принадлежности к праиоэсеровским группировкам были осуждены 5 человек — Д. Н. Занадовский, Л. С. Органов, М. В. Махлин, М. К. Белоусова-Боровская и А. И. Николаев. Все они были исключены из Ленинградского отделения как предатели рабочего класса, причем остальные члены отделения предупреждались, что «примиренческое отношение к укрывательству антисоветских вылазок того или иного члена Общества будут рассматриваться как предательство»¹¹. Сохранились заявления Завадовского и Органова (обнаружены автором в архивном фонде Д. А. Трилиссера. — *Е. М.*). Первый, будучи человеком слабого здоровья (инвалид, тяжелая форма заболевания сердца, истощение нервной системы), после 4-месячного пребывания в ДПЗ под угрозами следователя подписал протоколы допроса, согласно которым в отделении якобы существовала правоэсеровская группировка¹². Тем не менее, спустя несколько месяцев все пятеро были освобождены и восстановлены в «Обществе». Возможно, это произошло благодаря ходатайству Д. А. Трилиссера.

В 1935 г. репрессии против членов Ленинградского отделения развернулись с новой силой. Как «агенты зиновьевской фашистско-террористической организации» были осуждены Г. К. Клаас, Л. Я. Клявс-Клявин, Э. Х. Король, и И. П. Рекстин.¹³ В том же году было ликвидировано и само «Общество». В 1937–38 гг. начались

уже массовые репрессии бывших политкаторжан, большинство которых погибло в лагерях, было расстреляно.

Причина ликвидации «Общества», и в частности его Ленинградского отделения, заключалась в том, что их позиция хранителей революционных традиций была неприемлема для власти. Большинство членов отделения не принадлежали в прошлом к большевистской партии, что также было глубинной причиной постоянного давления на них, а затем и физического уничтожения. Пока живы были действительные свидетели революций 1905-1907 гг. и 1917 г., Гражданской войны, уничтожения оппозиционных власти партий, — фальсификация истории не могла принять таких масштабов, какие она приняла после волны репрессий 1930-х гг.

В настоящее время, когда парламентаризм и многопартийность в России возрождаются, необходимо помнить историю таких общественных организаций, как Ленинградское отделение «Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев», которые в тяжелое для страны время сплотились, сделав все возможное для собственного выживания и восстановления сил советской России.

¹ Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): Этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 4.

² Историко-революционный бюллетень (Орган ОПК). 1922. № 1. С. 33.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 506. Оп. 1. Д. 244. Л. 2; Д. 305. Л. 6; Д. 565. Л. 91 об.

⁴ Там же. Д. 565. Л. 91.

⁵ Там же. Д. 244. Л. 5 об.

⁶ Гарелин И. В. Н. Фигнер и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Память: Исторический сборник. Вып. 3. М., 1978; Париж, 1980. С. 394-395.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 507. Оп. 1. Д. 54. Л. 35.

⁸ Там же. Л. 35 об.

⁹ Шкаровский М. В. Правозащитная, научная, социальная и производственная деятельность Ленинградского отделения ОПК (1923-35 гг.) // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация: 1921-35. Материалы междунар. науч. конф. М., 2004. С. 141-142.

¹⁰ См.: Минин Д. Еще о Политическом Красном Кресте // Память: Исторический сборник. Вып. 3. С. 531-532.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 507. Оп. 1. Д. 54. Л. 29-30.

¹² Там же. Л. 6-10.

¹³ Там же. Ф. 506. Д. 661. Л. 3 об.; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 160-161.

Ю. С. Цыкало (Оренбург)

АЙСБЕРГ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФИНАНСОВ: К ВОПРОСУ О ФИНАНСИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

Без вложений значительных материальных средств невозможен нормальный ход политического процесса ни в одной современной демократической системе. Значение материальных ресурсов как фактора воздействия на поведение избирателей делает финансирование выборов и их участников одной из важнейших тем современности. Стоимость электоральных кампаний, изменения в соотношении различных видов доходов и расходов партий, модели образования избирательных фондов и их влияние на межпартийное соревнование, взаимозависимость объемов затрат и результатов голосования — анализ этих и других данных позволит увидеть определенные тенденции в социально-политической жизни.

Политическое финансирование рассматривается, как правило, в неразрывной связи с проблемами коррупции. Развитие последней происходит быстрее, чем принимаются меры контроля за движением материальных средств в политике. Анализируя коррупцию, политологи могут находить эффективные способы надзора за политическими финансами.

Политический рынок функционирует в виде конкурентного только в условиях легального контроля, который должен, во-первых, препятствовать его монополизации, а во-вторых, способствовать тому, чтобы предлагаемое было именно таким, каким его представляют «продавцы».

Нарастание рыночных тенденций в политике выявило неполноту прежней нормативной базы, ее неспособность обеспечить честное

состязание политических акторов, в первую очередь, в сфере распределения материальных ресурсов. Это стимулирует изменения в законодательстве многих стран, и модификации касаются, главным образом, финансирования партий и выборов. В России выброс в свободную продажу огромного числа голосов избирателей произошел при жесточайшем дефиците регулирующих норм. Финансовая сторона политического процесса была упорядочена хуже всех прочих. Отсюда — эксцессы избирательных кампаний, вроде коробки с внушительной наличностью, хозяев которой не под силу найти даже прокуратуре, или вопиющие факты использования инкубентами государственных ресурсов в частных электоральных целях.

Почти повсеместно государство несет ответственность за регистрацию избирателей, администрирование и субсидирование выборов, частично или полностью покрывает расходы кандидатов на предвыборную агитацию, выплачивает жалование законодателям, обеспечивает работу фракций партийных групп и их штабов. Во многих странах государство финансирует не только избирательную активность, но и рутинную деятельность партий, даже регулирует нормы и организацию внутрипартийной жизни.

В основе экспансии государственного регулирования деятельности политических субъектов — их все большая материальная несамостоятельность. Партиям выделяют деньги из госбюджета, как правило, в зависимости от объема избирательной поддержки либо по количеству мест, занимаемых в парламенте. В современном демократическом законодательстве партии сочтены образованиями, обеспечивающими замещение государственных должностей посредством выборов, и им полагается содержание соответственно проделанной работе. Новый российский ФЗ «О политических партиях» доказывает это: неучастие в выборах в течение пяти лет подряд — основание для ликвидации партии (п. 2 ст. 37). Таким образом, функция инструмента избирательного процесса — не просто как главная, но как определяющая отношение государства к этому политическому институту.

Общая тенденция, которая в разных странах выражена с разной интенсивностью, состоит в уменьшении доли членских взносов и традиционных институциональных дотаций при одновременном увеличении процента государственных субсидий и крупных частных пожертвований в объеме партийных финансов в целом.

Все больше старые европейские партии финансируются главным образом из госбюджета. В Германии, например, объем бюджет-

ных дотаций ставится в прямую зависимость от суммы собираемых членских взносов. Новообразованные партии уже не рассчитывают на деньги рядовых партийцев, стремясь заручиться поддержкой сильных спонсоров или государства. Они вообще не культивируют массовое членство, отдавая приоритет работе с избирателями. Яркий пример — партия власти «Форца Италия», которая опирается на ресурсы медийно-финансовой империи С. Берлускони. Создатели этой организации никогда не ориентировались на модель массовой партии и не предпринимали никаких серьезных попыток обзавестись солидным членством. Вместо активности партийцев используются капиталы компании «Фининвест» и услуги профессионалов, исследующих потребительский спрос и по его показателям выдвигающих предвыборные предложения и формирующие имидж партии.

В России доля членских взносов в финансировании партийной деятельности ничтожно мала. Первопричина — в отсутствии самого массового членства. Хотя по законодательству требуется наличие определенного числа членов или региональных организаций для регистрации партии и эти условия формально выполнимы, не создаются даже минимальные предпосылки для финансовой независимости. Для обеспечения деятельности партий политики используют наемных работников — бюрократов, консультантов, политтехнологов, — которые не только не приносят организации доходов, но и увеличивают ее расходы. Такое организационное строение вполне вписывается в новейшие тенденции развития западных партий как профессионально-электоральных структур, в противоположность уходящим в прошлое массовым бюрократическим организациям.

Институциональные пожертвования — вполне легальный и эффективный инструмент влияния крупнейших групп интересов на политику партий и правительств (профсоюзов, организации бизнеса, союзов предпринимателей). Развитие отношений партий с донорами зависит от исторических традиций конкретной страны и особенностей ее законодательства; поддержка, в том числе материальная, побуждала партии прислушиваться к мнению спонсоров и беспечивала влияние последних на партийную политику, нередко через непосредственное представительство в руководящих структурах.

В России многочисленные, но весьма слабосильные добровольные объединения различной направленности сами нуждаются в материальной помощи и в современных условиях вряд ли мо-

гут стать прочной опорой какой-либо политической организации. Среди немногих исключений — Федерация независимых профсоюзов России, которая унаследовала от советских времен значительную собственность, массовую членскую базу и финансовую поддержку своих низовых структур в виде 0,5% отчислений от зарплаты.

Российские предприниматели, лоббируя свои интересы, не выступают в качестве консолидированной группы давления и не делают ставку на политические силы определенной идейной ориентации, предпочитая работу с конкретными людьми. Со своей стороны, партии и депутаты не склонны связывать себя в общественном мнении с представителями бизнеса. Взаимная заинтересованность бизнеса и политиков приняла формы индивидуального, сепаратного и не афишируемого спонсирования «своих» кандидатов отдельными бизнесменами и компаниями, а также самофинансирования предпринимателями личных электоральных амбиций. При непрозрачности политического финансирования сложилась ситуация, когда деньги российского бизнеса активным образом участвуют в обеспечении политического процесса, но как именно — не совсем ясно (по крайней мере, официально).

Одновременно с сокращением доли традиционных способов финансирования политических субъектов в последние годы лавинообразно растет стоимость избирательных кампаний. Это, прежде всего, связано с развитием СМИ, особенно телевидения. Выросла роль профессиональных медиаконсультантов, экспертов по изучению общественного мнения, специалистов рекламного дела и пр. Обозначилась устойчивая тенденция к замещению трудоемких кампаний капиталоемкими, что в целом обусловлено общей профессионализацией политической деятельности.

Стоимость электоральных кампаний возрастает повсеместно, провоцируя скандальные разоблачения незаконных способов привлечения средств и усиление регулирования и контроля. Для ограничения финансовой гонки политических субъектов во многих странах были введены лимиты на избирательные расходы.

В России затраты акторов на выборы выглядят по сравнению с Западом довольно умеренными. Однако, во-первых, надо принять во внимание показатели уровня жизни населения и средней зарплаты, которые у нас существенно ниже западных. Во-вторых, по всеобщему мнению, реальные расходы отечественных партий и кандидатов гораздо выше официально декларированных. Совершенно

резонно В. Гельман пишет об «айсберге российских политических финансов» (изъятие бесхозных 538 тыс. долл. в коробке из-под ксерокса не отразилось на положении участников предвыборной гонки).

Очевидно, что партиям сегодня явно не хватает тех денег, которые они получают легитимными способами в соответствии с традиционными представлениями об их природе. Один из вариантов решения финансовых проблем политического рынка был найден в выделении партиям бюджетных средств и усилении государственного контроля над их расходованием.

Государственное финансирование партий и кандидатов на государственные должности начало вводиться в западных странах с конца 1950-х гг. Некоторые современные партии-картели уже па 80-90% материально зависят от государства. И это обстоятельство ставит под сомнение их статус общественных организаций. Причем нередко сам факт государственных дотаций пагубно сказывается на поступлениях из традиционных источников. Переход на казенное содержание делает партии менее заинтересованными также в поддержке профсоюзов и других организованных групп интересов. Однако в действительности происходит лишь замена одной зависимости на другую, гораздо более рискованную.

В России доля государственных субсидий в финансировании партий невелика. Согласно ФЗ «О политических партиях», общий объем средств, выделяемых ежегодно из федерального бюджета на финансирование всех партий, не должен быть менее 0,105 МРОТ, умноженного на число избирателей, включенных в списки на предыдущих выборах (п. 3 ст. 33). Если сравнить полученную сумму с установленными лимитами дотаций со стороны частных лиц, она не покажется столь значительной.

Более дешевым считается не прямое выделение бюджетных средств партиям, а предоставление разнообразных льгот и услуг (бесплатного времени на радио и телевидении). К косвенным формам государственного финансирования относятся и разного рода выплаты парламентариям и парламентским группам. Официально пи деньги призваны обеспечивать выполнение законодателями их прямых обязанностей. Фактически часть из них идет на партийные нужды (перечисления в партийную кассу). Налоговые льготы могут не только выступать в виде косвенных государственных субсидий, но и стимулировать дотирование партий из других источников;

среди перспективных направлений финансирования политических партий на Западе обычно упоминается предоставление налоговых скидок на индивидуальные пожертвования с поощрением мелких и средних дарителей.

Участие в современном политическом соревновании требует столько денег, сколько не могут дать ни государство, ни массы граждан, а могут и хотят вложить в политику крупные частные инвесторы. В то же время нехватка и постоянные поиски средств побуждают партии и политиков обращаться к отдельным лицам и корпорациям, ставя претендентов на госдолжности в потенциальную зависимость от инвесторов: стремление не утратить источник финансирования в будущем стимулирует политиков расплачиваться со спонсорами разного рода услугами, связанными с их положением в органах власти. Таким образом, даже при отсутствии личных корыстных мотивов, когда деньги поступают исключительно в партийную кассу, провоцируется коррупция (политинвестиции должны окупаться). Например, после того как индийский предприниматель Лакшми Миттал пожертвовал лейбористской партии 125 000 фунтов стерлингов, Тони Блэр помог ему приобрести румынскую сталелитейную корпорацию Sidex.

В современной России нет не только лишних бюджетных средств, но и твердой убежденности большинства граждан в необходимости этого института. И при заведомом доминировании частного финансирования партий те практически неизбежно начинают обслуживать преимущественно частные интересы. В нашем случае при почти полном отсутствии общественного частного и государственного находятся в сложном взаимном переплетении. Преобладание частного финансирования политического рынка создает серьезные проблемы само по себе, даже без учета потенциальных коррупционных тенденций. Аккумулирование значительных средств одними участниками соревнования при отсутствии крупных спонсорских дотаций другим нарушает демократический принцип равенства политических прав.

Существует точка зрения, что финансирование политических партий из государственного бюджета преждевременно. Сегодня, когда в России много серьезных социально-экономических проблем, выделять средства пока не совсем оправданно. Необходимо учитывать и тот факт, что само госфинансирование политических партий, по сути, не является средством финансового обеспечения их деятельности, а представляет собой институт государственной ком-

пенсации избирательных затрат партий (А. С. Николаев). То есть выделяемое по итогам выборов способно лишь компенсировать понесенные затраты в ходе избирательной кампании и не является основным источником формирования финансовой базы политических партий, в отличие от пожертвований и членских взносов.

В российских условиях довольно быстро укореняется еще один источник пополнения партийного бюджета: хозяйственная деятельность самих партий (ст. 31 ФЗ «О политических партиях»). Но уподобление партий бизнес-фирмам требует принципиально иного подхода к легальному регулированию их деятельности.

Если у партии есть крупный частный инвестор, граждане имеют право знать, кто он. К сожалению, в ФЗ «О политических партиях» требование публиковать списки крупных спонсоров четко не прописано: сводный финансовый отчет (регламентирован Приказом МНС РФ от 31 января 2003 г.) должен содержать сведения об источниках и размерах денежных средств, поступивших на счета партии (п. 3 ст. 34); отчет же размещается на специальном сайте, но не публикуется в СМИ (п. 2 ст. 35), чем нарушается право граждан на значимую информацию о претендентах на госдолжности. Основной аргумент против обнародования списков финансовых доноров — нарушение политических прав частного лица (свободы политической активности и тайны выбора). Хотя оглашение подобных сведений выявило бы парадоксальную картину: некоторые инвесторы одновременно спонсируют несколько партий с несходными позициями, даже конкурирующих между собой. Обязательная публичность будет отпугивать потенциальных жертвователей, особенно оппозиции, способствовать действующему режиму. Возможен компромисс — определение суммы взноса, при превышении которой декларирование становится обязательным (п. 8 ст. 30 ФЗ). При мелких и средних дарениях право на приватность политических симпатий преобладает, при крупных взносах предпочтение отдается праву избирателей знать о том, кто стремится повлиять на их выбор.

Аргументы в пользу публичности перевешивают возражения в силу антикоррупционной потенции таких мер. И, не имея возможности сократить размеры частного финансирования за счет привлечения государственных или общественных ресурсов, следует хотя бы сделать его достаточно прозрачным.

Практика регулирования политических финансов на Западе породила проблему «лупхолс» — способов обходить законные ограни-

чения, формально не нарушая их; используются для укрытия крупных дотаций от обязательного декларирования.

Критики госфинансирования партий отмечают, что с его появлением последние отнюдь не откажутся от поиска частных спонсоров; не сократится и коррупция. Самые громкие скандалы, связанные с незаконным финансированием партий, имели место именно в тех странах, где госказна подпитывает партии наиболее щедро. Нарушения указывают на наличие серьезного противоречия между складывающимися ныне потребностями партий в средствах и легальными и легитимными способами их удовлетворения. Традиционные источники постепенно скудеют, а полный переход партий на содержание государства будет означать фундаментальное изменение их статуса независимых политических организаций. Намечившаяся тенденция ко все большей привязке к госкарману ставит под сомнение выполнение партиями той роли, ради которой они якобы и существуют в современной демократии. Вместе с тем необходимо понимать, что на практике альтернативой государственному финансированию партий, со всеми его проблемами, ныне является не добровольная массовая активность и поддержка граждан и даже не корпоративное участие заинтересованных групп, а частное спонсирование, несущее в себе не менее острые противоречия.

А. А. Коврижных (Санкт-Петербург)

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1989-1993 гг.: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. — особенное для нашей страны время. В этот период происходят уникальные по своему содержанию и характеру социально-политические процессы. Одна из актуальнейших историографических проблем — роль коммунистической идеологии и коммунистических организаций в истории нашей страны в этот период. Кризис в КПСС и деятельность новых коммунистических организаций оказали самое непосредственное влияние; на социальные и политические процессы, протекавшие в нашей стране, на становление современного политического ландшафта.

Со второй половины 1988 г. начался переход к массовым политическим движениям и формирование первых элементов реальной многопартийности. Это — период как становления политического плюрализма в СССР, в РСФСР, в регионе, так и проявления основных черт общего государственного и социально-политического кризиса, кризиса в КПСС.

Причины кризиса в КПСС, как представляется, сводятся к нескольким основным проблемам. Серьезной причиной кризиса в (>ласти идеологии стало догматическое отношение к развитию научной теории, отсутствие концепции социализма, соответствующей реалиям. Подмена партией государственных органов привела к тому, что, не сумев справиться с государственными делами, партия приняла на себя всю ответственность за неудачи. Одна из групп факторов связана с проблемой подбора и расстановки партийных

кадров. Определенное значение в развитии кризиса имели и внешнеполитические факторы.

В обстановке кризисных явлений, охвативших все сферы жизни советского общества, имущественного и социального расслоения населения, идейного размежевания общества, в КПСС началось обострение внутренних противоречий, явными стали проявления организационного и идеологического кризисов. Размежевание в правящей партии было отражением процессов, происходивших в советском обществе.

Проявлением размежевания стало появление в КПСС с конца 1989 г. организационно обособленных, обладающих согласованной оценкой ситуации и программой действий групп, которые получили название платформ. Платформами назывались также программы указанных групп.

Ленинградская городская и областная парторганизации решились выразить свое отношение к сложившейся в стране и регионе ситуации¹.

Платформа Ленинградской партийной организации, в целом, адекватно оценивала сложившуюся в стране и регионе общественно-политическую и экономическую ситуацию, содержала предложения по выходу из кризиса не только в области политики, но и в экономической сфере, соответствовала текущим и перспективным задачам развития региона.

«Демократическая платформа в КПСС» была учреждена на конференции 20-21 января 1990 г. в Москве². 24-25 февраля 1990 г. в Ленинграде состоялась конференция ленинградских коммунистов, присоединившихся к движению «Демократическая платформа в КПСС»³. Ленинград стал одним из немногих крупных городов, где у «Демократической платформы» была дееспособная структура. Тем не менее, в Ленинграде, в отличие от Москвы, платформа была гораздо менее организованной политической силой, т.е. основой движения являлась московская организация. Серьезное влияние платформы в регионе ограничивалось парторганизациями тех учреждений, где превалировала интеллигенция; большой процент выражавших сочувствие положениям указанной платформы не являлся сознательным сторонником ее программы; многие поддерживали ее ввиду недостаточно внятной политики высшего партийного руководства во главе с Горбачевым.

Особое место в 1989-1990 гг. занимал вопрос о целесообразности

(издания республиканской компартии (в составе КПСС) в России.

In 1990 г. РСФСР была единственной республикой в Советском (шозс, не имевшей своей компартии. При этом в пользу создания КП РСФСР было достаточно аргументов (в том числе правовых). Сильным было давление рядовых россиян — членов КПСС, часть которых, обеспокоенная кризисным положением в партии, считала, что КП РСФСР сможет противостоять деструктивной, по их мнению, политике части руководства КПСС. Воссозданию партии противились ряд членов Политбюро ЦК КПСС (в том числе — Л. П. Яковлев) и сам М. С. Горбачев.

Инициативные комитеты по подготовке Учредительного съезда КП РСФСР начали появляться еще в конце 1989 — начале 1990 г. И Ленинграде подобный комитет появился одним из первых, 15-17 марта 1990 г., а уже 20-21 апреля 1990 г. в городе состоялся Учредительный съезд объединения «Инициативный съезд коммунистов России». 19 июня 1990 г. в Кремлевском Дворце съездов начала работу Российская партийная конференция, 20 июня 1990 г. конституировавшая себя в Учредительный съезд КП РСФСР, который и тот же день провозгласил Коммунистическую партию РСФСР воссозданной⁴. 4-6 сентября 1990 г. на втором этапе съезда были и (о)раны ЦК и ЦКК. Однако утверждение «Программы действий» партии было заблокировано «при сильнейшей поддержке Горбачева и его ближайших единомышленников», а также сторонников «Демократической платформы»⁵.

Хотя стремление большинства российских коммунистов к созданию республиканской Компартии воплотилось, было упущено время, когда создание КП РСФСР могло оказать влияние на политический процесс.

II результате событий 19-21 августа 1991 г. фактически под шпротом оказались КПСС и все ее региональные структуры. II »тих сложнейших условиях 12 сентября 1991 г. в Санкт-Петербурге состоялась инициированная группой коммунистов Учредительная конференция объединения «Коммунисты за права граждан», которое было создано и действовало только в этом регионе. Целью II но сохранить актив, получить возможность легальных действий, а так же защитить права коммунистов, сочувствующих и граждан • ми' права вообще в данном регионе. Фактически, продолжая ра- in ну, эта организация являлась негласным партийным комитетом компартии (де-юре запрещенной). Одной из важнейших целей объ- «лппепия было восстановление КП РСФСР; впоследствии именно

данная структура стала базой для возрождения КПРФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Осень 1991-февраль 1993 г.—период, значение которого в истории коммунистических организаций России невозможно оценить однозначно. С одной стороны, период неблагоприятный: фактически запрещены КПСС и КП РСФСР. С другой стороны, уход мощной политической структуры в лице КПСС открыл перспективы развития новых коммунистических организаций. Однако они возникали и действовали в нелегких условиях общего кризиса не только российской государственности, но и коммунистической идеологии.

Первой созданной после запрета КПСС компартией стала Всесоюзная коммунистическая партия большевиков. Ее основой стало всесоюзное общество «Единство — заленинизм и коммунистические идеалы», возглавляемое Н.А. Андреевой. Учредительный съезд партии состоялся 8 ноября 1991 г.⁶ Программа ВКПБ декларировала преемственность партии по отношению к прежней ВКП(б) — КПСС, существовавшей до 1952 г. Своими целями партия объявила: восстановление «господства социалистической собственности», «государственной монополии внешней торговли» и «социальных прав трудящихся, гарантированных Конституцией 1977 г.»; «обновление на современном научном уровне плановой системы хозяйства»; «прекращение насильственной расколлективизации деревни»; «восстановление советского государства, выполняющего функции диктатуры пролетариата как органа власти рабочего класса»⁷. Совокупность подобных требований невозможно встретить в программных документах ни одной другой компартии России. Региональная организация ВКП(б) появилась непосредственно сразу после создания партии. Возникновение ВКП(б) и ее региональных структур явилось закономерным следствием кризиса и фактического запрета КПСС и КП РСФСР. Данная партия в рассматриваемый период заняла весьма значимые позиции как в регионе, так и в стране, став первой из числа новых коммунистических организаций. Особенностью партии стало то, что уже в момент ее создания, на Учредительном съезде, в ее фундамент была заложена причина ее будущего кризиса — решение об отказе регистрироваться в органах юстиции отдельных республик.

Российская коммунистическая рабочая партия на протяжении 1991-1993 гг. проявила себя на политической арене как достаточно мощная организация. Учредительный съезд РКРП проходил в два

этапа: 23-24 ноября 1991 в Екатеринбурге и 5-6 декабря 1992 г. в Челябинске.

Подобно появлению других возникших после упразднения КПСС компартий, образование РКРП стало закономерным итогом кризиса КПСС и ее запрещения. Уже в августе 1991 г. был образован оргкомитет Учредительного съезда РКРП, главная роль в котором принадлежала представителям Санкт-Петербурга — В. А. Тюлькину, М. В. Попову, Ю. Г. Терентьеву. Особенностью было то, что политическим предшественником партии в значительной степени явилось «Движение коммунистической инициативы», целью которого было создание Компартии России. Некоторые исследователи склонны считать, что РКРП объединила в своих рядах «коммунистов-ортодоксов»⁸. Другие определяют РКРП как партию, принадлежащую к фундаменталистскому крылу коммунистического движения⁹.

В Санкт-Петербурге и Ленинградской области организации РКРП фактически появились еще до проведения Учредительного съезда. Местоположением ЦК съезд назначил не Москву, а Санкт-Петербург, в силу чего региональная организация оказывала влияние на ЦК и, таким образом, на деятельность партии в федеральном масштабе, а первый секретарь регионального отделения Ю. Г. Терентьев являлся фактически вторым человеком в партии¹⁰. Пик влияния РКРП как в регионе, так и в России в целом пришелся на период деятельности кабинета Е. Гайдара, когда рабочее движение было еще способно проводить значительные акции, заставлявшие считаться с ним. В дальнейшем рабочее движение постепенно приходило в упадок, приобретая отраслевой характер. Таким образом, РКРП теряла свою социальную базу, вскоре начав испытывать дефицит кадров.

После восстановления КПРФ (13-14 февраля 1993 г.) начался массовый отток членов РКРП: практически в один момент партия потеряла до 30% своей численности. Оставляли РКРП ради КПРФ не только рядовые члены, но и целые организации. В нашем Северо-Западном регионе, например, в КПРФ перешла вся Ломоносовская организация.

Причин подобного неудачного для РКРП развития событий несколько. Позиция руководства РКРП по вопросу воссоздания КП РСФСР заключалась в том, что уже есть зарегистрированная действующая и многочисленная РКРП, и все коммунисты должны вступить в нее, а не создавать новые структуры. Вступление в

РКРП всех коммунистов было утопией, поскольку изначально она и будущая КПРФ были образованы на разных основах и при разных идеологических подходах. Ошибочной стала избранная РКРП тактика срыва или же взятия под контроль региональных конференций по восстановлению КП РСФСР. Название КПРФ подталкивало многих к вступлению в партию, поскольку практически повторяло название КП РСФСР; многие из числа избранных руководителями новой партии входили в руководство КП РСФСР. Вольно или невольно, рекламу КПРФ создавали СМИ, особенно — телевидение.

Наиболее эффективно РКРП действовала лишь в период остро-го проявления социально-экономического кризиса и протестных настроений. РКРП не сумела закрепить за собой устойчивую членскую базу и, несмотря на достаточно широкую социальную основу, не смогла довести до нее свою программу действий и привлечь к себе сторонников. В результате появления на политической арене КПРФ, РКРП не сумела найти новые способы влияния на массы и взаимодействия с иными компартиями. Занятая руководством РКРП изоляционистская линия привела к значительному ослаблению позиций партии среди коммунистического движения. Тем не менее, РКРП осталась второй после КПРФ в коммунистическом спектре политической силой.

Подводя итоги рассмотрения коммунистических организаций в 1989-1993 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, необходимо сделать ряд выводов.

Периодизация истории коммунистических организаций в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в целом совпадает с таковой по стране. В рамках исследуемого времени (середина 1989 — февраль 1993 г.) мы выделили два этапа развития организаций коммунистической направленности. На первом этапе (середина 1989 — ноябрь 1991 г.) имело место углубление идеологического и организационного размежевания в КПСС, ставшего отражением подобных процессов в обществе. Одновременно проходило формирование многопартийной системы, возникновение новых коммунистических структур и их юридическое институирование, в том числе создание КП РСФСР, а также фактический запрет КПСС вместе с КП РСФСР и развал СССР. Итогом первого этапа стало качественное изменение условий существования и деятельности коммунистов как в регионе, так и в России.

На втором этапе (ноябрь 1991-февраль 1993 г.) был создан ряд новых коммунистических организаций — таких как ВКП(б)

и РКРП, которые в условиях системного кризиса сумели стать весьма многочисленными и активными. Данный факт обусловлен разочарованием значительной части населения в реформах, в результате проведения которых жизненный уровень большинства граждан катастрофически снизился. Именно в этот период началась борьба двух тенденций в среде коммунистических организаций — объединительной и «обособительной», которая продолжается до сих пор.

Кроме того, практически все местные коммунистические организации в 1989-1993 гг. являлись отделениями федеральных структур, не были самостоятельны в организационном плане, и вследствие этого причины их возникновения заключались не столько в региональных особенностях развития политического процесса, сколько в общеполитической ситуации в стране.

В рассматриваемый период в нашем регионе действовало достаточно большое число коммунистических организаций. Это (кроме региональных структур КПСС и КП РСФСР) Всесоюзное общество «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы», Объединенный фронт трудящихся Ленинграда и Ленинградской области, а также структуры, появившиеся после фактического запрещения КПСС: объединение «Коммунисты за права граждан», ВКП(б), РКРП, а после февраля 1993 г. — КПРФ.

Из перечисленных организаций только деятельность объединения «Коммунисты за права граждан» ограничивалась рамками Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Обилие в рассматриваемое время коммунистических организаций в нашем регионе, активный поиск в области идеологии и организационных форм обусловлены высоким интеллектуальным и творческим уровнем развития населения города и области, развитой политической культурой населения и стремлением многих жителей активно участвовать в решении социальных и политических проблем.

Противоречия и их разрешение, в конечном итоге, являются главными факторами прогресса. Таким образом, именно наличие организаций коммунистической направленности с различными взглядами и подходами к разрешению противоречий общественного развития стимулировало непрерывный поиск не только лучших организационных форм существования самих политических структур, но и оптимальных путей развития общества.

¹ См.: Постановление совместного пленума Ленинградских областного и городского комитетов КПСС «О платформе Ленинградской партийной организации в современных условиях» // Вестник Ленинградских обкома и горкома КПСС. 1990. №1. С. 2-13.

² См.: Демократическая платформа к XXVIII съезду КПСС // Смена. 1990. 2 февраля.

³ См.: Призрак демократического социализма // Смена. 1990. 26 февраля.

⁴ См.: Материалы Учредительного съезда Коммунистической партии РСФСР (19-23 июня, 4-6 сентября 1990 г.). М., 1990.

⁵ *Осадчий И. П.* К вопросу о создании Компартии РСФСР в 1990 году // КПСС: взлет и крушение. Компартия России: начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. М., 1999. С. 87.

⁶ Материалы Учредительного съезда Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, 8 ноября 1991 г. Л., 1991.

⁷ Программа Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (ВКПБ). Л., 1992.

⁸ *Коргунок Ю.Г.* Современная российская многопартийность. М., 1999. С. 166.

⁹ См.: *Горбунов А. В.* Альтернативы общественного развития в политике партий и движений России во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов XX века (по программным документам): Автореф. канд. дис. М., 1995. С. 15.

¹⁰ Устав Российской Коммунистической рабочей партии. Л., 1992.

Д. В. Глебов, А. Ю. Пряхин (Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ И ПОПЫТКА ИХ РЕШЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Молодежь — это действенный субъект истории, мощнейший фактор социальных перемен, проявляющийся в способности отбрасывать устаревшие стереотипы, видоизменять социальные условия, приводящие к застою и инерции, ювентизировать общество¹. От ее самочувствия и мировосприятия, в конечном итоге, зависит состояние общества и государственного строя. К слову, философ Сергей Булгаков, презрительно именуя революционное студенчество «педократией», признает его огромную роль в победе большевиков.

Основными проблемами современного студенчества, как и современной молодежи в целом, являются:

- 1) служба в рядах российской армии,
- 2) проблема занятости,
- 3) жилищная проблема,
- 4) получение образования.

Несмотря на то что в ряде аналитических докладов («В какой России хотела бы жить молодежь?» (1999), «Молодежь новой России: Какая она? Чем живет? К чему стремится?» (1998), «Положение молодежи в России» (2005)) отмечается политическая пассивность молодежи, а также ее слабая вовлеченность в общественную жизнь, фактические данные убеждают нас, что всё не совсем так. Мы имеем в виду протестные акции российского студенчества в январе 2005 г., являющиеся реакцией на принятие нашумевшего 122-го закона, т.е. на монетизацию льгот. Тогда студенческие волнения пусть и не дошли до Санкт-Петербурга и Москвы, но шумно

© Д. В. Глебов, А. Ю. Пряхин, 2006

прошлись по территории страны (в частности, Свердловской, Архангельской области). Таким образом, студенчество зарекомендовало себя как эффективная сила, способная постоять за свои права. Но январские бунты являются скорее исключением из правил, потому как проходили стихийно и не были организованы какими-либо правозащитными или оппозиционными организациями.

Какие существуют на сегодняшний день реальные политические силы, способные стать достойным оплотом для молодежной борьбы за свои права? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Мы разберемся, как существующие социально-политические организации справляются с правозащитной работой по основным, приведенным нами выше, молодежным проблемам. Мы отметим также, какие меры по их решению принимаются правительством и насколько они результативны.

1. Служба в рядах российской армии

В большинстве своем студенты не желают служить в Вооруженных Силах РФ. Согласно данным, полученным Левада-Центром (Аналитический центр Юрия Левады) в результате социологического опроса на тему состояния современной российской армии (2006), почти половина (49%) опрошенных воспринимают «дедовщину» как «болезнь» всей армейской системы, требующей скорейшей и кардинальной реформы в армии. 50% опрошенных считают, что «дедовщине» подвержено большинство воинских частей, и 46% винят в «дедовщине» «всю армейскую систему в целом».

Треть опрошенных (32%) полагают, что следует сохранить всеобщую воинскую обязанность, и 62% считают, что необходимо перейти к формированию армии на контрактных началах. Большинство (53%) при необходимости стали бы искать способ избежать службы в армии, и только 34% предпочли бы пойти служить. Причем главной причиной, по которой респонденты не хотят, чтобы их близкие попали в армию, выступает «дедовщина» (49%).

Нами выделяются следующие факторы, негативным образом влияющие на имидж Вооруженных Сил РФ:

- 1) «дедовщина»;
- 2) неудовлетворительные условия армейского быта;
- 3) низкий стандарт военного образования;
- 4) «призывное рабство» (т. е. бесплатный трудовой ресурс в лице солдат-срочников на службе у высшего командного состава);

5) слабая выраженность государственного патриотизма в молодежной среде.

Существующие либеральные организации («Яблоко», СПС и в определенной степени НБП, «Солдатские матери») пытаются решить эту проблему, выступая за альтернативную службу в армии. Но альтернативная служба ведет к еще большему социальному расслоению личного состава Вооруженных Сил. Плюс ко всему, при нынешней демографической ситуации она банально невыполнима, потому как уже сейчас в армии существует дефицит солдат-срочников.

Анархистские и близкие к ним социально-политические организации («Автономное действие», «Антифа», троцкисты и т.п.) оправдывают дезертирство и даже призывают к нему. До некоторой степени с ними солидарны уже упомянутые выше либеральные организации. Но такая позиция, в конечном счете, ведет к тому, что парод теряет способность защитить себя от внешнего агрессора.

Существующий режим активно продвигает идею контрактной армии, превращающей армию из всеобщей, «народной» в наемническую, работающую на власть за деньги под конкретные заказы. Н случае реальной угрозы обороне страны контрактная армия не способна обеспечить полноценной защиты.

Позиция «Революционного комсомола» заключается в необходимости существования всеобщей, «народной» армии, но при условии «с демократизации».

2. Проблема занятости

К сожалению, наша молодежь еще не готова к полноценной борьбе за свои права, в отличие от французских сверстников. Между тем положение молодого поколения в России гораздо более удручающее, нежели в любой стране Европейского Союза.

На сегодняшний день 61 млн россиян (42% населения, по данным Росстата) считают себя бедными людьми, из них четверть составляет молодежь. И это несмотря на то, что в аналитическом докладе ЮНЕСКО молодежь характеризуют как самую мобильную часть населения, обладающую высоким адаптивным потенциалом и (юльными возможностями устроиться на работу. По данным ФБК, молодежь является единственной группой населения, доля которой и числе бедняков (т.е. тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума) непрерывно увеличивается с 1992 г.²

Сегодняшние молодежные организации любого спектра, кроме коммунистического, предпочитают не замечать этой проблемы.

Между тем мы поддерживаем ростки молодежного сопротивления на трудовом фронте. «Революционный комсомол» не пропустил ни одной молодежной акции в данном направлении. Последней из них явилась протестная акция молодых рабочих на заводе «Форд» во Всеволожске, за короткий срок сформировавшей боевой и независимый профсоюз и потребовавшей посредством забастовки достойной заработной платы и приемлемых условий труда. Успех Всеволожских рабочих подвиг молодых трудящихся с других предприятий к организации профсоюзной деятельности. Таким образом, независимое профсоюзное движение крепнет и развивается, прежде всего, за счет энергии молодежи.

3. Жилищная проблема

Значительной для молодежи является также жилищная проблема. Из правозащитных организаций вряд ли можно выделить хотя бы одну, которая всерьез ею занимается. На сегодняшний день существуют государственные программы, призванные помочь молодежи в приобретении жилья (в частности, программа «Молодежи—доступное жилье», реализуемая Жилищным комитетом правительства С.-Петербурга), однако эффективность этих программ все еще под вопросом.

По мнению «Революционного комсомола», правительство могло бы использовать огромные средства, скопившиеся в стабилизационном фонде, на обеспечение доступным жильем нового поколения, но не желает делать этого, подрывая тем самым еще больше катастрофическую демографическую ситуацию в стране.

4. Получение образования

По данным Левада-Центра, в 2005 г. удовлетворены системой образования лишь 18% граждан РФ (причем в 2004 г. их число составляло 23%). Число неудовлетворенных равно 50%. Также необходимо обратить внимание и на то, что подавляющее большинство опрошенных (60%) считают, что их дети не смогут получить хорошего образования. Настораживает также тот факт, что, по мнению большинства, для поступления в вуз главным образом необходимы деньги (69%) и только 13% полагают, что для поступления в вуз необходимы знания.

В отличие от большинства так называемых оппозиционеров (либеральные и те же с ними организации), «Революционный комсомол» всегда выступал за бесплатное и достойное образование, пытаясь привлечь к этой проблеме внимание общественности и собственно студентов. Получение знаний, накопленных тысячелетиями, долж-

но быть доступным каждому молодому гражданину нашей страны. До принятия закона ФЗ №122 на образование выделялся гарантированный минимум из бюджета, который теперь отменили. Постепенно отменяются и студенческие проездные билеты. Количество бесплатных мест в вузах сократится в 2006 г. на 43 тыс. Вузы будут подвергнуты массовой приватизации. Такого не было ни в одной развитой стране мира. Это значит, что вуз превращается в частное коммерческое предприятие, где и студент, и преподаватель зависят от произвола «хозяина». Помощь государства стала необязательной. А это значит, что вуз может разориться, оставив студентов без дипломов. Бюджетное финансирование общежитий отменено.

Закончив обзор основных молодежных проблем, а также социально-политических организаций, которые так или иначе задействованы в их решении, мы пришли к выводу, что на сегодняшний день ключевой фигурой на поле правозащитной деятельности является «Революционный Коммунистический Союз Молодежи» (РКСМ(б)).

«Революционный комсомол» — одна из старейших молодежных коммунистических организаций современной России. Она была основана в 1996 г. и является наследником наиболее прогрессивной и коммунистической части ВЛКСМ (Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи).

В настоящее время «Революционный комсомол» переживает период роста, сплочения своих рядов, укрепления связей с трудовой и учащейся молодежью. С первых дней основания организации активисты РКСМ(б) участвовали в организации и ведении классовых боев против буржуазии. В 1998 г., во время так называемой «рельсовой войны», они активно участвовали в борьбе трудящихся против буржуазного режима Б.Ельцина. В дальнейшие годы комсомольцы участвовали в протестах против новых Трудового и Жилищного кодексов, против приватизации земель, против набирающей обороты реформы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), а в последние годы — против реформы образования, которая уничтожает последние социальные завоевания социализма в этой области. Активисты РКСМ(б) развертывали среди молодежи разъяснительную работу и прилагали усилия для организации студенческой молодежи на борьбу за свои права. В 2003 г. была проведена кампания по борьбе с усиливающимся религиозным мракобесием в учебных заведениях. В последние полтора года усилена работа по разъяснению студентам сущности буржуазной реформы образования; дела-

ются попытки создать независимые профсоюзы. РКСМ(б) активно включился в работу РКРП-РПК по организации борьбы против роста коммунальных тарифов, против реформы ЖКХ.

VI съезд РКСМ(б), состоявшийся в декабре 2004 г., в частности, постановил сделать акцент на агитации и пропаганде в собственных трудовых коллективах, организации борьбы трудящихся в этих коллективах за свои права.

Важной вехой на пути укрепления организации стало объединение Ленинградской организации РКСМ(б) и Ленинского комсомола Ленинграда (ЛКСМЛ) в ноябре 2005 г. Сейчас ячейки РКСМ(б) формируются во многих регионах страны, а также в некоторых других странах. Активная работа с молодежью, организация протестных действий, формирование вокруг организации широкого слоя сочувствующих, усиление влияния в левом движении делают РКСМ(б) одной из ведущих сил коммунистического молодежного движения России.

¹ См.: *Морозов И. Л. Политический экстремизм — леворадикальные течения* // <http://morozov.vlz.ru>

² См.: *Бедность в России: экономический анализ. М., 2005.*

К. Г. Рехвиашвили (Санкт-Петербург)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В 1992 г.: «ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ» И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

После событий августа 1991 г. в России произошел «контрреволюционный возврат» обобщественной более 70 лет назад собственности в частные руки. Это произошло в ходе всеобщей ваучеризации и приватизации, входившей в состав радикальной экономической реформы — «шоковой терапии».

Бездействие российского правительства в первое время после мнгустовских событий 1991 г. (примерно полтора месяца) негативно отразилось и на без того тяжелой социально-экономической ситуации. Неопределенность общей обстановки, неясность экономических перспектив, дискуссии о денежной реформе и повышении цен взвинтили инфляционные ожидания. Началось бегство от денег, товарный рынок разрушился, различные специальные формы и способы распределения продукции (талоны, распродажи, заказы но предприятиям и месту жительства и т.п.) не могли заменить нормальную торговлю. Росли масштабы спекуляции.

Необходимы были экстренные меры, способные остановить деструктивную стихию. Даже в это весьма напряженное время могли быть различные способы решения возникших проблем. Один из них заключался в том, чтобы обнародовать и обсудить программу действий, направленную на развертывание и стимулирование предпринимательской производственной деятельности с расширением сферы рыночных связей, определить этапы и механизмы взаимосвязанного изменения систем ценообразования и индексирования доходов, выделить приоритетные сферы изменения тенденций

(с) К. Г. Рехвиашвили, 2006

падения производства и поддерживать их ресурсами, с тем чтобы население могло ощутить изменения к лучшему хотя бы по определенным позициям.

Но руководством страны был выбран совершенно иной путь преодоления экономического развала. Таким путем стала считавшаяся ранее неприемлемой «шоковая терапия». Краеугольным камнем новой политики стала немедленная либерализация цен на большинство товаров с некоторыми ограничениями размеров торговых наценок, призванных не допускать резкого отрыва розничных цен от оптовых. Действие нового механизма ценообразования предусматривало жесткую финансовую политику: сокращение государственных ассигнований, снятие дотаций, ограничение кредитов, недопущение роста заработной платы и денежной эмиссии, введение налога на добавленную стоимость.

Взаимодействие роста цен в условиях дефицита с ужесточением финансовых условий должно было, по замыслу реформаторов, привести к падению спроса, наполнению рынка товарами, удорожанию рубля, стабилизации цен, их последующему снижению и достижению рыночного равновесия.

Примерно так выглядела общая схема хода и результатов «шокотерапии», причем на достижение экономического равновесия отводилось несколько месяцев. По ходу «шоковых» реформ в их схему, задачи, сроки получения позитивных результатов пришлось вносить существенные, порой кардинальные уточнения. Ход реформ стал уклоняться от предполагавшейся траектории очень быстро. Прежде всего, это связано с развитием событий, вызванных либерализацией цен.

Просчет стратегов «шоковых» реформ в данном случае очевиден. Он обусловлен несколькими группами факторов и обстоятельств. Прежде всего, либерализация цен происходила в условиях высокого уровня монополизации экономики. Соответственно, цены превратились не в свободные, а в монопольно высокие, а такие цены не могут быть базой обеспечения рыночного равновесия¹.

Модель «шокотерапии» Гайдара совпадала с моделью Дж. Сакса (сначала отпуск цен, введение свободной торговли, затем приватизация), в связи с чем оппоненты российской политики доказывали, что он механически заимствовал заокеанский образец.

Критики Гайдара утверждали, что очередность реформ должна быть иной: сначала приватизация и денационализация, без кото-

рых отпуск цен означает простое их повышение промышленными и сельскохозяйственными монополиями².

«Шоковая терапия» была объявлена единственно возможным, наиболее коротким, хотя и болезненным путем стабилизации экономики и становления рыночных отношений³. Однако, несмотря на заявления Гайдара и его единомышленников о безальтернативности выбранного пути реформ, звучали утверждения, доказывающие обратное.

Уже в 1994 г. в ходе интервью С. Глазьев высказал следующее мнение: «Что касается "коридора решений", то, с моей точки зрения, были альтернативы практически всем крупным мероприятиям экономических реформ. В конце 1991 г. их было больше, сегодня намного меньше. Но они есть и будут⁴.

В период между V и VI Съездами народных депутатов РФ (т. е. с сентября 1991 г. по апрель 1992 г.) и в последующие месяцы в России развернулась широкая дискуссия, направленная на поиск решений по корректировке экономической реформы. Шел активный поиск соответствующих альтернатив.

Уже на V и VI Съездах зазвучала критика избранного руководством курса экономических реформ. Так, на V Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г. С. Н. Бабурин провозгласил себя сторонником другого пути выхода из кризиса, в отличие от предложенного Б.Н. Ельциным пути либерализации цен: «Мы должны решить вопрос о сохранении госзаказа и постепенного его уменьшения в течение нескольких лет. Я против немедленной ликвидации госзаказа. Я за экономические реформы без административного насилия. Насилие недопустимо ни в политике, ни в экономике. Шоковая терапия, возможно, была бы оправдана, когда мы начинали реформу, но сегодня она будет означать конец и экономической, и политической демократии»⁵.

Выступая на VI Съезде народных депутатов РФ, В. А. Воронцов так охарактеризовал реформу и ее «делателей»: «Реформаторы, которые взялись за проведение реформы, хорошо усвоили некоторые медицинские термины, в частности "шоковая терапия". Сейчас им придется усвоить еще два термина — "реанимация и неотложная помощь", потому что 93% населения нуждаются в такой помощи. И тут требуется не смещение акцентов, тут потребуются очень серьезная корректировка курса правительства»⁶.

Звучала на Съезде и критика в адрес Б.Н.Ельцина. К). С. Сидоренко заявил: «Дорогие наши товарищи, когда Рыжков

и Павлов объявили только повышение цен на хлеб, Борис Николаевич очень верно сказал: "Вчерашнее предложение, в котором предусмотрены рост цен и переход к рынку, в основном, за счет народа, — это антинародная политика, и правительство, которое это делает, является антинародным".

Мы не можем, не имеем права переходить к рынку, не насытив его товарами, не обеспечив финансами наше нищенское здравоохранение; мы не имеем права переходить к рынку, не защитив социально наш народ; мы не имеем права переходить к рынку, разрушая государственные структуры, которые сегодня дают мало, но обеспечивают жизненный уровень каждого человека. Все, что сказано нашим президентом, и все, что было сделано правительством — это не только антинародная, но и антипрезидентская программа⁷.

Депутаты Съезда и специалисты в области экономики не ограничились лишь критикой курса экономических реформ, выдвигались соответствующие альтернативные проекты. Так, в январе 1992 г. в статье «Рынок рынку рознь» на страницах «Правды» авторы газеты, известные экономисты и хозяйственники П. Бунич, Т. Корягина, М. Бочаров, В. Томашкевич и др., изложили свою альтернативу экономической программе.

Ключевой механизм выхода из кризиса авторы проекта видели в создании условий для конвертируемости рубля. В чем принципиальное отличие этих предложений от уже известных? Во-первых, предлагался механизм конвертируемости с сохранением заработанных людьми денег, отоварить которые они не в состоянии отнюдь не по своей воле. Такой подход, по мнению авторов, значим не только с экономической, но в первую очередь, с нравственной точки зрения. При этом можно обойтись минимальными иностранными кредитами. Во-вторых, известный принцип введения паритета золотого рубля экономистами рассмотрен не изолированно, а как процесс массового отоваривания денег, так как в противном случае золото окажется скупленным в первые же часы начала финансовой реформы⁸.

О том, как укрепить рубль золотом повествовала также, например, статья кандидата экономических наук Д. Гогохия в журнале «Вопросы экономики»⁹. Статья «Правды» «А говорят, альтернативы нет» сообщала о работе международного семинара «Демократия и экономика: сравнительный анализ опыта Запада и Востока», в котором принимали участие ученые из 12 стран. В центре их вни-

мания две проблемы: программа экономических реформ в России и альтернативные ей варианты выхода из кризиса.

Выступавшие не призывали восстановить централизованную, плановую систему. Но они видели выход в создании (наряду с государственными и частными секторами, в дополнение к ним) самоуправляющихся структур, находящихся в акционерной коллективной собственности работников фабрик и заводов. Такого рода предприятия успешно действуют в странах с развитой рыночной экономикой. Эффективность их работы значительно выше, чем частных и государственных. По мнению советника комиссии Европейских обществ Ф. Хансена, организация самоуправления как одна из альтернативных моделей организации производства, безусловно, должна использоваться при проведении экономических реформ¹⁰.

Проблемам перехода к рыночной экономике был посвящен также доклад доктора экономических наук, руководителя научного направления ИЭ АН СССР В. Маевского в журнале «Вопросы экономики»; здесь же опубликована статья кандидата экономических наук, заведующего лабораторией ИСЭПН АН СССР Д. Рубвальтера «Переход к рыночной экономике и приватизация торговли». В «Российском экономическом журнале» — статья кандидата экономических наук И. Поляковой «Приватизация и иностранные инвестиции», где автор отмечает, что существенным вопросом приватизации является оптимизация ее сроков, так как поспешность в этом деле опасна, и более предпочтительна, как показывает мировой опыт, тактика взвешенных шагов¹⁰.

Здесь же в статье «Еще раз о либерализации цен и "шоковой терапии"» доктор экономических наук В. Пансков выступил за постепенный переход к рынку, без «шоковой терапии» и предложил иную программу экономического реформирования¹¹.

«Как вести дальнейшие преобразования» — публикация, представляющая собой концептуальный вариант корректировки и дальнейшего развертывания российской экономической реформы, разработанный группой сотрудников НИЭИ при Министерстве экономики и финансов РФ: В. И. Смирновым, А. Б. Виссарионовым, Д. В. Валюжениным, И. Ю. Гараниной, Д. Я. Комаровым. Концепция включала в себя предложения по изменению в сферах приватизации, предпринимательства, налоговой системы, ценообразования.

По мнению авторов, либерализация цен в условиях сохранения монопольных структур производства (и реализации) вынуждает ускорять начало широкой приватизации всей промышленности,

хотя рациональная приватизация возможна лишь как длительная, постепенная¹².

В «Российском экономическом журнале» также была опубликована концепция «бесшоковой реформы» — российско-американский проект экономической реформы в России под руководством народного депутата России В. Исправникова. Статья написана на основе книги «Реформы без шока», составленной экспертами ВЭС при Президиуме ВС РФ.

Суть концепции такова: движение к рынку не цель, а всего лишь средство. Средство обеспечить эффективный экономический рост, а на этой основе — повышение благосостояния основных групп населения. Предлагаемая стратегия проведения рыночной реформы состоит в параллельном повышении спроса на деньги и росте выпуска товаров, в сочетании антиинфляционных мер с мерами по стимулированию производства. Реализация этой стратегии предполагает проведение системы конкретных преобразований (реформ).

В области ценовой политики авторы книги выступают за «раскрепощение цен», но справедливо считают, что оно бессмысленно без осуществления структурных реформ, под которыми понимаются демонополизация, приватизация, формирование конкурентной среды¹³.

Итак, несмотря на заявления Гайдара, альтернативы экономическим реформам все-таки были. Описанные выше проекты демонстрируют общность альтернативных идей экономистов-исследователей. Основные предложения сводились к тому, что реформа должна проводиться умеренными темпами (в противовес заявлениям Чубайса об ударных темпах приватизации, например); к необходимости проведения финансовой реформы — укреплению рубля и созданию условий для его конвертируемости; к проведению сначала демонополизации и приватизации, а затем уже введению свободного ценообразования.

Таким образом, критика «шоковой терапии» сводилась к предложениям о проведении «бесшоковой» реформы, однако альтернативы не были увидены или их не захотели увидеть.

¹ См.: *Очерки экономических реформ* / Под ред. Ю.Ф. Воробьева и др. М., 1993. С. 247.

² См.: *Созрин В. В. Политическая история России. 1985-1994*. М., 1994. С. 117.

³ См.: *Очерки экономических реформ*. С. 252.

⁴ Глазьев С. *Экономика и политика: эпизоды борьбы*. М., 1994. С. 80.

⁵ Бабурин С.Н. *Российский путь: Утраты и обретения*. М., 1997. С. 58.

⁶ Цит. по: Шестой Съезд народных депутатов РФ, 6-13 апреля 1992: *Стеногр. отчет*. М., 1992. Т. 1. С. 156.

⁷ Там же. С. 180-181.

⁸ *Правда*. 1992. 10 января.

⁹ *Вопросы экономики*. 1992. № 3. С. 149-150.

¹⁰ *Правда*. 1992. 11 января.

¹¹ *Российский экономический журнал*. 1992. № 5. С. 27-30.

¹² Там же. № 3. С. 53-55.

¹³ Там же. С. 24-30.

¹⁴ Там же. № 5. С. 127-130.

Л. М. Изотова (Санкт-Петербург)

**ПРОЕКТЫ КОНСТИТУЦИИ РФ,
ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ
ПАРТИЯМИ И ОБЪЕДИНЕНИЯМИ
В 1990-1993 гг.**

В середине 80-х годов XX в. Россия вступила в период реформ, которые коснулись всех сфер жизни общества. Изменились многие принципы жизни общества, появились новые идеологические основы функционирования, устройства, развития государства. Кардинально изменился государственно-правовой статус Российской Федерации. РСФСР, входившая в состав СССР с 1922 г., 12 июня 1990 г. приняла Декларацию о государственном суверенитете, провозгласив себя суверенным и независимым государством, полноправным субъектом международного права. Тем не менее, в стране действовала Конституция, принятая в 1978 г. Верховным Советом РСФСР, в соответствии с господствующей тогда концепцией тоталитарного государства. Начавшийся процесс перестройки, демократизации всех сторон жизни общества в РСФСР был ознаменован законами «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» и «О выборах народных депутатов в РСФСР», принятыми в 1989 г. Съезду народных депутатов поручалось внесение в Конституцию РСФСР изменений и дополнений. Также дальнейшее реформирование Конституции России (официально с апреля 1992 г. государство получило новое название: «Российская Федерация—Россия») осуществлял Съезд народных депутатов. В основном, процесс ее реформирования пошел по пути внесения многочисленных поправок в действующую Конституцию. Но было ясно — необходимо принятие новой Конституции России.

© Л. М. Изотова, 2006

Почти все время, в течение которого происходили конституционные реформы, шла разработка новой Конституции РФ. I Съезд народных депутатов РСФСР Постановлением от 16 июня 1990 г. образовал Конституционную комиссию, которая и занялась созданием текста новой Конституции РФ. Одновременно Конституционная комиссия участвовала в подготовке законов об изменениях и дополнениях действующей Конституции.

Различные общественные движения, отдельные группы специалистов, партии разработали и опубликовали свои проекты новой Конституции России. Причем общественно-политическое развитие России было настолько стремительным, что политические партии и движения, начав с одной концепции, затем вносили в них существенные коррективы. Все эти проекты Конституции РФ, предложенные за период с 1990 по 1993 г., носят название альтернативных проектов.

Проект Конституции Российской Федерации (проект Российского Движения демократических реформ).

Был подготовлен в 1992 г. по решению Политсовета Российского Движения демократических реформ, в руководстве которого активную роль играли мэр Москвы Г.Х.Попов и мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак. Последний обозначен в тексте проекта как ответственный за его подготовку. Авторская разработка проекта — О.С. Алексеев (член-корреспондент РАН, бывший народный депутат СССР, известный ученый-юрист) и А. А. Собчак, при участии Ю. Х. Калмыкова и С. А. Хохлова.

По этому проекту, высшим представительным органом РФ, осуществляющим законодательные, а также контрольные функции, является парламент — Федеральное Законодательное собрание. Оно состоит из двух палат — Государственной Думы и сената. Проект предусматривает избрание депутатов обеих палат прямыми выборами на 5 лет. В состав Государственной Думы входят 200 депутатов, избранных по территориальным округам. Сенаторы избираются по округам, образованным в республиках и губерниях, — от каждого субъекта по 2 сенатора. От республик и губерний, в состав которых входят автономные национальные сообщества, дополнительно избирается один сенатор. Бывший Президент РФ пожизненно является сенатором, если сам не откажется от этого.

Федеральное Законодательное собрание — постоянно действующий орган, который рассматривает входящие в его круг вопросы на

раздельных заседаниях Государственной думы и сената, а в случаях, предусмотренных Конституцией и регламентом, — на совместных заседаниях.

Для законодательного процесса данный проект фактически закрепляет принцип нижней и верхней палат, причем усложненный. Законопроект в первом чтении рассматривает Государственная Дума и после одобрения ею — сенат. После одобрения сенатом законопроект вновь передается в Государственную думу для подготовки ко второму чтению. После одобрения Государственной думой во втором чтении законопроект поступает в сенат. По одобрению сенатом закон считается принятым (ст. 54)*.

Принятый закон в двухнедельный срок подписывает и обнародует Президент РФ. В течение этого срока он вправе возвратит закон в Федеральное Законодательное собрание для повторного рассмотрения. Если и тогда закон получает две трети голосов от общего числа депутатов, Президент обязан подписать и обнародовать закон (ст. 44)².

На совместных заседаниях палат Федеральное Законодательное собрание принимает федеральный бюджет, ратифицирует и денонсирует международные договоры, решает вопросы войны и мира, устанавливает чрезвычайное положение или утверждает акт Президента по этому вопросу, вводит военное положение или выносит постановление в связи с его введением Президентом, решает вопрос о возможности использования Вооруженных Сил за пределами территории РФ, учреждает государственные награды и почетные звания, издает акты об амнистии.

Государственная дума выдвигает обвинения против Президента РФ (других ее самостоятельных полномочий проект не предусматривает). Сенат назначает по представлению Президента РФ Председателя Совета Министров РФ (премьер-министра), по его представлению утверждает структуру правительства и назначает министров; рассматривает вопрос об отставке и принимает отставку правительства; назначает по представлению Президента судей Верховного Суда РФ, представителей палат Верховного Суда, прокурора при Верховном Суде; по представлению состава Верховного Суда — его председателя; назначает народных защитников по правам человека; решает вопрос об отстранении Президента РФ от должности (ст. 55)³. Можно сделать вывод о более сильных полномочиях у сената по сравнению с Государственной думой.

Проект Конституции Российской Федерации (проект депутатов-коммунистов).

За период с 1990 по 1993 г. депутатами-коммунистами было предложено три проекта новой Конституции. Первый проект появился в газете «Советская Россия» от 24 ноября 1990 г. и был обозначен как подготовленный инициативной группой народных депутатов РСФСР «Коммунисты России». Второй проект имел хождение внутри Верховного Совета РСФСР, был внесен в апреле 1992 г. народным депутатом Ю. М. Слободкиным и считается проектом РКРП. По мнению С.А. Авакьяна, проект не нашел поддержки у депутатов — членов КПРФ, поскольку предлагал неудачную конструкцию власти, был прямолинейно направлен на реставрацию прежнего строя и не учитывал новые реальности России⁴. Третий проект опубликован в газете «Правда» за 5 июня 1993 г. как подготовленный депутатской фракцией «Коммунисты России» Верховного Совета РФ и в уточненном варианте — в «Российской газете» за 24 июня 1993 г., где обозначен как внесенный группой народных депутатов РФ, но замечания и предложения авторский коллектив просил присылать на адрес фракции «Коммунисты России». Этот последний вариант проекта считается вариантом КПРФ⁵.

На содержании проектов отразилась эволюция не только общества и государства, но и самих коммунистов. Если сначала проекты исходили из непризнания намечавшихся в России перемен, то последний вариант учитывает многие реформы, хотя и остается проектом Конституции советского социалистического государства⁶. В данном случае рассматривается последний вариант проекта Конституции.

Закрепляя структуру государственной власти в РФ, этот проект содержит сначала небольшую главу о народных депутатах, далее дает характеристику Верховному Совету РФ как высшему представительному органу государственной власти и единственному законодательному органу РФ, избираемому на 5 лет. Совет состоит из двух равноправных, одинаковых по численности палат — Совета Республики и Федерального Совета. В Совет Республики депутаты избираются от территориальных избирательных округов. Половина депутатов Федерального Совета избираются от национально-территориальных округов в республиках и автономных образованиях по нормам: по 5 депутатов от каждой республики, по 3 депутата от автономной области и каждого автономного округа. Другая

половина депутатов избирается от территориальных округов, которые образуются в краях и областях, городах Москве и Санкт-Петербурге, по нормам представительства, устанавливаемым законодательством РФ.

Верховный Совет — весьма влиятельный орган власти, по данному проекту. Он, в частности определяет внутреннюю и внешнюю политику РФ, назначает Правительство РФ, решает вопросы войны и мира, избирает судей трех высших федеральных судов (Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного), уполномоченного Верховного Совета по правам человека, дает толкование Конституции и законов РФ, вводит чрезвычайное и военное положение и др.

Проект коммунистов отказался от поста Президента РФ. Ряд функций, характерных для этого лица, он отдает Президиуму Верховного Совета РФ, назначая его «подчиненным Верховному Совету РФ органом, выполняющим функции коллективного главы государства» (ст. 86)⁷.

Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти РФ назван Совет Министров РФ. Председатель Совета Министров назначается Верховным Советом по предложению Президиума Верховного Совета из числа кандидатов, выдвинутых депутатскими группами и фракциями. Состав Совета Министров назначается Верховным Советом по предложению Председателя Совета Министров после одобрения правительственной программы.

Проект Конституции Российской Федерации (проект рабочей группы под руководством С. М. Шахрая).

Этот проект появился в 1992 г. как инициативный документ авторов. На то время все они были работниками Государственного управления Президента РФ. Это такие имена, как Е. Б. Абросимова, Н. П. Азарова, И. А. Бунин, А. В. Маслов, Г. В. Минх, Р. Г. Орехов, А. Я. Слива, О. А. Тарасов, О. М. Шахрай (вице-премьер). По инициативе С. Шахрая была сформирована группа для подготовки данного проекта.

По мнению С. А. Авакьяна, трудно себе представить, чтобы чиновники Администрации Президента исключительно по своей воле подготовили и опубликовали проект, который «вдруг» разошелся бы с позицией самого Президента. Скорее речь можно вести об обратном: этот проект был подготовлен с негласного ведома Президента как пробный камень в проверке реакции общества на возмож-

ное конституционное закрепление позиций «сильного» Президента РФ. А то что отражение подобной роли Президента стало одной из главных задач данного проекта, — очевидно⁸.

По проекту, законодательную власть в РФ осуществляет парламент РФ. Он состоит из Федерального Собрания и Народного Собрания. Федеральное Собрание — верхняя палата — формируется субъектами РФ, каждый имеет свою делегацию, состоящую не более чем из 2 человек, обладающих при голосовании одним решающим голосом. Срок полномочий делегатов Федерального Собрания — 3 года. Народное Собрание — нижняя палата — состоит из 400 депутатов, избираемых путем всеобщего избирательного права на 4 года, причем каждые 2 года состав палаты обновляется наполовину. В проекте обозначены полномочия отдельно каждой палаты по полномочиям, осуществляемые ими совместно. Из важнейших полномочий верхней палаты отметим: назначение федерального референдума; утверждение образования новых субъектов РФ, а также изменение их конституционно-правового статуса; вопросы войны и мира; дача заключения Президенту о кандидатурах на должность государственного секретаря и государственных министров; их отстранение от должности в установленном Конституцией порядке; дача согласия Президенту на назначение высшего командования Вооруженных Сил. Нижняя палата осуществляет законодательное регулирование по вопросам, отнесенным к федеральной компетенции; устанавливает федеральные налоги и сборы; утверждает производимые Президентом назначения председателя Банка России, председателя Федеральной статистической палаты; утверждает по представлению Президента назначение федеральных судей. Совместно палаты принимают федеральный бюджет; ратифицируют международные договоры РФ; вносят в Верховный Суд РФ представление о лишении мандата делегатов Федерального Собрания и депутатов Народного Собрания, об отстранении от должности Президента РФ и вице-президента РФ; избирают парламентского уполномоченного по правам человека. Законодательный процесс таков: закон сначала принимается в Народном Собрании, направляется в Федеральное Собрание; если он там отвергнут, нижняя палата преодолевает «вето» верхней палаты двумя третями голосов. Принятый парламентом закон направляется Президенту, который также имеет право «вето». Однако по проекту это «вето» преодолевается только одной нижней палатой двумя третями голосов, а принятый закон подписывается председателем Народного Собрания и всту-

пает в силу в установленном порядке. Можно сделать вывод, что в проекте рабочей группы СМ. Шахрая предусматривался не такой уж слабый парламент Российской Федерации.

По проекту, исполнительную власть в РФ возглавляет Президент РФ.

В проекте отведена важная роль Верховному Суду не только в делах правосудия и надзора за судебной деятельностью судов страны. Этому Суду принадлежит исключительное право лишения депутатского или делегатского мандатов парламента, отстранения от должности президента и вице-президента, иных высших федеральных должностных лиц системы исполнительной власти, а также федеральных судей. Верховному Суду также принадлежит исключительное право роспуска Народного Собрания — если вследствие отсутствия кворума на заседаниях в течение не менее чем половины срока сессии Народное Собрание не может осуществлять свои функции либо приняло решение об изменении конституционных основ (ст. 91)⁹.

Этот альтернативный проект Конституции получил название «президентского». В соответствии с ним Президент назначает министров не с «согласия» Верховного Совета, а «с учетом заключения» Федерального Собрания. Этот проект также не предусматривает должности председателя правительства.

В период конституционного реформирования в нашей стране шли сложные процессы, которые отражались на всем, и в том числе и на проектах Конституции, как альтернативных, так и официальном. В том, что были альтернативы в развитии, — сомневаться не приходится, а вот были ли реальные шансы у альтернативных проектов Конституции быть принятыми за Основной закон нашего государства? По мнению автора — если и имелся шанс, то он был весьма невелик. Хотя надо отметить, что они оказывали влияние на разработчиков официального проекта, поскольку отражали позиции влиятельных политических движений и сил.

¹ Конституция Российской Федерации: Проект РДДР. Альтернативный вариант. М., 1992. Ст. 54.

² Там же. Ст. 44.

³ Там же. Ст. 55.

⁴ См.: Авакьян С. А. Конституция России: Природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 140.

⁵ Российская газета. 1993. 5 июня.

⁶ См.: Авакьян С. А. Указ. соч. С. 140.

⁷ См.: Российская газета. 1993. 5 июня. Ст. 86.

⁸ Авакьян С. А. Указ. соч. С. 132.

⁹ Конституция Российской Федерации (Проект). Вариант «О». М. 1992. Ст. 91.

Д. М. Расторопов (Санкт-Петербург)

**ВОПРОС СЕКТАНТСТВА
В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ 1990-2000 гг.
ЗАКОН «О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЯХ»**

Проблема отношений государства и религиозных объединений особо остро стояла в России в последнее десятилетие XX в. В середине 1990-х гг. необходимость нового закона как реакции власти на ситуацию в стране в этой сфере была очевидна. Хотя дискуссия о тотальном засилье «сект» в России в вышеозначенный период, скорее всего, является преувеличением, тенденции, явно наметившиеся в 1990-е гг., позволяют говорить о существовании угрозы проникновения различных «нетрадиционных религиозных организаций»¹ в такие области, как здравоохранение и образование. Это, в свою очередь, влечет за собой вопрос о законах, которые позволяют, а точнее не препятствуют, проповедованию и агитации в сферах общества, традиционно закрытых от подобного рода вмешательств.

Любая деятельность, даже относящаяся к столь тонкой сфере человеческого бытия, как духовность и религия, в том числе вопросы о деятельности религиозных объединений и вероисповедании, доступна для законотворчества и должна быть законодательно оформлена. Существуют различные варианты решения подобных проблем — от закрепления одной официальной религии до подчеркнутого равенства всех конфессий. Учитывая, что на сегодняшний день подавляющее большинство государств светские, то религия и любые религиозные организации отделены от государства.

Диалог между государством и религиозными объединениями существовал всегда и является неотъемлемой частью внутренней, а зачастую, как показала практика внешнеполитических отношений

© Д. М. Расторопов, 2006

России, и внешней политики государства по отношению к религии и религиозным объединениям. Вопрос «свободы совести» в российском парламенте является индикатором положения вещей и в государстве, и в обществе в целом, отражением социальных процессов, имеющих место в рассматриваемый период.

В 1990 г. впервые в новейшей истории России был принят закон, регулирующий отношения в сфере вероисповедания. Закон «О свободе совести и религиозных организациях»², принятый Верховным Советом СССР 1 октября 1990 г., стал той законодательной базой, на которой с этого момента строились отношения государства и религиозных объединений. При его написании был использован опыт других государств по регулированию подобных отношений, а также международные правовые акты. В законе был использован термин «свобода совести». Статьи 7 и 8 предусматривали возможность организации религиозного общества и религиозной организации. Религиозное общество могло действовать на добровольных началах, уведомление государственных органов не было обязательным. Для получения правоспособности юридического лица религиозным обществом образовавшие его граждане, достигшие 18-летнего возраста, в количестве не менее 10 человек должны были подать заявление с приложением устава в Исполнительный комитет районного (городского) Совета народных депутатов. Одним из основных достижений этого закона являлось предоставление прав юридического лица религиозным организациям.

Практически одновременно Верховным Советом РСФСР был принят закон «О свободе вероисповеданий»³. Этот закон в целом повторял закон «О свободе совести и религиозных организациях», но использовал несколько иную терминологию. Однако после прекращения существования СССР именно он являлся законодательным актом, регулирующим отношения в области свободы совести и реализации этого права.

Одним из важнейших событий этого периода является принятие Конституции Российской Федерации⁴ 12 декабря 1993 г. В ней вопросам религии было уделено большое внимание. Согласно ст. 14, Российская Федерация провозглашалась светским государством, и никакая религия не могла устанавливаться в качестве государственной или обязательной, религиозные объединения же были отделены от государства и равны перед законом. Разграничение сфер деятельности государства и религиозных объединений было положено в основу политики государства по вопросу вероисповедания.

Естественно, на тот момент возникла задача законодательного оформления норм регулирования отношений государства и религиозных объединений, причем с условием соответствия их нормам международного права, декларациям и конвенциям, поскольку слабость закона «О свободе вероисповеданий» была неоспорима.

В апреле 1995 г. было принято решение о разработке Федеральной целевой программы по усилению борьбы с преступностью на 1996-1997 гг. В 1996 г. Программа была принята. Пункт №2.6.4. этой Программы гласил: «Обобщить материалы о влиянии социальных и медицинских последствий деятельности в России иностранных религиозных организаций. Подготовить предложения о порядке осуществления деятельности таких организаций на территории России, а также о мерах ответственности ее руководителей и членов за разжигание межконфессиональной розни, подстрекательство к гражданскому неповиновению групп населения, попавших под их влияние, разработать проект федерального закона "О свободе совести и религиозных организациях"».⁵

В конце 1996 г. было принято обращение Государственной Думы «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России». В нем обобщались материалы о действиях различных религиозных объединений на территории России, в том числе обращалось внимание на уголовное преследование некоторых организаций.

Уже в конце июня 1997 г. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁶ был принят Государственной Думой в трех чтениях и направлен для рассмотрения в Совет Федерации. Совет Федерации одобрил закон, но тот был отклонен Президентом и подвергся доработке, после чего был принят Государственной Думой в редакции Президента и одобрен Советом Федерации, а 26 сентября подписан Президентом и вступил в силу.

Говоря об отклонении закона Президентом, нужно заметить, что вето было наложено скорее по причинам внешнеполитическим, чем внутривнутриполитическим. Сразу же после принятия парламентом закона последовала неоднозначная реакция США и Ватикана. Претензии, выдвинутые Ватиканом, заключались в сожалении о дискриминации католиков в России и обеспокоенностью в связи с принятием закона; католическая церковь, по мнению Ватикана, должна иметь те же права, что и четыре другие конфессии, которые призна-

ны в соответствии с новым законом традиционными: православие, буддизм, ислам и иудаизм.

Сенат США принял поправку к законопроекту об иностранной помощи, согласно которой США прекратят оказывать помощь России, если Президент РФ подпишет закон о свободе совести.

Созданная специальная Согласительная комиссия из представителей Администрации Президента, Государственной Думы и Совета Федерации занялась доработкой закона, консультируясь с представителями основных религиозных конфессий. Предложения Президента были обсуждены с представителями религиозных объединений и депутатами Государственной Думы. На заседании Совета по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте РФ в начале сентября 1997 г. эти предложения получили одобрение со стороны представителей различных конфессий, депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, принимавших участие в заседании Совета. Изменения касались отражения в преамбуле закона о роли и месте традиционных конфессий, равноправии граждан при удовлетворении религиозных потребностей, равенстве религиозных объединений перед законом, правового статуса религиозных объединений, были устранены неточности формулировок отдельных положений Федерального закона, а также его внутренних противоречий.

Положение, в котором говорилось об «уважении православия как неотъемлемой части общероссийского исторического, духовного и культурного наследия, равно как и многомиллионного ислама, а также буддизма, иудаизма и других традиционно существующих в Российской Федерации религий»⁷, вызвало много споров и после правки обрело иную форму: «... признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»⁸. Католическая церковь, всё же, как отдельный институт добавлена не была.

В декабре 1997 г. было принято Постановление Государственной Думы об обращении «К Председателю Правительства Российской Федерации В. С. Черномырдину», в котором говорилось о создании единого федерального экспертного религиоведческого органа и его полномочиях, а также о том, что регистрация представительств иностранных религиозных организаций носит в соответствии с законом «О свободе совести» разрешительный характер. Это означа-

ет, что государство вправе отказать иностранной религиозной организации в легализации ее деятельности в России, по аналогии с дипломатическими и консульскими службами, без объяснения мотивов отказа.

Трения и недовольство законом вылились в ряд судебных разбирательств в Конституционном Суде, инициаторами которых выступали религиозные организации. Камнем преткновения стали 3-й и 4-й абзацы п. 3 ст. 27 Федерального закона, говорящие о том, что религиозные организации, не имеющие документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет, пользуются правами юридического лица при условии их ежегодной перерегистрации до наступления указанного пятнадцатилетнего срока.

В данный период указанные религиозные организации не могут создавать образовательных учреждений, проводить обучение в общеобразовательных школах, иметь при себе представительство иностранной религиозной организации, приглашать иностранных граждан в целях занятия религиозной деятельностью, проводить религиозные обряды в больницах, детских домах, домах для престарелых и инвалидов, в тюрьмах, производить, приобретать, распространять религиозную литературу, предметы религиозного назначения, учреждать средства массовой информации. Их члены не могут пользоваться правом на отсрочку от призыва на военную службу и правом на альтернативную гражданскую службу.

Таким образом, возможности вновь создаваемых объединений были существенно ограничены, их социальная деятельность сводилась к минимуму, Положение о необходимости документа о регистрации в пятнадцатилетний срок (а это значит, организация должна быть зарегистрирована не позднее 1982 г.) привело к серьезным ограничениям в деятельности религиозных объединений, так как в подобном случае им присваивался статус религиозной группы.

В конце 1999 г. вышло Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности 3-го и 4-го абзацев п. 3 ст. 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами религиозного общества «Свидетелей Иеговы» в г. Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления»⁹. В нем говорилось, что положения, содержащиеся в 3-м и 4-м абзацах п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести», не противоречат Конституции РФ.

Безусловно, Постановление Конституционного суда не поставило точку в дискуссии государства и религиозных объединений, но продемонстрировало однозначную позицию власти.

В рассматриваемый период впервые в русской истории проблема свободы совести достигла такого масштаба и уровня обсуждения. Происходит закрепление положения России как светского государства и отделение религиозных объединений от государства. Религиозным объединениям были возвращены права юридического лица.

Принятие закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. стало переломным моментом в истории вопроса. При всем несовершенстве нового закона это очень важный шаг, поскольку с момента его принятия появилась база, на которой можно строить отношения и вести диалог. Полемика вокруг этого законодательного акта вполне понятна, в силу того что свобода совести является одной из основополагающих свобод демократического общества, к тому же были задеты интересы ряда влиятельных организаций.

Закон разделил все существующие религиозные объединения на традиционные и нетрадиционные без законодательного закрепления особого статуса, но, учитывая специфику ситуации в России, это ярко проиллюстрировало позицию власти относительно религии. Прослеживается приоритет развития отношений с рядом конфессий, называемых традиционными, при декларации равенства всех организаций перед законом.

¹ В области терминологии в этот период не существовало единого стандарта или положения о классификации (типологии), поэтому в рамках этой работы будет использовано искусственное деление на традиционные (христианство, ислам, буддизм, иудаизм) и нетрадиционные религиозные объединения без любых оценочных характеристик (тоталитарность, деструктивность).

² Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. № 1689-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

³ Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. // Там же. № 21. ст. 240.

⁴ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

⁵ Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996-1997 гг. // Там же. 1996. 25 июля.

⁶ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. // Там же. 1997. 1 октября. № 190.

⁷ Там же. № 179.

⁸ Там же. № 190.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого п. 3 ст. 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская газета. 1999. 16 декабря. № 249.

М. В. Кузнецов (Санкт-Петербург)

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI в.:
ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ**

Изменение расстановки сил на политической арене конца XX в.

В начале нынешнего столетия государственно-политическая система нашей страны претерпела существенные изменения. Одной из главных предпосылок к этому были перемены во власти. К концу 1990-х гг. положение правящего режима было весьма непрочным. В значительной части регионов России (так называемом «красном поясе») у власти находилась левая оппозиция, имевшая влияние и в Совете Федерации. В Государственной думе второго созыва, избранной в 1995 г., 177 мест из 450 получили КПРФ и Аграрная партия¹. При этом своей сильной «партии власти» Кремль не имел. Решить эту проблему постоянно не получалось. Еще в 1993 г. в качестве такой партии была выдвинута партия Егора Гайдара «Выбор России», получившая только 15,51% голосов избирателей и занявшая 64 места². На думских выборах 1995 г. мы видим уже новую прокремлевскую партию «Наш дом — Россия», которой удалось набрать всего 10,13% голос и сформировать фракцию из 55 депутатов³. Ко всему сказанному добавим потерю популярности действовавшего Президента Бориса Ельцина и постоянные смены правительств.

Таким образом, перед правящим режимом в конце 1990-х гг. стояли три основные задачи. Во-первых, не допустить укрепления оппозиции в российском парламенте. Во-вторых, создать сильную партию власти. И, в-третьих, обеспечить переход власти от Ельцина к его преемнику Путину, занимавшему пост председателя правительства. Все эти три задачи были с блеском выполнены. Что каса-

ется оппозиции, то здесь основную угрозу для власти представляла уже не Коммунистическая партия Российской Федерации, а блок «Отечество — вся Россия», во главе которого стояли весьма популярные тогда политики Лужков и Примаков. В результате успешной информационной войны на выборах 19 декабря 1999 г. этому блоку удалось собрать только 13,33% голосов и получить 66 мандатов. Другая оппозиционная партия, КПРФ, повысила свой рейтинг по сравнению с 1995 г. (соответственно 22,3% и 24,29%). Однако в связи с тем, что в новую Думу прошли уже не четыре фракции, как в 1995 г., а шесть, общее количество депутатов-коммунистов и аграриев сократилось с 177 до 130. Не менее блестяще была решена и задача создания «партии власти». В качестве таковой был выдвинут блок «Единство (Медведь)», который за 2 месяца (15 октября зарегистрирован) стал вторым по популярности. На выборах он получил 23,32% голосов и сформировал фракцию из 83 человек. Одновременно в Думе были созданы прокремлевские депутатские группы «Народный депутат» — 62 человека и «Регионы России» — 44 человека⁴. Позднее началось сближение «Единства» и первоначально оппозиционного блока «Отечество — вся Россия», которое закончилось их объединением и созданием 1 декабря 2001 г. партии «Единая Россия».⁵ Так произошло слияние власти и лужковской оппозиции. А Кремль впервые в истории новой России получил большинство (234 депутата) в Государственной думе. Наконец, решена была и задача передачи президентской власти. 31 декабря 1999 г. с 12:00 Борис Ельцин прекратил исполнение полномочий Президента и назначил исполняющим обязанности Владимира Путина⁶, который 26 марта 2000 г. уже в первом туре одержал победу, набрав 52,94% голосов⁷. Так произошло существенное укрепление правящего режима. Теперь власть могла приступить к реформам государственно-политической системы. Рассмотрим произошедшие изменения.

Реформы государственного и политического строя. Исполнительная власть

Согласно ст. 110 Конституции РФ⁸ и ст. 1 Федерального Конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»⁹, исполнительную власть в России осуществляет Правительство. Определение и изменение его структуры относятся к прерогативе Президента. К началу правления В. Путина продолжал действовать Указ Президента Б. Ельцина «О структуре федеральных органов исполнительной власти» 1999 г., предусматривавший громоздкую схему

правительственных органов. В этом Указе мы видим 8 видов федеральных органов исполнительной власти. Из них 25 министерств, 10 государственных комитетов, 3 федеральные комиссии, 14 федеральных служб, 9 российских агентств, 2 федеральных надзора¹⁰. Всего 67 органов. Уже в мае 2000 г. В. Путин своим Указом ликвидировал 13 таких органов¹¹. Основные преобразования в этой сфере были сделаны Указом от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». Указ предусматривал только 3 вида федеральных органов исполнительной власти: министерства, агентства и службы. Количество министерств было сокращено до 14. При этом часть агентств и служб стали подведомственны определенным министерствам (Федеральная миграционная служба подведомственна Министерству внутренних дел), что облегчало контроль и управление. Подконтрольные власти СМИ пытались представить это как борьбу с бюрократизацией. Однако, уменьшив количество министерств, Путин увеличил количество служб и агентств. Всего же, по Указу 2004 г., насчитывалось 76 органов¹², что даже больше, чем во времена Ельцина. Таким образом, административная реформа Путина заключалась, в основном:

а) в слиянии министерств (так, Министерство труда и социального развития и Министерство здравоохранения были объединены в Министерство здравоохранения и социального развития);

б) в переименовании ведомств (так, Федеральный надзор по ядерной и радиационной безопасности был переименован в Федеральную службу по атомному надзору);

в) в создании новых органов (например, Федеральное агентство водных ресурсов).

Законодательная власть

Согласно ст. 94 Конституции РФ, законодательную власть в России осуществляет Федеральное Собрание, состоящее из Совета Федерации и Государственной думы. В начале XXI в. порядок их формирования был кардинально изменен. В 1990-е гг. в Совет Федерации входили по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: глава законодательного (представительного) и глава исполнительного органов государственной власти, по должности¹³. 7 августа 2000 г. был принят новый закон, согласно которому каждый субъект Российской Федерации также направляет в Совет Федерации двух представителей. Один из них избирается законодательным (представительным) органом, а другой назначается

высшим должностным лицом субъекта¹⁴. То есть с этого момента членом Совета Федерации стало не избранное населением высшее должностное лицо (губернатор или президент республики) и не глава законодательного органа региона, а их назначенцы. 11 декабря 2004 г. был проведен второй этап реформы Совета Федерации. В законодательство были внесены изменения, согласно которым высшие должностные лица регионов стали назначаться Президентом¹⁵. Таким образом, Президент России назначает губернаторов и президентов республик, а те назначают половину членов Совета Федерации. То есть верхняя палата российского парламента наполовину будет формироваться Кремлем. В нынешних условиях Совет Федерации превращен в подобие палаты лордов или дореволюционный Государственный совет, призванный уменьшить значение Думы.

Однако и порядок избрания Государственной думы был реформирован. Если раньше 225 депутатов избирались по федеральному округу (вся территория России) пропорционально числу голосов, которые получила их партия, а другие 225 депутатов избирались по одномандатным округам¹⁶, то теперь все депутаты будут избираться по партийным спискам, что существенно ослабит роль регионов в формировании российского парламента. При этом участвовать в распределении мест будут только партии, набравшие более 7% голосов избирателей, а не более 5%, как было раньше¹⁷. Тем самым выгоду получают наиболее крупные партии, и прежде всего партия власти «Единая Россия».

Судебная власть

Судебной системе России еще предстоит реформирование. Скорее всего, реформы будут направлены на дальнейшее ужесточение контроля Президента над судами. Это при том, что судьи и так назначаются Президентом или по его представлению. Так, Председатель Совета Федерации уже предложил изменить порядок формирования Высшей квалификационной коллегии судей. Сейчас в ней должно быть 29 человек, из которых 18 — судьи, избираемые самим судейским сообществом, 10 — специалисты, назначаемые Советом Федерации, и 1 — представитель Президента. Совет Федерации предлагает, чтобы в Коллегии был всего 21 представитель, из них судей — только 10. Причем они будут не избираться, а назначаться Советом Федерации по представлению Президента. Еще 10 человек — представители общественности, отбираемые Советом Федерации и 1 — делегат от Президента¹⁸. Учитывая подконтрольность

Совета Федерации Президенту, нетрудно понять ограничение независимости судебной власти в результате этой реформы.

Федеративное устройство

В 1990-е гг. субъектам Российской Федерации была предоставлена широкая автономия. Так, согласно Федеративному договору, республики в составе Российской Федерации обладают всей полномочиями государственной власти на своей территории (кроме тех полномочий, которые переданы в ведение федеральных органов) и являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений¹⁹. 1990-е годы стали поистине «парадом суверенитетов». Преобразования в этой области начались с формирования института полномочных представителей Президента. Основная цель этой реформы — усилить контроль Администрации Президента над субъектами Российской Федерации. В 1990-е гг. в регионах действовал институт полномочных представителей Президента. В регионы мог входить один или несколько субъектов²⁰. По новой реформе 13 мая 2000 г., основан институт полномочных представителей в федеральном округе. Всего было создано 7 округов, полпредам был предоставлен огромный аппарат, что заметно усилило контроль над субъектами. Далее, были отменены выборы губернаторов и президентов республик населением. С того момента Президент вносит кандидатуры на названные посты в региональные законодательные органы, а они утверждают или отклоняют эти кандидатуры. При этом, в случае несогласия с кандидатурой Президента, законодательный орган может быть распущен. Президент может и отрешить от должности регионального руководителя²¹. Следующей реформой в этом направлении стала постепенная отмена в регионах выборов по одномандатным округам и замена их выборами по партийным спискам²². Наконец, последний штрих в процесс ликвидации автономии субъектов Федерации был внесен отменой выборов депутатов Государственной думы по одномандатным округам, что заметно ослабит роль регионов в российском парламенте.

Ограничение непосредственной демократии и увеличение значения совещательных органов

Нынешний режим ограничил право народа на непосредственное изъяснение своей воли. По закону 1995 г., референдум не мог проводиться только в условиях военного или чрезвычайного положения, введенного на всей территории Российской Федерации, а также в течение трех месяцев после отмены военного или чрезвычайного

чайного положения²³. По новому закону 2004 г., референдум также не может проводиться в условиях военного или чрезвычайного положения в отдельной местности, в последний год полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы, Федерального Собрания и в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации²⁴.

Ограничение реального народовластия сопровождается в современной России созданием совещательных органов. Так, 1 сентября 2000 г. был создан Государственный совет²⁵, а 4 апреля 2005 г. образована Общественная палата²⁶. Нельзя исключать возможности постепенного вытеснения этими совещательными органами старых законодательных органов.

Итоги государственных реформ

Из приведенного выше мы видим установление тотального контроля Президента за всеми ветвями государственной власти и ограничение демократии. Однако этот процесс начался еще раньше прихода к власти Путина. Уже новая российская Конституция, принятая в 1993 г., сделала центральной фигурой государственной власти Президента. Обратим внимание, что ст. 80 Конституции называет его главой государства, а не какой-то одной ветви государственной власти.

Рассматривая обширные полномочия Президента²⁷, отметим, что в его руках соединены исполнительная, законодательная и судебная власть, что уже противоречит принципу разделения властей, закрепленному в ст. 10 этой же Конституции, и создает предпосылки для строительства диктатуры, чем и воспользовался Путин.

¹ Федеральное Собрание: Совет Федерации, Государственная Дума: Справочник. М., 1996-2000. Электронная версия. 1997-2000 // www.citiline.ru

² Бюллетень ЦИК РФ. 1994. № 1(12) // www.citiline.ru

³ Федеральное Собрание...

⁴ Там же.

⁵ www.edinros.ru

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 1999 г. «Об исполнении полномочий Президента Российской Федерации» // Сб. Указов Президента РФ. М., 2006. С. 38.

⁷ <http://www.dosye.ru>

⁸ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. СПб., 2000. С. 36.

⁹ Федеральный Конституционный закон № 2-ФКЗ от 17 декабря 1997 г. «О

Правительстве Российской Федерации» // Новый сборник законов Российской Федерации. М., 2003. С. 56.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 17 августа 1999 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Сб. Указов Президента РФ. М., 2006. С. 47.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации № 867 от 17 мая 2000 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Там же. С. 68.

¹² Указ Президента Российской Федерации № 314 от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Там же. С. 10.

¹³ Федеральный закон № 192-ФЗ от 5 декабря 1995 г. «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». Ст. 1 // Сб. законов РФ. М., 1999. С. 148.

¹⁴ Федеральный закон от 7 августа 2000 г. «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». Ст. 2,4 // Новый сб. законов РФ. М., 2003. С. 243.

¹⁵ Федеральный закон № 159-ФЗ от 11 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Статья 1 // www.constitution.ru

¹⁶ Федеральный закон № 175-ФЗ от 20 декабря 2002 г. «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации». Ст. 3 // Новый сб. законов РФ. М., 2003. С. 187.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ // www.constitution.ru

¹⁸ Законопроект по изменению ст. 10 и 17 ФЗ от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ» и ст. 29 и 31 от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» // <http://gazeta.ettatar.ru>

¹⁹ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (М., 31 марта 1992 г.). Ст. 3 // www.constitution.ru

²⁰ Указ Президента Российской Федерации № 696 от 9 июля 1996 г. «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в регионе Российской Федерации» // Сб. Указов Президента РФ. М., 2006. С. 15.

²¹ Федеральный закон № 159-ФЗ от 11 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Ст. 1 // www.constitution.ru

²² закон Санкт-Петербурга № 252-35 от 15 июня 2005 г. «О выборах депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга» // Собр. законодат. Санкт-Петербурга. СПб., 2006. С. 59.

²³ Федеральный конституционный закон № 2-ФКЗ от 10 октября 1995 г. «О референдуме Российской Федерации». Ст. 4 // Новый сб. законов РФ. М., 2003. С. 57.

²⁴ Федеральный конституционный закон №5-ФКЗ от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации». Ст. 7 // Сб. законов РФ. М., 2006. С. 235.

²⁵ Указ Президента Российской Федерации № 1602 от 1 сентября 2000 г. «О Государственном совете Российской Федерации» // Сб. Указов Президента РФ. М., 2006. С. 80.

²⁶ Федеральный закон N 32-ФЗ от 4 апреля 2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 29 декабря.

²⁷ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. СПб., 2000. С. 34 (ст. 83-91).

Г. О. Таргонский (Санкт-Петербург)

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЕТЬ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Обстановка, в которой в РФ зарождались демократические институты, включая основной законодательный орган страны, Государственную думу, не способствовала созданию трех независимых друг от друга ветвей власти. Исполнительная власть за все время существования думы не только грубо вмешивалась в ее работу, но и применяла к ней чисто репрессивные меры. Она, в лице Президента Б.Н. Ельцина, проигнорировала сам факт вынесения правительству вотума недоверия думой (1998 г.), а следовательно, и народом РФ, который «осуществляет свою власть... через органы государственной власти»¹.

Исходя из ст. 3 п. 1 Конституции РФ, согласно которой «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»², мы неизбежно приходим к неутешительному выводу: исполнительная власть подменяла другую ветвь власти и, следовательно, подменяла собой «единственный источник власти». Причин этому много: череда экономических кризисов, не утихающих до сих пор, ряд неудачных реформ, усугубляющих эти кризисы, социальная нестабильность, выражающаяся в народных выступлениях (например, «льготные бунты» в январе 2005 г.) и в прямых военных столкновениях (Северный Кавказ в целом, и Чечня в частности, в 1994–2006 гг.), международная нестабильность и т. д.

Исполнительная власть в создавшихся в связи с распадом СССР и рождением РФ условиях, несомненно, обязана была проявить всю

жесткость и упорство в решении устрашающего количества проблем. Но если выступать за создание подлинного гражданского общества и в то же время грубо и явно нарушать его основы, то официальные стратегические планы в создавшихся условиях будут неизбежно принесены в жертву незначительным тактическим интересам. Все благие пожелания и стремления останутся в виде нереализованных «бумажных вариантов». А в создавшейся экономической и геополитической обстановке формирование гражданского общества с независимыми друг от друга ветвями власти и с имеющими широкие полномочия органами местного самоуправления является первостепенной задачей. Централизация экономическая должна проводиться синхронно с децентрализацией политической, а точнее, организационно-управленческой. Передавая ряд полномочий Центра властям на местах и одного госаппарата другому, можно не только эффективно распределить объем работы, но и увеличить число наблюдателей за адекватным выполнением народных требований, сохранить РФ как «демократическое федеративное государство с республиканской формой правления». Таким образом, можно снизить уровень бюрократизации и коррумпированности власти, вернуть утраченное народом доверие к демократической форме правления. Дополнительные органы гражданского контроля дадут возможность народу влиять на принятие того или иного решения непосредственно. Следует согласиться с видным деятелем Французской буржуазной революции Ж.-П. Маратом, который еще на заре утверждения демократической формы правления, основанной на либеральных ценностях, утверждал: «Чтобы сохранить свободу, следует постоянно наблюдать за правительством»³. Он указал также на благотворное влияние всякого рода референдумов как прямого волеизъявления народа, которые, надо признаться, абсолютно не практикуются в РФ: «Утратив возможность осуществления своих прав, народ понемногу утратил и самые сведения о них...», ведь «первый удар, который государи наносят свободе, состоит не в том, чтобы резко нарушать законы, а в том, чтобы заставить их забыть. Дабы заковать в цепи народы, их, прежде всего, усыпляют»⁴.

Как видно, более 200 лет назад перед юным демократическим государством Францией стояла та же проблема, что и перед юным государством с аналогичной формой правления — современной Россией. Проблема эта заключалась в необходимости разумно ограничить роль исполнительной ветви власти в управлении государ-

ством. Существовала подобная проблема и на заре отечественного парламентаризма в Российской империи в 1905-1917 гг.

В царской России, как и в современной РФ, основным инициатором кардинальных перемен в жизни общества и выразителем потребностей широких народных масс в этих самых переменах являлись (и, соответственно, являются) молодежные по своему составу партии. Чем активнее эти партии принимают участие в парламентской работе, тем радикальнее, эффективнее разрешаются коренные противоречия в государстве и в обществе.

Парламентаризм в царской России зарождался по инициативе «сверху», благодаря активному давлению на власть «снизу». Эта особенность во многом предопределила «половинчатость» законодательской реформы в Российской империи, вскрыла неспособность царского правительства (полуфеодалного по сути, стремящегося к абсолютизму и этатизму) «самодержавно» управлять тем «клубком противоречий», которым являлось второе по величине (после Британской империи) государство мира.

Противоречия эти заключались, главным образом, в несоответствии сложившихся экономических отношений институту распределения и управления (сюда отнесем министерства, полицию, армию, различные департаменты и, конечно, интересующее нас Законодательное собрание). Старый государственный аппарат, относительно эффективно функционирующий в России середины XIX в. (в стране с преобладанием натурального хозяйства), в условиях активной модернизации и индустриализации производства не только не смог разрешить создавшиеся экономические противоречия, но и усугубил их. Противоречия, в свою очередь, способствовали экономическому отставанию России на международной арене, в результате чего к 1900 г. «вывоз капитала, столь типичный для развитых стран Запада, в России не играл большой роли. Наоборот, ввиду большой потребности в средствах она ввозила капиталов значительно больше, чем вывозила. Причем основная часть иностранных займов носила государственный характер и расходовалась крайне непроизводительно... Это ставило Россию в известную экономическую, а отчасти и политическую зависимость от стран-кредиторов»⁵. Тогдашнее предкризисное положение до боли напоминает обстановку в РФ в 1990-х гг.: та же неспособность власти адекватно реагировать на экономические изменения, то же стремление к иностранным кредитам, которые могут привести к усилению влияния тех или иных экономических и политических между-

народных группировок на государственные процессы, то же неэффективное распределение полученных ресурсов. Результаты проведения тогдашней и современной «кредитной» политики также весьма схожи: как и РФ, царская Россия столкнулась и с расколом общества на бедных и богатых, и с ростом безработицы (в 1900 г. только в Европейской России насчитывалось свыше 23 млн «лишних рук»⁶), и с проблемой реформы армии и других силовых ведомств, и с возросшим уровнем бюрократизации и казнокрадства в чиновнических ведомствах, вызвавшим активный протест со стороны общества («...противодействие равняется действию, и странно удивляться, что дикий произвол полиции вызывает дикую подчас ярость народа»⁷, — писал об этом Г. В. Плеханов).

Думается, современные политики должны учитывать ошибки прошлого и последствия этих ошибок. Для формирования в России гражданского общества необходимо: подлинное разделение властей, создание отвечающих современным реалиям законов и привлечение народа к решению важнейших для общества проблем.

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями от 9 июня 2001 г.). СПб., 2002. С.4.

² Там же.

³ Марат Ж.-П. Избранные произведения. М., 1956. Т. 1. С. 140.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Вулдаков В. П. Пролетариат в трех российских революциях. М., 1987. С. 8-9.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении: Ст. 1885–1903 гг. Л., 1989. С. 127.

Б. Б. Романов (Санкт-Петербург)

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ (На примере Санкт-Петербурга)

При рассмотрении любой политической организации можно выделить две сферы деятельности: парламентскую и непарламентскую. Они не исключают друг друга, а дополняют.

В случае если мы говорим о молодежных политических организациях, то можно представлять сегодня пока только одну сферу — непарламентскую. Было много попыток создавать молодежную думу в городе, но все они не увенчались успехом, так как проводилась эта инициатива сверху, и никакие реальные живые молодежные организации туда не смогли попасть. Имеются в виду, конечно, молодежные организации политических партий.

В 2006 г. возникла такая ситуация, когда сфера политическая очень быстро была вытеснена развлекательной сферой. Под развлекательной сферой имеется в виду и показ на ТВ различных реалити-шоу, и беспрецедентный рост «уголовных программ», рассказывающих об изнасилованиях и других преступлениях в прайм-тайм. Но политическая сфера вытесняется не только из телевидения, мы не видим политики ни в Государственной думе, ни в ЗакСе, ни, что не удивительно. Действительно, ситуация, когда молодые французы выходят на площади, захватывают университеты, дерутся с полицией только из-за введения одного закона «О новом трудовом договоре», облегчающем процедуру увольнения молодых сотрудников, совершенно отличается от той, которую мы наблюдаем в России. Полтора миллиона студентов, вышедших на улицы во Франции, понимают, почему они это сделали, но, что важнее, и

осознают, что своими действиями могут что-то изменить, они верят в свои силы.

Теперь вернемся в Петербург. Аполитичность студенчества достигает 80%. Людям просто неинтересна политика. Они не видят ее практического применения, они привыкают решать вопросы по-любовно: начиная от поступления в вуз и заканчивая отсрочкой от армии, люди привыкли платить и без «лишней шумихи» жить дальше. На тех же, кто высказывает интерес к политике, смотрят, как на людей не от мира сего, фанатиков. Таких «фанатиков», участвующих в молодежных организациях (оппозиционных), наберется максимум 300 человек, думается, и эта цифра слишком высока, поскольку по статистике всего в Петербурге в политике участвуют около 3000 человек, включая депутатов оппозиционных и консервативных партий.

Итак, имея такую деформированную политическую сферу, когда все меньше и меньше возможностей остается для влияния на политическую жизнь в стране, будем иметь искаженные и молодежные организации. Развиваясь в ненормальных условиях, когда нет реальной оппозиционной партии в ЗакСе, доступных СМИ (канал «СТО» не в счет, потому что это такая же видимость дискуссии, как и у В.Познера в его «Временах»), молодежные организации также будут иметь авторитарные проблемы. Кроме недостатка свободы есть недостаток просвещения в самом обществе, у нас слабые гражданские организации. Это все взаимосвязано, так как все это характеристики гражданского общества, которого у нас, к сожалению, просто нет, если мы уже начинаем плодить некоммерческие организации административным путем.

Молодежные политические организации можно сегодня разделить на партийные и непартийные. Причем вторых появляется все больше, и именно на этом поле мы замечаем наибольшую активность. Связано это опять же со слабостью партийных структур, с утратой доверия к партиям как таковым и, соответственно, к партийным молодежным структурам как представителям интересов данной партии. Развиваются различные коалиции, ассоциации. Главные принципы таких организаций — непартийность, предельная широта взглядов от левых до правых. Обычно такие «надорганизации» создаются против какой-то определенной темы, которая волнует все политические силы: борьба с фашизмом, «путинизм», противодействие отмене отсрочек от армии. Например, антифашистская ассоциация «Идущие без Путина», «За демократиче-

скую АГС» (АГС — Альтернативная гражданская служба), «Оборона».

К слову сказать, этот процесс характерен не только для молодежных организаций, но и для самих партий, например ПГС «Петербургское гражданское сопротивление», «Демократическое совещание», Республиканская партия, «Наш выбор». Во многом все эти классификации условны, потому что очень часто можно увидеть одних и тех же людей в пяти-шести разных организациях. Молодежные организации имеют сегодня достаточно ограниченный ресурс воздействия на власть. И даже когда они выдвигают какую-то положительную инициативу, власти используют ее в своих целях. Например, молодежное «Яблоко» долгое время занималось проблемой проездных карточек для студентов. Сколько они ни бились, ничего правительство не делало. Но с начала 2006 г. карточки для студентов, учащихся на платной основе, станут бесплатными. Нашлись и были выделены деньги. Но не под воздействием многотысячного митинга сторонников молодежного союза «Яблока», а вследствие великодушия нашего губернатора.

Молодежные организации левого толка: АКМ (Авангард красной молодежи), нацболы, Рабочая демократия, анархисты ориентируются исключительно на эпатажные шумные уличные акции. Их тактика — привлечь внимание. В течение последних лет такая стратегия становится главной для всех молодежных организаций и даже политических партий. Это свидетельствует о том, что политическая оппозиция все больше маргинализуется, т.е. утрачивает понятные рычаги воздействия на политику.

Соответственно, процесс слияния и объединения молодежи в ассоциацию стоит сегодня на повестке дня. Площадкой для объединения может стать, например, непартийная гражданская коалиция «Оборона». Принципиальная независимость от какой-либо партии и условная возможность создания самой общей идеологической базы (на уровне: за демократию — против авторитаризма; за честные выборы, за защиту парламентаризма, за свободу и открытость общества) — это вопросы сегодняшней оппозиции. Пока в Петербурге молодежь не ставит практических проблем (проблемы студенческих общежитий, низких стипендий, обмана в трудовых агентствах, получения высшего образования), что очень обедняет ее идеологическую базу. Причин такого положения много: это и консерватизм современного студента, и политическая безграмотность, и дискредитация общественно-политической жизни.

Одна из важнейших задач сегодняшних молодежных организаций—переломить эту ситуацию. Но для этого необходимо искать новые формы информирования и донесения своих идей до студенчества.

Д. М. Трещёв (Санкт-Петербург)

**МОЛОДЕЖНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ И ИХ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ
МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ
(На примере Северо-Западного федерального округа РФ)**

Жизнь современной молодежи пришлось пережить на годы преобразований, когда формируется молодое российское государство. Реформы могут быть успешными только при активном участии в них молодого поколения. Важно, чтобы в настоящее время молодые граждане были готовы к активному взаимодействию с государством, участию в решении различных проблем, существующих в современном обществе.

Однако механизм участия молодежи в управлении государством сегодня несовершенен. Доля молодых граждан в органах законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления крайне мала. Существует проблема отсутствия на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации комплексных программ, обеспечивающих организованное и последовательное привлечение наиболее подготовленных молодых людей на государственную и муниципальную службу, их эффективное участие в делах страны и ее регионов.

Для разрешения вышеуказанных проблем необходимо формирование действенных структур по защите прав и законных интересов молодежи. Значительным шагом в этом направлении стало создание общественных консультативно-совещательных структур молодежи, к которым относятся различные формы молодежного парламентаризма, активно развивающегося в нашей стране. Вовлечение молодежи в политическую жизнь — приоритетное направление деятельности государства, так как этот процесс имеет важнейшее зна-

чение, если мы действительно намерены построить более демократическое, солидарное и процветающее общество. Участие в становлении демократических институтов общества не сводится к голосованию или выдвижению своей кандидатуры на выборах. Активная гражданская позиция предполагает реализацию прав и обязанностей молодежи в целях построения эффективного и конкурентного государства.

Молодежный парламентаризм — это форма молодежного самоуправления, предполагающая создание молодежных общественных структур при органах законодательной и исполнительной власти. Молодежные парламенты также являются формой воспитательной и образовательной работы.

Целью всех молодежных парламентов является активное участие молодежи в формировании и реализации молодежной политики в муниципальных образованиях, регионах, в стране. Механизмы взаимодействия с властью различны, но сводятся к нескольким основополагающим принципам.

1. Молодежи лучше видны все проблемы и пробелы в реализации молодежной политики.

2. Получив достаточную правовую базу, участвуя в деятельности парламента, молодежь способна сама генерировать и предлагать изменения и дополнения в действующие законы.

3. Все органы власти заинтересованы в проведении эффективной молодежной политики, поэтому в большинстве случаев активно взаимодействуют с молодежными парламентами.

Такая форма деятельности позволяет молодежи быть услышанной властями и активизировать представителей власти и молодежи для совместного решения молодежных проблем.

Молодежные парламентские структуры формируют активную гражданскую позицию у той молодежи, которая осознает себя частью гражданского общества. И уже эта молодежь путем проведения различных мероприятий помогает своим сверстникам выработать свою гражданскую позицию.

Среди основных тенденций в развитии молодежных парламентских структур Северо-Западного федерального округа России (далее — ФО):

1) уменьшение численности молодежных парламентов (большая функциональность);

2) улучшение отношений с органами государственной власти и местного самоуправления.

Только политически активная молодежь может отстоять свои права. Начинать нужно с малого. А именно, со своего родного города, чем и занимаются члены молодежных парламентов СЗ ФО. Об этом свидетельствует большое число программ для молодежи, например: «Я — Архангелогородец», «Школа молодого политика» в Вологодской области, «Школа лидерства» в Калининградской области, «Правовые лагеря» в Санкт-Петербурге.

В настоящее время молодежные парламенты существуют в большинстве субъектов СЗ ФО Российской Федерации (Санкт-Петербург, Калининградская, Новгородская, Псковская области и т.д.), а в остальных регионах — создаются (например, Мурманская область).

Осознание ценности такого субъекта государственной молодежной политики, как общественные консультативно-совещательные структуры молодежи, выявляет потребность в координации процесса становления их в регионах. Поэтому необходимо создание координационных советов по взаимодействию с молодежными парламентскими структурами при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах. Эти координационные советы являлись бы совещательными и консультативными органами, в состав которых вошли бы представители молодежных парламентских структур соответствующего региона.

При этом важно, чтобы это был не только еще один орган, который выберет председателя, заместителя и ответственного секретаря, но в его составе должны быть образованы комиссии:

1) по правовым вопросам;

2) по общественно-полезным инициативам;

3) по культуре, досугу и спорту;

4) по информации, межрегиональным и международным отношениям;

5) по связям с общественностью.

Список возможных комиссий не является исчерпывающим.

Целями и задачами подобных координационных советов явились бы:

1) взаимодействие молодежных парламентских структур округа;

2) популяризация и пропаганда идей молодежного парламентаризма в ФО РФ;

3) обмен опытом между молодежными парламентскими структурами ФО РФ;

4) проведение стажировок членов молодежных парламентских структур в ФО РФ;

5) обеспечение и развитие взаимодействия молодежных парламентских структур ФО РФ;

6) проведение совместных мероприятий молодежными парламентскими структурами ФО РФ;

7) помощь в подготовке и организации выборов в молодежные парламентские структуры ФО РФ;

8) подготовка и проведение конференций, олимпиад и конкурсов, посвященных молодежи и ее роли в жизни государства;

9) отстаивание интересов молодежи на уровне каждого субъекта ФО РФ, на уровне всего ФО РФ, а также на уровне РФ;

10) формирование и подготовка кадрового резерва для органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления из числа молодежи.

Можно констатировать, что молодежное парламентское движение в России укрепилось и продолжает развиваться. Назрела необходимость создания отдельной программы «Развитие молодежного парламентаризма в Российской Федерации».

Бытует мнение, что молодежные парламентские структуры создаются всего лишь как клубы по интересам, но можно утверждать, что данное мнение является ошибочным. Ведь молодежные парламентские структуры реально влияют на молодежную политику в своем регионе. Недавно в Республике Коми была вероятность того, что программу «Молодежь Республики Коми» заменят планом в бюджете Республики, но благодаря молодежному парламенту программа была сохранена.

Примеров можно приводить много. Но иногда органы власти используют создание молодежных парламентских структур в личных предвыборных интересах, например, создание молодежного правительства Архангельской области, которое после выборов главы региона перестало существовать.

Снова подчеркну, что считаю нужным создание координационных советов при полномочных представителях Президента с целью координации деятельности молодежных парламентов федерального округа, популяризации идей парламентаризма, а также информирования представителей Президента о состоянии молодежи в округе с целью улучшения положения работы с молодежью.

Важную роль при функционировании молодежных парламентских структур играют и избирательные комиссии регионов. При

подобном сотрудничестве повышается уровень политической и правовой грамотности молодых людей. Одним из примеров такого сотрудничества можно назвать конкурс «Моя законодательная инициатива», который проходил в конце прошлого года в Санкт-Петербурге. А особое сотрудничество должно быть в муниципальных образованиях у избирательных комиссий с молодежными парламентами. Ведь не секрет, что часто выборы в муниципальных образованиях (реже — на региональном уровне) признаются несостоявшимися из-за низкой явки, как говорилось выше. Люди не ходят на выборы по многим причинам, среди которых и апатичность общества, и отсутствие времени (например, если выборы проходят в летний период). Но основных причин можно выделить две:

1) отсутствие доверия избирателей к кандидатам;

2) плохая организационная работа с избирателями и отсутствие воспитания молодых избирателей.

Проблемы можно решать уже сейчас и именно с помощью молодежных парламентов. Некоторые члены, например, Калининградской молодежной парламентской ассамблеи стали депутатами муниципальных образований. Поэтому молодежные парламентские структуры в муниципалитетах являются основным источником кадров для муниципальных советов, особенно после принятия закона «О местном самоуправлении». Избиратели да и сам кандидат заранее будут знать, на что он способен и сможет ли что-то сделать уже во «взрослой» парламентской структуре.

Можно с уверенностью сказать, что молодежные парламенты — это та общественная структура, которая уже включает в себя лидеров и подготавливает новых. Важно, чтобы лидеры воспитывались в традициях соблюдения всех законов, чтобы их правовая и политическая культура была на высоком уровне, и тогда именно они будут «активировать» гражданскую позицию своих сверстников, друзей, знакомых. Поэтому одной из основных задач молодежных парламентов является также поиск лидеров и привлечение их к работе. Такие люди есть, и они принимают активное участие в акциях молодежных парламентов. Главное — поддерживать их деятельность.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово. *Артёмов Е. Г.* 3

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ И ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

<i>Тот Ю.В.</i> Первые дни российского парламентаризма (Открытие и начало деятельности I Государственной думы)	7
<i>Флоринский М. Ф.</i> К истории взаимоотношений между законодательной и исполнительной ветвями власти в России в период думской монархии	20
<i>Твердюкова Е. Д.</i> РСДРП и избирательная кампания в I Государственную думу	35
<i>Беспалов С. В.</i> Аграрный вопрос в деятельности думских либералов (1906-1910)	52
<i>Патрикеева О. А.</i> Российская общественность и печать о победе кадетов на выборах в I Государственную думу Российской империи	62
<i>Петров С. Г.</i> Граф П. А. Гейден: путь в I Государственную думу	72
<i>Самойлова Е. Г.</i> Разработка проектов народного представительства в столичных кругах интеллигентов-консерваторов	77
<i>Кравцова Е. С.</i> Политические партии России в начале XX столетия о реформировании фискальной системы государства	87
<i>Зоць С. А.</i> Парламентаризм в представлениях М.М.Ковалевского	92
<i>Пиджаков А.Ю., Овчинникова А. В.</i> Л. И. Петражицкий — политический деятель, депутат I Государственной думы, ученый	101
<i>Романовский В. К.</i> Н. В. Устрялов о проблемах становления российского парламентаризма	109
<i>Салтык Г. А.</i> Депутаты-куряне в истории российского парламентаризма	115
<i>Тарасова И. С.</i> Рязанский депутатский корпус в Государственной думе I и II созывов в 1906-1907 гг.	124
<i>Соколов А. С.</i> Ученые-финансисты — депутаты Государственной думы (страницы биографии Н. Н. Кутлера и А. Г. Хрушова)	133

<i>Стогов Д. И.</i> Проблема роспуска I и II Государственных дум и петербургские политические салоны	140
<i>Остапчук Л. Б.</i> П. А. Столыпин и российский парламентаризм	152
<i>Федоров М. В.</i> «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и закрытие Государственной думы в 1917 г.	159
<i>Смолин А. В.</i> Частные совещания Временного комитета Государственной думы и их роль в формировании идеологии Белого движения	169
<i>Гордеев П. Н.</i> Дума и Совет: два парламента (по материалам революционного Кронштадта)	177
<i>Егоренкова О. В.</i> В.М.Чернов — председатель Учредительного собрания	187
<i>Кулегин А.М.</i> «Союз защиты Учредительного собрания»: создание и деятельность (на материалах Государственного музея политической истории России)	199
<i>Ходяков М. В.</i> Политические лидеры Всероссийского Учредительного собрания и проблема согласования государственных и региональных интересов	207
<i>Базанов П. Н.</i> Политическая и издательская деятельность латвийского и эстонского отделов Трудовой Крестьянской Партии — «Крестьянской России» в период избирательных кампаний в местные парламенты	214
<i>Крайнов Г. Н.</i> Эмигрантские источники по истории непролетарских партий России	223
<i>Гребенкин И. Н.</i> Василий Витальевич Шульгин: опыт социального и политического пророчества	234
РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.	
<i>Польнов М. Ф.</i> Объективные и субъективные предпосылки перестройки в СССР	239
<i>Сиянов В. Н.</i> Политические лидеры и традиционное общество	249
<i>Никифорова Л. Ю.</i> Коммуникативные стратегии молодежных политических организаций как предмет психологического изучения	258
<i>Тарасова Е. А.</i> Депутатские группы Съезда народных депутатов РСФСР-РФ в 1990-1993 гг.	269
<i>Тарасов О. А.</i> Деятельность рязанских региональных отделений политических партий во время парламентских выборов 1993 г.	279

<i>Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.</i> К вопросу о теории и практике построения имиджа политического лидера в России	292	<i>Рассторопов Д. М.</i> Вопрос сектантства в Российском парламенте 1990–2000 гг. Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» ..	416
<i>Денисов С. А.</i> Трансформация Федерального Собрания: от законодательного к законорегистрационному органу	300	<i>Кузнецов М. В.</i> Государственно-политическая система России в начале XXI в: изменения и тенденции	423
<i>Ерзин Э. А.</i> Два этапа парламентаризма в России: сходство и своеобразие	309	<i>Таргонский Г. О.</i> Исполнительная ветвь власти в современной политической системе России	431
<i>Жуков В. В., Масалимов Р. Н.</i> Второе пришествие демократии в Россию	320	<i>Романов Б. Б.</i> Влияние молодежных организаций на политическую ситуацию (на примере Санкт-Петербурга)	435
<i>Жуков В. Ю.</i> Контент-анализ названий политических партий новой России (на материал избирательных бюллетеней парламентских выборов 1995 и 1999 г.)	326	<i>Трещёв Д. М.</i> Молодежные парламенты и их роль в формировании гражданской позиции молодых избирателей (на примере Северо-Западного федерального округа РФ)	439
<i>Курманов М. М.</i> Гарантируются ли политические права граждан при реформировании органов государственной власти субъектов Российской Федерации?	335		
<i>Цветикова В. Ф.</i> Общественно-политические движения и партии в Чеченской Республике в 90-е годы XX в	341		
<i>Калмыков А. Г.</i> Научное и экспозиционное освоение думской коллекции Государственного музея политической истории России в 1991–2006 гг.	347		

МОЛОДЕЖЬ О ПОЛИТИКЕ

<i>Бадер А. А.</i> Правомонархические организации в Государственных думах	359
<i>Ермошко А. Г.</i> Деятельность I Государственной думы в воспоминаниях князя В. А. Оболенского	365
<i>Маслова Е. Л.</i> Ленинградское отделение Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев как феномен многопартийного объединения в советское время (1923-1935)	373
<i>Цыкало Ю. С.</i> Айсберг российских политических финансов: к вопросу о финансировании политических партий России	379
<i>Коврижных А. А.</i> Коммунистические организации в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 1989-1993 гг.: опыт исследования	387
<i>Глебов Д. В., Пряхин А. Ю.</i> Социально-экономические проблемы молодежи и попытка их решения молодежными политическими организациями	395
<i>Рехвиашвили К. Г.</i> Экономические преобразования России в 1992 г.: «шоковая терапия» и альтернативные проекты Съезда народных депутатов	401
<i>Изотова Л. М.</i> Проекты Конституции РФ, подготовленные политическими партиями и объединениями в 1990-1993 гг.	408

Научное издание

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник статей

Печатается без издательского редактирования

Корректор *Г. А. Морген*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Верстка *Е. М. Воронковой*

Подписано в печать 27.12.2006. Формат 60x84 Vic-
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.
Уч.-изд. л. 27,6. Тираж 1000 экз. Заказ № 82

Издательство СПбГУ.

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

Е-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

Е-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41